

эмпиризма жизни [15, с. 95]. Если сравнивать это традиционное представление западных философов с той исходной установкой, которую можно считать началом буддийской философии, то последняя направлена на преодоление трагедии существования человека и других живых существ, обреченных жить в круговороте страдания. Будде в состоянии просветления открылись в полноте истина страдания и фундаментальная зависимость факта страдания от искаженного восприятия реальности и цепляния за искаженные образы бытия, а также то, что эти искажения не присущи природе сознания и не являются его естественными функциями. Буддийский философ – это мудрец, чье знание об абсолютной природе реальности, конечном способе существования вещей внешнего мира, сознания и индивидуального «я» служит радикальным средством освобождения от страданий и их причин, коренящихся в неправильном функционировании сознания. В конечном учении Будды, представленном Махаяной, собственная свобода индивида не мыслится отдельно от освобождения других. Существенно то, что буддийские мастера признают существование конечного воззрения и конечного смысла Учения Будды. Поэтому в буддийской философии в принципе не может возникнуть совершенно новая теория реальности или доктрина сознания, которая не была бы изложена Буддой. Что же тогда эвристически ценного содержится в буддийской философии и философия ли она вообще?

Образ буддизма строится учеными, как правило, сквозь призму стереотипов западного мышления. Поэтому буддологи либо вообще не находят в буддизме философии, говоря, что буддийские тексты излагают «психологическую теорию познания», фундирующую религиозный опыт, как, например, Э.Граф, немецкий переводчик и исследователь «Ланкаватара-сутры» [22]. Либо не понимают ее специфики в сравнении с небуддийскими типами философии и описывают в категориях западной философии. Либо ошибочно утверждается, что логический рационализм был необходим буддистам лишь для утверждения собственных учений в противовес другим. Несостоятельна также релятивистская трактовка прагматизма проповедей Будды, в рамках которой считается, что «Дхармы вообще нет; есть только дхарма, изложенная для кого-то, где-то и когда-то» [1]. Это означает отрицание возможности общего и систематического представления философской доктрины буддизма и, в конечном счете, приводит к выводу, что собственно философии в буддизме нет, а есть

«уловки», предназначенные для интеллектуалов, ученых монахов, «несущих бремя книги», тогда как были и другие монахи, «несущие бремя медитации». Происходит отрыв медитации от философии и искажение сути буддизма. Чрезмерная интеллектуализация буддизма, по словам Далай-ламы, «может убить созерцательные практики». С другой стороны, чрезмерное акцентирование внимания на медитации «может убить понимание» [10].

Был ли сам Будда философом? Ведь он молчал в ответ на метафизические вопросы, рассмотрение которых считается признаком философии. А Слово Будды, например, «Суттаниппата», «Ланкаватара-сутра» и некоторые другие тексты, содержат даже прямую критику в адрес «философов» и «философии». Но не только и не столько Слово Будды, сколько молчание Будды имеет глубокий философский смысл. Способ интерпретации молчания Будды и причин молчания зависит от нашего понимания того, кем был Будда. Он молчал не потому, что не имел ответов. Рассказывают, что однажды Будда взял в руки горсть листьев и сказал, что все то, чему он учил, подобно этой горсти листьев, а то, чему он не учил, подобно всем листьям в этом лесу. Если бы Будда был просто философом – с точки зрения западного понятия философии, он дал бы ответы на все метафизические вопросы, которые возникали у учеников. Но он молчал. Распространено мнение, что Будда молчал, потому что ответы на метафизические вопросы не имеют отношения к освобождению. Но как объяснил Нагарджуна, эти вопросы (в индотибетской традиции их – 14) были некорректно сформулированы – в рамках субстанциализма. Логика, субстанциализирующая бытие, не в силах выразить таковость, конечный способ существования реальности, – как его знает Будда. Философия Будды и возникшая на основе Слова Будды буддийская философия выражают принципиально более сложный тип мышления, невыразимый средствами небуддийской логики и небуддийского философского языка. Критика «философов» в «Ланкаватара-сутре» ошибочно трактуется западными исследователями (Э.Граф) как «антифилософская» суть буддизма. На самом деле смысл этой критики, если следовать тексту сутры, таков: философы, которые «зависят от идеи бытия и небытия» не способны прийти к состоянию «высшей цели самореализации» [10]; необходим принцип срединности, защищающий философа от впадения в крайности нигилизма и субстанциализма. Срединная философия, обоснованная в трудах Нагарджуны

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Выпуск 14

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Журнал включен Высшей аттестационной комиссией в Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук

ИЗДАТЕЛЬСТВО

Улан-Удэ

2012

Редакционный совет «Вестника БГУ»

С.В. Калмыков, чл.-кор. РАО, д-р пед. наук, проф. (председатель);
И.К. Шаранхаев, канд. физ.-мат. наук, доц. (зам. председателя);
Н.Н. Татарникова (зам. председателя); М.В. Бадмаева, д-р филос. наук, доц.;
Т.С. Базарова, канд. пед. наук, доц.; Д.И. Бураев, д-р ист. наук, проф.;
А.В. Гаськов, д-р пед. наук, проф.; Н.Ж. Дагбаева, д-р пед. наук, проф.;
Ц.З. Доржиев, д-р биол. наук, проф.; С.С. Имхелова, д-р филол. наук, проф.;
Л.П. Ковалева, канд. филол. наук, проф.; К.Б.-М. Митупов, д-р ист. наук,
проф.; В.Е. Хитрихеев, д-р мед. наук, проф.; И.И. Осинский, д-р филос. наук,
проф.; М.Н. Очиров, д-р пед. наук, проф.; В.В. Хахинов, д-р хим. наук, проф.

Редакционная коллегия выпуска

И.И. Осинский, д-р филос. наук, проф. (гл. редактор); А.Н. Постников, д-р филос.
наук, проф. (зам. гл. редактора); Э.Д. Дагбаев, д-р социол. наук, проф. (зам. гл.
редактора); Л.Л. Абаева, д-р ист. наук, проф. (зам. гл. редактора);
Д.Ш. Цырендоржиева, д-р филос. наук, проф. (зам. гл. редактора); П.А. Чукреев,
д-р социол. наук, проф.; М.В. Бадмаева, д-р филос. наук, доц.; Л.Е. Янгутов,
д-р филос. наук, проф.; В.И. Коваленко, д-р филос. наук, проф.; О.Н. Козлова,
д-р филос. наук, проф.; В.Л. Кургузов, д-р культурологии, проф.; В.В. Мантатов,
д-р филос. наук, проф.; П.Ю. Саух, д-р филос. наук, проф.; Ц.Ц. Чойропов,
д-р социол. наук, проф.; А.М. Кузнецова, д-р филос. наук, доц. (отв. секретарь)

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Выпуск 14

ФИЛОСОФИЯ, СОЦИОЛОГИЯ, ПОЛИТОЛОГИЯ, КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Свидетельство о регистрации ПИ №ФС77-36 152 от 06 мая 2009 г.
Федеральная служба по надзору в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

В авторской редакции

Компьютерная верстка А.В. Доржиевой

Свидетельство о государственной аккредитации
№1289 от 23 декабря 2011 г.

Подписано в печать 19.11.2012. Формат 60 x 84 1/8.
Усл. печ. л. 21,97. Уч.-изд. л. 19,73 . Тираж 1000. Заказ 299.

Издательство Бурятского госуниверситета
670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а
riobsu@gmail.com

ФИЛОСОФИЯ

УДК 101+101

© И.С. Урбанаева

ЧТО ТАКОЕ ФИЛОСОФИЯ В КОНТЕКСТЕ ПРОБЛЕМЫ РЕАЛЬНОСТИ И СОЗНАНИЯ: ВВЕДЕНИЕ В СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ БУДДИЗМА И ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ ЗАПАДА

*Исследование ведется по гранту Президиума РАН «Буддийские тексты. Направление 4, № 33,
номер государственной регистрации 01201252890»

В статье рассмотрено, что такое философия в контексте проблемы реальности и сознания на основе сравнительного анализа базовых позиций буддизма и философской традиции Запада.

Ключевые слова: реальность, существование, мир, феномен, сознание, Декарт, Гуссерль, Мадхьямика, Нагарджуна, Чандракирти, пустота, медитация.

I.S. Urbanaeva

WHAT IS PHILOSOPHY IN THE CONTEXT OF THE PROBLEM OF REALITY AND MIND: INTRODUCTION INTO THE COMPARATIVE ANALYSES OF BUDDHISM AND WESTERN PHILOSOPHY

The article considers the notion of philosophy in the context of the problem of reality and mind. The author deals with comparative analysis of Buddhism and Western philosophy.

Key words: reality, existence, world, phenomenon, mind, Descartes, Husserl, Madhyamika, Nagarjuna, Candrakirti, emptiness, meditation.

В интеллектуальной традиции Запада до сегодняшнего дня философия представляется в основном как дело сознания, совершенно бесполезное для жизни познание «причин и начал», «знание общего», «знание и понимание ради самого знания и понимания» [2, с. 67]. Философия не связывается с какой-нибудь пользой, а представляет собой некую высшую, «божественную», роскошь, которую ищет человек свободный, обеспеченный всем необходимым, «что облегчает жизнь и доставляет удовольствие». Это знание, «несоразмерное человеку», то есть обычному человеку, погруженному в жизнь, и ему «не подобает» искать его [2, с. 69]. Оно понимается как занятие «свободного человека», который «живет ради самого себя, а не для другого». Верен этому образу философии и Декарт: несмотря на все свои революционные новации, он рассматривает философию как «всцело личное дело философствующего». Это понимание находит позже принципиальную поддержку Гуссерля, считавшего «картезианские медитации» «прообразом философского самоосмысления» [8, с. 13, 12] и оказавшего, пожалуй, наибольшее влияние на философию XX столетия. Сегодня этот образ философии как всегда индивидуального дела философа и его чистых cogitationes, не связанных с повседневной жи-

зней людей, воспроизводится в несколько более глубоких смыслах. Ибо происходит углубление общего интеллектуального контекста современности в результате влияния восточных традиций философствования, в особенности буддизма. Однако вопреки мощному интеллектуальному воздействию буддизма, его философии и практик медитации, находящихся сегодня широкое применение в западном обществе, западные (и русские) философы не изменяют традиционному пониманию философии. Весьма показательна позиция А.Пятигорского, индолога и исследователя буддизма, представителя эллинско-иудео-христианской интеллектуальной культуры, который вырос в России и много лет преподавал философию в Лондоне. Он, несмотря на свое основательное знакомство с буддийской классикой, в «Философии одного переулка» говорит вполне в аристотелевском духе: «Ценность философии в том, что она никому не нужна». Философ всегда «наблюдает не жизнь, а жизнь сознания». Можно утверждать, что это стало общей чертой западного философствования, что философия противопоставляется жизни, а чистое сознание – опыту. Философия, говорит в этом же духе Ортега-и-Гассет, – это «высшее умственное усилие», нечто сопряженное с «пределным интеллектуальным героизмом» и чистое от

познавательную, на коренном преобразовании этого феноменального мира и циклического бытия, называемого сансарой, на достижении субъектом нирваны как необходимого условия подлинного счастья. Метафизика же, по определению, находится в противоречии с жизнью и призвана дополнить посредством чистой субъективности ущербный эмпирический мир. Если чистое сознание западного философа – это концепт сознания, чистого от жизни и несовершенного явленного мира, то чистое сознание в буддийской философии – это сознание, чистое от неведения, то есть врожденного и приобретенного искаженного восприятия и понимания реальности, а также цепляния за эти ложные представления, и производных от неведения омрачающих ментальных факторов. В ходе буддийской практики, работы с собственным сознанием, последнее очищается, но не от объектов явленного мира, а от неадекватного способа восприятия реальности, от различных форм преувеличения онтологического статуса внешних и внутренних вещей, в том числе статуса «я» – воспринимающего и мыслящего субъекта. Буддисту нет необходимости дополнять действительность другой реальностью – «миром идей», «вещами-в-себе», «сущностью», «субстанцией», «Богом». Познание реальности, то есть пустоты, согласно высшему философскому воззрению – самопустоты (тиб. рангтонг), всех вещей внешнего мира, сознания и личности, освобождает субъекта от губительного порока цепляния за существующие «объективно» вещи, «я» и «мое» и кладет начало принципиально иной, чем в порочном круге циклического бытия, эволюции – по законам свободы. Медитация на абсолютном знании, Праджняпарамите, помогает сознанию полностью очиститься, раскрыть его потенциал и реализовать природу Будды (санскр. татхагатаграбха), имеющуюся у каждого живого существа, чтобы воспользоваться ее неограниченными способностями для оказания помощи страдающим существам сансары.

Хотя буддийская и западная философия принципиально сходятся в понимании абсолютной необходимости для философии того, что Гуссерль называет «фундаментальными корреляциями между познанием и предметностью познания» [7, с. 84], буддийский подход к решению проблемы реальности и сознания представляется не только теоретически более состоятельным, но и практически весьма эффективным. Тогда как философская мысль Запада, поняв важность правильной постановки и решения этой проблемы, лишь все больше увязает в про-

блеме корреляции познания, смысла познания и объекта познания. Реальность предстает западным философам «смутной и требует выведения к ясности до тех пор, пока не обретет почву познания, почву прямого усмотрения достоверности, на которой (рефлексивно или нет) строится, базируется и реализуется наша уверенность в устойчивом мире» [13, с. 10]. Но путь европейской философии к истине порой кажется вопреки героическим интеллектуальным усилиям философов лишенным обнадеживающей перспективы. Гуссерль констатирует постоянную опасность «впасть в скептицизм, или, что еще хуже, какую-нибудь из различных форм скептицизма, отличительный признак которых – бессмыслица». Он вынужден предположить вслед за Кантом, что «познание есть, вероятно, только человеческое познание, привязанное к человеческим интеллектуальным формам, неспособное постичь природу самих вещей, вещь в себе» [7, с. 80].

Хосе Игнасио Кабезон, известный американский переводчик с тибетского и исследователь буддизма, не случайно сделал известную цитату, с которой начинается «Метафизика» Аристотеля, эпиграфом введения к своему аннотированному переводу текста «Stong thun chen mo», принадлежащего перу Кхедруба Гелег Пелсанга (XV в.), ученика основателя тибетской школы Гелуг Дже Цонкапы. Кабезон признает, что это аристотелевское положение, раскрывающее исходную стратегию европейского философствования, близко и буддизму. Он пишет, что и мы, буддисты, тоже можем сказать, что «это естественно для человеческих существ – познавать и стремиться к познанию», в смысле познания «истинной природы вещей», того, что скрыто в вещах, что лежит за пределами их видимости [20, с. 1]. При этом косвенно он указывает, правда, не говоря об этом прямо, что то, о чем западные философы хотя и начали догадываться, начиная с платоновского мифа о пещере, рационалистически оформившегося в декартовском сомнении, которое, в свою очередь, стимулировало поворот европейской философии к трансцендентальной субъективности и феноменологии, и что они продолжали пытаться познать, совершая все новые и новые «героические усилия», в буддизме было познано две с половиной тысячи лет назад в теории пустоты.

Момент обнаружения того, что реальность вещей не сводима к их проявлениям, является, действительно, общим для небуддийских и буддийских философов и отличает тех и других от обычных людей, которые обходятся в жизни без

и Чандракирти, была изречена самим Буддой, а логически отточенное изложение она получила в школе Прасангики Мадхьямики. Понятию философии в Учении Будды соответствует санскритский термин «сиддханта» (тиб.: grub mtha'). Он встречается в Слове Будды и означает, согласно Чандракирти (VIII в.), «сферу доказанного», как это объясняется им в «Прасаннападе» («Разъяснение слов»), являющейся комментарием к «Праджнямуле» («Основы Мадхьямики») Нагарджуны. В тибетском языке термин «grub mtha'» означает «пределы доказанного», «установленное», «сформировавшееся учение». Буддийская духовная практика, будь то медитация, то есть отучение сознания от привычки к негативному образу мышления и приучение к правильному образу восприятия и мышления, или неформальная практика в повседневной жизни, по происхождению и по содержанию осуществляется в «пределах доказанного», на основе «установленного». Эффективность медитации, приводящей к осуществлению «высшей цели самореализации», то есть к состоянию Будды, зависит от философского преодоления границ субстанциализирующей логики – будь то объект-субъектный дуализм или индийское мышление по логике тетралеммы. Буддизм содержит богатый опыт глубокого исследования «фундаментальных и вечных вопросов о нашем существовании и мире, в котором живем» [11]. Вместе с тем, для буддиста важна не сама по себе вера в Слово Будды или в собственного учителя. Принципиально важным является не следование традициям, священным текстам, авторитету учителя или даже логическим рассуждениям, а опыт личного переживания и опытной проверки Дхармы на предмет отсутствия вреда и наличия пользы «всем и каждому», судя по четырем опорам, сформулированным Буддой в «Каламасутре» [12]. Философия и вера в буддизме признаются принципиально зависимыми друг от друга феноменами, вера является сущностью процесса достижения дальнейшего познания и «поэтому зовется Матерью Знания» [27]. Но без овладения логикой не понять механизмов реализации Дхармы. До Дже Цонкапы учение Дигнаги-Дхармакирти считалось в Тибете чисто интеллектуальным и не имеющим никакого отношения к духовной практике, полезным только для защиты буддийской доктрины в диспутах с иноверцами. Благодаря Цонкапе сформировалась традиция изучения праманы в качестве фундамента исследования и практики Дхармы. Весь корпус философского знания служит культивированию высшей мудрости. Она является

неконцептуальной формой духовного опыта, но этот опыт недостижим без точного логического определения объекта отрицания при медитации бессамости. В традиции Цонкапы придается наибольшее значение зависимости медитативной практики от глубины философии. Логика служит необходимым базисом познания пустоты как самопустоты (тиб. gangstong). Тибетское учение, излагаемое в текстах категории «Ламрим», объясняет Учение Будды как единственный и универсальный путь просветления, а также и то, что его презентация учитывает ментальные особенности учеников. Общая цель всех ян и региональных традиций буддизма – это развитие недвойственной мудрости, которая служит противоядием от недовольного восприятия реальности и Я, а также устраняет цепляние за неправильный способ восприятия и интерпретации, которые служат коренной причиной и механизмом воспроизводства сансары. Логические исследования и аналитическая медитация необходимы в этом процессе. Даже Цонкапа обосновал, что «сфера доказанного» – это универсальное единство абсолютной и относительной истины, достигаемое в постепенном процессе медитативного приучения ума к пребыванию в его природе. Будда Шакьямуни не возвестил новое Слово, не открыл ничего такого, что уже не существовало до него в качестве «старой дороги реальности». Он не является основателем религии или основоположником философского учения. Подходы тех, кто попытался бы «развить» буддийскую философию, не способны дать принципиально новых теорий, которые уже не входили бы в «сферу доказанного». Но буддийская философия существует и исторически развивается. Это достоверная презентация универсальной Дхармы освобождения, выполняемая во всех философских школах буддизма как презентация основы, пути и результата [19; 23]. Презентация имеет целью доказать теоретическими средствами принципиальную возможность результата, состояния Будды, и его достижимость для всех живых существ. Она раскрывает, во-первых, характер причинной зависимости результата от причин – метода и мудрости, образующих путь. Во-вторых, она объясняет, на какой основе достигается результат. Основой обретения результата, двух кай Будды, служат тело и сознание в их взаимозависимости, но не в их грубой, а в тончайшей форме, будучи двумя неразрывно связанными аспектами одного и того же – Я, которое существует всегда, продолжаясь в непрерывной линии перерождений [6]. Подробное объяснение с по-

мощью базовых теорий реальности и сознания этих механизмов причинной обусловленности, на основе которых достигается просветление ради помощи страдальцам сансары, и составляет предмет буддийской философии. Формы и методики презентации внутренней сути Учения исторически изменчивы, будучи обусловлены, во-первых, духовным потенциалом учеников (состояние кармических отпечатков, наличие духовных заслуг и др.), во-вторых, особенностями общественного сознания, социокультурными условиями и иными факторами. Четыре философские школы буддизма не являются альтернативными, конкурирующими направлениями истории буддийской мысли. Это – всегда актуальные способы последовательной презентации Учения Будды со стороны его философской теории, определяющей систему медитации, ведущей к просветлению. Для наших современников так же актуальны слова Нагарджуны из «*Ratnavali*», где он писал, что для тех, кто стремится к состоянию всеведения, есть три фундаментальных принципа: великое сострадание, бодхичитта и мудрость постижения пустоты. Поэтому буддийская философия – это исторически развивающаяся система знаний, неразрывно связанных с практикой медитации и служащих выходу мудреца за пределы бытия, сотканного из страданий, и достижения свободы от страданий и их причин. Понятие медитации (тиб. *sgom*) несет в себе смысл постепенного приучения ума к правильному и благому образу мышления с помощью теоретически обоснованных и эмпирически проверенных методов работы с сознанием. Медитация – необходимый инструмент превращения высшего философского знания («сферы доказанного») в мудрость арьев и архатов. В буддизме Махаяны медитация – это средство развития и реализации потенциала бодхисаттв. Рационализм буддийского типа основывается на более широкой, нежели в западной науке и феноменологии, базе феноменов, на более глубокой доктрине причинности и универсальной этике, охватывающей личной ответственностью всех живых существ.

Западный философ, говоря словами Аристотеля, – это «свободный» мыслитель, живущий «ради самого себя, а не для других», занятый поиском истины и готовый самоотверженно идти по этому пути, пусть даже впадая в отчаяние от дурной бесконечности метафизических исканий. Действительно, путь западной философии – это непрерывная аппроксимация, но никогда – не достижение истины. Она «богаче идеями, точками зрения и отдельными исследованиями,

нежели конечными результатами» [3, с. 3]. То, что она обречена на бесконечную аппроксимацию, хотя и добивается аподиктического обоснования существования мира и сознания, объясняется не только тем, что она есть «всецело личное дело философствующего», который устремляется к «подлинному знанию», избрав «в качестве начала абсолютную нищету познания» [7, с. 13]. Дело, как нам представляется, заключается в том общем для западного философствования типе ошибки, который присущ и «естественной установке», и критике очевидности «опыта», и всем последующим философским исследованиям Запада. Эта общая роковая ошибка заключается, во-первых, в самом допущении, что интеллектуальные ресурсы обычного человека, философствующего его, хотя бы и претендующего на самоочевидную данность актов чистого сознания, достаточны для того чтобы постичь природу вещей, как они есть, и способны дать аподиктическое обоснование реальности. Во-вторых, она состоит в субстанциализации существующего, в придании сущему преувеличенного онтологического статуса как чего-то существующего со своей стороны, независимо от наименования мыслью. В силу ошибки субстанциализации и приписывания реальному бытию вещам, не имеющим истинного существования, будь то объекты познания или познающий субъект, чистое сознание, трансцендентальное Я, западному философу кажется, что стоит ему «хорошо помыслить», исправив недостатки предшественников, как он достигнет подлинного, абсолютно несомненного, знания о реальности. Но этого не происходит. Философ (посткартезианской эпохи) занят в основном процессом обоснования возможности аподиктической, безусловной и неопровержимой истины о реальности. Для него внешний мир как реальность – нечто в принципе сомнительное. Представители феноменологической традиции, которая, как нам представляется, в философии после Канта в наибольшей степени более приближается к буддийской философии, усматривают основания аподиктического познания в «данностях» чистого мышления. Буддийский же философ располагает в своем исследовании реальности большим набором возможностей прямого и косвенного познания [5]. Кроме того, обязательным элементом постижения буддийским философом таковости, абсолютной природы всех феноменов, в том числе собственного сознания и личности, является медитация на пустоту, аналитическая и однонаправленная [23]. Наконец, прямое познание реальности, как она есть, без при-

писанных ей ложных, субстанциализирующих, концептов существования, невозможно обрести, как объясняется в буддизме, без накопления богатства духовных заслуг, обеспечивающего уровень ментальной энергии, необходимый для радикального устранения неведения и прозрения в абсолютную природу вещей. Иначе говоря, одним лишь интеллектуальным героизмом не постичь реальность, как она есть, напрямую. Помимо изучения философского воззрения высшей пробы, изложенного в Прасангике Мадхьямики, чтобы превратить его в Дхарму, являющуюся достоянием собственного сознания, философ должен выполнить героическую духовную работу по интенсивной медитации и накоплению заслуг. Настоящие герои – это бодхисаттвы, махаянские практики. Именно к ним в буддийских текстах прилагается этот эпитет. В западной традиции философствования «высшие усилия» связываются с интеллектуальным бесстрашием философствующего Ego, который в одиночку, всегда в одиночку, несмотря на наличие опыта чужого философствования до него, принимает вызов бытия, и чье абсолютное усмотрение несет полную ответственность за все здание науки, за продвижение к «подлинному знанию» и обоснование существующего. В буддизме же альтруистический сверхпомысел стать Буддой ради блага всех живых существ, рождающийся из великого сострадания, имеет даже большее значение, чем само по себе познание пустоты, Праджняпарамита. Ибо без бодхичитты, рождающейся из великого сострадания, невозможно устранить познавательные завесы к всеведению, как это объясняется в устной традиции тибетского буддизма. Поэтому не случайно в начале «Введения в Мадхьямику» основоположник Прасангики Мадхьямики Чандракирти (VII в.) выражает хвалу великому состраданию как корню бодхичитты и недвойственной мудрости, из которых рождаются бодхисаттвы [17, с. 33; 18, с. 75]. Так что настоящие герои – это бодхисаттвы, коих просветленный ум, бодхичитта, рождающаяся из великого сострадания, рассеивает все препятствия к полному познанию реальности, как она есть, и полноценной жизни совершенного существа.

На разных этапах европейской философии подчеркивалось, что в философии нет необходимости, если говорить об обычных, «нормальных», людях. В этом смысле и древние греки, и нынешние западные и русские философы говорят, что философия – это нечто бесполезное. Однако при этом, как замечает Ортега-и-Гассет, «есть люди, которым необходимо как раз беспо-

лезное» [15, с. 95]. И в этом смысле, утверждается, есть необходимость в философии, ибо для ума так же естественно философствовать, как для птицы – летать, для рыбы – плавать. Испанский философ развивает в направлении, довольно интересном для нашего анализа, мысль, высказанную в «*Метафизике*» Аристотеля: «Все люди от природы стремятся к знанию» [2, с. 65]. Философия, с этих позиций, олицетворяет знание, бесполезное для жизни, но в ней есть необходимость, и это «необходимость в осуществлении функции или акта нашего существования», которая является «самой высокой, самой существенной необходимостью» [15, с. 96]. Иначе говоря, начало философии западные философы, в отличие от философов буддийских, видят не в ее полезности для жизни, а в «основной потребности разума». Что это за потребность? Ортега-и-Гассет полагает, что это «поиск целого, захват Универсума, охота на Единорога». Это стремление рождается из открытия: «В любом данном нам бытии, в любом явлении мира мы обнаруживаем глубокий след излома, свидетельство того, что это часть и только часть, мы видим рубец его онтологического увечья ...» [15, с. 97]. Обнаружение «онтологического увечья» мира, «тоска по тому, чем мы не являемся», выступает следствием когитального принципа, рожденным «под сенью Декарта», как и осознание того, что «то, что происходит и что нам кажется жизнью, характеризуется фундаментальной недостаточностью и неопределенностью» [14, с. 515]. Именно это открытие, сделанное в результате посткартезианских медитаций (так можно назвать трансцендентально-феноменологические исследования раннего Гуссерля), и заставляет философствующее Ego западного человека стремиться к восполнению «нашей неполноты» и «искаленного» мира явлений. Сознанию – не в психологическом, а в феноменологическом смысле – в этом стремлении к устранению изъяна онтологически увечного бытия, предстающего в «феноменально явленном мире», придается решающее значение.

Способ, каким ставится и решается проблема корреляции реальности и сознания, определяет линию принципиальной демаркации между западной и буддийской философией, а также ретроспективу их теоретического сближения и перспективу взаимопонимания и взаимодействия. Моменты их близости обнаруживаются именно в теории познания, но следует учитывать, что буддизм, свободный от метафизического интереса и предельно практичный, сосредоточивает всю работу сознания, в том числе, теоретико-

УДК 294.3

© Л.Е. Янгутов

ПИСЬМЕННЫЕ ТЕКСТЫ БУДДИЗМА В РЕЛИГИОЗНО-ФИЛОСОФСКОЙ ТРАДИЦИИ КИТАЯ И ТИБЕТА

*Статья написана при поддержке гранта Президиума РАН (направление 4 Программы фундаментальных исследований Президиума РАН №33), номер гос. регистр. 01201252890 (Буддийские тексты Китая, Тибета, Монголии и Бурятии в перспективе культурной эволюции)

Статья посвящена анализу письменных текстов буддизма, получивших распространение в религиозной и философской традиции Китая и Тибета.

Ключевые слова: Трипитака, Праджняпарамита, Абхидхарма, Парамитаяна, Ваджраяна, Дхьяна.

L.E. Yangutov

THE WRITTEN BUDDHIST TEXTS IN RELIGIOUS PHILOSOPHICAL TRADITION OF CHINA AND TIBET

The article is devoted to the analysis of written Buddhist texts, widely spread in religious and philosophical traditions of China and Tibet.

Key words: Tripitaka, Pradnyaparamita, Abhidharma, Paramitayana, Vajrayana, Dhyana.

Буддизму как религиозно-философскому учению, возникшему в стране с высоким уровнем цивилизации, была характерна весьма развитая письменная традиция. В своем распространении и развитии в странах Центральной, Восточной и Юго-Восточной Азии он претерпел множество изменений, обусловивших формирование там различных школ и направлений, отличающихся друг от друга по сотериологическому, метафизическому и национальному признакам.

По сотериологическому признаку многообразию буддийских школ можно свести к двум направлениям – Хинаяне и Махаяне; по метафизическому признаку – к Абхидхарме и Праджняпарамите; а по национальному – к трем моделям – индийской, китайской и тибетской.

Две последние модели представляют собой трансформацию ряда положений индийского буддизма в Китае и Тибете, определившую качественно новый этап в его развитии. Эти модели, в свою очередь, явились исходными для распространения буддизма в другие страны. Китайская модель – в Японию, Корею и Вьетнам, тибетская – в Монголию, Бурятию, Калмыкию и Туву.

Проникновение буддизма в Китай и Тибет было тесно связано с проникновением туда его письменного творчества и становлением там собственной буддийской письменной традиции, отразившей метафизические особенности формирующегося в этих странах нового религиозного учения.

Сотериологические и метафизические особенности буддизма китайцев и тибетцев обусло-

вили, в свою очередь, особенности направления и содержания их буддийского письменного творчества.

Начальный этап распространения буддизма в Китае и Тибете неразрывно связан с переводческой деятельностью буддийских миссионеров. Первые переводчики буддийской литературы, как в Китае, так и в Тибете переводили подряд все сочинения, независимо от их принадлежности к тому, или иному сотериологическому или метафизическому направлению. В результате в каждой из этих стран был оформлен буддийский канон. В Китае – это Сань цзан (Трипитака), более известный, как «Да цзан цзин», а в Тибете – Ганчжур и Данчжур.

Китайский канон «Да цзан цзин» включает в себя переводы трех классических разделов индийского канона Сутра-питаки (кит. Цзин-цзан); Виная-питаки (кит. Люй цзан); Абхидхарма-питаки (кит. Лунь цзан). Помимо этого, он содержит четвертый раздел – Цза цзан, который трактуется как «Хранилище смешанных (или же разнородных) сочинений» и включает в себя переводы собственных произведений индийских буддистов, а также сочинения самих китайцев.

Структура тибетского канона отличается от китайского, она состоит из двух сводов: Ганчжура и Данчжура. Ганчжур характеризуется как свод сочинений, записанных из уст Будды Шакьямуни, Данчжур – как свод сочинений индийских и тибетских авторов.

На самом деле в состав Ганчжура вошли переводы из Сутра-питаки и Виная-питаки, а в состав Данчжура – переводы из Абхидхарма-питаки, а также сочинения, соответствующие

философии. Но то, каким образом европейская метафизика и буддийская философия пришли к этому открытию, и то, какие они извлекли из него уроки и практические следствия, очень сильно отличает буддизм от философии Запада, несмотря на ряд важных сходств.

Осознание принципиальной онтологической неудовлетворительности феноменального мира, воспринимаемого нашими чувствами, побудило западных философов искать некую скрытую за явлениями реальность, хотя некоторые из них осознавали, что это «несоизмеримо» человеческому мышлению. Как говорил М.Мамардашвили в своих лекциях по философии Канта, на которых автору этих строк повезло присутствовать в 1982 году в МГУ, «метафизический элемент нашего знания, то есть элемент незнаемого, является неразрешимым в терминах этого мира (мирского), в котором мы определились». Но осознание метафизических вопросов он считал необходимым, а принять область откровенного, не зная ее, это, как он полагает вслед за Кантом, важно, ибо это «опыт свободы». Кант, по словам Мамардашвили, попытался таким принятием опыта свободы свести к минимуму несчастье быть рожденным. Мамардашвили удалось тем самым заметить неулавливаемый обычно важный момент кантовского подхода, который, на наш взгляд, характеризует философию Канта как шаг, сближающий его с буддизмом. Гениальная интуиция Канта подсказала ему, что есть некая принципиальная связь между несчастьем быть рожденным в этом мире, в котором мы определились как ego cogito, и тем, как мы мыслим, тем, как сознание конституирует реальность. Отсюда – его критика чистого разума и обоснование первенства практического разума перед теоретическим разумом.

Кантовская критика чистого разума и обоснование идеи, что «практический разум» способен удовлетворить высший человеческий интерес, заключающийся в том, чтобы знать: «На что я могу надеяться? Что я должен делать?», сближают Канта и буддизм. Кант понял, что метафизические вопросы о сущности вещей, о первых началах и тому подобном относятся к неопределенной предметности, чей онтологический статус не может быть установлен теоретическим разумом. Но Кант не смог до конца понять, что сам европейский способ мышления о реальности несет в себе фундаментальную ошибку, хотя философы старались «хорошо мыслить», ибо в этом видели «начало нравственности» (Паскаль). Из-за этой ошибки история западной философии представляет собой непрерывный, но

безуспешный процесс искания истины, поддерживаемый лишь верой в то, что сам по себе процесс все большего приближения к истине естественен для человека и относится к высшим духовным ценностям. Наряду с кантовской критикой метафизики и в результате этой критики философы, развивавшиеся «под сенью Декарта», не ограничились сведением проблемы реальности к феноменологии сознания. В русле экзистенциальной феноменологии развивается понятие «этого мира, в котором мы определились», а также понимание того, что он «не может получить одну и только одну явленную форму» [14, с. 541]. Это тоже сближает западную философию с буддийской философией, в частности, с воззрением школы Читтаматра. Посткартезианские медитации, инициированные Гуссерлем, склоняют европейских мыслителей к признанию, что «предметность мира есть только данность сознания» и развитию феноменологических исследований предметности и сознания. Радикальное философское мышление, инициированное Декартом, поставило под вопрос существование мира как основы наивной веры в существование внешних вещей и сознания как лишь естественного свойства человека и указало путь к трансцендентальной субъективности как конститутивной системе, устанавливающей смысл предметности. В.И. Молчанов в предисловии к «Картезианским медитациям» Гуссерля пишет: «Если Декарт превращает ego cogito в substantia cogitans, т.е. в познающую субстанцию, то Гуссерль пытается избежать всякого субстанциализма» [8, с. 7]. Это также не может не наводить на мысль об определенной близости феноменологии Гуссерля буддийской теории пустоты. Но прежде чем рассмотреть основные идеи феноменологии в сравнении с буддийской философией пустоты, стоит обратить внимание на то, что субстанциализм в той или иной степени присутствует во всех европейских попытках решения основной философской проблемы – проблемы реальности и сознания. Этот неустранимый субстанциализм европейского, – впрочем, любого небуддийского, – типа философствования можно объяснить следующим образом. Осознав онтологическую ущербность этого явленного нашему восприятию мира и его объектов, небуддийские философы, так или иначе, пытаются «исправить» его изъян, домысливая существование сущности. Поиск основной сущности и метафизических оснований мира является главным содержанием западной философии на протяжении всей ее истории, ибо, когда с помощью теоретико-познавательной рефлексии

обнаружился факт, что «естественные науки о бытии не являются таковыми (endgiltige), потребовалась «наука о сущем в абсолютном смысле» [7, с. 84]. То есть метафизика.

Ортега-и-Гассет так описывает общую для всех субстанциалистских философий логику метафизического поиска: «По своей природе основная сущность не есть то, что дается, она никогда не присутствует в познании, являясь именно тем, чего недостает в любом присутствии. Как мы о ней узнаем? С этой необычной сущностью происходят удивительные вещи. Мы замечаем, что в мозаике недостает фрагмента, по оставшейся дыре; видим именно его отсутствие; он присутствует благодаря тому, что его нет, стало быть, благодаря своему отсутствию. Подобным образом основная сущность есть то, что по своей природе вечно отсутствует, чего всегда в мире недостает, – мы видим только рану, оставленную ее отсутствием, подобно тому, как замечаем, что у инвалида нет руки. Поэтому нам следует определить основную сущность, наметив края этой раны, очертив линию разлома» [15, с. 98].

Эта логика осмысления проблемы реальности и ее зависимости от сознания прямо противоположна буддийской логике, применяемой в теории пустоты. В контексте Праджняпарамиты именно «сущность», «собственные характеристики» и тому прочие признаки чего-то, существующего субстанциально, независимо от сознания, дающего наименование явлению, являются объектом отрицания, подлежащим устранению из нашего знания о способе существования вещей внешнего мира, сознания и нашего «я». Объект отрицания – это измышление, нечто, никогда не существовавшее в реальности (тиб. kun brtags). Он подобен злокачественной опухоли, границы которой необходимо точно локализовать и после этого – удалить ее. Если не сделать этого, то невозможно устранить коренной порок того способа бытия, который свойствен нам, обычным людям и другим живым существам, и называется в буддизме сансарой.

Там, где небуддийский философ «домысливает» реальность, которая, как он полагает, скрывается за явлениями, буддийский философ разоблачает все способы онтологического домысливания и искажения, ибо они, как объяснено в буддизме, преувеличивают бытийный статус всех вещей, будь то внешние или внутренние феномены. Теория пустоты на нескольких иерархически связанных смысловых уровнях разоблачает субстанциализм в понимании реального статуса познаваемых объектов, а также

самого субъекта. Эти теоретические уровни представлены в рамках четырех философских школ (Вайбхашика, Саутрантика, Читтаматра, Мадхьямика) и их подшкол [9; 19; 23; 25; 21; 28; 20; 24; 26; 30; 4]. Каждая из школ по-своему, в зависимости от своего уровня понимания того, как не существуют феномены, идентифицирует объект отрицания, без чего не может состояться медитация на пустоту, реализующая прямое постижение абсолютной природы всех феноменов, включая сознание и Я.

Разоблачение порока субстанциализма (материалистического и идеалистического толка, будь то системы, основанные на дуалистической логике или на индийской логике тетралеммы – чатушкоти [30, с. 67-90]) и объяснение несубстанциалистской теории реальности, сознания и Я на основе номинальной логики познания феноменов – это исключительное теоретическое достижение буддийской философии, главным образом, Прасангики Мадхьямики, основоположниками которой считаются Буддапалита и Чандракирти. В завершение имеющего предварительный характер сравнительного исследования способов постановки и решения проблемы реальности и сознания в западной и буддийской философии приведем слова, которыми начинается второй том «Buddhist Logic» Ф.Щебатского: «Реальность, согласно буддистам, является кинетикой, не статикой. Но, с другой стороны, логика представляет реальность, стабилизированную в концептах и именах. Конечная цель буддийской логики заключается в том, чтобы объяснить связь между подвижной реальностью и статическими конструкциями мышления» [29]. А вот слова Гуссерля из «Идеи феноменологии»: «Мы передвигаемся [внутри] поля чистых феноменов. Однако почему я говорю поле? Это, скорее, вечный гераклитовский поток феноменов» [7, с. 128]. Эти цитаты, представляющие буддизм и феноменологию, задают перспективу сравнительного исследования буддийской и западной философии. Как мы полагаем, феноменологическое направление в наибольшей степени приближается к буддийскому способу постановки и решения главной философской проблемы – реальности и сознания.

Литература

1. Альбедиль М.Ф. Буддизм. – СПб.: Питер, 2007. – 208 с.
2. Аристотель. Сочинения в 4 т. – Т. 1. /Ред. В.Ф. Асмус. – М.: Мысль, 1975. – 550 с.
3. Геффдинг Г. Философия религии / пер. с нем. В.Базарова и И.Степанова. – Издание третье. – М.: Изд-во ЛКИ, 2007. – 408 с.

4. Геше Джампа Тинлей. Ум и пустота. – М.: Московский буддийский центр Ламы Цонкапы, 1999. – 236 м.
5. Геше Джампа Тинлей. Буддийская логика: Комментарий к трактату Дхармакирти «Праманаварттика» / под ред. И.С. Урбанаевой (отв. ред.) и А.Ю. Коноваловой. – Улан-Удэ: «Дже Цонкапа», 2011. – 359 с.
6. Геше Тинлей. Лекция, прочитанная 19 июня 2012 г. в Улан-Удэ.
7. Гуссерль Э. Идея феноменологии: Пять лекций / пер. с нем. Н.А. Артеменко; вступ. ст. и коммент. И.В. Мавринского. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2008. – 224 с.
8. Гуссерль Э. Картезианские медитации / пер. с нем. В.И. Молчанова. – М.: Академический Проект, 2010. – 229 с.
9. Дзунба Кунчок Жигме Ванбо. Драгоценное ожерелье учений философских школ. – Улан-Удэ, 1998.
10. Его Святейшество Далай-лама и доктор Говард К. Катлер. Искусство быть счастливым: руководство для жизни. – Киев-Москва - СПб.: «София», 2004 – 325 с.
11. Его Святейшество Далай-лама. Буддийская практика: Путь к жизни, полной смысла / пер. с англ. – М.: ООО ИД «София», 2006. – 208 с.
12. Калама сутта. Наставление каламам // Ангуттара Никая 3.2.2.5 (AN III.66). – <http://probud.narod.ru/sutra/AN3-66.html>.
13. Мавринский И.И. Трансцендирование и редуцирование теории познания в лекциях Э.Гуссерля «Идея феноменологии» // Гуссерль Эдмунд. Идея феноменологии: Пять лекций / пер. с нем. Н.А. Артеменко; вступ. ст. и коммент. И.В. Мавринского. – СПб.: ИЦ «Гуманитарная Академия», 2008. – с. 5-32.
14. Мамардашвили, М.К. Психологическая топология пути. – СПб.: Изд-во Русского христианского гуманитарного института; журнал «Нева». – 1997. – 570 с.
15. Ортега-и-Гассет, Х. Что такое философия. – М., 1991. – <http://www.philosophy.ru/library/ortega/wph.html>.
16. Пятигорский, А. «Ценность философии в том, что она никому не нужна» // <http://elementy.ru/lib/430491>.
17. Чандракирти. Введение в Мадхьямику / пер. с тиб. Д. Устьянцев. – М.: Шечен, 2001. – 330 с.
18. Чандракирти. Введение в Мадхьямику (с комментарием автора) / пер. с тиб., предисловие, комментарии, глоссарий и указатели А.М. Донца под общей редакцией Монтевича В.М. – СПб.: Евразия, 2004. – 464 с.
19. 'Jam dbyangs bzhad pa ngag dbang brtson grus (1648-1722) grub mha' chen mo / grub mtha'i nram bshad rang gzhan grub mtha' kun dang zab don mchog tu gsal ba kun bzang zhing gi nyi ma lung rigs rgya mtsho skye dgu'i re ba kun skong. – Musoorie, India: Dalama, 1962. А также: Collected Works of 'Jam-dbyangs-bzhad-pa'i-rdo-rje, vol. 14 (entire). – New Delhi: Ngawang Gelek Demo 1973. А также: Mundgood, India, Drepung Gomang Library, 1999.

20. Cabezón José Ignacio. A Dose of Emptiness: An Annotated Translation of the sTong thun chen mo of mKhas grub dGe legs dpal bzang. – Introduction. – Delhi: Sri Satguru Publications; Indological and Oriental Publishers; A Division of Indian Books Centre, 1993. – P. 1-11.

21. Comito David Ross. Nāgārjuna's Seventy Stanzas: A Buddhist Psychology of Emptiness / Translation and commentary on the Seventy Stanzas on Emptiness by Ven. Geshe Sonam Rinchen, Ven. Tenzin Dorjee, and David Ross Komito. – Ithaca, New York: Snow Lion Publications, 1987. – 226 p.

22. Graf Eckhard. Das Lakavātārasūtra – ein urwüchsiges Kernstück buddhistischer Spiritualität // Das Lankavatara-Sutra: Die makellose Wahrheit erschauen. Die Lehre von der höchsten Bewußtheit und absoluten Erkenntnis / Aus dem Sanskrit von Karl-Heinz Golzio. Bern, München, Wien: O.W. Barth Verlag, 1996. – S. 7 – 26.

23. Hopkins J. Meditation on Emptiness. – London: Wisdom Publications. – 1983. – 1017 p.

24. Huntington C.W., Jr. with Geshe Namgyal Wangchen. The Emptiness of Emptiness: An Introduction to Early Indian Mādhyamika. – Delhi: Motilal Banarsidass Publishers Private Limited, 2007. – 287 p.

25. mKhas grub dGe legs dpal bzang 1993 – Cabezón, José Ignacio. A Dose of Emptiness: An Annotated Translation of the sTong thun chen mo of mKhas grub dGe legs dpal bzang. – Delhi: Sri Satguru Publications; Indological and Oriental Publishers; A Division of Indian Books Centre, 1993. – 590 p.

26. Tāranātha. The Essence of Other-Emptiness / Translated and Annotated by Jeffrey Hopkins in collaboration with Lama Lodrö Namgyal. – Ithaca, New York: Snow Lion Publications, 2007. – 154 p.

27. Tibetan Tradition of Mental Development: Oral Teachings of Tibetan Lama Geshe Ngawang Dhargyey. – Dharamsala: Library of Tibetan Works and Archives, 1992.

28. The Fundamental Wisdom of the Middle Way: Nāgārjuna's Mūlamadhyamakakārikā / Translation and commentary by Jay L. Garfield. – 372 p.

29. Stcherbatsky, T. Buddhist Logic. – Vol. 2. – Delhi: Motilal Banarsidass Publishers Private Limited, 1993. – 468 p.

30. Westerhoff, J. Nāgārjuna's Madhyamaka. – Oxford: University Press. – 2009- 242 p.

Урбанаева Ирина Сафроновна, доктор философских наук, главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения РАН, г. Улан-Удэ, e-mail: greentarabaikal@yandex.ru.

Urbanaeva Irina Safronovna, doctor of philosophical science, main research fellow, Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan studies, Siberian branch of Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, e-mail: greentarabaikal@yandex.ru.

ной памяти представлены в методологии Л.Репиной, рассматривающей содержание коллективной памяти в соответствии с практическими приоритетами социальных отношений [3].

Каждое из представленных исследовательских направлений функционально и способно привлечь общественное мнение. Однако в период становления новых идеологических реалий, предусматривающих гуманизацию общественной жизни, следует сделать дальнейший шаг в исследовании этой проблемы.

Гуманизм выражает моральную сторону человека и потому неразрывно связан с развитием нравственных отношений во всех сферах социальной жизни, особенно экономике. Возросшее значение экономической деятельности на этапе современности требует методологического содействия в понимании этого процесса, способствующего оптимизации социальной действительности. Сравнение как метод познания, основанный на принципе историзма, используется в данной работе для осмысления сущности происходящих изменений в экономической деятельности россиян, в процессе духовного преобразования социальной действительности.

Целью данной работы является философское осмысление роли исторической памяти в сфере экономики. Эта цель определила поставленные задачи:

1. Обозначить социальную потребность индивида в исторической памяти при решении экономических задач социальной действительности.

2. Осмыслить осознанную необходимость включения исторического опыта в современное понимание экономических процессов.

В современной социально-экономической ситуации необходимо сформировать потребность обращения к опыту, который уже состоялся. Опыт, выражающий сокровенную природу нации, может стать причиной изменения ее ментальности. Социальная потребность формирует апелляцию общества к исторической памяти. Потребности зависят от тех исторических задач, которые общество в целом и каждый отдельный индивид неизбежно решают в процессе бытия. Причем эти задачи и цели должны быть значимыми как в личностном, так и в общественном смысле.

Каждая эпоха, в соответствии с присущим ей уровнем общественных отношений, по-новому ставит вопросы о потребностях личности и общества в определенный исторический период. Идеи и установки человеческой деятельности зависят, по мнению Ж.Тощенко, от теории, от-

вечающей уровню социальной практики: «...объективные потребности, которые созрели, должны быть осознаны, пережиты, приняты общественным сознанием. Без этого процесса никакие изменения не будут закреплены, если они не найдут отклик в сердцах и думах людей» [4, с. 182]. Потребности той или иной исторической эпохи обозначают назревшую необходимость изменений уклада общественной жизни, глубину противоречий и меру зрелости социума.

Современная эпоха характеризуется стремлением к гуманизации всех сторон социальной жизни для сознательной и свободной реализации духовного роста личности и общества. Реальная возможность жизненного выбора вызывает потребность в необходимости духовного производства и самообновлении общественных отношений, определяющих роль исторической памяти на данном промежутке времени.

Историческая память – это социокультурный архетипический образ, основанный на реконструированной картине общественного развития и включающий совокупность субъективного и объективного начал человеческого бытия, являющегося глубинным основанием нравственных сторон экономических отношений.

Понимание экономики как явления духовной жизни влечет за собой необходимость осмысления феномена исторической памяти и вечных вопросов человеческой нравственности. Нравственность выражает степень усвоения личностью моральных ценностей социума, санкционирующего определенные устои и практическое следование им для утверждения человеческого в человеке.

С развитием субъективно-духовной жизни общества, ценностные ориентиры исторической памяти становятся выражением гуманистических, прогрессивно-нравственных сторон общественной жизни. Л.Репина пишет об этом так: «Индивид имеет не только настоящее и будущее, но и собственное прошлое, более того, он сформирован этим прошлым – как своим индивидуальным опытом, так и коллективной, социально-исторической памятью, запечатленной в культурной матрице» [3, с. 47].

Возрождение нравственных ориентиров человеческого бытия, в аспекте исторической памяти, способствует взаимовлиянию индивидуальной и коллективной форм сознания, субъективных и объективных факторов их развития. Чем интенсивнее данное взаимодействие, тем успешнее развитие экономической деятельности при становлении новых идеологических постулатов.

сочинениям раздела Цза цзан китайской Трипитаки.

Сутра-питака в китайском каноне, включенном в каталог Нандзе, содержит тексты хинаяны и махаяны, представленные отдельными блоками, а также блок, состоящий из текстов и Хинаяны, и Махаяны, включенных в состав «Да цзан цзин» в позднее время, в эпоху Сун и Юань. Махаянские тексты состоят из разделов «Праджняпарамиты», «Ратнакуты», «Макасаннипады», «Аватамсаки» и «Нирваны». Кроме того, существуют еще два раздела: «У да бу вай чжун ши цзин» («Переводы сутр, не включенных в предыдущие пять разделов»); «Чань ши цзин» («Переводы сутр дхьяны») [1].

В тибетском каноне тексты «Сутра-питаки» не представлены отдельным блоком, а следуют за текстами Винаи и состоят из разделов: «Праджняпарамита» «Аватамсака», «Ратнакута» и «Нирвана». Далее следуют еще два раздела: «Сутры», «Тантры» [2].

Существует еще одна отличительная деталь между китайским и тибетским канонами. Китайский канон составлялся из переводов исключительно с санскрита на китайский язык, в то время как тибетский канон, хотя и составлялся преимущественно из переводов с санскрита, но, вместе с тем, включал в себя и переводы с китайского, уйгурского, хотанского и других языков [2].

Трудно переоценить значимость переводческой деятельности буддийских миссионеров в Китае и Тибете, как для мировой культуры, так и для собственных национальных культур. Достаточно сказать, что санскритские тексты буддизма сумели сохраниться лишь в переводах на китайский и тибетский языки, а сама переводческая деятельность в обеих странах обусловила формирование буддийской письменной традиции, которая, в свою очередь, оказала огромное влияние на развитие их собственных культур, в том числе и письменной, обогатив словарный, фонетический и грамматический состав китайского и тибетского языков.

О становлении буддийской письменной традиции в Китае и Тибете мы можем судить по сочинениям местных авторов, вошедших в состав раздела «Цза цзан» китайского канона и «Данчжур» тибетского канона. В этих сочинениях проявилось самостоятельное творчество китайцев и тибетцев в контексте буддийского мирозерцания с примесью национального колорита, отражающего специфические особенности китайского и тибетского буддизма, основ-

ные направления развития и содержания их письменного творчества.

Направление письменного творчества, как китайцев, так и тибетцев определялось их сотериологическими ориентирами.

В китайском буддизме главный сотериологический ориентир был сформулирован Дао Шэном, выдвинувшим тезис о внезапном и мгновенном достижении состояния Будды, подразумевающим возможность достижения спасения в настоящей жизни. Проблема достижения спасения в настоящей жизни была весьма актуальной для конфуциански настроенного менталитета китайцев, ориентированного на ценности настоящей жизни вне контекста перерождений. Поэтому неудивительно, что содержание многих сочинений китайских буддистов было посвящено разработке этой проблемы, а поскольку идея спасения в настоящей жизни была созвучна праджняпарамитским текстам, то закономерным было развитие письменного творчества китайцев в праджняпарамитском направлении. Абхидхармическое направление, содержащее описание потока сознания в контексте его перерождений, не отрицалось китайцами, однако особого успеха как путь к спасению не имело. Вместе с тем, понятия, суждения, способы аргументации Абхидхармы весьма импонировали китайцам, имеющим богатые традиции своей древней философии, поэтому широко использовались как дополнительное средство постижения Праджни.

Сотериологические ориентиры буддизма в Тибете, определившие его специфику как тибетской модели буддизма, были сформулированы Цзонхавой в его учении о Пути просветления, которые он разделил на три отрезка: Хинаяну, Парамитаюну и Ваджраяну, объединив их культом ламы [3]. Хинаяна и Парамитаюна предполагают спасение путем постепенного нравственного самосовершенствования, предполагающего длительное перерождение. Ваджраяна предлагает тантрискую практику, освобождающую от необходимости долгого перерождения.

Абхидхармическая теория, построенная на рациональном описании дхарм, составляющих содержание потока сознания в прошлом и настоящем рождений индивида, соответствовала сотериологическим принципам узкого пути спасения Хинаяны, поскольку истинную природу дхарм и их внешний вид она рассматривала как не имеющие точек соприкосновения, а потому не все дхармы считались ею способными проявить истинную природу.

Парамитаяна, предлагающая широкий путь спасения посредством парамит, не отказывалась от постепенной практики спасения, характерной Хинаяне, поэтому на этом отрезке сохраняется интерес к Абхидхарме как теории описания бытия. Причем Абхидхарма имеет значение не как дополнительное средство постижения Праджни, а вполне самостоятельное, как космологическая картина мира, в котором индивид постепенно движется к нирване от одной калпы к другой. Вместе с тем, Парамитаяна как широкий путь спасения акцентировала свое внимание на текстах Праджни, содержащих в себе теоретическое обоснование возможности достижения спасения для всех и каждого.

Ваджраяна ориентировала людей на достижение спасения при настоящей жизни. В период первоначального распространения буддизма в Тибете у тибетцев была возможность выбора чаньского варианта достижения спасения в настоящей жизни, проникавшего из Китая в Тибет. Однако известная дискуссия между Хэшаном Махаянадэвой и Камалашилой решила этот вопрос не в пользу китайского варианта.

Сотериологические потребности достижения состояния Будды в настоящей жизни тибетцев были восполнены тантрийской практикой, что обусловило популярность текстов ваджраяны – тантр в Тибете, а также развитие письменного творчества тибетских буддистов в этом направлении. О значимости текстов ваджраяны для тибетцев говорит и тот факт, что тантры в «Ганжуре» составляют отдельный, самостоятельный раздел, в то время как в китайском каноне они рассыпаны по разным разделам. В Данжуре тантрийские шастры представлены в самом большом количестве.

Прохладное отношение китайцев к текстам Тантры, очевидно, было связано с тем, что к моменту проникновения ваджраяны в Китай, там уже прочно пустили свои корни сотериологические принципы мгновенного достижения нирваны при настоящей жизни, опирающиеся на хорошо разработанную практику медитации и

утонченную метафизику, обнаружившую близкие черты с традиционной философией. Эзотерическая практика не смогла составить тантризму конкуренцию.

И, наконец, следует отметить, что традиции буддийской письменности Китая и Тибета определились тем положением, которое занимал буддизм в каждой из стран. В Китае, даже во времена своего наивысшего расцвета, буддизм всегда оставался лишь одним из учений, имеющим свою определенную сферу. Рамками этой сферы ограничивалось письменное творчество буддистов. Поэтому, несмотря на свое влияние на литературу, искусство, традиционную философию, буддизм, никогда не выходил за рамки религиозной сферы, его тексты всегда оставались сотериологически направленными.

В Тибете буддизм сумел заполнить все сферы жизнедеятельности общества, включая и сугубо светские. Поэтому Данчжур – это гораздо больше, чем религиозный канон. Это энциклопедия знаний. Мировоззренческий аспект всегда в ней занимал одно из центральных мест, поэтому буддийская письменность в Тибете не была сотериологически детерминированной.

Литература

1. Nanjio B. A Catalogue of the Chinese translation of the buddhist Tripitaka. – Oxford, 1883.
2. Введение в изучение Ганчжура и Данчжура. – Новосибирск, 1989. – С. 41,48.
3. Ламаизм в Бурятии XVIII – нач. XX в. – Улан-Удэ, 1983. – С. 80.

Янгутов Леонид Евграфович, доктор философских наук, профессор, заведующий отделом философии, культурологии и религиоведения Института монголоведения, буддологии и тибетологии Сибирского отделения Российской академии наук, г. Улан-Удэ, e-mail: yanguta@mail.ru.

Yangutov Leonid Evgrafovich, doctor of philosophical science, professor, the head of department of philosophy, culturology and religious studies, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies of Siberian branch of Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, e-mail: yanguta@mail.ru.

УДК 330.16 : 316.64

© Е.И. Банкерова

СФЕРА ЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ КАК ВОЗМОЖНОЕ ПРОЯВЛЕНИЕ ИСТОРИЧЕСКОЙ ПАМЯТИ

Проанализирована экономическая деятельность общества как явление духовной жизни. Осмыслен феномен исторической памяти в качестве ведущего фактора гуманистического основания сферы экономических отношений.

Ключевые слова: экономические отношения, историческая память, духовные ценности, нравственные отношения.

E.I. Bankerova

THE ECONOMIC RELATIONS SPHERE AS A POSSIBLE DEMONSTRATION OF THE HISTORICAL MEMORY

The economic activity of the society was analyzed as a phenomenon of spiritual life. A phenomenon of historical memory was interpreted as a leading factor of the human basis in the sphere of economic relations.

Key words: economic relations, historical memory, spiritual values, moral relations.

История человеческой культуры тесным образом связана с развитием экономики, с определенной формой общественного процесса производства. К.Маркс писал об этом так: «...этот последний есть одновременно процесс производства материальных условий существования человеческой жизни и протекающий в специфических историко-экономических отношениях производства процесс производства и воспроизводства общественных отношений» [6, с. 891]. Во всех проявлениях общественных отношений отражается социальная природа человека, его метафизическая сущность, зависящая от уровня экономического развития государства.

На этапе современности все сферы социума находятся в состоянии стагнации. Экономическому кризису всегда предшествует кризис духовный. Оттого решение основных проблем общественных отношений – это задача, прежде всего, духовная, заключающаяся в преемственности и сохранении культурного наследия минувших поколений.

Единство и ценность культуры – насущная необходимость экономического благополучия в обществе. Общество, которое не стремится к осмыслению этого процесса, не будет жизнеспособным. Цивилизационная культура воспроизводится в смене поколений; утрата духовных ценностей отбрасывает общество назад и угрожает существованию человека. В этой связи приобретает особую актуальность обращение россиян к культурному наследию прошлого, определяющего нравственно-духовные силы и возможности самого индивида в реконструкции достижений исторического процесса. Для современного развития России необходима куль-

турологическая оценка социально-экономических перемен через историческую память своего народа.

Вопрос о сущности феномена исторической памяти в философско-исторических дискуссиях является одним из главных. Методология исследования концепта объясняется его спецификой. Каждый раз рассматривается определенная грань исторической памяти. Здесь есть и место историографии вопроса; уделяется достаточное внимание генезису исторического познания, динамике его взаимодействия с прошлым.

Впервые понятие исторической памяти ввел Й.Рюзен [7]. Теоретические разработки ученого и его культурно-антропологический подход, согласно которому изменение коллективного самосознания – результат «кризиса исторической памяти», привлекают исследователей. Основным способом преодоления кризиса является исторический нарратив, придающий событию смысл в единстве прошлого настоящего и будущего.

Исследования Й.Рюзена об историзации культурного процесса получили обоснования в аксеологическом подходе М.Барга [1]. По мнению М.Барга, историческая наука должна начинаться с анализа теоретических и логических методов конкретного типа историописания, определяющего мировоззренческую направленность культуры определенной исторической эпохи.

Культурное наследие минувших поколений составляет неотъемлемую часть коллективного опыта личности и общества определенной общественно-экономической формации. Проблемы соотношения индивидуальной и коллектив-

большинстве научных дисциплин реализация метатеоретического проекта обоснования теоретико-методологической базы связана с желанием дистанцироваться от метафизики и дедуцировать собственный предмет логико-математическими средствами. В качестве примера сциентического понимания метатеории можно привести способы определения предмета и метода статистики в 40-60 гг. прошлого века. Излагая их, известный болгарский исследователь обществознания Н. Стефанов подчеркивал [5], что ученые-статистики стремились заменить методологические проблемы статистическими понятиями и стохастическими закономерностями. Благодаря этому, они ограждали собственную науку от применения в ней диалектико-материалистической методологии. Представляя собой процесс углубления рефлексии научного познания, сциентистское понимание метатеории имеет определенные пределы. Она не делает радикальных выводов о конструирующей роли сознания в познавательном процессе и не затрагивает проблему самосознания ученого. В противоположность сциентизму философские интерпретации метатеории, в особенности различные постмодернистские программы, реализуемые чаще всего в гуманитарных науках и философских дисциплинах, рассматривают данные проблемы в качестве фундаментальных. Описание конструирующей роли сознания и конкретизация субъекта познания представляют для философской метатеории особую ценность в силу того обстоятельства, что для нее раскрытие процесса создания предметной теории является не конечным, а исходным моментом. Для философского знания значительно больший интерес, чем логические закономерности функционирования теорий, представляют онтологический, гносеологический, аксиологический, антропологический и иные контексты теоретического знания. По этой причине метатеоретическое исследование в области истории философии представляет собой особого рода философствование.

Предметом метатеоретического философствования служит рассмотрение философской мысли с определенной позиции так называемого метауровня, роль которого, как правило, играет один из указанных выше аспектов философского знания в целом. Например, историко-философское исследование В. Зеньковского представляет собой рассмотрение учений русских мыслителей в аспекте взаимосвязи онтологических и антропологических идей. На основании выявленных закономерностей и тенденций Зеньковский делает общие выводы о характере

русской философии в целом. Выбор метауровня является важным, но не единственным условием проведения метатеоретического исследования в области историко-философского познания. Во многом его характер зависит от выбранного метатеоретического метода.

Специфика метатеоретической методологии во многом определяется отношением метауровня к исследуемому теоретическому материалу. По данному признаку можно выделить критический, моделирующий и проявляющий виды метатеоретических методов. Критическая историко-философская метатеория представляет собой анализ философских систем и учений на предмет их соответствия избранному метауровню. Примером критической метатеории может служить анализ этических учений, осуществленный Дж. Муром [3, с. 40-67]. В качестве метауровня в процессе исследования этических учений Мур использует формальную логику. Благодаря этому ему удается обнаружить так называемую «натуралистическую ошибку» в любого рода этических суждениях. Суть натуралистической ошибки заключается в необратимости категорий этики. Так, суждение с использованием категории «добро» делает его необратимым, поскольку утверждение «милосердие есть добро» не тождественно утверждению «добро есть милосердие». На основании этого в метаэтике Мур делает вывод об интуитивности, а не рациональности этического знания в целом, обосновывая это тем, что «... среди специалистов в области этики нет такого единства мнений в отношении многих основных проблем, какое существует в математике или науках о природе» [3, с. 225].

В отличие от критической, моделирующая метатеория использует метауровень не в качестве средства опровержения различного рода теорий, концепций, учений и идей, а в качестве орудия определения их сущности. Для решения этой задачи идеальная конструкция, создаваемая на базе элементов, входящих в метауровень, сопоставляется с исследуемыми предметами. После этого осуществляется опровержение, подтверждение или корректировка первичных представлений об исследуемых предметах. Примером моделирующей метатеории может служить уже упоминавшаяся работа В.В. Зеньковского по истории русской философии. Опровергая расхожие представления о религиозном и бессистемном характере русской философской мысли, Зеньковский сопоставляет дисциплинарную структуру философского знания с проблемами, наиболее значимыми для отечественных мыслителей.

Целостность индивидуально-общественного бытия предполагает сотворческое, созидательное начало экономических процессов, когда проблемы и противоречия всех членов общества становятся собственными проблемами отдельных индивидов. При этом чем более индивидуализирован общественный способ жизни, тем более индивидуальному сознанию свойственна подлинно духовная работа, творчески отражающая объективную действительность. И соответственно, чем более самостоятелен способ жизни личности, тем активнее индивидуальное сознание, структурирующее личную жизнь. Достижение нравственного консенсуса личности и общества, возможно в единстве всех сторон индивидуальной и коллективной сфер человеческой жизнедеятельности.

По мнению Й. Рюзена, единство коллективного «Я» представляет собой синтез опыта прошлого и ожиданий будущего. «В этом синтезе прошлое представлено как духовно-движущая сила, наделенная всей мощью человеческой мысли, которая направляется к будущему» [7, с. 49].

Разрыв между общественным характером деятельности индивида и им самим выражается в отсутствии заинтересованности индивида в крупномасштабных социальных и экономических изменениях. Новый исторический контекст социокультурного развития общества начала 90-х гг. XX века показал все противоречия переходного периода, связанного с переоценкой общественных ценностей, на которые ориентировалась основная масса населения.

События в нашей стране конца 1980-х – начала 1990-х годов привели к кардинальным изменениям всех структур российского общества, связанных, в первую очередь, с экономическими преобразованиями социальной действительности. Необходимость структурной перестройки сфер общественной жизни знаменовала собой активную переоценку ценностей, представивших в системе сфер общественной деятельности приоритетную роль экономическим отношениям.

Экономика основана на отношениях собственности, распределения и обмена, в отражении основных законов рынка. Идея частной собственности является ключевым понятием рыночной экономики, выступая по отношению к свободе и равенству универсальным средством их реализации.

Б. Капустин отмечает, что понимание равенства должно рассматриваться не только как условие, но и как основание свободы. «Если сво-

бода действительна как свобода равных, то расширение сфер и увеличение оснований равенства людей есть в то же время рост сфер и оснований свободы» [2, с. 36]. Другими словами, общественные отношения здесь предполагают индивидуальную свободу.

В 90-е годы в России отсутствие равенства в свободе выражалось в реализации собственного интереса, ограниченного не правом, а индивидуальным произволом. Преждевременная либерализация цен при сохранении монополизированной структуры экономики, инфляция привели к значительному снижению жизненного уровня общества. В этих условиях общественная мысль искала собственные российские пути преодоления кризиса.

Перестройка с понятием нового мышления актуализировала тему исторической памяти, выдвинув на первый план исторический пример идеи новой экономической политики (НЭП). Опыт преодоления кризиса неплатежей через стабилизацию цен уже был в годы НЭПа, когда происходило объединение самостоятельных хозрасчетных хозяйственных единиц в синдикаты и введение внутрисиндикатных векселей. В итоге, в условиях НЭПа, в развитии экономики был восстановлен ее довоенный уровень. Особенно важно, что экономический рост сопровождался быстрым повышением благосостояния людей и потому назывался современниками как «золотой век» советской эпохи.

Здесь нужно обратить внимание на моральный облик мелкого производителя товаров и услуг эпохи НЭПа. Для него было характерно понимание нравственных ценностей, предопределяющих уровень гарантий прав собственности и степень взаимного доверия субъектов экономических отношений.

Обращение исторической памяти к прошлому несло мощный позитивный импульс, однако при этом реальная политика российского государства исключала идеи утверждения нравственных общегосударственных устоев в развитии товарно-денежных отношений. Использование методов «проб» и «ошибок» в реформах экономического развития ориентировало сознание людей на частную собственность как источник гедонистического наслаждения, а не как на объект и основу труда, что постепенно приводило к безнравственности и вседозволенности.

При осуществлении любой программы экономических преобразований необходимо представлять ее возможные последствия и цену. Проблема познания исторического прошлого непреложно подразумевает ответственность лю-

дей за свои действия, в данный период этот аспект был упущен из виду. Действительно, становление личности невозможно без соблюдения нравственных законов. Нравственность, по Гегелю, есть понятие свободы, ставшее образом живого добра: «Единство субъективного и объективного в себе и для себя сущего добра есть нравственность» [5, с. 199].

Историческая память хранит примеры предпринимателей России, обладавших высокими нравственными принципами и успешно их использовавших в предпринимательской деятельности.

Савва Тимофеевич Морозов – ситцевый фабрикант начала XX века, на его мануфактурах были отменены штрафы, повышены расценки, построены больницы, школы. Часть акций своего предприятия меценат отдал рабочим, сделав их совладельцами Никольской мануфактуры. В конце XIX в. Морозовские предприятия заняли в России 3-е место по рентабельности производства среди всех фабрик и заводов страны. С.Морозов понимал задачи общественного развития страны и большую часть своих миллионов жертвовал во благо общего дела: издание книг, финансирование МХАТа, строительство родильных приютов.

Еще один пример: Савва Иванович Мамонтов, крупный железнодорожный промышленник. Московско-Ярославско-Архангельскую дорогу считал необходимой стране и строил ее в конце XIX в. практически без финансовой заинтересованности. Савва Иванович был энтузиастом русской культуры и огромные сбережения отдавал на приобретение произведений искусства, из которых впоследствии были составлены собрания фондов музеев дореволюционной России.

Данные исторические примеры подтверждают, что только та экономическая деятельность может иметь стабильный успех во времени, которая руководствуется гуманными целями. Речь идет об общей культуре личности и общества, стремлении их к духовному началу, к активности во всех сферах жизни, прежде всего, экономической. Экономические отношения создают культурно-информационное пространство, оказывающее, в контексте памяти, моральное воздействие на развитие исторического процесса. «Исторический процесс, – по мнению М.Барга, – это процесс созидания человеком своей исторической социальной природы. Мысленно воссоз-

давая прошлое, наследником которого он является, общественный индивид воспроизводит процесс собственного становления» [1, с. 53].

Под влиянием исторической необходимости происходит модификация новых процессов и явлений, преломляющих нравственные отношения социума в реконструированной картине общественной жизни. Следовательно, именно нравственные убеждения личности и общества изначально определяют экономическую деятельность общественной деятельности, либо дестабилизируя ее, либо созидая. Высокая результативность темпов экономического роста и возможность решения многообразных социальных проблем зависят от системы правил и этических норм духовной сферы общественной жизни.

Очевидно, что для оптимизации экономических процессов российского государства необходимо гуманистическое основание, единство объективного и субъективного начал общественных отношений, базирующихся на авторитете честного труда и уважительного отношения к культурному наследию прошлого. Только при таком подходе общества к исторической памяти создаются необходимые духовные отношения как для развития производства, так и для экономического прогресса в целом.

Литература

1. Барг М.А. Историческое сознание как проблема историографии // Вопросы истории. – 1982. – №12. – С. 49-67.
2. Капустин Б. Либеральное сознание в России // Общественные науки и современность. – 1994. – №4. – С. 32-42.
3. Репина Л.П. Историческая память и современная историография // Новая и новейшая история. – 2004. – №5. – С. 35-47.
4. Тощенко Ж.Т. Парадоксальный человек. – М.: ЮНИТИ-ДАНА. – 2008. – 543 с.
5. Гегель Г. Философия права – М.: Мир книги; Литература. – 2007. – 464 с.
6. Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. – Т.3. Ч. 2. В 3 кн. / под ред. Ф.Энгельса. – Кн. 3. – М.: Политиздат. – 1978. – 1084 с.
7. Рюзен Й. Кризис, травма и идентичность // Цепь времен: проблемы исторического сознания: сб. ст. / под ред. Л.П. Репиной. – М.: ИВИРИАН, – 2005. – С. 39-62.

Банкерова Елена Ивановна, аспирант кафедры философии и социальных наук Иркутского государственного университета путей сообщения, г. Иркутск, e-mail: bankerova_elena@mail.ru.

Bankerova Elena Ivanovna, postgraduate student, department of philosophy and social science, Irkutsk State University, Irkutsk, e-mail: bankerova_elena@mail.ru.

УДК 1(091)

© С.Ю. Просветов

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ МЕТАТЕОРЕТИЧЕСКОЙ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ

В статье рассмотрена методология метатеоретического познания истории философии. Смысл этой методологии заключается в создании предпосылок, позволяющих разработать непротиворечивое построение целостного историко-философского процесса, включающего в себя различные, в том числе противоположные направления философской мысли. На основании отношения метауровня к исследуемому теоретическому материалу в статье выделены и проанализированы следующие виды метатеоретических методов: критический, моделирующий, проявляющий.

Ключевые слова: метатеория, методология, историко-философский процесс, научное знание, философское знание, парадигмальный метод, теоретическая проблема, логические закономерности, проблема дисциплинарности.

S.Yu. Prosvetov

THE METATHEORETICAL INTERPRETATION METHODOLOGY OF HISTORY OF PHILOSOPHY

The article considers the methodological aspects of metatheoretical cognition of philosophy's history. The idea of this methodology consists in making the premise building-up a non-contradictory construction of the whole historical and philosophical processes including not only different but also opposite directions of philosophy. On the basis of the relation of the metalevel to the theoretical material the article distinguishes and analyzes the following types of metatheoretic methods: the critical, the modeling and the manifesting methods.

Key words: metatheory, methodology, historical and philosophical processes, scientific knowledge, philosophical knowledge, paradigmatic method, theoretical problem, logical laws, disciplinarity problem.

Термин «метатеория» утвердился в современном научно-философском познании для обозначения особого способа обоснования дисциплины, которая заключается в доказательстве ее способности имеющимися методологическими средствами дедуцировать собственный предмет познания. В этом отношении метатеория представляет собой прямую противоположность философскому обоснованию научного знания, стремящегося обнаружить предпосылки предмета и метода той или иной дисциплины в структуре бытия или в структуре познавательной способности человека. Другими словами, метатеория представляет собой программу самообоснования научной или философской дисциплины. Метатеория наиболее эффективно подходит для рассмотрения дедуктивных наук, к которым следует отнести и историю философии, поскольку последняя, с одной стороны, имеет своим предметом совершенно различные как с точки зрения методологии, так и содержания философские учения прошлого, а с другой стороны, в ее задачу входит их систематизация в строго определенном порядке (временном, географическом, аксиологическом и т.д.). Метатеория же создает методы, позволяющие проинтерпретировать историю философии как единый, целостный непротиворечивый процесс, несмотря на

наличие в нем различных, в том числе и противоречивых направлений. Для этого она использует парадигмальный подход, который одновременно может относиться как к рассматриваемому предмету, так и к методу его исследования.

Основание для реализации метатеоретического проекта в историко-философской науке следует искать в самом характере историко-философского исследования. И действительно, историк философии исследует не реальные предметы, процессы и явления, а их понимание в различных системах, учениях и концепциях. Для объяснения данных, так называемых первичных теорий, он вынужден создавать различные конструкции, объясняющие творчество отдельных мыслителей, логику развития определенных направлений и школ или историко-философского процесса в целом. Тем самым, создавая историко-философскую концепцию, исследователь предлагает определенного рода метатеорию, то есть теорию второго порядка, конструируемую для объяснения первичных теорий.

Для понимания специфики исследования терминов «метатеория» и «метатеоретическая методология» в историко-философском познании необходимо учитывать различие их толкования в научном и философском знании. В

УДК 165.54

© С.Ю. Просветов

ЭМПИРИЧЕСКИЕ МЕТОДЫ ИСТОРИКО-ФИЛОСОФСКОЙ ПРОГРАММЫ

Статья посвящена выявлению и анализу основных видов эмпирической методологии, применяемой в историко-философском познании: историко-философскому эксперименту, научному измерению, научному наблюдению, историко-философскому описанию. В ходе проведенного анализа выявлено, что рассмотренные виды эмпирической методологии, так или иначе обусловлены теоретическим и метатеоретическим уровнями исследовательской программы и потому не являются самостоятельными для историко-философской науки.

Ключевые слова: историко-философская программа, эмпирический метод, историко-философский эксперимент, научное измерение, научное наблюдение, историко-философское описание, догматическая установка, теоретическое конструирование, метатеория.

S.Yu. Prosvetov

THE EMPIRICAL METHODS OF THE HISTORICAL AND PHILOSOPHICAL PROGRAMME

The article is devoted to the exposition and analysis of the basic types of empirical methodology applied in historical and philosophical cognition: historical and philosophical experiment, scientific measuring, scientific observation, and historical and philosophic description. In the course of the analysis it was revealed that the considered types of empirical methodology are in this or that way stipulated by theoretical and metatheoretical levels of the research programme, and that is why they are not self-sufficient for historico-philosophical science.

Key words: historical and philosophical programme, empirical method, historico-philosophical experiment, scientific measuring, scientific observation, historical and philosophical description, dogmatic guideline, theoretical construction, metatheory.

Интерпретация истории философии во многом определяется убеждениями, способом мышления, психологическими качествами исследователя и т.п. Каждый историк философии осмысливает данную дисциплину исходя из собственной позиции, определяя эту науку либо как самостоятельную сферу знания, либо в качестве составной части того или иного учения. При этом исследование может производиться с использованием различных методологических типов. В целях адекватного отображения историко-философского процесса невозможно оставить без внимания такой метод его исследования, как эмпирический. Остановимся на нем более подробно.

В различных типах историко-философской программы эмпирический уровень исследования может занимать то или иное положение, и в зависимости от этого входящие в его состав методы могут оцениваться по-разному. Так, в программах, предполагающих доминирование эмпирического уровня научно-философского познания, эмпирическая методология рассматривается в качестве определяющей теоретическое конструирование. И, напротив, исследования, исходящие из приоритета теоретического или метатеоретического уровня предполагают зависимое положение эмпирических методов. Но каким бы образом, ни оценивалась роль эмпирической методологии, ее структура определяется,

как правило, одинаково. Традиционно к числу эмпирических методов научно-философского познания относят: научное наблюдение, научное измерение и эмпирический эксперимент, но поскольку историко-философское познание, как правило, разворачивается от умозрительных предпосылок к исследованию исторических фактов, то нам представляется необходимым рассмотреть указанные методы в обратном порядке.

Использование понятия «эксперимент» в гуманитарных науках обладает рядом специфических черт. Так, в историческом познании трудно провести жесткую демаркационную линию между мыслительным и эмпирическим экспериментом. Во многом, это связано с тем, что историческое познание в целом и историко-философское, в частности, лишено возможности применения условий наблюдения за исследуемыми предметами. Исторические явления уже совершились, и невозможно организовать наблюдение за ходом их развития в искусственных условиях. Поэтому эмпирический эксперимент в исторических науках в том виде, в котором он имеет место в естествознании и общественных науках, невозможен. Однако данное утверждение не означает отрицание возможности эксперимента в историческом познании в принципе, он возможен в несколько иной плоскости.

Вывод, делаемый Зеньковским, выглядит следующим образом: «Я коснулся вопроса об онтологизме русской философии только для того, чтобы показать неосновательность того мнения, согласно которому русская философия еще не достигла будто бы зрелости, так как в ней недостаточно разрабатываются вопросы теории познания. Я не хотел бы, однако, быть понятым в том смысле, что вижу в «онтологизме» характерную особенность русской мысли (как это не раз подчеркивалось в литературе). Если уже нужно давать какие-либо общие характеристики русской философии, ... то я бы на первый план выдвинул антропоцентризм русских философских исканий. Русская философия не теоцентрична (хотя в значительной части своих представителей глубоко и существенно религиозна), не космоцентрична (хотя вопросы натурфилософии очень рано привлекали к себе внимание русских философов), – она больше всего занята темой о человеке, о его судьбе и путях, о смысле и целях истории» [2, с. 16].

Выявленный Зеньковским принцип антропоцентризма отечественной философии позволяет ему установить важнейшие тенденции в развитии, как учений представителей русской философской мысли, так и русской философии в целом. По его мнению, они заключаются в стремлении к идеалам рациональности и системности. Данную тенденцию русской философии Зеньковский объясняет естественным для человека желанием обрести целостность своего духовного мира. Такого рода объяснение является одновременно логико-функциональным и ценностным, что позволяет говорить о том, что моделирование сущности русской философской мысли, предпринятое Зеньковским, следует признать далеким от простого эмпиризма. Отсюда можно сделать вывод о том, что в историко-философской концепции Зеньковского прослеживаются черты, свойственные философскому метатеоретическому мышлению.

Специфика методологических приемов, применяемых в проявляющих метатеориях, заключается в использовании метауровня историко-философского исследования в качестве кода, раскрывающего способ мышления философствующего субъекта. А так как для каждого из них действительность определяется их собственными, то есть субъективными убеждениями, то, согласно их мнениям, те, кто не разделяет их убеждений, имеет взгляды, не соответствующие реальности. Характер метауровня в проявляющих историко-философских исследованиях весьма разнообразен. Как правило, он определяет-

ется теоретической базой проводимого исследования и может варьироваться от индивидуальных психологических мотивов до универсальных структур сознания, определяющих мыслительную деятельность в различных областях познания. В историко-философских исследованиях наибольшее применение находят социально-экономическая, структурная, политическая и психологическая формы понимания метауровня. В качестве примера применения проявляющего кода могут служить историко-философские методологии марксизма, структурализма, фрейдизма, постмодернизма. Так, с точки зрения марксистской методологии мыслители-идеалисты не понимают подлинных мотивов своего философствования. В частности, они не отдают себе отчета в том, насколько их мысль обусловлена социально-экономическими отношениями, имеющими место в современном им обществе. Точно так же философы-постмодернисты полагают, что в основании рационалистических установок западноевропейских мыслителей лежат волюнтаризм и европоцентризм.

Для историко-философского познания противопоставление объективной закономерности развития философской мысли или подлинной мотивации философского творчества, с одной стороны, и субъективного представления о своем философствовании самого мыслителя, с другой, – открывает большие исследовательские перспективы. Во-первых, такого рода противопоставление придает историко-философскому исследованию принципиально рефлексивный, а не дескриптивный характер, и, во-вторых, делает необходимым установление связи между общими закономерностями историко-философского процесса и творчеством философов конкретных культур и исторических эпох.

Примерами установления связи между метауровнем и теоретико-эмпирическим материалом историко-философского исследования могут служить интерпретации античной философии, предложенные Ф.Х. Кессиди и А.Ф. Лосевым в рамках диалектико-материалистического учения. Так, согласно марксистской доктрине, духовная деятельность человека, в том числе и философствование, зависит от способа производства, что приводит к выделению в историко-философском процессе периодов, соответствующих основным общественно-экономическим формациям. Но несмотря на данную жесткую схему, определяющую историка философии в его объяснении внешних причин, обусловивших творчество представителей того или иного пе-

риода, перед ним всегда имеются различные возможности для интерпретации. В частности, Ф.Х. Кессиди и А.Ф. Лосев предлагают социальную и производственно-эстетическую концепции античной философии соответственно.

Процесс согласования метауровня с теоретико-эмпирическим материалом в исследованиях Ф.Х. Кессиди и А.Ф. Лосева авторы монографии «Античная философия» О.А. Донских и А.Н. Кочергин описывают следующим образом: «Характер структурно-типологической обусловленности социумом изменений в духовной жизни еще ярче демонстрирует процесс переноса понятий с общества на всю природу, частью которой это общество осознается... Более убедительной выглядит концепция, при которой космология повторяет черты полисной структуры. Об этом пишет Ф.Х. Кессиди: «Полис и отношения граждан в полисе – вот та модель, по аналогии с которой в большей или меньшей степени мыслится греческими философами мир и мировой строй вещей. Таков и мировой полис-космос, который к тому же божествен и совершенен, прекрасно устроен и упорядочен»... Но, пожалуй, наиболее интересную концепцию развивает А.Ф. Лосев. Он считает, что наиболее характерными чертами античного способа производства, отразившимися в философии, являются: «1) физически одушевленное тело, создающее тоже; 2) физические вещи в качестве; 3) цельных; 4) имеющих самостоятельную ценность; 5) максимально эффективных с затратой минимального времени; 6) в виде результата внеэкономического принуждения со стороны внешнего для него организатора»... Он анализирует эти черты с точки зрения своей концепции, согласно которой древнегреческая мысль развивалась как мысль эстетизирующая, относившаяся к миру как произведению искусства, изваянному создателем-демиургом» [1, с. 51-52].

Наличие критического, моделирующего и проявляющего способов связи между метауровнем и теоретико-эмпирическим материалом свидетельствует о приоритете методологической интерпретации историко-философских парадигм над другими видами интерпретаций. С другой стороны, жизнеспособность любого рода интерпретации подтверждается ее способностью открывать глубинные аспекты и свойства исследуемого явления, устанавливая его связи с другими предметами, процессами и явлениями. Достижение данной цели становится возможным путем разработки основных этапов парадигмального метода, каждый из которых решает строго определенную задачу и предлагает кон-

кретную идеальную конструкцию. Главным результатом применения парадигмального метода к теоретико-эмпирическому материалу является создание метатеоретической конструкции, обладающей предельно общим характером – парадигмы историко-философского познания. Основной целью ее формирования служит определение отношения историко-философского исследования к различным вариантам постановки и решения проблем теоретической философии, то есть к конкретным философским направлениям, школам или способам мышления. Благодаря этому становится возможным отнесение различных историко-философских концепций и исследований к важнейшим видам понимания дисциплинарности в историко-философской науке – проективному и автономному.

Проективное решение проблемы парадигмальности в историко-философском познании предполагает прямую зависимость последнего от какого-либо философского направления, школы или учения. В противоположность этому автономное решение данной проблемы ориентирует исследователя на создание максимально независимой от других дисциплин историко-философской теории. Противостояние проективного и автономного способа организации историко-философской науки находит прямое продолжение в характере историко-философского исследования. В наиболее ярком виде это противоречие выразил М.К. Петров, который определил проективный способ организации историко-философского познания как схоластический, а автономный как научный. Влияние способов решения проблемы дисциплинарности на характер историко-философского исследования Петров усматривал в целом ряде моментов, в частности, в способе цитирования, оказывающем прямое воздействие на формирование авторской позиции.

«Сеть цитирования в научной теории не несет функции доказательности, ссылки на работы предшественников лишь связывают уникальные результаты в целостность, попутно социализируя их, отчуждая в независимое от индивидов научное и общественное достояние, в исходный момент и опору того, что Энгельс называл «научной формой познания природы». Источники содержания и опоры доказательности располагаются за пределами научной теории как внешние и независимые от нее авторитеты и доказательные базы, извлечение нового содержания из которых (новые экспериментальные данные) – задача любого научного исследования. Сеть цитирования в схоластической теории выполняет и

функцию доказательности, что создает в ней характерный и безошибочный для диагноза эффект стяжения ссылок к абсолюту-началу, располагающемуся в самой теории... В любой схоластической теории обнаруживается свое «священное писание» – группа канонизированных текстов или положений, без ссылок на которые работа не может рассматриваться как доказательная и принадлежащая к данной теории» [4, с. 99].

Несмотря на то, что Петров признает за схоластическим способом организации историко-философского познания право на существование, он отдает явное предпочтение научному способу. Тем самым Петров, хотя и в скрытом виде, ставит вопрос о наличии подлинных и неподлинных историко-философских исследований, что означает возможность отрицания целостности познавательной деятельности. Поэтому различие между проективным и автономным способами организации историко-философского познания делает необходимым решение вопроса о единстве историко-философской науки. На наш взгляд, доказательство внутреннего единства историко-философского познания, его независимость от формы ее дисциплинарной организации связано с обнаружением в нем общих структур постановки и решения теоретических проблем. Данная задача может быть решена с помощью парадигмального метода.

Специфика парадигмального метода заключается в его формальном характере. Благодаря тому, что важнейшие элементы историко-философских парадигм нацелены на выявление не столько содержания философских учений прошлого, сколько на установление проблем, лежащих в их основании, они позволяют объединить различные философские концепции. Вместе с тем, необходимо отметить, что сама постановка проблемы даже при наличии различных вариантов ее решения несет на себе отпечаток того или иного направления или школы. По этой причине элементы историко-философских концепций не следует рассматривать в качестве

неизменных идеальных конструкций, адекватным образом отражающих структуру философского мышления в прошлом и настоящем. Напротив, их следует рассматривать в качестве идеальных моделей, способных лишь приблизительно выразить природу философского мышления, но при этом требующих постоянного усовершенствования. На основании сказанного можно сделать вывод о том, что парадигмальный метод, с одной стороны, нацелен на раскрытие фундаментальных проблем, стоящих перед философским мышлением, и потому предлагаемые им результаты претендуют на общеобязательность, а с другой стороны, подчиняется социокультурным обстоятельствам и ограничениям, и потому его важнейшие цели и этапы осуществления нуждаются в постоянной конкретизации, обосновываемой соответствующей метатеорией.

Литература

1. Донских О.А., Кочергин А.Н. Античная философия. Мифология в зеркале рефлексии. – М.: Изд-во МГУ, 1993. – 240 с.
2. Зеньковский В.В. История русской философии: в 2 т. Т. 1. Ч. 1. – Л.: Эго, 1991. – 222 с.
3. Мур Д.Э. Природа моральной философии / пер. с англ., сост. и прим. Л.В. Коноваловой. – М.: Республика, 1999. – 351 с.
4. Петров М.К. Проблема доказательности в историко-философском исследовании (История философии – схоластика или наука?) // Историко-философские исследования / сост., введ. ст. В.Н. Дубровина, Ю.Р. Тищенко. – М.: РОССПЭН, 1996. – С. 94-111.
5. Стефанов Н. Теория и метод в общественных науках / пер. с болгарского И.С. Морозовой. Общая редакция и послесловие А.В. Гулыги. – М.: Прогресс, 1967. – 272 с.

Просветов Сергей Юрьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Кубанского государственного университета, г. Краснодар, e-mail: Prosvetov-philos@mail.ru.

Prosvetov Sergey Yurievich, candidate of philosophical science, associate professor, department of philosophy, Kuban State University, Krasnodar, e-mail: Prosvetov-philos@mail.ru.

содержание и степень индивидуализации одних лишь исторических описаний... Поскольку же характер познавательных задач в процессе развития научного познания меняется, что ведет к различному пониманию объекта познания и выделению различных предметов в познании, то это существенно влияет на форму описаний» [5, с. 168-169].

Наличие различных степеней индивидуализации исторического познания приводит к тому, что его предметом могут служить не только конкретные события, явления материальной и духовной культуры, но и процесс формирования, развития и трансформации различных идей. К числу исторических дисциплин, исследующих преимущественно эволюцию идей, взятых в различном масштабе, принадлежит и историко-философская наука. Специфика историко-философского описания заключается в том, что оно осуществляется на стыке научного и философского познания. По этой причине предметами историко-философского описания могут стать как непосредственные формы выражения философских идей, так и внутренняя логика их развития. Например, историко-философское исследование в равной мере допускает как детальное описание взглядов греческих мыслителей на характер «архэ», так и описание логики развития представлений о нем в различные периоды античной философии. В противоположность этому в исторической науке вынесение суждений о закономерностях развития истории означало бы выход за рамки описания исторических событий.

Лучше всего нерасторжимость индивидуального и общего, феноменального и сущностного, эмпирического и идеального в историко-философском описании была выражена К.Ясперсом: «Невозможно такое разделение труда, что один исследует особенное, а другой обобщает разобщенные результаты. На деле специальная работа, которая имеет существенное значение, обладает одновременно и универсальным взглядом, и, более того, в специальных работах возрастают великие универсальные прозрения. И никакой представитель универсальной истории не может чего-либо достичь, не углубляясь постоянно в источники самостоятельно. Работами других исследователей пользуются как узко специализированные исследователи, так и универсальные историки. Последние сами являются исследователями-специалистами, для которых универсальное, присутствующее у каждого исследователя, если он действительно яв-

ляется таковым, непосредственно становится темой исследования» [9, с. 171-172].

Взаимосвязь идеального и эмпирического в процессе фиксации развития философской мысли приводит к тому, что описание начинает рассматриваться в качестве основного метода историко-философской науки. Данное утверждение следует рассматривать в качестве абсолютизации эмпирической модели историко-философской исследовательской программы, которая вступает в прямое противоречие с многообразием методологических возможностей историко-философского познания. Главными аргументами против закрепления за историей философии характера чисто описательной науки являются: включенность историко-философских построений в структуру той или иной философской системы; возможность различных оценок и интерпретаций одного и того же явления или историко-философского процесса в целом; подчиненность описания различным процедурам, правилам, нормативным требованиям, формально-логическим и диалектическим закономерностям и т.д. Наличие данных и иных аргументов против абсолютизации роли описания в историко-философском познании позволяет сделать вывод, что данный метод исследования не может находиться вне связи с теоретическим и метатеоретическим уровнями познания, а потому непосредственная данность той или иной сущности в эмпирическом материале нуждается в критической проверке.

Завершая краткий анализ эмпирических методов историко-философской программы, следует подчеркнуть, что их рассмотрение позволяет выявить необходимость дополнения к ним теоретических и метатеоретических методов для адекватного историко-философского познания. А это в свою очередь приводит нас к выводу о плюралистическом характере теоретико-методологической базы историко-философской науки. Это означает, что данная дисциплина может предстать как в описательном, так и в теоретическом виде. Перед ней могут стоять такие противоположные по характеру цели, как обоснование истинности той или иной философской системы, школы или направления, объективное изложение содержания философских учений, раскрытие логики историко-философского процесса, обнаружение степени зависимости философского творчества от психологических, социально-политических и социально-культурных причин и т.д. В силу данных обстоятельств историко-философское познание предлагает большие возможности для реализа-

Если предмет исторического познания во многих отношениях неизменен, то его субъект, напротив, достаточно динамичен. В роли субъекта исторического познания могут выступать как индивиды, так и коллективные и идеальные субъекты, что приводит к различным интерпретациям фактического материала. Таким образом, истоки исторического эксперимента следует искать в субъективной составляющей исторического познания. Трудность согласования различных аспектов субъективности в историческом познании ярче всего выразил В.В. Ильин: «Дело истории – всечеловеческое, корпоративное; дело частного человека (лица), участвующего в творении истории – партикулярное. Понимание этого актуализирует ряд проблем. Как два эти дела взаимосвязаны? На чем крепить умопостижение истории как целого? Если самореализация лица эгоистична, а потому прозрачна, прочитываема, тогда откуда в качестве деятельностного резюме возникает имперсональное, надличностное? Частные науки, анализирующие форму явлений, ищут «правду текущей жизни». Философски экипированные метаисторические, политические, юридические системы социального профиля осмысливают содержание явлений... «правду тайного предназначения». Водораздел между двумя «правдами» проходит по основанию единичной или всеобщей субъективности. На уровне «логики» (специальных наук) выявляется существо деятельности; на уровне «софии» (металогия) выявляется существо смысла деятельности... Онтологический срез рассуждений поставляет дихотомию личностно-сверхличностного, свободного-предопределенного в творении жизни» [8, с. 658-659].

Из сказанного можно сделать вывод, что основанием проведения исторического эксперимента в целом и историко-философского эксперимента в частности служит, с одной стороны, фиксация определенного образа субъективности, с позиции которой освещается тот или иной исторический факт, процесс или явление, а с другой, – интерпретация того же события с позиции иного субъекта. Изменение исходной точки познавательной деятельности с неизбежностью приведет к обнаружению новых сторон исследуемого предмета. Поэтому данная операция представляет собой именно эксперимент, а не интерпретацию, эксперимент в области исторического сознания.

В современной истории философии эксперимент находит достаточно широкое применение, но при этом он не определяется как собственно эксперимент. Данное обстоятельство во многом

объясняется господством догматической установки в современной теории и методологии историко-философской науки. Согласно этой установке, историческая реальность есть нечто независимое от познающего субъекта и потому имеющая по отношению к нему принудительную силу. В целом с этим утверждением можно согласиться, если признать наличие не одного, а нескольких субъектов. Абсолютизация определенного образа субъективности приводит к тому, что за предметом признается принятие только одного образа. По этой причине историческое познание предстает в виде борьбы за истину, под которой понимается то, каким образом предмет существует в самом себе. Итогом реализации догматической установки в историко-философском познании служит постоянное разрушение предрассудков, исторических мифов, заблуждений и т.д. С позиции же методологического плюрализма данный процесс представляет собой череду равноправных исторических экспериментов, каждый из которых имеет право на существование при условии прояснения своих целей, задач и субъективных оснований.

В качестве примера использования экспериментального метода в историко-философском познании могут служить различные способы понимания и оценки творчества Н.Макиавелли. Так, в книге Фридриха Великого «Антимакиавелли, или Опыт возражения на макиавеллеву науку об образе государственного правления» итальянский философ критикуется как апологет эгоизма и тирании, тогда как в творчестве В.Парето [4, с. 287-288, 419] он предстает в виде первого подлинно политического мыслителя. Различие между этими двумя подходами к освещению творчества Н.Макиавелли объясняется различием субъектов историко-философского исследования. В первом случае оно осуществляется с позиций морального и социального сознания, а во втором – с точки зрения политического сознания. Но в обоих случаях имеет место помещение исследуемого предмета в определенную ценностную систему, отличную от системы ценностных ориентиров, в которых он формировался и существовал. Благодаря этому удастся выявить значение изучаемого феномена, как для конкретной формы человеческого духа, так и для развития культуры и общества в целом. Таким образом, способность историко-философского познания выявлять скрытые значения предметов путем их помещения в несвойственные им идеальные условия свидетельствует о применимости эксперимента в данном виде познавательной деятельности.

Среди эмпирических методов исследования наиболее проблематичным для использования в историко-философском познании является применение метода научного измерения. Во многом это связано с тем, что историко-философская наука изучает преимущественно содержательную сторону философских учений, тогда как измерение тех или иных предметов предполагает их качественную однородность. По этой причине измерение имеет определяющее значение для естественных и технических наук, тогда как в гуманитарных дисциплинах его применение весьма ограничено. Однако это не означает, что измерение вынесено за скобки историко-философского познания. Следует различать вспомогательное и определяющее применение метода научного измерения в процессе историко-философского конструирования.

Вспомогательное использование данного метода предполагает обоснование количественными данными какого-либо частного момента отстаиваемой концепции. Например, в своей «Истории античной эстетики» [2, с. 41-58] А.Ф. Лосев, опровергая марксистскую концепцию обусловленности характера философских учений социально-экономическими условиями их существования с помощью современных ему данных о численности рабов в Древней Греции, доказывает, что рабство не было основой ни экономической, ни духовной жизни древнегреческого общества. Другим примером вспомогательного использования научного измерения в историко-философском познании может служить перевод различных числовых параметров исследуемых предметов в современные единицы измерения, что существенным образом воздействует на восприятие исторических процессов и явлений. Так, при изучении творчества античных философов большое значение имеет знание представлений древних о возрастных периодах жизни: «детства», «молодости», «зрелости», «старости», которые существенным образом отличаются от современных представлений, а также умение устанавливать время «акмэ» того или иного мыслителя и выразить его на языке современного летоисчисления. В противоположность косвенному, определяющая роль научного измерения проявляется в процессе конструирования макромоделей историко-философского процесса. Например, при создании той или иной модели древнеиндийской философии, способной раскрыть процессы взаимодействия различных направлений и школ, большое значение имеет установление их хронологических границ.

Каким бы образом ни использовался метод измерения, его применение в историко-философском исследовании зависит от задач, формируемых на метатеоретическом и теоретическом уровнях научно-философского познания. Данная теоретико-методологическая зависимость научного измерения ярче всего выражается в работе И.Д. Ковальченко «Методы исторического исследования»: «Как и всякое познание, измерение начинается с сущностно-содержательного, качественного (не путать с качественными атрибутивными признаками) анализа изучаемых явлений и процессов и определения цели измерения. Каждый социальный объект неисчерпаем по своим свойствам. Поэтому необходимо предварительно установить, какие из этих свойств должны измеряться. Выбор того или иного аспекта измерения диктуется исследовательской задачей. Лишь установив цель измерения, можно решать вопрос о его методах» [1, с. 343]. Отсюда можно сделать вывод, что, несмотря на свой эмпирический характер, измерение не является простым отражением предметности, но, напротив, активно участвует в ее конструировании.

Применение метода измерения в историко-философском познании, также как и в любом другом научном исследовании, предполагает прохождение нескольких этапов. Важнейшими из них следует признать: 1) определение объекта измерения; 2) установление средства измерения; 3) применение конкретного способа измерения; 4) получение конкретного результата [3, с. 244]. Наиболее проблематичным для историко-философского познания следует признать этап определения объекта измерения, поскольку предметное поле философского знания обладает качественным разнообразием. Тем не менее, обнаружение качественно однородной стороны историко-философской предметности, к которой применимы количественные методы изучения, вполне осуществимо. Примером количественной редукции историко-философской предметности могут служить данные о числе представителей различных сословий, социальных групп, классов, национальностей, конфессий, реализовавшихся в качестве мыслителей. Кроме того, представляется возможным осуществлять демографические, возрастные, поколенные и иные измерения различных аспектов формирования философского знания. После того, как измеряемый признак оказывается определенным, осуществляется фиксация его применения к установленной заранее числовой шкале. Итогом такого рода исследования служит получение стан-

дартизированных данных, позволяющих судить об интенсивности изменения одних и тех же аспектов философского знания в различных исторических эпохах и социокультурных средах. В заключение краткого анализа применения метода научного измерения в историко-философском познании следует подчеркнуть, что его использование чаще всего связано с анализом социальных условий формирования и развития философского знания.

Метод наблюдения, также как и другие методы эмпирического уровня познания, находится в прямой зависимости от теоретического уровня. При этом следует подчеркнуть, что если эмпирический эксперимент, как правило, обусловлен целями и задачами, формулируемыми в рамках теоретического моделирования, а измерение невозможно без той или иной степени участия метода формализации, то характер научного наблюдения во многом определяется методом идеализации. Это обусловлено самой структурой научного наблюдения, предполагающей: 1) наличие определенной цели; 2) разработку конкретного плана; 3) его неукоснительное выполнение; 4) проверку полученных результатов; 5) интерпретацию полученных сведений [7, с. 171-172].

Выполнение данных требований невозможно вне определенных умозрительных допущений и теоретических конструкций, что, однако, не означает потерю методом научного наблюдения своей эмпирической природы. Так, в отличие от идеализации, наблюдение имеет принудительный характер, оно обусловлено пространственно-временными процессами, возможно только в естественных условиях и часто является одномоментным. Подчеркивая эмпирический характер данного метода, Г.И. Рузавин отмечает: «Научное наблюдение представляет целенаправленное и организованное восприятие предметов и явлений окружающего мира. Связь наблюдения с чувственным познанием очевидна: любой процесс восприятия связан с переработкой и синтезом тех впечатлений, которые познающий субъект получает от внешнего мира. Эти впечатления в психологии называют ощущениями. Они являются отображением отдельных свойств, сторон предметов или процессов внешнего мира. Иногда наблюдение может относиться к восприятию переживаний, чувств, психических состояний самого субъекта. Такое наблюдение, получившее название интроспекции, применяется... в науках, исследующих процессы сознания, мышления и поведения человека, да и здесь оно практикуется чаще всего

на первоначальных стадиях исследования» [6, с. 53-54]. Как следует из сказанного, эмпирический характер научного наблюдения не исключает, а с необходимостью требует подчинения теоретическому знанию, поскольку наблюдатель нуждается в знании того, что и зачем он исследует. Иными словами, любое подлинно научное наблюдение предполагает наличие в своем основании какой-либо теории или гипотезы.

В исторических науках методу наблюдения соответствует метод исторического описания. Данный метод может принимать форму как прямого, так и косвенного наблюдения. При прямом, или непосредственном, описании наблюдатель является современником или участником описываемых исторических событий. В противоположность этому косвенное, или опосредованное, описание осуществляется наблюдателем путем изучения письменных источников, археологических данных, этнографического материала, топонимики и т.д. Общим для обеих разновидностей исторического наблюдения служит стремление адекватным образом отразить события прошлого, то есть исторические факты. Отсюда, однако, не следует, что предмет исторического описания является единичное, а не общее. Многие исторические памятники, например летописи ассирийских царей, позволяют делать только общие выводы о характере их правления. В свою очередь, само историческое описание, детально воспроизводя события прошлого, может быть нацелено на раскрытие общих закономерностей исторического развития. Например, интерпретация исторических событий Н.М. Карамзиным обусловлена идеей неизбежности и прогрессивности формирования сильного централизованного государства в России, тогда как те же события в освещении Н.И. Костомарова рассматриваются через призму формирования гражданского общества. Таким образом, вопрос о том, что является предметом исторического описания, единичное или общее, следует признать открытым. По этой причине нам представляется возможным согласиться с мнением А.И. Ракитова, который в своей работе «Историческое познание» относительно характера исторического описания сделал следующий вывод: «Степень индивидуализации исторических описаний может быть очень высокой или незначительной. Это зависит от трех факторов: от характера объекта; от характера познавательной задачи; от возможности практического наполнения и уточнения необходимой информации. Однако, ни один из этих факторов, взятых порознь, ни все факторы в целом, не определяют

нием. Как видно, таким образом человек пытается осмыслить, познать (и, возможно, предсказать, спрогнозировать дальнейшее развитие событий) «поведение» ветра, перенося на него качества «буйства».

Рассмотрим другой фразеологизм, «живая вода/мертвая вода». Мертвая вода, как видно из сказок, сращивает воедино части тела человека, затягивает раны, несовместимые с жизнью. Живая же вода, исходя из названия, возвращает человека к жизни. Мертвая вода врачует тело. Живая вода возвращает душу. Можно предположить, что такая двоякая трактовка воды вызвана ее сущностью. В самом деле, вода может как отнимать жизнь (наводнения, ливневые дожди, из-за которых гибнет урожай, омуты, в которые затягивает неосторожных), так и даровать ее – утолять жажду, орошать посеы, омывая раны. Эта ее двойственность и отразилась в сказках, а конкретнее – в данном фразеологизме.

Существуют также фразеологизмы-характеристики, выполняющие аксиологическую функцию, (например, «добрый молодец», «красна девица», «конь-огонь», «сивка-бурка-вещий каурка», «кот ученый» и т.д.). Эти яркие сочетания – как признаковая характеристика персонажа, так и имя (а в сказке зачастую обращение к персонажу: «Здравствуй, добрый молодец/красна девица»; «Сивка-бурка, вещий каурка, стань передо мной, как лист перед травой»). Интересны в этом отношении фразеологизмы с компонентом «кот»/«кошка». Для того, чтобы раскрыть всю их полноту, емкость, необходимо обладать определенными экстралингвистическими знаниями.

Этот персонаж часто встречается в сказках как в роли самостоятельного действующего лица (например, сказки «Кот, петух и лиса», «Кот и лиса», «Кот в сапогах»), так и в роли сопутствующего персонажа, которого продают («Мудрая жена»), дарят («Про солдата»), демонстрируют царям и царевнам («Семь Симеонов») и т.д. И, конечно, существует множество фразеологизмов с лексическим ядром «кот»/«кошка». Приведем лишь некоторые из них: «кошка на грудь не ляжет» (о самодовольной и кичливой личности), «ни кошки, ни ложки» (о большой бедности), «кошка спать не дала» (о невыспавшемся человеке), «кованый кот не пересигнет» (о человеке высокого роста), «кошка в дыбошке» (о строптивом и несговорчивом человеке), «кошке хвоста не завяжет» (о неумелом человеке).

Способность кошки цепляться с помощью когтей за вертикальные поверхности (а в неко-

торых случаях – даже за потолок) метафорически нашла свое отражение в названиях различных предметов: абордажная кошка (крюк на канате, забрасываемый на вражеское судно при абордаже или на крепость при штурме); якорь-кошка – многолапый (как правило, четырехлапый) якорь (в отличие от обыкновенного, «двухлапого»); монтерская кошка (приспособление для перемещения по столбам линий освещения, электропередач и т.д.); альпинистская кошка (насадка на ботинок для передвижения по льду и плотному снегу); «кошка» в значении «плеть» (с девятью и более хвостами, заканчивающимися твердыми наконечниками с крючками, наносящими рваные раны) [14].

Язык русской сказки насыщен разнообразными средствами выражения того или иного отношения к героям, их свойствам, предметам и явлениям действительности, то есть, помимо гносеологического аспекта, в этих характеристиках присутствует и аксиологический аспект, а через него проявляется праксеологический аспект, так как через оценку человек программирует свое поведение в отношении того или иного объекта, события или явления.

Рассмотрим в качестве еще одного примера характеристики героев. Условно их можно разделить на «мужские» и «женские». Как те, так и другие обладают разными наборами устойчивых описаний, однако встречаются и сходные выражения. Начнем с примеров описания женских персонажей. Для них характерно использование таких формул, как «красоты несказанной», «ни вздумать, ни сказать, ни пером описать», «руки белые», «уста сахарные», «такой красавицы во всем свете поискать – другой не найти». Эти выражения (наряду с речью и характеристикой действий персонажа) позволяют выявить положительное отношение рассказчика (а значит, и всего народа, бережно хранящего эти выражения в памяти) к характеризующей героине.

Помимо положительных характеристик присутствуют, разумеется, и отрицательные. Они преимущественно даются негативным персонажам: Бабе Яге, Ведьме, Мачехе, Сестре. К таким выражениям можно отнести следующие: «глаза завидущие, руки загребущие», «своего не упустит» и другие.

Характеристики персонажей мужского пола столь же повторяемы и воспроизводимы из сказки в сказку. «Растет себе да растет, словно тесто на опаре – не по дням, а по часам», «двенадцать молодцев на одно лицо, волос в волос, голос в голос», «удалой молодец», «добрый молодец» и т.д. – такие позитивные выражения

ции различных типов историко-философской программы.

Литература

1. Ковальченко И.Д. Методы исторического исследования. – М.: Наука, 2003. – 486 с.
2. Лосев А.Ф. История античной эстетики. Ранняя классика. – М.: АСТ; Харьков: Фолио, 2000. – 624 с.
3. Омеляновский М. Измерение. Философская энциклопедия: в 5 т. / гл. ред. Ф.В. Константинов. Т. 2: Дизъюнкция – Комическое. – М.: Советская энциклопедия, 1962. – С. 244-246.
4. Парето В. Компендиум по общей социологии / пер. с итал. А.А. Зотова. – М.: изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. – 511 с.
5. Ракилов А.И. Историческое познание: Системно-гносеологический подход. – М.: Издательство политической литературы, 1982. – 303 с.
6. Рузавин Г.И. Методы научного исследования. – М.: Мысль, 1975. – 237 с.

УДК 82-34

© И.А. Туркулец

О ФИЛОСОФСКИХ АСПЕКТАХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ В РУССКИХ СКАЗКАХ

В статье рассматриваются гносеологический, праксеологический и аксиологический аспекты фразеологизмов, фигурирующих в русских сказках, мироосмыслительная роль сказок, раскрываются метафорические значения некоторых фразеологизмов.

Ключевые слова: фразеологизм, сказка, метафора.

I.A. Turkulets

ON THE PHILOSOPHICAL ISSUES OF THE PHRASEOLOGISMS IN RUSSIAN TALES

The article considers the gnosiological, praxiological and axiological aspects of phraseological units appearing in Russian fairy tale. Worldmeaning role of fairy tales and some metaphorical senses of phraseologisms are explained in the present work.

Key words: phraseologism, fairy tale, metaphor.

Сказка – это феномен мифологического мировосприятия, в котором со временем отходят на задний план особенности мифологии, а вперед выступают черты, более характерные для объектов исследования фольклористики. Изучение сказки дает возможность приблизиться к осмыслению того, как человек понимает основные смысложизненные ситуации, которые метафорически находят отражение в сказке.

Нельзя не согласиться с мыслью И.В. Павлютенковой о том, что исследование этого культурного феномена не является праздной забавой или интеллектуальной прихотью культуролога, философа или филолога [8, с. 2]. В условиях современной действительности, порой весьма жесткой, затрундяющей формирование цельного мировоззрения и приводящей к «кризису целей», изучение сказки как специфического способа ценностного отражения мира с главенствующей идеей победы добра над злом, блага над

7. Философия науки: учеб. пособие для вузов / под ред. С.А. Лебедева. – М.: Академический Проект, Альма Матер, 2007. – 731 с.

8. Философия социальных и гуманитарных наук: учеб. пособие для вузов / под общ. ред. проф. С.А. Лебедева. – М.: Академический Проект, 2008. – 733 с.

9. Ясперс К. Всемирная история философии. Введение. – СПб.: Наука, 2000. – 272 с.

Просветов Сергей Юрьевич, кандидат философских наук, доцент кафедры философии Кубанского государственного университета, г. Краснодар, e-mail: Prosvetov-philos@mail.ru.

Prosvetov Sergey Yurievich, candidate of philosophical science, associate professor, department of philosophy, Kuban State University, Krasnodar, e-mail: Prosvetov-philos@mail.ru.

бедой, нравственности над безнравственностью важно и актуально.

Человек, воспринимающий мир сказочных событий и сюжетов, с одной стороны, «латает дыры» техногенной цивилизации, которая не может, в силу своей рассудочности, полностью удовлетворить многие аксиологические, этические и эстетические потребности человека, и, с другой стороны, воссоздает себя как целостное, многомерное и гармоничное существо. Виртуальная природа вымышленного мира сказки очевидна, она является своеобразным способом ухода от повседневных забот бытия, от проблем и стрессов, и в то же время это необходимая составляющая культурного пласта. Невозможно представить себе здоровое общество, в котором не присутствовал бы такой способ мировосприятия со всей его условностью, вымыслом, мистикой, метафоричностью, преувеличением и нравоучением.

С точки зрения гносеологии, сказка – это способ познания мира, изучения бытия, его явлений и закономерностей, которые предстают в метафорически переосмысленном виде. Например, закономерность достижения цели лишь при условии объединения усилий, выраженная в сказке «Репка». «Посадил дед репку. Выросла репка большая-пребольшая». По сути, большая репка метафорически обозначает большую проблему. Решать эту проблему в одиночку не получается. Успех приходит, когда за дело дружно берутся все – и стар и млад, и друг и враг. Однако в сказке не говорится об этом прямо, не акцентируется внимание на достижении цели совместными силами, но именно рисуется соответствующий образ, ситуация, которая иллюстрирует ту или иную закономерность.

Сказка содержит в себе огромные возможности формирования внутренне богатого духовного мира человека, и не случайно, что во все времена и у всех народов сказка является неотъемлемой частью системы воспитания. В сказке есть не только мощный заряд эстетических ценностей (воспевание красоты, доблести, силы, смелости), но и импульс морально-нравственных ориентаций на добро, справедливость, взаимопомощь, милосердие. Сталкиваясь два мира – мир добра и мир зла, – сказка в индифферентной, а не декларативной форме обосновывает правильный нравственный выбор, развивает идею осуждения негативных устремлений своих героев и утверждает уверенность в победе над злом, обманом, жадностью, лестию и несправедливостью. В этом состоит, с одной стороны, аксиологический ее аспект (аспект ценностей) и, с другой стороны, праксеологический аспект (регулятивная программа действий, морального выбора и ориентации на добро).

Сказка – «ложь, да в ней намек». В сказке содержится огромный пласт мифологического осмысления реальности через метафору, образный взгляд на окружающий мир, место человека в этом мире. Но это не просто отражение, это еще и конструирование мира, в котором большое место занимают нравственные императивы, задающие, в свою очередь, программу действий, регулятивы поведения, «заветы» для потомков.

Лингвистика ставит своей задачей изучить способы, каналы и механизмы трансляции и обобщения человеческого опыта в его вербальных формах, что обуславливает ее интерес к данной тематике. Общеизвестно, что наиболее емким, образным, узнаваемым способом фиксации человеческого опыта в вербальной форме является фразеология. Фразеология – это «кла-

дезь мудрости» народа, она шлифуется в течение многих веков и содержит в себе важнейшие мысли и выводы языковой общности относительно природных закономерностей, социальных связей, человеческих качеств, ценности явления и т.д. Поэтому, рассматривая фразеологизмы в сказках, мы подходим к квинтэссенции мироосмысления русского народа – своеобразной «метафоре в метафоре», образных выражений, интегрированных в образное осмысление мира.

Таким образом, во фразеологии наиболее ярко проявляются гносеологический, аксиологический и праксеологический аспекты сказки. Именно на примере фразеологизмов мы попробуем рассмотреть многоаспектность этого комплексного культурного, лингвистического и философского феномена.

Называние событий, явлений и предметов действительности является необходимым условием для их познания. Во фразеологизмах находит отражение эта особенность человеческого мышления – на протяжении многих лет из них «вычищается» все ненужное, подбираются именно те слова, которые наиболее полно отражают явления реальности, описываемые и осмысливаемые в них.

Сказка и фразеология метафоричны и также (а может быть, именно поэтому) являются важнейшей частью культуры человечества в целом и отдельных народов в частности. В сказке всегда два плана: внешний, сюжетный и метафорический, подтекстный, в ней содержится информация, бережно переданная нам нашими предками в свернутом виде, неизвестно как возникающая из глубин подсознания и дающая представление об окружающем мире, о душе. Сказка основывается на архетипах и коллективном бессознательном.

Фразеологию и сказку роднит то, что это свернутая информация о мире. Не так просто расшифровать эту информацию, поскольку она всегда в переносном смысле. Но парадоксальным является то, что человеческому подсознанию хватает даже таких кодовых, сокращенных информационных узлов для того, чтобы правильно воспринять весь бытийный и ценностный потенциал сказки и фразеологии. Все многообразие «сказочной» фразеологии не сможет вместить ни одна работа, поэтому ограничимся несколькими примерами.

В.К. Приходько в статье «Курочка Ряба и потерянный рай. Метафора в сказке» пишет о том, что в сказке проживается типичная для человеческой души ситуация, или фрейм: удачно вый-

ти замуж в награду за труд и кротость («Золушка», «Морозко», «Хаврошечка»), полюбить Чудовище и увидеть в нем прекрасного принца («Аленький цветочек», «Синяя борода», «Красавица и чудовище») [9].

Эти фреймы могут сворачиваться до одной фразы, словосочетания и становиться фразеологизмами. Например, фрейм «Красавица и чудовище», во-первых, метафоричен (когда так говорят, скажем, о супружеской паре, ясно, что под «чудовищем» подразумевается не монстр в прямом смысле, а грубый, некрасивый человек), во-вторых, воспроизводим в памяти большинства носителей языка в неизменном виде, в-третьих, оценочен (то есть имеет аксиологический характер), в-четвертых, экспрессивен и эмоционален – то есть обладает всеми признаками фразеологизма. При его употреблении возникают ассоциации с соответствующей сказкой, из свернутого в одну фразу фрейма разворачивается целое повествование, сказка, которая, в свою очередь, также является свернутой информацией о архетипической ситуации – «Все, что мы с Вами полюбили, для нас красиво и умно» (Ш.Перро, «Рике с хохолком»).

Возьмем другую сказку – «Петушок и бобовое зернышко», – это аллегория русской бюрократической системы с тысячей инстанций, которые нужно обойти, чтобы решить жизненно важные вопросы, не терпящие отлагательств. Курочка поспешила к хозяйшке за маслом, чтобы горлышко петушку смазать, хозяйшка отправила курочку к коровушке за молочком, коровушка – к хозяину за свежей травой, хозяин – к кузнецу за острой косой. От кузнеца курочка устремилась в обратном порядке: к хозяину, затем к коровушке, а потом к хозяйшке. И только от нее уже к петушку. Петушок мог умереть, так и не дождавшись масла.

Из этой сказки вырос фразеологизм «бобовое зернышко» – критическое затруднение, которое в силу различных формальных препонов устраняется непозволительно долго, хотя, по сути, представляет собой несложную задачу. Сказка – это поле человеческой души, в которой правит бессознательное. Знакомая всем с детства сказка «Царевна-лягушка» представляет собой поле мужской души. В переносном значении она учит мальчика, который со временем станет мужчиной, что избранная женщина не всегда кажется царевной родственникам и окружающим, скорее лягушкой. Должно пройти время, пока отец и братья с женами увидят ее подлинную, царственную красоту, заключающуюся в умении вести хозяйство, заботиться о муже. Эта сказка о

том, что мужчине надо отстаивать свой выбор, а не идти на поводу окружения, не печалиться и не унывать. В сказке метафорически показано, что в разные периоды своей жизни женщина меняется внешне, преобразуется: то царевна, то лягушка. «Царевна-лягушка» готовит будущего мужчину к тому, что красота женщины порой исчезает во время деторождения, грудного кормления ребенка, что возлюбленная подвержена закономерным физиологическим процессам и циклам. И необходимо Ивану-царевичу «три дня потерпеть, подождать, не сжигать лягушачью шкуру», и тогда пара будет неразлучна и счастлива долгие годы. И не придется возвращать любимую в семью, вызволять из темного царства обид и горечи [9].

Налицо аксиологический, ценностный аспект сказки, который в свернутом виде находит отражение в ее названии, в свою очередь, ставшем фразеологизмом. Причем оценка с разных точек зрения диаметрально противоположная: родственники героя видят только лягушку, и только Ивану дано рассмотреть в ней Царевну. Кроме того, явно виден и праксеологический аспект, создание поведенческого регулятива, программы действий в отношении к Царевне-лягушке, которая в общем случае является образом жены, женщины. Сказка учит терпеливо, с пониманием относиться к изменениям женщины, а также отстаивать свою точку зрения, не быть слишком подверженным общественному мнению.

Если говорить об гносеологическом аспекте фразеологии, то надо отметить, что он наиболее ярко, на наш взгляд, проявляется в следующих фразеологизмах: «мать сыра земля», «красно солнышко», «живая вода / мертвая вода», «буйны ветры», «белый свет», «(за) тридевять земель».

Метафорический способ познания мира, составляющий суть сказок (и не только их; по мнению некоторых исследователей, метафора является вообще основным способом мироосмысления человека), предполагает перенос тех или иных качеств (формы, действия, признака, производимого впечатления) с одного (известного) предмета на другой (неизвестный), со знакомого явления на осмысливаемое. Это очень хорошо видно на примере фразеологизма «буйны ветры». Качества разрушительности, свирепости, силы, переносятся с человека на ветер, отражая характер природной воздушной стихии – необузданный, непредсказуемый и опасный. В лингвистике этот перенос качеств с одушевленного предмета (человека) на неодушевленный (как правило, природу) называется олицетворе-

завершившим период бурного социально-государственного строительства предшествующих веков. По сути, «Осевое время» было периодом интенсивной апробации, естественного отбора и сравнительного испытания на прочность, конкурентоспособность и устойчивость самых разных социальных и политических моделей, выстроенных на различном этнокультурном субстрате.

Осевое время было временем интенсивного социального, религиозного и политического экспериментирования, захватившего пространство земледельческих культур от Средиземноморья до Китая, причем выдающиеся исторические фигуры того времени были не только пассивными интерпретаторами и теоретиками, но и активными социальными экспериментаторами.

Именно на этом громадном, разнообразном и жизненно важном для выживания конкурирующих социумов практическом опыте государственного строительства и выросли религиозно-философские учения, отделившие философию от мифа и заложившие основы социально-политической теории, определившей облик последующих двух тысячелетий.

Более того, сложившиеся в те годы религиозно-философские системы были не только источником, но и порождением периода первоначальной эволюции политического государства, сменявшего, поглотившего и вытеснившего на геополитическую периферию догосударственные формы социальной организации.

Введя понятие «Осевого времени», Карл Ясперс сконцентрировал внимание на генезисе философских учений, опустив качественный скачок в социальном развитии соответствующих обществ, поднявшихся над родоплеменными отношениями с их социобиологическими корнями на уровень гражданских обществ, протонаций, в которых этническая идентичность отошла на второй план.

Сегодня мировая история завершает двухтысячелетний виток, принудительно возвращая Человечество к проблематике «Осевого времени». В глобальном масштабе идут процессы деструкции и примитивизации крупных социальных систем, зародившихся в «Осевое время». Вопреки ожиданиям, крупные индустриальные и постиндустриальные нации распадаются на этносы; вопреки фантастическому взлету науки, идет обвальный возврат к этнизму, радикальной теократии и другим формам архаического группового сознания.

Настает новое «Осевое время», «Осевое время-2» – исторический поворот, качественно меняющий всю социальную реальность.

Осмысливая современный кризис через призму Осевого времени, мы подходим к необходимости разграничения двух базовых компонент социальной структуры – этнической, первоначально сложившейся еще в ходе неолитической революции, и национально-политической, сложившейся в Осевое время и оттеснившей традиционный этнос на географическую и социальную периферию.

До конца 20 века считалось, что социальное развитие идет по пути конвергентной трансформации этносов в нации с потенциальным образованием некой глобальной общечеловеческой общности, этнические и национальные особенности в которой исчезают по мере формирования глобального экономического и информационного пространства [2]. Несмотря на очевидную механистичность такого подхода, до последнего времени он вполне адекватно отражал ведущую в то время тенденцию культурной унификации, формирования полиэтнических государств и больших культурно-языковых пространств, размывания институтов традиционного общества и сельских общин как основных резерватов традиционного образа жизни.

Это порождало уверенность, что этнос и этническое сознание являются атавизмом, социальным фантомом.

Между тем, в настоящее время, когда глобальная экономика стала реальностью, в общемировом масштабе наблюдается процесс активизации и регенерации этносов, этнического и религиозного сознания, захвативший не только периферию, но и ведущие мировые державы.

Давно ожидаемый кризис гражданских наций оказался не синтезом глобальной общности, а распадом гражданских наций на этноконфессиональные группы. «Плавильные котлы» глобального и регионального масштаба так и не сформировали гомогенного социума с общей идентичностью.

Однако ни одна из сложившихся в 20 веке теорий этноса, выстроенных на фундаменте экономического детерминизма, не объясняет постиндустриального всплеска этничности и религиозности. Налицо нарастающее расхождение социальной теории с практикой глобализации, которая вместо ожидавшейся конвергенции вызвала к жизни процессы этнокультурной дивергенции, охватившие большую часть современного мира, невзирая на локальные цивилизационные и политические особенности.

встречаются от текста к тексту. В качестве негативных характеристик можно привести следующие: «всякое дело ему не в пользу и прок, а все поперек», «не в коня зерно», «дурак дураком», «сон ему слаще меда» и многие другие.

К нейтральным в гендерном отношении можно отнести выражения: «ни жив, ни мертв», «голова повесил», «ума палата», «раскручинился – пригорюнился» и некоторые другие. Однако необходимо отметить, что, несмотря на гендерную нейтральность (при условии соответствующего словоизменения) в семантическом отношении, эти выражения в сказках используются в подавляющем большинстве случаев в отношении мужских персонажей.

Особое место в «сказочной» фразеологии занимают устойчивые сравнения. Они, с одной стороны, представляют собой важную часть феномена сказки в гносеологическом отношении, а с другой – составляют один из самых многочисленных разрядов фразеологических единиц с однотипными структурно-семантическими свойствами.

Таким образом, сравнения представляет собой один из способов восприятия действительности, ее признаков. Как результат аналитического наблюдения и результат замеченного сходства между объектами этой действительности сравнения первоначально служат номинации признаков, состояний, дополнительных условий совершения действий, для которых не существует абстрактных определений. Следовательно, в основе появления конкретной сравнительной конструкции лежат первичные представления, т.е. наблюдения. А сравнения является результатом анализа восприятий.

Существенной особенностью образного сравнения является разнородность сопоставляемых элементов. В русском языке оформление сравнения-уподобления происходит с помощью словообразовательных, лексических, морфологических, синтаксических средств и закрепляется в языковом сознании говорящих. Например, это следующие конструкции: «стоять столбом», «мрачнее тучи», «громоподобный голос», «змеиному», «хитер, как лиса». В русских сказках есть достаточное количество примеров употребления тех или иных сравнительных конструкций, что придает народному творчеству известную образность.

Итак, очевидно, что и в сказке, и во фразеологии гносеологический, аксиологический и праксеологический аспекты не изолированы друг от друга, и, рассматривая сказку как метафорическую модель бытия, нельзя не учитывать

ее нравственной, а, следовательно, и регулятивно-поведенческой функции.

Сказка и фразеология метафорически учит лучшим человеческим качествам (доброте, храбрости, взаимовыручке), но делает это без нудного назидания, а просто показывает, что может произойти, если человек поступает безнравственно. Сказка развивает чувство прекрасного. Для нее характерно единство этического и эстетического начал, соединение фантазии и реальности, более того, меткие высказывания в сказках являются прямыми или косвенными поведенческими регулятивами.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. – М.: Языки русской культуры, 1999. – 896 с.
2. Афанасьев А.Н. Народные русские сказки: в 3 т. – М.: Наука, 1985.
3. Бурлак С. Происхождение языка: факты, исследование, гипотезы. – М.: Академия, 2011. – 264 с.
4. Жуков В.П. Словарь русских пословиц и поговорок. – М.: Русский язык, 2000. – 544 с.
5. Кохановский В.П. Философские проблемы социально-гуманитарных наук. – Ростов н/Д: Феникс, 2005. – 320 с.
6. Круглов Ю.Г. Народные сказки: в 5 т. – М.: Изд-во писательского акционерного общества, 1993.
7. Лапицкий А.Н. Фразеологический словарь русского языка. – М.: Юнвес, 2003. – 608 с.
8. Павлютенкова И.В. Сказка: философско-культурологический анализ: дис. ... канд. филос. наук. – Ростов н/Д, 2003. – 135 с.
9. Приходько В.К. Курочка Ряба и потерянный рай. Метафора в сказке // Словесница искусств. – 2012. – № 1 (29). – С. 14 – 17.
10. Приходько, В.К. Фразеологическая стилистика. преобразование фразеологизмов в речи. – Хабаровск: изд-во ДВГУ, 2008. – 283 с.
11. Сеченов И.М. Кому и как разрабатывать психологию: Психологические этюды. – СПб., 1873. – С. 324.
12. Степин В.С. Философия науки. Общие проблемы. – М.: Гардарики, 2006. – 384 с.
13. Теория метафоры: пер с англ., фр., нем., исп., польск. яз. / вступ. ст. и сост. Н.Д. Арутюновой. – М.: Прогресс, 1990 – 512 с.
14. Туркулец И.А. Кот ученый // Словесница искусств. – 2012. – № 1 (29). – С. 18 – 20.
15. Философия социальных и гуманитарных наук / под ред. проф. С.А. Лебедева. – М.: Академический проект, 2006. – 912 с.
16. Худяков И.А. Великорусские сказки. – М.: Типография В. Грачева и Ко, 1860. – 148 с.
17. Шеллинг Ф.В. Философия искусства. – М.: Мысль, 1966. – 496 с.

Туркулец Иван Алексеевич, ассистент кафедры русского языка Дальневосточного государственного гуманитарного университета, г. Хабаровск, e-mail: turkulets@rambler.ru.

Turkulets Ivan Alekseevich, assistant, department of Russian language, Far Eastern State Humanitarian University, Khabarovsk, e-mail: turkulets@rambler.ru.

УДК 101.1:316

© А.Л. Сафонов

ОСЕВОЕ ВРЕМЯ-2: ВОЗВРАЩЕНИЕ К ИСТОКАМ ИЛИ ПОГРУЖЕНИЕ ВО ТЬМУ?

Историческая сущность «Осевого времени» Карла Ясперса – переход от этнической эволюции с ее социо-биологической природой к возникновению и эволюции государств, имеющих неэтническую природу и благодаря этому способных консолидировать крупные пространства и разнородные этносы.

Государство, как более совершенный, гибкий и мощный тип социальной системы, в которой этническая идентичность отошла на второй план, победило неолитический этнос, на долгое время ушедший в тень институтов нового, политически сконструированного социума.

Для объяснения механизма этнокультурной дивергенции как следствия кризиса гражданских наций в условиях глобализации автор вводит, и обосновывает гипотезу устойчивого (на протяжении ряда социально-экономических формаций) параллелизма этноса и нации как пересекающихся, но существенно различных по генезу, механизму воспроизводства и функциям социальных групп.

Ключевые слова: *Осевое время, глобализация, глобальный кризис, этнос, этничность, нация, национальность, государство, социальная группа, идентичность.*

A.L. Safonov

AXIAL AGE-2: RETURN TO ORIGINS OR DIVE TO THE DARKNESS?

According to the authors, the historical essence of the «axial age» of Karl Jaspers is the transition from the ethnic evolution of its sociobiological nature to the emergence and evolution of the states with its non-ethnic nature and thus able to consolidate the large space and the diverse ethnic groups. The state, as more sophisticated, flexible and powerful type of social system in which ethnic identity is relegated to second place, won the Neolithic ethos, which for a long time gone into the background institutions of the new, politically constructed society. To explain the mechanism of ethno-cultural divergence, as a consequence of the crisis of civil nations in the context of globalization, the author introduces and justifies the hypothesis of stable (through a number of social and economic structures) parallelism of ethnos and nation, as overlapping but essentially different in origin, the mechanism of reproduction and functions social groups.

Key words: *Axial age, globalization, global crisis, ethnic group, ethnicity, nation, nationality, the state, social group, identity.*

Системный кризис социальной теории, порожденный глобальными качественными изменениями социальных процессов и институтов, закономерно вызывает обращение к золотому фонду мировой философской мысли, скрывающему идеи, обобщения и предвидения, не востребованные своим временем, но актуализированные в условиях новой социальной реальности. Одним из таких подходов является выдвигнутая Карлом Ясперсом концепция «Осевого времени» [1] как особого исторического периода, в ходе которого в основных цивилизационных центрах практически одновременно возникли классические религиозно-философские доктрины, подготовившие и предвосхитившие развитие Человечества на два тысячелетия вперед. Глубинную общность этих доктрин К.Ясперс увидел в историческом прорыве от мифа к логосу, от архаичной традиции к рациональности, от нерасчлененности непосредственного восприятия к философской рефлексии.

Очевидной целью Карла Ясперса как яркого представителя европейской философии был выход за пределы европоцентризма, поиск единст-

ва несхожих мировых цивилизаций, активно возвращавшихся в мировую политику, попытка осмыслить человечество с надцивилизационной позиции.

Современный глобальный кризис национального государства и гражданской нации, требующий переосмысления генезиса государства как социального института, в конце 40-х был для Ясперса и его современников далек и неактуален.

С точки зрения сегодняшнего кризиса социальной теории, выдающейся научной заслугой К.Ясперса стало само выделение Осевого времени как исторически короткого ключевого периода, в ходе которого региональные цивилизации совершили синхронный прорыв не только от мифа к Логосу, но и от родоплеменной архаики к развитым государствам имперского типа, объединяющим десятки локальных этносов и исторических провинций. Очевидно, именно в Осевом Времени надо искать ключи к пониманию современного глобального кризиса, угрожающего системообразующим институтам и

ценностям цивилизации, возникшим два тысячелетия назад.

Парадоксально, что после впечатляющих достижений неолитической революции (земледелие, скотоводство, ремесла) развитие человечества, организованного в этнические, родоплеменные структуры, шло медленно и крайне неравномерно, перемежаясь периодами регресса и упадка. Достижения регулярно возникавших изолированных локальных цивилизаций безвозвратно терялись после социальных и природных кризисов и катастроф.

С точки зрения эволюции социально-экономических организмов (систем), Осевое Время стало рубежом, за которым длительный (сотни лет) и глубокий (с утратой большей части исторической памяти и социальной наследственности) социальный регресс стал невозможен.

Предпосылкой Осевого времени стало возникновение непрерывного предглобального трансквилизационного пространства, связанного караванными и морскими путями, большой Ойкумены, в котором шло постоянное взаимодействие возникших в ОВ цивилизаций. С этой точки зрения, одновременность возникновения основных религиозно-философских учений, определивших облик современности, глубоко закономерна, так как отражает начало постоянного взаимодействия основных цивилизационных центров Старого Света.

Возникшие в Осевое Время религиозно-философские системы включали в себя инструменты научного познания – рефлексии, логики, представлений о причинности, создав, тем самым, «методологическую матрицу» для накопления и обобщения эмпирического опыта и, в конечном счете, – создания науки в Новое время.

Внеэтнический, потенциально универсальный характер ведущих религиозно-философских учений Осевого Времени способствовал созданию и воспроизводству крупных политических пространств (государств и империй), объединяющих этносы и исторические провинции.

Взаимодействие в рамках Большой Ойкумены положило начало конкуренции государств, культур и цивилизаций, что стало стимулом к техническому и социальному прогрессу, застраховало человечество от глубоких и длительных провалов в развитии. Таким образом, начиная с Осевого Времени, откат к догосударственным формам социальной жизни и дописьменным формам знания стал невозможен, историческое развитие приобрело однонаправленный, про-

грессивный характер, который сохранялся вплоть до эпохи глобализации.

Но ключевая социальная инновация Осевого Времени – отход на второй план классического, примордиального этногенеза и протоэтноса (состоящих из родоплеменных социальных общностей) и выход на первые позиции государства как искусственного социально-политического конструкта, социальной машины, создаваемой по чертежам и лекалам религиозно-политических учений.

Государство как новый, более совершенный, тип социального организма победил неолитический этнос, не уничтожив его, а используя его как социальный фундамент.

Характерно, что религиозно-философские учения, возникшие в Осевое время, включали в себя развернутые нормативные модели идеального государства с их идеологическим обоснованием. Если до начала Осевого Времени катастрофы и кризисы первых, изолированных друг от друга, цивилизаций и государств вели к социальному регрессу на сотни лет, утрате письменной и устной традиции, то после Осевого Времени гибель политических образований не вела к утрате непрерывности социального развития, так как политическая надстройка социума восстанавливалась на основе готовой социальной модели, минуя новую длительную эволюцию первичного, примордиального, этноса.

Философско-религиозная доминанта всех учений Осевого времени выражается в идее Царства, Державы, Империи (несколько позже – Халифата) как земного воплощения божественного миропорядка, потенциально готового вобрать в себя все земли и племена (т.е. этносы).

Таким образом, социальная сущность «Осевого времени» Карла Ясперса – качественный переход развития от этнической эволюции с ее социобиологической природой к возникновению и эволюции государств, имеющих социально-политическую природу и способных в исторически ничтожные сроки консолидировать громадные пространства и разнородные этносы. При этом этнос не исчез, а перешел на уровень обеспечивающей подсистемы нового, политически сконструированного социума. Политика отделилась от родоплеменных структур, в то время как этническая, родоплеменная компонента политики ушла в тень, сохранившись на цивилизационной периферии, и консервируя этнографическую периферийность.

Характерно, что Ясперс завершает «Осевое время» возникновением полиэтнических и мультикультурных эллинистических государств,

сов, как совпадающей части интересов элит и зависимых социальных групп. И если еще с «Осевого времени» до конца 20 в. антагонизм классовых интересов компенсировался и регулировался объективной необходимостью социального партнерства – симбиоза или хотя бы социального паразитизма в интересах выживания социального организма в целом, то в условиях ресурсно-демографических ограничений выгоды элит от сокращения зависимого населения все более перевешивают выгоды от его роста, выгоды от обнищания превышают выгоды от его благосостояния. причем не только на локальном, но и на глобальном уровне.

Главное отличие современности как «Осевого времени-2» то, что человек как основной ресурс социального строительства и абсолютная моральная ценность мировых религий перестает быть ценностью для элит – и в качестве «говорящего орудия», и в качестве плательщика податей и налогов, и в качестве покупателя, и в качестве «пушечного мяса». В этих условиях социальное государство благосостояния как механизм гармонизации групповых интересов подвергается утилизации и экспроприации со стороны элит.

Современное постиндустриальное и «постнациональное» государство – не столько жертва, сколько форма и орудие целенаправленной экспроприации и утилизации элитами и самого государства как политического и экономического субъекта, и нации как базовой социальной группы, и населения как социобиологической основы нации. Настоящий, не компенсированный общенациональным интересом и взаимозависимостью, антагонизм интересов элит и социальных низов возник только в эпоху глобализации.

Нарастающий антагонизм элит и масс, освобожденных от «сдержек и противовесов» социального партнерства в рамках государства, заставляет весьма критически оценить предложения о создании глобальной администрации как панацеи от социальных издержек глобального рынка.

Потенциально решая вопрос управляемости глобальной «империи», идея глобального администрирования обходит вопрос о целях, интересах и критериях этого администрирования, а также проблему ответственности глобальных администраторов. Мировое правительство в явном или неявном виде, будет лишь инструментом в руках тех же «освобожденных» от локальной ответственности элит, жизненно заинтересованных в сокращении и обнищании населения. «Мировое государство» будет изначально

поражено тем же конфликтом, который разрушил социальные государства послевоенного мира.

Таким образом, основное качественное отличие современной эпохи – порожденная глобальным ресурсно-демографическим кризисом объективная и субъективная заинтересованность элит в количественном и качественном сокращении населения.

Разрушая государства и нации, глобализация подвергает сомнению и такое завоевание Осевого Времени, как идею совершенствования человека как цели и меры бытия, восхождения человека и общества от плотского бытия к вершинам абсолютного (божественного) совершенства и знания. Иными словами, Осевое Время дало Человечеству установку на опережающее личностное и интеллектуальное развитие человека, как составного элемента общества.

При всем многообразии учений Осевого времени в их основе лежал единый идеал универсального человека как микрокосма, отражающего и вмещающего в себя многоплановую, связную модель породившего его общества с его историей, культурой и этикой. Микрокосма, в силу своей избыточности, способного к не только к целостному отражению, но целостному творению общества, созиданию «Царства Божия на земле». Соответственно, учения Осевого Времени (за исключением разве что китайского легизма) мыслили создание совершенного общества как добровольное соединение, «самосборку» в социальную систему личностей, несущих в себе общий идеал совершенного общества, слияние совершенных индивидов в идеальную коллективную личность.

Соответственно, главным направлением развития стало развитие внутренней сложности личности, способности к рефлексии и саморефлексии, принципиально опережающее утилитарные потребности повседневной жизни. Соответственно, возникли и развивались социальные институты накопления, обобщения и расширенного воспроизводства знаний и моделей поведения (идеалов и социальных норм), гарантирующих спасение общества от регресса. Главным двигателем социального прогресса было расширенное воспроизводство фундаментальных знаний и их носителей, делающее вчерашнее достояние немногих лучшим достоянием многих.

Что касается материального производства, то в учениях Осевого времени оно рассматривалось как обеспечивающий, инструментальный аспект

Примером неожиданного краха модели «плавильного котла» в ходе глобализации могут служить сами США, породившие как термин «плавильного котла» (melting pot), так и саму идею полиэтнической («мультикультурной») «нации иммигрантов». Этническая неоднородность американского общества сохраняется и нарастает.

По мнению Эдуарда Лозанского, автора монографии «Этносы и лоббизм в США» (2004) [3], этнические диаспоры и меньшинства США все больше обособляются и конкурируют, формируя в органах власти влиятельные лоббистские группировки, сопоставимые с корпоративным лобби (ТНК) и партийной системой. Более того, этнические лобби США все активнее лоббируют интересы государств происхождения, превращая иммигрантские общины в колонии, проводящие интересы заокеанских метрополий. Этнические диаспоры «в себе» превратились в диаспоры «для себя».

«Ориентация Америки на формирование не единого сплава в «тигле» многих национальностей, а на формирование пестрого многоцветья мультикультурализма привела к логическим результатам – к закреплению позиций этническими меньшинствами» [4, с. 104]. Более того, Э.Лозанский отмечает озабоченность других американских исследователей, в частности, С.Хантингтона, перспективами этнической фрагментации американской политической нации, вплоть до угрозы «балканизации» [4, с. 105-109].

Ситуация с категориальным аппаратом теории этноса дополнительно усложняется традиционным определением и нации, и этноса через характеристики принадлежности – общность языка, территории и культуры и др., из чего выводится либо мнимая тождественность данных понятий, либо альтернативность этноса и нации как социальных групп.

Очевидно, что создание адекватного категориального аппарата теории этноса требует четкого разграничения сфер этнического и национального, основанного не на внешних атрибутах, а на сущностных особенностях этноса и нации как не взаимоисключающих, а, напротив, сосуществующих и взаимодополняющих, социальных групп.

По мнению авторов, для объяснения механизма этнокультурной дивергенции как следствия кризиса гражданских наций в условиях глобализации, как нового «Осевого времени» необходимо признать по меньшей мере следующее.

Этнос и нация – не сменяющие друг друга стадии развития, но параллельные, сосуществующие и часто конкурирующие сферы социального бытия: доминирование этнической идентичности оттесняет на второй план национально-государственную (национально-политическую), и наоборот. Этносы сохраняются, несмотря на глобализацию, и сохраняют культурно-историческую преемственность при смене общественных формаций, охватывая большинство населения. Государствообразующие этносы продолжают латентное (скрытое) функционирование, уходя в тень наций, и вновь проявляются при кризисе институтов национального государства – локальном или глобальном.

Этнос и нация – качественно различные социальные группы, связанные с различными социальными позициями (социальными ролями), имеющие разный генезис и динамику развития: если этнос сформировался в неолите, то нации (вернее, протонации), как социальный продукт политического конструирования, закономерно возникли в именно в Осевое Время.

Различие феноменов этноса и нации заключается не во внешних атрибутах, а в механизме воспроизводства и функционирования этноса и нации, как социальных групп. Механизм воспроизводства этноса – непосредственная межпоколенная социальная наследственность, транслирующая этничность через образ (способ) жизни и структуры повседневности. Механизм воспроизводства нации – взаимодействие индивида с институтами государства и гражданского общества, формирующее нацию как общность, осознающую себя через наличие общих (национальных) интересов, опосредованных национальным государством.

Безусловно, устойчивый параллелизм сосуществования этносов и наций (этнической и национальной компонент социума) на протяжении ряда социально-экономических формаций, от Осевого Времени до периода глобализации, далеко не очевиден.

С одной стороны, осознанию совместного существования этноса и нации как самостоятельных социальных институтов мешает категориальная неопределенность, связанная с эволюцией соответствующих понятий (нации и национального, этноса и этнического).

Однако основным препятствием для осознания сосуществования этничности в условиях индустриализма и постиндустриализма является убеждение в «остаточности» и, соответственно, все меньшей актуальности этничности, якобы

быстро и необратимо уничтожаемой в ходе дивергентных социальных процессов – изменения образа жизни (урбанизация, миграция), унификации массовой культуры. С точки зрения традиционной этнографии и фольклористики, этносы, особенно государствообразующие, «исчезли» еще в середине прошлого века.

Таким образом, этнос не исчез в ходе трансформации в нацию, а, начиная с Осеевого времени, был поэтапно вытеснен из сферы политических и производственных отношений на бытовую, латентный, уровень, в сферу локальной экономики, частной и семейной жизни. В то же время полевые социологические исследования, включая переписи, уверенно фиксируют наличие у подавляющего большинства населения, включая население мегаполисов, отчетливой и устойчивой этнической идентичности, отличной от национально-государственной.

Ранее автор обратил внимание, что на несовпадение этноса и нации, как различных по генезу и функциям социальных групп указывает широкая распространенность в прошлом и настоящем не только полиэтнических наций, включающих ряд этносов, проживающих на территории национального государства, но и полинациональных этносов, этническая территория которых расположена на территории различных государств [5].

По мнению автора, суть феномена этничности и его независимости от государственно-гражданской сферы – не столько во внешних атрибутах, сколько в механизме воспроизводства этничности – непосредственной социальной наследственности, не опосредованной внешними социально-политическими институтами и включающей в себя трансляцию этнической идентичности и характерных для этноса образа жизни, ценностей и моделей социального поведения через механизмы длительного, повседневного повторяющегося взаимодействия, подражания и социально-ролевого поведения в ближайшем, как правило, родственном и соседском социальном окружении.

На социальную основу современной этничности, принципиально отличную от политических институтов гражданского общества, обратил внимание школа Фернана Броделя, который ввел понятие «структур повседневности» [6]. С понятием структур повседневности сближается понятие образа жизни (способа жизни) как типичных для конкретно-исторических условий способов, форм и условий индивидуальной и коллективной жизнедеятельности человека, формирующего типичную для социальной

группы (в том числе – для этноса и нации) индивидуальность.

Структура повседневной жизни, взаимодействие с окружающей с социальной и природной средой вырабатывают уникальный способ жизни, который является сущностной характеристикой этноса. Способ жизни подвергается изменениям, но эти изменения психологически незаметны для членов этноса и осознаются только через достаточно большие интервалы времени, не влияя на коллективное ощущение общности. А повседневная структура жизни воспринимается как некое постоянное и надличностное, что, в свою очередь, приводит к ощущению психологической стабильности и неразрывности социальной жизни этнической группы. Историческая память этноса воспринимает время как непрерывность, включая времена кризисов и катаклизмов. Соответственно, внешние атрибуты этноса – этническая территория, язык, религия, культура, оказываются лишь производными от основы этничности – непосредственной социальной наследственности, основанной на длительном и тесном социальном взаимодействии в рамках «структур повседневности» и образа жизни.

Соответственно, из природы этничности, основанной на образе жизни, массовых и повседневных горизонтальных социальных взаимодействиях, вытекают характерные для этноса, как социальной группы, свойства – высокая инерционность, эволюционный, непрерывный и преемственный характер изменения, сохраняющий не только символическую, но и прямую преемственность современных этносов по отношению к исходным этносам исторического прошлого.

Это означает, что и в эпоху глобализации этнос с его механизмами горизонтальных децентрализованных связей и социальных сетей далек от исчезновения, хотя бы в силу того, что составляет повседневную социальную среду индивида и охватывает большие массы людей. Этнос существует, оставаясь основным механизмом воспроизводства образа (способа) социальной жизни. Вместе с тем, современный этнос, как порождение образа жизни и структур повседневности, претерпевает качественную трансформацию, связанную с постоянной адаптацией к реалиям быстро меняющейся глобальной среды.

Одна из парадоксальных особенностей глобализации – отсутствие качественной новизны на уровне отдельно взятых сфер социального бытия. Так, взаимодействие цивилизаций и

культур приобрело постоянный характер еще в Осеевое время, а основные черты экономической глобализации, включая господство международного финансового капитала, сформировались и были отражены европейскими социалистами (в частности, Каутским и Лениным) в теории империализма еще сто лет назад.

Тем не менее, современная эпоха имеет ряд качественно новых общесистемных черт, позволяющих говорить не о сумме кризисов, а о переломе эпох, сопоставимом с Осеевым временем Карла Ясперса, то есть об «Осеевом времени-2», снимающим и завершающим не исторический период, не господство определенной социально-экономической формации, а всю двухтысячелетнюю эпоху эволюции государств и самоускоряющегося научно-философского прогресса.

Прежде всего, глобализация нарушила принцип целостности государств как ограниченных в пространстве автономных и саморегулируемых социально-исторических организмов.

Начиная с ранней античности, все известные социумы были закрытыми (в естественнонаучном плане) системами, в которых внутрисистемные связи преобладали над внешними, благодаря чему внешние взаимодействия не влияли на качественное состояние социальной системы.

Выполняя функциональные роли в сравнительно замкнутой системе социального организма, социальные группы (классы, сословия, варны, локальные этносы) были как объективно, так и субъективно заинтересованы в устойчивом симбиотическом сосуществовании, поддержании гомеостаза внутренней среды, в росте и развитии социального организма в целом.

Закрытость систем сама по себе является мощнейшим средством и стимулом саморегулирования системы. Существенно также, что закрытость системы – необходимое условие ее субъектности и самоидентификации во внешней среде.

Помимо пространственной, культурной и экономической замкнутости внутренней социально-экономической среды, целостность государства как социальной системы обеспечивали отношения управления, мотивирующие или принуждающие части функционировать в интересах целого.

Включая традиционный этнос в качественно новые политические и идеологические рамки территориального государства и соседской общины, Осеевое время заложило основу наций как социальных групп, объединенных не кровным родством, а социокультурной «почвой» –

общей социальной средой, одним государством и вытекающими из этого общенациональными интересами. Так возник современный мир как сообщество взаимодействующих и взаимно стимулирующих развитие друг друга, но при этом автономных и обладающих субъектностью государственных организмов.

Качественное отличие глобализации как антитезы Осеевого Времени – превращение национальных государств в открытые системы, внешние связи в которых все больше преобладают над внутрисистемными. Тем самым открытая Осеевым временем эпоха эволюции политических наций как автономных социальных организмов завершилась кризисом их целостности и субъектности – причем на высшем уровне экстенсивного и интенсивного развития производительных сил, когда ограничителем производства и потребления стала не численность социума и производительность труда, а природно-ресурсные ограничения. Модель развития, возникшая в Осеевое время, исчерпала себя, дойдя до физического предела своей применимости.

Превращение национальных государств в открытые экономические и социальные системы привело не столько к их слиянию, сколько к многочисленным конфликтам совместности и разрушению социальных структур и механизмов национальных государств. Нарушение целостности и относительной закрытости «классического» национального государства как фактора саморегулирования, размывание субъектности и идентичности нации неизбежно привело к системному кризису всех локальных социумов мирового сообщества.

Следует подчеркнуть, что ресурсно-демографический кризис, ограничив производство благ сырьевым пределом, разрушил государства как социальные организмы не только извне, но и изнутри, разрушив основы симбиоза базисных социальных групп, верхов и низов.

Классическое государство, мощь, богатство и безопасность которого определялась количеством и качеством населения, разбилося о ресурсный барьер. В условиях ресурсно-демографических ограничений двухтысячелетний симбиоз элит и социального большинства распадается: элиты заинтересованы не в количестве и не в качестве (производительность труда) населения, а в снижении и количества населения, и его потребления.

Вопреки всеобщему мнению, кризис социального государства вызван не столько глобализацией экономики, как таковой, сколько объективным исчезновением национальных интере-

венной власти; последние же охраняют, ограничивают и делают возможной их деятельность; и категория, предвосхищающая социальный проект развития будущего» [6, с. 148].

По нашему мнению, последний смысл понятия «гражданское общество», отмеченный Дж. Кином, очень точно отражает специфику подхода к гражданскому обществу в контексте социального проектирования. Говоря о гражданском обществе как социальном проекте, нужно отметить, что речь идет не о гражданском обществе как таковом, а об определенном уровне его развития.

В продолжение рассуждений о гражданском обществе Дж. Коэн и Э.Арато задались вопросом, имеет ли утопический образ мышления право на существование, а также на соответствующие ему радикальные политические проекты? Отвечая на него, авторы отметили, что «...немыслимым следует признать общество, лишенное норм поведения, общество, не вырабатывающее политических проектов; ведь при подобном положении дел неизбежен уход граждан в частную жизнь или в «реализм», а это лишь иное название для эгоизма; построенная на эгоизме политическая культура просто не обеспечит достаточной мотивации не только для развития, но и для сохранения существующих прав, демократических институтов, социальной солидарности или независимости» [7, с. 6-7]. Исследователи утверждают, что возрождение дискурса гражданского общества дает в этом смысле некоторую надежду, поскольку сам факт возникновения этого дискурса свидетельствует о том, что многие теоретики все еще продолжают ориентироваться на утопические идеалы современности – такие, как основные права, свобода, равенство, демократия, солидарность и справедливость, – даже если та революционная риторика, в контексте которой и были сформулированы данные идеалы, доживает последние дни. Ведь и само гражданское общество возникло как некая новая разновидность утопии (так называемая утопия «самоограничения», включающая в себя целый спектр дополнительных форм демократии и сложную систему гражданских, социальных и политических прав).

Не во всем соглашаясь с мнением авторитетных зарубежных мыслителей, обратим внимание на то, что утопичными (и то лишь в определенном смысле) можно считать идеалы гражданского общества. Всем понятно, что нет материального эквивалента солидарности, справедливости, свободы и т.п., все так называемые общечеловеческие ценности на самом деле релевантны

и историчны по своему содержанию. Однако, руководствуясь названными идеалами как принципами, современное цивилизованное сообщество способно обеспечить движение по пути социального прогресса.

Отечественные исследователи под гражданским обществом традиционно понимают независимую от государства особую сферу жизни общества, которая включает в себя экономические, семейные, этнические, культурные и иные отношения. Обычно отмечают, что гражданское общество не только существует независимо от государства, но и способно противостоять последнему и заставить его служить обществу. Современные трактовки структуры гражданского общества чаще всего сводятся к включению в него всей негосударственной сферы жизни общества, либо всей неполитической сферы. Большинство исследователей отмечают, что «...из всех его структурных элементов наиболее устойчивыми являются общественные организации, способные проникнуть во все сферы социального организма и мобилизовать инициативу граждан для решения значимых задач демократического развития...» [8, с. 13]. По мнению К.С. Гаджиева, «гражданское общество – это система обеспечения жизнедеятельности социальной, социокультурной и духовной сфер, их воспроизводства и передачи от поколения к поколению, система самостоятельных и независимых от государства общественных институтов и отношений, которые призваны обеспечить условия для самореализации отдельных индивидов и коллективов, реализации частных интересов и потребностей, будь то индивидуальных или коллективных» [9, с. 30]. И.А. Гобозов дает свое определение: «Гражданское общество – это такое общество, в котором существуют неофициальные структуры в виде различных политических партий, организаций, движений, комитетов, ассоциаций, собраний, обществ и т.д., действующие в рамках юридических законов и норм и оказывающие заметное влияние на официальные органы власти» [10, с. 354].

Обобщая имеющиеся в современной литературе подходы к гражданскому обществу, А.А. Гусейнов так оценил сложившуюся ситуацию: «Если понятие гражданского общества в том виде, в каком оно фигурирует в современном российском общественно-политическом дискурсе (в СМИ, речах идеологов реформ, научной публицистике и тому подобных источниках), подвергнуть элементарному логическому анализу, взяв за критерий хотя бы простейшее требование однозначного употребления терминов, то

бытия, доминирование которого несло угрозу обществу и личности как его первоэлементу.

От характерной для этноса передачи эмпирических знаний через структуры повседневности и образ жизни, Человечество совершило скачок к расширенному воспроизводству носителей знаний и моральных ценностей, каждый из которых «стоял на плечах гигантов», получая всю сумму знания, накопленного цивилизацией, а не прожиточный минимум члена традиционного общества.

Переход от религиозных учений к эпохе Просвещения с ее концепцией нового человека как обладателя и распространителя целостного и универсального знания был не отрицанием, а развитием общей тенденции опережающего развития человеческого потенциала.

Именно благодаря избыточности, фундаментальности и общедоступности знания научный, моральный и экономический прогресс стал не просто непрерывным, а самоускоряющимся: если «случай одаривает лишь подготовленные умы» (Луи Пастер), то темпы развития зависят от количества «подготовленных умов». Своего пика система фундаментального образования достигла в середине-конце 20 в. – и по количеству выпускников, и по объему получаемых ими фундаментальных теоретических знаний.

Однако сегодня очевиден кризис воспроизводства человеческого потенциала: налицо тенденция отказа от принципа фундаментального образования не только на уровне школы, но и на уровне университета.

В качестве альтернативы классическому фундаментальному образованию, непосредственно продолжающему традиции философских школ Осевого времени, повсеместно провозглашается идея «функциональной достаточности» образования, содержание которого «определяют работодатели» - очевидно, исходя из минимально необходимых должностных требований в системе массового производства с ее тотальным разделением труда на примитивные операции.

Если на пике научного прогресса потребность в носителях фундаментальных знаний достигала миллионов человек, то сегодня стоит вопрос об устойчивом сохранении критически важных технологий, что невозможно без сохранения научных школ и научных коллективов. Более того, для государств экономической и сырьевой периферии непосредственная экономическая потребность в научных кадрах высшей квалификации отсутствует, как таковая.

После выхода Человечества на уровень ресурсных ограничений дальнейший рост произ-

водительности труда, сокращая как занятость в производстве, так и потребность в квалифицированном и умственном труде, – объективно сокращает общественную потребность в массовой интеллигенции, как носителях фундаментальных знаний.

Прогресс организационных технологий, доведя разделение и регламентацию труда до предела, дополнительно снизил и качественные требования к персоналу: если первые ЭВМ создавались и обслуживались выпускниками университетов, то сегодня даже высокотехнологичное производство перемещается в «третий мир» – из Европы в Турцию, из Японии – в Малайзию. Соответственно, «запросы работодателей», сделанные основой образовательной политики, закономерно ведут общество к интеллектуальной деградации до уровня минимальных функциональных навыков пользователя, но не создателя, искусственной среды.

Дополнительным фактором интеллектуальной деградации стало тотальное распространение цифровых технологий, благодаря которому машины в массовом порядке замещают не только физическую силу работника, но уже и умственный труд, снижая потребность и в количестве, и в качестве носителей знаний. Внешняя доступность знаний как информации снизила и социальную привлекательность знаний и образования. Интеллектуализация массовых прикладных технологий (Интернет и другие цифровые технологии и сервисы, автоматизированные рабочие места клерков) привела к прогрессирующей деинтеллектуализации массы пользователей. Прошлый умственный труд, овеществленный и тиражируемый в цифровой среде, все более заменяет «живой» умственный труд реального специалиста и ученого.

К суженному воспроизводству интеллектуального потенциала ведет характерное для постиндустриальной экономики превращение знаний из общественного достояния в коммерческую интеллектуальную собственность, отчужденную от создателей. Массовое физическое вымирание Человечества еще не началось, но его «мозговая смерть» уже при дверях: непосредственная, сиюминутная потребность в носителях фундаментальных знаний снизилась до критического уровня, социальные механизмы массового воспроизводства носителей фундаментальных знаний деградируют, преемственность научной традиции теряется.

Таким образом, если Осевое время запустило механизм непрерывного и самоускоряющегося прогресса, основанного на опережающем, рас-

ширенном и заведомо функционально избыточном воспроизводстве носителей фундаментальных знаний и ценностей, то глобализация как отрицание Осеевого Времени К.Ясперса обозначила разворот к суженному воспроизводству человеческого капитала, примитивизации и деморализации массового человека, что парадоксальным образом обусловлено технологическим развитием, все более сокращающим потребности общества в живом умственном труде.

Современный глобальный кризис принципиально несводим к его экономической, технологической и ресурсно-демографическим компонентам. Налицо – объективно обусловленная деградация универсальных, базисных институтов и ценностей, общих для ведущих мировых цивилизаций, сложившихся в узком временном интервале т.н. «Осеевого (поворотного, переломного) времени» (К.Ясперс) и обеспечивших устойчивый духовный и материальный прогресс Человечества как системы взаимодействующих социальных организмов, в течение последних двух тысячелетий. Человечество вступило в новое Осеевое время (Осеевое время-2) – новую переломную эпоху, потрясающую глубинные, надцивилизационные и надформационные устои цивилизации, утрата которых чревата социаль-

ными катастрофами и переходом к глубокому и длительному социальному регрессу.

Литература

1. Ясперс К. Смысл и назначение истории. – М.: Республика, 1991, – С. 32-50.
2. Бромлей Ю.В. Очерки теории этноса. – М.: Либроком, 2009. – 440 с.
3. Лозанский Э.Д. Этнос и лоббизм в США. О перспективах российского лобби в Америке. – М.: Международные отношения, 2004. – 272 с.
4. Huntington S. The Erosion of American National Interests // Foreign Affairs. – 1997. Sept./Oct. – P.35.
5. Сафонов А.Л., Орлов А.Д. Нация и этнос: разграничение понятий в контексте глобализации // Вестник Бурятского государственного университета. Вып. 6 (Философия, социология, политология, культурология). – Улан-Удэ, 2012. – С. 26-32.
6. Бродель Ф. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV – XVIII вв. Т. 1. Структуры повседневности: возможное и невозможное. – М.: Прогресс, 1986. – 624 с.

Сафонов Андрей Леонидович, кандидат технических наук, проректор по международным отношениям Московского государственного индустриального университета, доцент кафедры истории и социологии, г. Москва, e-mail: zumsiu@rambler.ru.

Safonov Andrey Leonidovich, candidate of technical science, vice-rector for international relations, associate professor, department of history and sociology, Moscow State Industrial University, Moscow, e-mail: zumsiu@rambler.ru.

УДК 347.1

© С.Е. Туркулец, Н.С. Аникеева

ГРАЖДАНСКОЕ ОБЩЕСТВО И ПРАВО КАК УСЛОВИЯ И ЦЕЛЬ СОЦИАЛЬНОЙ ОПТИМИЗАЦИИ

В статье проанализированы некоторые подходы российских и зарубежных исследователей к понятию гражданского общества, установлена взаимосвязь между гражданским обществом и правом, определены основные направления участия права в оптимизации российского общества.

Ключевые слова: гражданское общество, право, правовое государство, социальная оптимизация.

S.E. Turkulets, N.S. Anikeeva

CIVIL SOCIETY AND LAW AS THE CONDITIONS AND THE GOAL OF SOCIAL OPTIMIZATION

The paper analyzes different viewpoints of Russian and foreign scientists on the concept of civil society; it defines the relations between civil society and law and describes the main spheres of law involvement in the optimization of the Russian society.

Key words: civil society, law, law-governed state, law-governed society, social optimization.

Как известно, понимание гражданского общества сложилось в период возникновения и развития буржуазных общественных отношений. И хотя основная концепция гражданского общества начала формироваться лишь в эпоху

Нового времени, понимание сущности гражданского общества, его отделения от государства относят к античной эпохе (Платон, Аристотель). Классическая теория гражданского общества берет начало в эпоху Просвещения благодаря

работам выдающегося мыслителя Ж.-Ж. Руссо. Окончательно теория гражданского общества оформилась в философских трудах И.Канта, Г.Гегеля и К.Маркса.

О взаимосвязи гражданского общества и права впервые заговорил И.Кант, утверждавший, что право в мироздании, в существовании и в развитии человечества представляет собой цель общества, находящегося в гражданском состоянии. По мнению Канта, гражданское устройство, воплощающее право, составляет «...безусловный и первейший долг во всех вообще внешних отношениях между людьми» [1, с. 281]. Право, по его словам, это «...высший принцип, из которого должны исходить все максимумы, касающиеся общества» [1, с. 307].

Синтез различных идей и подходов по проблеме гражданского общества, выработанных к началу XIX века, принадлежит Г.В.Ф. Гегелю. Гегель в своих работах говорил, что гражданское общество – это, прежде всего, система потребностей, основанная на частной собственности, а также религия, семья, сословие, государственное устройство, право, мораль, долг, культура, образование, законы и вытекающие из них взаимные юридические связи субъектов. Из естественного, «некультурного» состояния «...люди должны вступить в гражданское общество, ибо только в последнем правовые отношения обладают действительностью» [2, с. 50]. Гражданское общество противопоставлялось естественному состоянию и, по сути, включало в себя все проявления социальности, которые рассматривались в данном контексте как «арена» для реализации правоотношений.

Последовательная трактовка гражданского общества как негосударственной сферы социума стала утверждаться после публикации работы французского ученого А.Токвиля «О демократии в Америке», в которой автор соединил идеи демократии и гражданского общества, причем впервые демократия выступала не формой правления, а особым общественным состоянием. Его позиция отражена в приведенном далее высказывании: «... если мы считаем, что интеллектуальную и нравственную деятельность человека следует направлять на удовлетворение нужд материальной жизни и на создание благосостояния, если нам кажется, что разум приносит людям больше пользы, чем гениальность, если мы стремимся воспитать не героические добродетели, а мирные привычки, если пороки мы предпочитаем преступлениям и соглашаемся пожертвовать великими делами ради уменьшения количества злодеяний, если мы хотим жить не в

блестящем, а в процветающем обществе и, наконец, если, по нашему мнению, основной целью правления должны быть не сила и слава народа в целом, а благосостояние и счастье каждого его представителя, тогда мы должны уравнивать права всех людей и установить демократию» [3, с. 192-193].

В контексте нашей темы представляется весьма интересным подход к пониманию гражданского общества, сформулированный в работах зарубежных исследователей Ю.Хабермаса, Дж.Александера, Дж.Козна и Э.Арато, Дж.Кина. Объединяющая их мысль заключается в том, что гражданское общество – это утопия. Речь идет о том, что идея гражданского общества, исполнившая в свое время роль героического вдохновителя ранних демократических революций, а позже ушедшая с интеллектуальной сцены ввиду появления более «общественно и экономически ориентированных программ реформ» (Дж.Александр), сегодня вновь набирает силу. «Оживленная интеллектуалами, идеализированными антикоммунистические революции 1980-х годов, она затем служила нормативным стандартом тем, кто свергал, без насилия, авторитарные диктатуры в Латинской Америке и Азии. Дух гражданского общества – это самоограничение, индивидуальная автономия и плюрализм в соответствии с либеральными истоками. Но эта утопия также требует доверия, сотрудничества, солидарности и критицизма по отношению к иерархии и неравенству» [4, с. 8].

Ю.Хабермас говорил об «утопическом горизонте гражданского общества» [5, с. 328]. Он проявил озабоченность тем, что в традиционные структуры общественности, которые по природе своей имеют негосударственный характер, все больше вмешиваются официальные власти, что приводит к выхолащиванию главной их задачи – служить неформальному, небюрократизированному выражению сокровенных, изменяющихся интересов, чаяний, целей как можно большего числа граждан.

Директор Центра изучения демократии, британский ученый Дж. Кин определяет гражданское общество следующим образом: «Гражданское общество – это категория, одновременно описывающая сложный и динамический ансамбль охраняемых законом старых и новых социальных институтов и отдельных лиц, выступающих с альтернативными гражданскими инициативами, которым присуща тенденция к ненасильственности, самоорганизации и саморефлексивности, и которые находятся в постоянных тренингах друг с другом и институтами государст-

5. Habermas J. Theory of Communicative Action. V.2. – Boston, 1984.
6. Кин Дж. Демократия и гражданское общество. – М., 2001.
7. Коэн Дж. Д., Арато Э. Гражданское общество и политическая теория: пер. с англ. / под общ. ред. И.И. Мюрберг. – М.: Весь мир, 2003.
8. Орлова И.В. Социально-философский анализ гражданского общества как формы бытия современной демократии: автореф. дис. на ... д-ра филос. наук. – М., 1997.
9. Гаджиев К.С. Концепция гражданского общества: идейные истоки и основные вехи формирования // Вопросы философии. – 1991. – №7. – С. 19-35.
10. Гобзов И.А. Социальная философия. – М., 2007.
11. Гражданское общество, правовое государство и право (круглый стол журналов «Государство и право» и «Вопросы философии») // Вопросы философии. – 2002. – №1. – С. 3-51.
12. Беляев В.Г. Профессионализм как доминанта высшего юридического образования // Проблемы эффективности юридического образования / под общ. ред. Ф.В. Глазырина. – Екатеринбург, 2002.
13. Мотрошилова Н.В. О современном понимании гражданского общества // Вопросы философии. – 2009. – №7. – С. 12-33.

14. Национальная идея и жизнеспособность государства. Постановка задачи. Материалы научного семинара / под ред. С.С. Сулакшина. – Вып.2. – М.: Научный эксперт, 2009.

Туркулец Светлана Евгеньевна, кандидат социологических наук, доцент кафедры уголовно-правовых дисциплин Дальневосточного государственного университета путей сообщения, г. Хабаровск, e-mail: turswet@rambler.ru.

Аникеева Нина Семеновна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социальной работы и социологии Дальневосточного государственного университета путей сообщения, г. Хабаровск.

Turkulets Svetlana Evgenievna, candidate of social science, associate professor, department of criminal legal sciences, Far Eastern State Railway University, Khabarovsk, e-mail: turswet@rambler.ru.

Anikeeva Nina Sememovna, candidate of social science, associate professor, department of social work and sociology, Far Eastern State Railway University, Khabarovsk.

УДК 165.63:141.32

© О.К. Токтомагов

РАЦИОНАЛЬНОСТЬ КАК ОСНОВАНИЕ ФАНАТИЗМА

*Статья подготовлена при поддержке гранта РГНФ (проект № 11-33-00111а2 «Междисциплинарное исследование социокультурных механизмов преемственности ценностей»)

В статье анализируется понятие ценности и истины, а также выявляется взаимосвязь данных категорий при формировании ценностного отношения. Рассматривается причина для возникновения фанатизма, и влияние ratio на ценностную деградацию сознания. Приводятся доводы в пользу того, что основанием фанатизма является рациональное сознание. Выявляется причина, препятствующая преемственности ценностей от поколения к поколению.

Ключевые слова: рациональность, ценность, истина, фанатизм, заблуждение, преемственность.

О.К. Toktomatov

RATIONALITY AS THE BASE OF FANATICISM

The article examines the concept of value and truth and identifies the relationship of these categories in the formation of values relations. The author considers the reason for genesis of fanaticism and the impact of ratio on the value degradation of consciousness. He argues that fanaticism is based on the rational mindset. The reason for hindering the continuity of values is revealed.

Key words: rationality, value, truth, fanaticism, delusion, continuity.

Существует множество работ, посвященных изучению ценности, однако неоднозначное понимание ценности затрудняет применение результатов исследования. Известно, что данная категория используется в психологии, социологии, педагогике и т.д., и каждая дисциплина по-своему определяет ценность. Так, например, по мнению психолога Д.А. Леонтьева, ценность нельзя рассматривать в рамках одной науки, а

требуется междисциплинарный подход, так как это позволит глубже изучить ценность. Интересен момент, который выделил Д.А. Леонтьев: в английском и немецком языках слово «ценность» выражается тем же словом, что и экономическое понятие «стоимость», относящееся к конкретным объектам [3, с. 17] – это и послужило причиной неоднозначного понимания данного термина. Нас, однако, интересует сущностное

картина получится обескураживающей. В одном случае под гражданским обществом понимается структурная единица (сфера) общества, обозначающая зону между индивидом и государством; в другом – общество в целом, рассматриваемое к тому же в качестве цели, идеала («мы строим гражданское общество» – одно из привычных выражений реформаторской лексики); в третьем – совокупность налогоплательщиков, которые, как считается, нанимают государственных чиновников; в четвертом – негосударственная сфера политической жизни, в качестве типичного выражения которой фигурирует, в частности, многопартийность; в пятом – неполитические формы общественной активности типа гражданских инициатив; и т.п. Дотошный исследователь, думаю, мог бы насчитать десятки, а то и сотни такого рода определений. Это ускользающее мерцание смыслов нельзя считать просто следствием интеллектуальной беспечности. Оно функционально, и функционально именно тем, что является ускользающим. Дело в том, что понятие гражданского общества в российском общественном сознании несет на себе по преимуществу идеологическую нагрузку, призвано духовно-теоретически санкционировать происходящие в стране преобразования» [11, с. 30].

Есть мнение, что «гражданское общество – это социальный инвариант правового государства, уже подчинивший себе свое государство и реально использующий все его и свои потенциалы для обеспечения верховенства собственных исторических, социально-экономических и юридических законов... Гражданское общество – самодостаточный социум, способный для достижения своих целей и выполнения всех своих функций конструктивно распоряжаться всеми своими потенциалами и прежде всего – своим собственным государством... Правовое государство – юридический инвариант гражданского общества, уже подчинивший себя ему на основе верховенства собственных исторических, социально-экономических и юридических законов. Тот же смысл можно выразить другими словами. Правовое государство – государство, уже реально подчинившее себя гражданскому обществу и собственно законам на основе верховенства права над ним и собой» [12, с. 11-12].

Н.В. Мотрошилова соглашается с тем, «...что тесная связь между этими двумя понятиями, соответственно, формами социальной деятельности, имеется, что и фиксируется на уровне общих ценностных преамбул. Однако ведь на уровне исторических реалий дело нередко обстоит так, как в нашей стране – надо строить

гражданское общество в условиях, когда еще нет правового государства в строгом, полном смысле слова; одновременно нельзя отказываться от борьбы хотя бы за некоторые устойчивые правовые государства на том основании, что пока не построено гражданское общество, достойное этого названия. Весьма нередко в истории отдельные успехи в построении правового государства достигались при относительно слабом гражданском обществе (так, в частности, было в истории ряда стран, когда само государство могло ставить и частично решать проблемы прав человека, совершенствования правовой структуры и т.д.). И наоборот, если – в борьбе с диктатурой – создавались более мощные структуры гражданского общества, они могли стать мотором для построения правового государства» [13, с. 15-16].

Отметим, что термины «государство», «общество», «гражданское общество», «правовое государство» в современной терминологии часто используются как синонимы. Известный российский философ В.М. Межуев, выступая на научном семинаре, проводимом Центром проблемного анализа и государственно-управленческого проектирования, уточнил смысл понятия «общество» так: «Философы употребляют понятие общества не в описательном (дескриптивном), а в нормативном смысле, не во множественном, а в единственном числе (то есть говорят об Обществе с большой буквы), фиксируя в этом понятии не то, что есть, а что должно быть с точки зрения существования человека как личности» [14, с. 94]. Ясно, что в соответствующем контексте всегда необходимо уточнять смысл того или иного понятия, используемого исследователем.

Нам близка позиция В.М. Межуева, однако в рамках данной статьи следует указать, что в качестве определенного проекта оптимального социального устройства нами рассматривается не просто Общество, а общество, имеющее правовые основания.

Подчеркнем, что необходимо учитывать контекст проводимых исследований, которые обращаются к изучению и использованию понятия гражданского общества. Представляется, что рассмотрение гражданского общества в качестве условия, с одной стороны, и определенной цели общественного развития, с другой, весьма актуально в плане оптимизации социальной действительности.

В начале 1990-х годов в России был разработан и принят к реализации один из значительных социальных проектов – Конституция Рос-

сийской Федерации. Ее принятию на всенародном референдуме 12 декабря 1993 года предшествовала трудоемкая подготовительная работа. Предлагались разные варианты проекта текста Конституции. В один из проектов новой Конституции был включен раздел «Гражданское общество». Он располагался сразу после разделов «Основы конституционного строя» и «Основные права, свободы и обязанности человека и гражданина». Уже такое расположение данного раздела, помещение его перед разделами, посвященными устройству государства и государственной власти, говорило о том значении, которое придавалось разработчиками проекта институтам гражданского общества. К этому времени и теоретики, и практики социальных реформ сходились во мнении, что гражданское общество охватывает всю совокупность моральных, правовых, экономических, политических отношений, а также социальные институты (собственность, труд, предпринимательство), организацию и деятельность общественных объединений, сферу воспитания, образования, науки и культуры, семью как первичную основу человеческого общежития, систему средств массовой информации, неписанные нормы этики человеческого поведения и конкретный политический режим.

В условиях неразвитости институтов гражданского общества конституционное закрепление основ их свободного саморазвития было необходимо. Тем самым ставился бы надежный заслон вмешательству государства в личную жизнь гражданина и гарантировалось развитие именно демократических начал самоуправления в основных сферах жизнедеятельности общества. В то же время было ясно, что государство не вправе устраняться от регулирования общественно-политических, организационно-экономических и социальных отношений, поэтому в данном разделе определялись обязанности государства перед гражданским обществом.

Соответствующие статьи нашли отражение в названном разделе законопроекта. Сама идея включения такого раздела в текст Конституции была навеяна временем. Требовалось законодательно, на самом высшем уровне, закрепить принцип демократического контроля (гражданского общества над государством). Ведь, несмотря на неразвитость, институты гражданского общества уже существовали: стали включаться в процессы общественной жизни различные общественные объединения, группы, отдельные личности, искренне желающие осуществления качественных социальных преобразований.

Уровень правосознания граждан того времени был достаточно высок, что подтверждается количеством предложений и замечаний, внесенных рядовыми гражданами и их объединениями в ходе обсуждения в проект Конституции РФ. Однако мало что из предложенного было в итоге учтено. А кроме того, на определенном этапе процесса подготовки законопроекта были активизированы механизмы авторитарного президентского управления, в результате чего появился пропрезидентский проект Конституции, вообще исключивший раздел «Гражданское общество». Именно этот вариант и стал текстом ныне действующего Основного закона Российской Федерации.

Принятый Основной закон так и не урегулировал вопросы, связанные с институтами гражданского общества, которые остро нуждались в правовом оформлении. Таким образом, попытка реализации проективного потенциала права в направлении формирования гражданского общества на данном этапе завершилась неудачей.

Гражданское общество и право существуют неразрывно. Роль права, столь очевидно важная в социальном проектировании будущего российского социума, часто бывает недооценена или не в полной мере осмыслена, что обусловлено сложившимся традиционным пониманием права исключительно как средства упорядочения и воспроизводства общественных отношений. Проективный потенциал права в подлинно правовом обществе реализуется в том, что право выполняет функцию нормативно-ценностного ориентира в определении порядка формирования и функционирования институтов гражданского общества, а также характера взаимодействия последних с властными структурами.

В контексте данной статьи гражданское общество можно определить как такое состояние общества, которое характеризуется существованием свободного гражданского коллектива как объединения равноправных, автономных и активно действующих индивидов, не зависящих в содержании своей деятельности от государства, способных противостоять чиновничьему произволу, действующих не в частной, а в публичной сфере.

Подчеркнем, что право очерчивает границы и намечает горизонт функционирования и развития гражданского общества. Российский опыт существования институтов гражданского общества показывает, что формы, в которых граждане проявляют свою общественную активность, достаточно разнообразны. Основной правовой формой выступают общественные организации

(НКО), но кроме них граждане имеют право индивидуально выступать с инициативами по реализации и защите своих прав, свобод и интересов либо создавать временные коллективы в этих целях.

Обобщая результаты проведенных исследований, можно указать на следующие наиболее значимые факторы участия права в процессе развития институтов гражданского общества:

Во-первых, право посредством системы норм устанавливает порядок институционализации гражданского общества. Сюда следует отнести законодательное установление порядка создания, функционирования и взаимодействия с органами государства некоммерческих организаций, а также порядка реализации гражданских инициатив. Наряду с Конституцией РФ здесь необходимо назвать наиболее значимые и в целом отвечающие демократическим требованиям законы РФ: «Об общественных объединениях» (1995), «О государственной поддержке молодежных и детских общественных объединений» (1995), «О благотворительной деятельности и благотворительных организациях» (1995), «О профессиональных союзах, их правах и гарантиях деятельности» (1995), «О некоммерческих организациях» (1996), «О свободе совести и о религиозных объединениях» (1997), «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» (2003), «О собраниях, митингах, демонстрациях, шествиях и пикетированиях» (2004), «Об Общественной палате Российской Федерации» (2005).

Внутри общественных объединений действуют корпоративные нормы, устанавливающие порядок внутрикорпоративных взаимоотношений, права, обязанности и ответственность участников объединения, содержащиеся в локальных нормативных актах. Право закрепляет цели и определяет перспективы деятельности общественных объединений (санкционируя их уставы), тем самым, намечая контуры будущего состояния социума.

Во-вторых, право через органы государственной власти, а также через деятельность «органов-посредников» содействует развитию институтов гражданского общества. В современной России растет число общественных структур, создаваемых при государственных органах и осуществляющих контроль за их деятельностью (общественные комиссии, советы и проч.).

В-третьих, право содействует развитию гражданского общества в сфере функционирования правосознания и правовой культуры граждан. Уровень правосознания определяет отношение

граждан к необходимости (или отсутствию необходимости) принимать участие в разного рода гражданских инициативах в целях актуализации социальных проблем, обращения внимания на вопросы, требующие решения с помощью органов государства, а также указывает на уровень цивилизованности гражданского общества. Правовая культура проявляется в том, какие средства и способы используют граждане для защиты своих прав и интересов, насколько они осведомлены о законодательных основах и механизмах этой защиты.

Следует констатировать, что право не всегда успешно справляется со своими задачами по формированию, обеспечению стабильности и развития институтов гражданского общества в направлении оптимального состояния российского социума. Необходимо, наряду с предложенными выше мерами по оптимизации гражданского общества в России, предпринять ряд конкретных мер по повышению эффективности участия права в данном процессе:

1. На законодательном уровне следует закрепить не только порядок создания и функционирования институтов гражданского общества, но и формы и способы их государственной поддержки, расширив их спектр по отношению к существующим.

2. Усилить общественный контроль за деятельностью государственных органов со стороны институтов гражданского общества путем регулярных экспертиз нормативно-правовых актов и развития практики общественных советов, официально закрепив их правовой статус.

3. Проводить широкомасштабную работу по воспитанию у молодежи активной гражданской позиции, пересмотрев государственные образовательные стандарты, усиливая патриотическую составляющую, развивая национальное самосознание, формируя (и правовым образом оформляя такое формирование) объединяющую общенациональную идею России, включая ее основные положения как в образовательные программы общего, среднего и высшего профессионального образования, так и в социально-политические программы развития России в целом.

Литература

1. Кант И. Сочинения на немецком и русском языках. – М., 1993.
2. Гегель. Работы разных лет. Т.2. – М., 1973.
3. Токвиль А. Демократия в Америке. – М., 1992.
4. Александер Дж. Прочные утопии и гражданский ремонт: пер. с англ. Н. В. Романовского // Социологические исследования. – 2002. – № 10. – С. 8–11.

УДК 294 (510)

© Хао Цзюй

СОЦИАЛЬНЫЕ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ТОТЕМНЫХ ВЕРОВАНИЙ ДРЕВНИХ КИТАЙЦЕВ

В статье рассматриваются тотемные верования китайцев в контексте социальных и политических процессов в их древней истории.

Ключевые слова: тотемизм, тотемные верования, культ, социальная сфера, идеология.

Hao Tszuyu

THE SOCIAL AND POLITICAL ASPECTS OF TOTEMIC BELIEFS OF THE ANCIENT CHINESE

The totemic beliefs of the Chinese in the context of social and political processes in their ancient history have been analyzed in this article.

Key words: totemism, totemic beliefs, worship, social, ideology.

Тотемизм представляет собой одну из форм первобытных религиозных верований. В Китае это верование имело огромное значение, играло важнейшую роль в социальном и политическом развитии его древнего общества. Согласно мнению известного российского ученого Л.С. Васильева, «тотемизм возник из веры группы людей в их родство с определенным видом животных или растений, скорее всего, первоначально именно от тех, что составляли основу пищи для данного коллектива. Постепенно он превратился в основную форму религиозных представлений возникающего рода. Члены родовой группы (кровные родственники) верили в то, что они произошли от предков, сочетавших в себе признаки людей и их тотема (т.е. полулюдей – полуживотных, полулюдей – полурастений, различного рода фантастических существ и монстров). Тотемная родовая группа обычно носила имя своего тотема и свято почитала его» [1].

Тотемизм представляет собой одну из самых ранних форм религиозных верований, которая возникла в период, когда основным промыслом была охота и собирательство. Тотем – это группа или класс объектов, которым поклонялся первобытный человек. Главным образом это были животные, реже – растения. И, наконец, тотемизм подразумевает осознание родственных связей между тотемом как объектом поклонения и теми, кто поклоняется ему. Осознание родственной связи выражалось в признании тотема как своего первопредка. Этот момент, как нам представляется, был самым важным в формировании тотемного верования. Осознание своей родственной связи с тотемом и признание его как единого предка было связано с осознанием первобытным человеком родовой общности и идентификацией себя со своим родом. Поэтому тотемные верования приобретают большое зна-

чение в период дальнейшего развития социальной структуры рода, постепенно приобретают характер социальной регуляции. Одним из характерных проявлений социальной регуляции в первобытном обществе становится табуация, объявившая запрет (табу) на употребление мяса тотемного животного в пищу.

Табуация, как одна из ранних форм социальной регуляции между членами рода, возникла в условиях формирования и дальнейшего развития тотемных верований. Начав с запрета употреблять в пищу мясо тотемного животного, табуация постепенно распространилась и на остальные сферы социальных отношений между членами общества.

Возникнув на ранней стадии первобытного общества, тотемизм все более наделялся социальной окраской. Дальнейшее развитие первобытного общества и последующее за ним разложение родоплеменных отношений привели к социальной дифференциации внутри рода и племени. Постепенно в руках вождя племени и родоплеменной верхушки, приближенной к вождю, начинают сосредотачиваться материальные богатства. Вождь концентрирует в своих руках власть, дающую ему единоличное право распределения материальными благами. В этих условиях тотемные верования начинают приобретать идеологическую окраску. Ведь процесс разложения родоплеменных отношений, углубление классового расслоения общества требовал закрепления в обществе определенных интересов образующихся социальных групп, их места и роли в общественной организации. «Гарантом устойчивости «закрепляющихся» интересов социальных групп, их места и роли в общественной организации выступала наследственная власть» [2], которая, в свою очередь, нуждалась в идеологической поддержке. Эту поддержку

определение ценности, которое было бы универсальным, т.е. устраивало бы и другие дисциплины помимо философии. Мы считаем универсальным такое определение ценности, которое ориентировано на достижение истины и измерение ее влияния на сознание конкретного человека и общества в целом.

По мнению Л.Н. Столовича, ценность – это субъектно-объектное отношение, порождающее объективную ценность, тогда как субъективно-объективное отношение является оценением, и ценность становится субъективной [7, с. 92]. С этой точки зрения, ценность является объективной реальностью, однако существует противоположная позиция, согласно которой, ценность – это субъективное отношение, сопровождаемое оценочной деятельностью («субъективизированная ценность»). По нашему мнению, ценность есть результат ценностного отношения, которое, однако, не имеет ничего общего с оценением. Оценивание есть результат субъективного восприятия, не исключающего заблуждения относительно истины. Понимание ценности как результата оценивания привело к тому, что ценность начали отождествлять с понятием «стоимость». Одним из тех, кто заострил внимание на деградацию в понимании ценности, является Ф.Ницше.

Ф.Ницше в работе «Воля к власти» понимал ценности как «точки зрения» [7, с. 33], результат субъективного восприятия и то, что дает власть. В стремлении достичь власти ценности способствуют определенному развитию личности, однако в результате «воли к власти» личность отрицает ценность человеческой жизни, использует других как средство власти, выстраивая такие отношения, для которых ценностью и целью является уже власть, а не развитие личности, не человеческая жизнь. По Ф.Ницше, ценность является ценностью до тех пор, пока она признается и значима как то, в чем все дело [7, с. 30], поэтому ценностная переориентация (изменение точки зрения) как раз и предполагает, что индивид не просто начнет ценить что-то другое, но изменит свое отношение. Так, например, потребительское субъектно-объектное отношение может быть изменено на личностное субъектно-субъектное, когда человек становится целью, а не средством.

М.Хайдеггер развивает такое понимание ценности в онтологическом ключе: ценность представляется как то, на что мы смотрим и с чем нам приходится считаться при принятии решений (ориентироваться) [7, с. 30]. По нашему мнению, данное определение является наи-

более точным и раскрывает сущность категории ценность. В соответствии с этим определением, истина и ценность являются двумя фундаментальными, взаимодополняющими друг друга понятиями [1, с. 8], а поэтому изучать ценности можно в нескольких направлениях. Во-первых, непосредственно через анализ понятия истины: человек ориентировался на истину как ценность, опираясь на которую, он принимал решения. В этом случае ценность понимается в качестве того, что ценится. Во-вторых, опосредованно через понятие заблуждения: поскольку человек мог заблуждаться относительно истины, за истину могло быть принято и что-то ложное. В этом случае ценность понимается в качестве оценки, которая может быть как истинной, так и ложной.

Нам представляется, что посредством философско-исторического анализа понятия истины у нас сложится определенное мнение о предмете истины, который является ориентиром, т.е. представляет собой ценность. В различные исторические эпохи истина понималась по-разному. В древней Греции истину знали как богиню Aletheia: когда Парменид называет богиню «истиной», тогда сама истина постигается как богиня [9, с. 22]. В римское время истина понимается как veritas, «в средневековье aletheia превращается через veritas в adaequatio, rectitude и iustitia, а затем – в новоевропейскую certitudo, в истину как достоверность, обоснованность и надежность» [9, с. 129]. Изменение сущности истины в истории философии, по мнению М.Хайдеггера, свидетельствует не просто об отдалении человека от истины в ее изначальном значении, но о ценностной деградации сознания. В XIX веке для признания истинности чего-либо было достаточным признание несомненной верности приводимых сведений для воспринимающего их человека. Субъективное восприятие как критерий истинности – это не только упрощение реальности в постижении истины и одновременное отдаление от нее, но и деградация объективной познавательной способности. По мнению М.Хайдеггера, изменение понимания истины повлекло за собой изменение понимания разума, который не только перестал быть logos, но из ratio стал пониматься как просчитывание calcul [9, с. 115]. Калькулирующее мышление, т.е. просчитывающее, заменило осмысляющее мышление, и оно стало преобладающим в современном обществе:

1. Человек заранее рассчитывает на достижение определенных результатов, не желая рисковать;

2. Беспристрастность и желание узнать истину ушли на задний план;

3. Допускается расчет в отношениях между людьми и не признается ценность человеческих отношений.

Калькулирующее мышление необходимо при экономических отношениях, когда нужно просчитывать варианты исходя из имеющихся ресурсов. Планирование и исследование, дающие возможность спекулировать относительно абсолютного и утверждать относительное, оправдывая собственные эгоистические желания, – вот то, что характеризует просчитывающее мышление. Человек, движимый выгодой, рассчитывает (калькулирует) свои действия, ищет все новые и новые выгодные варианты. Отсутствие спокойствия и невозможность даже задуматься о смысле своих действий есть признак такого мышления. Это можно увидеть на примере современного человека, который словно в потоке горной реки плывет все быстрее и быстрее, не понимая ни конечной цели и смысла, ни последствий своих действий. Таким образом, необходимо подчеркнуть то, что разум такого человека направлен не на постижение истины «как она есть», а на внешние механизмы и закономерности, что свидетельствует о рационализации сознания, изменении его ценностных ориентиров.

Осмысляющий тип мышления, который и есть разум в изначальном его понимании, «потерял почву и бесполезен в повседневной жизни» [10, с. 104]. По нашему мнению, причины такой бесполезности – в изменении как ценностей человека, так и понимания сущности истины. Если раньше истина не зависела от личности и ее желаний, воли, усилий, то теперь истиной признается и устанавливается та, которая оправдывает личность, учитывая только выгодные для последней позиции. Осмысляющее мышление, которое направлено на постижение сущности вещей и ценностное возвышение человека, не выдерживает сегодня конкуренции рационального мышления, которое направлено на поверхностное рассмотрение вещей как средства увеличения благосостояния человека.

Итак, ценность и истина непосредственно связаны между собой, а изменение понимания сущности истины влечет изменение ценностной ориентации. Классическим примером ценностной деградации сознания является фанатично настроенное духовенство во времена инквизиции. Церковь отделилась от истины и с помощью разума оправдала деятельность инквизиторов. Отметим, что слово *justification* (оправдание), вошедшее во многие европейские языки,

происходит от латинского слова *justitia*, которое можно перевести и как праведность, и как справедливость. Такое оправдание в качестве ценности предполагало не человеческую жизнь, а возможность идеологического влияния и увеличения за счет этого благосостояния лидеров, движимых волей к власти, а совсем не религиозными стремлениями. Как известно, использовать другого человека только как средство, не видя в нем только цель, есть непонимание ценности человеческой жизни [3, с. 206]. Можно сказать, что это и есть активная ценностная деградация сознания, в основе которой лежит расчетливая рациональность, или фанатизм. Фанатизм в таком аспекте есть ожидание от истины выгод, а не постижение ее, как той, что приносит успокоение и радость душе, просветляя уникальный, личностный, «только мой» жизненный путь.

Независимо от того, являются ли фанатики представителями религиозной конфессии или какой-то атеистической идеологии, они всегда эксплуатируют истину. У фанатика может быть потребность в вере, которая смешивается с «волей к истине», или же потребность в безверии, также смешиваемая с «волей к истине»: в обоих случаях рациональное сознание проявляется в том, что фанатик корыстен по отношению к истине. Движимые волей к власти, фанатики нападают на истину, ожидая «от победы над ней известных выгод, например свободы от господствующих властей» [4, с. 210]. По словам Ф.Ницше, истина доказывается «чувством повышенной власти, полезностью, – одним словом, выгодами (т.е. предпосылками о том, какова должна быть истина, чтобы она пользовалась нашим признанием)» [4, с. 210]. Фанатики могут разыгрывать из себя «истинно верующих» или «мучеников истины» (борцов с религией) – то и другое только свидетельствует о рационализации, проявляющейся в использовании всех возможных средств для борьбы с противником, мешающим господствовать.

Рациональное сознание способствует утверждению той истины, которая позволяет захватить власть и потому является выгодной, отсюда ясно, что «методику истины выводили не из мотивов истины, а из мотивов власти, в стремлении к превосходству» [4, с. 210]. Таким образом, фанатизм, имеющий рациональную основу, можно охарактеризовать посредством основанного на заблуждении настроения корысти, эксплуатации и жадности власти.

Желание господствовать, проявляемое как воля к власти, является причиной появления фа-

натизма. Основание такого фанатизма имеет рациональную природу. Такой вывод можно сделать и из анализа работы Дж. Локка «Послание о веротерпимости», где философ, рассматривая религиозный тип фанатизма, отделяет верующих от фанатиков. Философ утверждает, что желание господствовать исказило суть учения Христа, и фанатизм тому подтверждение [6, с. 29]. Фанатичное желание уничтожить другие вероисповедания ради утверждения одной «истинной» религии также имеет рациональную основу, поскольку иррациональной основой любой религии является любовь. Только рациональное может обосновать одним «любящим» уничтожать других «любящих» или же заставлять любить силой, принуждать к любви. Только логически можно доказать необходимость проявления жестокости и утвердить «выгодную» истину.

Фанатизм, проявляющийся в агрессивном терроризме и желании господствовать, в большей степени может проявляться в государственной идеологии, а не в религии. В истории философии и в истории вообще есть немало примеров того, как правитель наукой и идеологией оправдывает насилие в отношении своих граждан или военные действия против других стран. Можно привести в пример фашистский режим, когда манипулировали массами людей, развивая в них неприязнь к другим народам. Фанатично настроенный правитель рационально обосновывал необходимость уничтожения миллионов людей, ради достижения господства. Можно сделать вывод, что желание господствовать является одной из причин появления и развития фанатизма как на уровне личности, так и на уровне общества, а рассматриваемая через призму ее истинных целей и ценностей религия не имеет прямого отношения к фанатизму, поскольку он лишь проявляется среди так называемых «верующих», которые используют религию для достижения власти так же, как идеология использует так называемых «патриотов» для решения своих эгоистических задач.

Характеризуя фанатично настроенного человека, необходимо отметить немаловажный момент в отношении влияния фанатизма на становление личности и социокультурную преемственность ценностей. Фанатизм становится препятствием при передаче ценностей от поколения к поколению и служит препятствием в становлении целостной, социально компетентной личности. Фанатизм в этом ключе связан с насилием над свободой других и собственной несвободой от страстей. По мнению И.А. Ильи-

на, нужно стать «господином своих страстей» [2, с. 144]. Парадокс состоит в том, что стандартным решением этой проблемы всегда был разум, однако в ситуации фанатизма в первую очередь нужно восстановить понимание сущности истины и соответствующую ей ценностную ориентацию, которая скорректирует деформированный разум. Такой разум направлен не вовне, а вовнутрь: если фанатик стремится навязывать свое мнение другим, то культурный человек напоминает истину самому себе. Установлению и упрочению внутренней свободы способствует внешняя свобода, когда человек крепко стоит на ногах и пользуется своим разумом. Кроме того, как говорит И.А. Ильин, «акт духовного опыта, духовной любви и веры своеобразно слагается и вынашивается народами на протяжении столетий, ... передаваясь в процессе воспитания и преемства от одного поколения другому» [2, с. 148]. Правильное усвоение ценностей предыдущего поколения дает возможность развиваться личности не только внешне, но и внутренне.

В итоге проделанной работы можно сказать, что фанатизм есть активная ценностная деградация сознания, выраженная в ориентации на ложные ценности.

Литература

1. Ильин И.А. Аксиология. – М.: Высшая школа, 2006. – 390 с.
2. Ильин И.А. Религиозный смысл философии. – М.: АСТ, 2003. – 694 с.
3. Кант И. Сочинения: в 8 т. Т. 4. – М.: Чоро, 1994. – 630 с.
4. Леонтьев Д.А. Ценность как междисциплинарное понятие: опыт многомерной реконструкции // Вопросы философии. – 1996. – №4. – С. 15-26.
5. Ницше Ф. Воля к власти: опыт переоценки всех ценностей. – М.: Refl-book, 1994. – 352 с.
6. Послание о веротерпимости Джона Локка: точки зрения / общ. ред., вступ. ст., коммент. М.Б. Хомякова. – Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. ун-та, 2002. – 276 с.
7. Столович Л.Н. Об общечеловеческих ценностях // Вопросы философии. – 2004. – №7. – С. 86-97.
8. Хайдеггер М. Ницше и пустота. – М.: Алгоритм-ЭКСМО, 2006. – 304 с.
9. Хайдеггер М. Парменид. – СПб.: Владимир Даль, 2009. – 384 с.
10. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге: Сборник. – М.: Высшая школа, 1991. – 192 с.

Токтомагов Ормон Кубанычевич, аспирант кафедры философии Байкальского государственного университета экономики и права, г. Иркутск, e-mail: ormon86@mail.ru.

Toktomatov Ormonov Kubanychevich, postgraduate student, department of philosophy, Baikal State University of Economics and Law, Irkutsk, e-mail: ormon86@mail.ru.

ние спасения ради блага всех живых существ является главной установкой «высшей» личности и носит название «бодхичитта» (byang sems), или бодхисаттвской мысли – сострадания к живым существам, мучающимся в колесе перерождений, и стремление всех их привести к достижению освобождения. Следует отметить, что границы между тремя психологическими типами личности проницаемы: в течение жизни благодаря духовной практике индивид может перейти от «низшего» типа личности к «высшему» [2, с. 57].

Бодхичитта, или сострадание, является неотъемлемым и обязательным компонентом всех буддийских практик. Когда Будда Шакьямуни давал учения царю нагов, он сказал: «Великий царь нагов, если у тебя будет всего одна вещь, этого будет достаточно, чтобы достичь просветления». Когда царь нагов спросил, что это такое, Будда ответил: «Это бодхичитта». Практикуя любую форму медитации или выполняя любую благую деятельность, вы должны наполнять эти практики бодхичиттой, и тогда они приведут к просветлению [6].

Зарождение бодхичитты является необходимым условием всех буддийских практик, поскольку бодхичитта, в сущности, есть отказ от эгоцентризма. Согласно буддийскому учению причиной всех страданий является вера в существование индивидуального «я» т.е. эгоцентризм. Такая вера порождает жалость и любовь к себе. Вера в существование индивидуального Я является силой, способной побеждать общественное мнение и религиозно-нравственные нормы. Именно поэтому в буддизме большое внимание уделяется учению о несуществовании индивидуального Я (тиб.: gan zag gi dag med). Вера в существование «я» проистекает от неведения (тиб.: ti mug)[5]. Практика бодхичитты помогает индивиду осознать, что вера в существование индивидуального «я» есть главный источник всех мирских страданий. Бодхичитта зарождается от искреннего желания помочь другим. Мысль об отречении от индивидуального «я», отказ от эгоцентризма и есть одна из первых ступеней практики бодхичитты. Бодхичитта является абсолютной и исключительной причиной становления Буддой – как семя ячменя может породить только ячмень [1, с.187]. В джатаках есть много историй о том, как Будда Шакьямуни в течение долгого времени практиковал сострадание, прежде чем достиг просветления. Для зарождения бодхичитты используются различные практики, которые варьируются в зависимости от уровня подготовки индивида. Это та-

кие практики, как «ложон» (тиб.: blo sbyong – преобразование мышления), семичленная практика, метод замены себя на других и др. В основе всех этих практик – отождествление себя с другими, зарождение равного отношения ко всем живым существам. Так, например, метод замены себя на других, который был передан Шантидэвой, состоит из следующих пяти разделов:

- 1) осознание равенства себя и других;
 - 2) осознание неблагоприятных последствий привязанности к собственному «я»;
 - 3) осознание преимуществ заботы о других как главного источника счастья;
 - 4) реализация установки заботиться о других больше, чем о себе;
 - 5) практика принятия и отдачи «Тонлен».
- Принятие страданий других усиливает сострадание, а отдача своего счастья усиливает любовь [1, с. 197].

Учение о сострадании занимает значительное место также в традициях Ваджраяны. Согласно тантрическим текстам, наличие бодхичитты – стремления достижения спасения ради блага всех живых существ – является неперенным условием вступления на этот путь. Очень важным на тантрическом пути является приверженность идеалу бодхисаттвы, который стремится достичь освобождения ради блага всех живых существ. Если же йогин практикует тантру ради обретения мистических сил, могущества и т.п., то, как утверждают адепты Ваджраяны, его духовная деградация неотвратима.

Бодхичитта имеет два аспекта: относительный и абсолютный. Абсолютная бодхичитта – это мудрость прямого и непосредственного постижения пустотности, бессамости бытия. На начальном этапе акцент должен быть сделан на относительной бодхичитте. Относительная бодхичитта в сущности является глубоким желанием принести благо другим. Искреннее намерение – это, прежде всего, умственный настрой человека, характеризующийся особой силой, готовностью взять на себя все страдания. Но пока не достигнуто состояние Будды, полностью эта сила реализуется лишь мысленно, потому что не освободившийся от сансары не может освободить других.

Относительную бодхичитту традиционно разделяют еще на две ступени: на бодхичитту намерения и бодхичитту действия. Первая представляет собой устремление принести благо всем живым существам. А бодхичитта действия – применение этого устремления на практике. Относительная и абсолютная бодхичитта представляют собой две разновидности альтруисти-

она могла искать лишь у своих тотемных предков. Тотемные верования начинают использоваться как средство обоснования права вождя на власть через утверждение прямого его родства с тотемным предком.

Особенно ярко черты социальной и политической направленности тотемных верований проявились в Китае. Здесь возникновение тотемизма относится к неолитическому периоду. В неолитический период в Китае «выделился набор живых существ, составивший базовый для последующей собственно религиозной традиции и духовной культуры Китая, в целом, комплекс зооморфных образов» [3]. Зооморфные образы были изображены на сосудах или в виде скульптурных фигурок.

Кроме рисунков и скульптурных изображений, свидетельствующих о тотемных верованиях, существуют и письменные источники. В неолитическом Китае в качестве тотемов выступали не только животные, но и растения, горы, камни. Так, в древнекитайском письменном источнике «Шань хай цзин» («Канон гор и морей») обнаруживаются следующие свидетельства о горе как о тотеме: «Горе Хлебного колоса, как Предку приносят жертвы, употребляя сосуды и яства, которые полагаются при ритуалах Великого Заклания. Закапывают жертвенное животное вместе с нефритовым диском (би) (в особых случаях быка)» [4].

О растениях-тотемах свидетельствуют исследования российского ученого Г.Г. Стратановича: «Именно под сенью предка-дерева проводились «весенние игрища» у древних народов Китая. Память об этих игрищах сохранилась не только в «Своде песен» («Шицзин»), но и в мифе о бессмертной богине Чан Э, совершившей «побег на луну», где «она пляшет с десятью наперсницами под большим коричневым деревом» [5].

Ранние тотемные верования китайцев имели, в первую очередь, идентификационную направленность, а именно – на осознание своей родственной связи с тотемом и признание его как единого предка, что было связано с осознанием древним человеком родовой общности и идентификацией себя со своим родом.

Углубляющийся процесс разложения родоплеменных отношений обусловил формирование на территории Китая в XVI веке до нашей эры протогосударства Шан-Инь. Формирование протогосударства, несущего черты будущего государства, обуславливало необходимость появления нормативных институтов. Формирование этих институтов предполагало, во-первых, процесс трибализации, т.е. процесс формирования

структурированной этнической общности, группы, имеющей вождя, во-вторых, появление частной собственности [6].

По мере дальнейшего развития процесса формирования структурированной этнической общности во главе с правителем-вождем, возникла необходимость укрепления власти правителя-вождя, поскольку его функции управления и регуляции все более расширяются. Появление частной собственности обуславливает дальнейшую социальную дифференциацию общества, разделение его на классы, что также вызывало необходимость укрепления власти, поскольку «с момента появления частной собственности возникает необходимость в охране этой собственности, в удержании в повиновении неимущих классов, использовании их в интересах экономически господствующего класса» [6].

Укрепление власти правителя-вождя означало не только её внешнюю защиту – вооруженную охрану от недовольства большей части общества, оставшейся за чертой раздела собственности. Это, прежде всего, обоснование и утверждение собственного права на власть, что достигается за счет идеологического укрепления авторитета власти.

Одним из самых мощных средств идеологического укрепления власти стала её сакрализация, которая осуществлялась посредством тотемного верования. Было важно доказать свое ближайшее родство с божественным предком, дающее право властвовать от имени и по воле этого божества.

Как справедливо отмечает Л.С. Васильев, «в эпоху становления государств и появления сильной центральной власти обычно возникали могущественные боги. Эта монотеистическая по своему характеру тенденция в тех условиях являлась вполне закономерным отражением важных событий в «мире богов», которые совершались в мире людей. По словам Ф.Энгельса, «единственный бог никогда не мог бы появиться без единого царя». При этом, как правило, земной повелитель объявлял себя «божественным» и нередко связывал свое происхождение непосредственно с богом» [7].

Таким божеством в Шан-Иньском государственном образовании стал Шан-ди. Правители Шан-Инь, которых именовали ванами, были объявлены его прямыми потомками. Шан-ди – это тотемный предок шан-иньцев, считавшийся их прародителем и покровителем.

Верховное божество Шан-ди изображалось иероглифами шан (上) и ди (帝). Смысловые значения иероглифа шан (上) – «верх», «преды-

душий», «высший», превосходный», а смысловое значение иероглифа ди (帝) «император», «монарх». По словам М.Е. Кравцовой: «Иероглиф ди (帝) в историческом контексте следует понимать в его абстрактном значении – «связывать нечто или кого то друг с другом», а образ Шан-ди есть олицетворение группы божеств, обеспечивавших единство этнокультурных групп и объединений, вошедших в состав Шан-Инь» [8]. Относительно иероглифа шан (上) она пишет: «Шан (上) может означать как «высший» в смысле «самый главный», так и «находящийся на самом верху» [9], что указывало на то, что Шан-ди считался высшим божеством, стоящим над всеми другими божествами. В условиях формирующегося государства это божество все более наделялось социальными функциями, главной из которых была тотемная, подчеркивающая, что Шан-ди – прежде всего прямой предок шан-иньских правителей, над которыми он осуществляет свое покровительство, оберегает и защищает их право на власть и на привилегированное положение в социальной иерархии общества. В этой связи в отношении к верховному божеству, да и не только к верховному, но и другим божествам, преобладали практические интересы, окрашенные рационализированными ритуалами, обусловившими характер взаимоотношения с божествами: «мы – вам (уважение), вы – нам (заботу и поддержку)» [10].

Логическим следствием культа Шан-ди как культа первопредка шан-иньского рода стало усиление культа предков. Усилению культа предков способствовало представление шан-иньцев о том, что правители Шан-Инь после своей смерти в загробном мире служили Шан-ди, помогая ему во всех его делах [1]. Будучи помощниками Шан-ди, бывшие правители приобретали божественное могущество и совместно с Верховным божеством, согласно воззрениям древних китайцев, вершили земными делами, влияли на судьбы людей. Такое отношение древних китайцев к тотемному божеству Шан-

ди и к своим умершим правителям обусловило тот факт, что культы сил природы были оттеснены на задний план. Поэтому в древнем Китае не возникли характерные другим народам древнего мира культы великих богов природной сферы. Их заменили культы социальной и политической сферы, а именно обожествленные предки во главе с верховным тотемным божеством Шан-ди.

Культ тотемного божества Шан-ди как гаранта власти шан-иньских правителей сохранялся вплоть до завоевания протогосударства Шан-Инь чжоускими племенами в 1027 году до н.э. Новые чжоуские правители не могли управлять завоеванным ими народом от имени их тотемного предка, поэтому культ божества Шан-ди был заменен более универсальным культом – культом Неба.

Литература

1. Васильев Л.С. История религии Востока. – М., 1983.
2. Янгутов Л.Е. О социальной и политической восточности буддизма в период его распространения в Монголии и Бурятии // Вестник БГУ. Сер. Философия, социология и культурология. – 2009. – Вып. 14. – С. 7.
3. Кравцова М.Е. Верования и культы эпохи неолита // Духовная культура Китая. – М., 2007. – Т. 2.
4. Шань хай цзин. – М., 197.
5. Стратанович Г.Г. Народные верования населения Индокитая. – М., 1978.
6. История Китая. – М., 2004.
7. Осинский И.И., Добрынина М.И. Политология. – М., 2011.
8. Васильев Л.С. Культы, религии, традиции в Китае. – М., 2001.
9. Кравцова М.Е. Шан-ди // Духовная культура Китая. – М., 2007. – Т. 2.
10. Чжунго тунши (Всеобщая история Китая). – Пекин, 2003.
11. Кравцова М.Е. Верования и культы эпохи неолита // Духовная культура Китая. – М., 2007. – Т. 2. – С. 88.

Хао Цзюй, директор Института международной коммерции, КНР, г. Чанчунь.

Hao Tszuyu, the head of Institute of International Commerce, China, Changchun.

УДК 294.3

© Т.Ц. Бардуева

ЗНАЧЕНИЕ ФЕНОМЕНА БОДХИЧИТТЫ В БУДДИЙСКОЙ ПРАКТИКЕ

Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ, проект № 12-13-03002 а/Т Буддизм Ваджраяны в Бурятии: философские, сотериологические и мировоззренческие аспекты

В данной статье бодхичитта, или сострадание, одна из основополагающих категорий буддизма, рассматривается как важный и необходимый компонент в буддийской традиции Махаяны и Ваджраяны.

Ключевые слова: бодхичитта, бодхисаттва, парамита, три типа личности.

T.Ts. Bardueva

BODHICITTA'S PHENOMENON SIGNIFICANCE IN THE BUDDHIST PRACTICE

In this article, bodhicitta or compassion, one of the fundamental categories of Buddhism, is regarded as the most important and essential component in the Buddhist tradition of Mahayana and Vajrayana.

Key words: bodhicitta, bodhisattva, paramita, three types of personality.

Конечной целью всех буддийских практик является достижение просветления, достижение состояния Будды. Традиционно выделяемые три направления в буддизме – Хинаяна, Махаяна и Ваджраяна предлагают различные пути и методы для достижения этой цели. В традициях Хинаяны идеальной личностью является архат (тиб.: *dggra bcom pa* – победивший врагов, достойный), путь которого – путь исключительно индивидуального спасения. Архат уповает только на свои собственные силы и возможности, его состояние не зависит от общественной кармы. Таким образом, сотериология в Хинаяне является в некоторой степени индивидуалистичной. В махаянской традиции буддизма, которая получила широкое распространение среди бурятского населения, идеальной личностью является бодхисаттва (*byang chub sems pa*). Главным мотивом стремления к просветлению, согласно идеалу бодхисаттвы, является стремление достичь просветления на благо всех живых существ. В махаянских текстах обычно это формулируется таким образом: «Да стану я Буддой на благо всех живых существ». Эта фраза выражает самую суть учения о бодхисаттвах. Определяющими качествами бодхисаттвы являются мудрость (праджня) и сострадание (каруна). Согласно буддийскому учению, невозможно стать Буддой, не обладая в совершенстве этими двумя качествами. Необходимо отметить, что в Хинаяне аспект сострадания все же присутствует, однако не развит в такой степени, как в махаянской традиции.

Великое сострадание (маха каруна, бодхичитта) бодхисаттвы провозглашается во многих махаянских текстах. Шантидэва в Бодхисаттва-чарьяватаре выражает проявление сострадания

такими словами: «Пусть я буду лекарством, кому нужно лекарство; пусть я буду рабом, кому нужен раб; пусть я буду мостом, кому нужен мост» [3]. Сохранилась история о том, как бодхисаттва Авалокитешвара дал клятву Будде Амитабхе, что «ни на одно мгновение не оставит ни одно живое существо, пока оно не будет спасено из сансары, даже если придется пожертвовать собственным миром, покоем и радостью» [5].

Махаяна представляет собой путь бодхисаттовского альтруизма. Путь бодхисаттвы называется также «путем парамит». Парамита означает совершенство, часто интерпретируется как совершенство, ведущее к пробуждению, запредельное совершенство. Как правило, в текстах приводится список из шести парамит: дана-парамита (совершенство даяния), кшанти-парамита (совершенство терпения), вирья-парамита (совершенство усердия), шила-парамита (совершенство соблюдения обетов), дхьяна-парамита (совершенство созерцания) и праджня-парамита (совершенство мудрости, запредельная мудрость).

Практика парамит является одной из основных практик «высшей» личности, согласно учению о трех типах личности в Махаяне. Так, традиционно выделяют три типа личности: низшую личность (*skyes bu chung ngu*), среднюю личность (*skyes bu 'bring pa*) и высшую личность (*skyes bu cheng po*). Выделение трех типов личности в буддизме основано на концепции буддизма Махаяны, согласно которой в каждом живом существе заложена частичка абсолюта (природа Будды). Именно наличие этого элемента в потоке омраченных дхарм индивида делает возможным его духовный рост [2, с. 55]. Достиже-

черкивает философ. «Подлинный» человек – это личность, устремленная к миру высших ценностей. Нам, брошенным в расколотый и бессмысленный мир, надлежит найти абсолютные ценности, которые существуют в Боге. Эти усилия – личное дело каждого индивида, внутренняя тайна каждого человека, но они касаются intersубъективных ценностей. Следует пробудить среди людей подспудную силу взаимной связи, единокровные, чей источник – Божественный Свет. Личность ощущает в своей душе «свет как предельное выражение тождества истины и любви» [9, с. 39].

Эта онтологическая вовлеченность индивидов в смирение, послушание и любовь, приобщение к вере, ощущение доверия к Высшему Существо рождает надежду. Ночь «человеческого удела» может, говорит Марсель, если не освещаться, то хотя бы «прокалываться» неким мистическим озарением. Надежда и есть подобное «пронизывание» индивидов Светом Бытия. Ведь надежда – не только протест, продиктованный отчаянием, но и своего рода призыв, крик о помощи, обращенный к Союзнику, который сам есть Любовь. «...Существует любовь без условий, выдвигаемых одним существом другому, – утверждает философ, – дар, который не может быть отнят» [5, с. 108].

Надежда, считает Марсель, основывается на убеждении, что есть в реальности нечто, способное победить несчастье, что существует Абсолютное, Трансцендентное, несущее нам благо и спасение. Истоки «реки надежды» не находятся непосредственно в видимом мире. Нельзя рационально задумать и создать какую-нибудь технику осуществления надежды. Надежда есть порыв, призыв к Высшему Существо, от которого лучится к нам Любовь.

Надежда – это акт веры человеческого существа в возможность Божьей помощи, переживаемый как акт доверия и верности индивида Абсолютному и Совершенному Началу, содержащемуся в его душе: «Вера не есть нечто такое, что имеют... чем обладают... Она есть активное признание некоторого присутствия...» [9, с. 43, 46]. Подлинная вера предполагает Абсолютную Личность, которая творит и вызывает к личной ответственности быть верным и не изменять. «Здесь рядом с верой встает любовь. ...Любовь – это условие веры...», – пишет Марсель [6, с. 109]. Именно в любви соединяются вера и надежда.

Метафизическое полагание бессмертия души неотделимо от любви. Любовь – онтологически фундированная сила антисмерти. «Любить че-

ловека – значит сказать ему: “Ты не умрешь”» [9, с. 85]. Любовь включает в себя устремление индивида к совершенствованию и выхождению за пределы себя как телесного единства, акт воли к духовному развитию Другого и саморазвитию, преодоление одиночества. «...В любви... стирается граница между понятиями “во мне” и “передо мной”... таинство, подобное таинству души и тела, постигается только через любовь и само определенным образом ее выражает» [3, с. 82]. В любви заключена тайна мироздания, тайна преодоления одиночества и страха смерти, т.е. тайна благодати.

Поэтому надежда – не только мольба человека о благодати, но также само это сверхрациональное состояние благодати, упраздняющее страх, тоску и отчаяние. Марсель подчеркивает активный характер надежды [9, с. 74]. Существуя в неразрывной взаимосвязи с любовью и верой, надежда является мировоззренческой опорой человека, центром духовного освоения индивидом окружающего мира, ориентиром смыслоопределения личности. Трансцендирующий характер надежды тесно связан с временным характером человеческой жизни, ее устремленностью в будущее, открытостью к тому, чего актуально еще нет.

Посредством свободного акта душа признает (или не признает) Высшее Начало, творящее ее каждое мгновение и дающее ей бытие, благодаря чему она раскрывается воздействию глубоко внутреннему и одновременно трансцендентному, вне которого она есть лишь ничто. Это демонстрирует сверхрациональную парадоксальность, осуществляющуюся в самом сердце веры [8, с. 279–281]. Таким образом, вера, надежда и любовь укоренены в экзистенциальном опыте, опыте «встречи» человека и бытия и углубленного общения индивидов, ведущего к свободно-му познанию себя изнутри intersубъективности.

Литература

1. Визгин В.П. Философия надежды Габриэля Марселя. – М.: Республика, 2004. – С. 198–211.
2. Гагарин А.С. Экзистенциалы человеческого бытия: одиночество, смерть, страх. От античности до Нового времени. – Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2001. – 372 с.
3. Марсель Г. Онтологическое таинство и конкретное приближение к нему – М.: Изд-во гуманит. лит-ры, 1995. – С. 72–106.
4. Марсель Г. Человек, ставший проблемой. – М.: Изд-во гуманит. лит-ры, 1995. – С. 107–145.
5. Марсель Г. Опыт конкретной философии. – М.: Республика, 2004. – 224 с.
6. Марсель Г. Метафизический дневник. – СПб.: Наука, 2005. – 587 с.

ческого устремления к просветлению и соотносятся как метод (thabs) и мудрость (shes gabs). Эти два условия достижения Просветления подобны двум крыльям, на которых устремляются высоко в небеса. Они позволяют достичь Всеведения Будды и должны всегда идти вместе. Мудрость, постигающая пустоту, должна быть подкреплена устремленностью, устремленность – подкреплена мудростью [4].

Олицетворением сострадания в буддийском пантеоне является бодхисаттва авалокитешвара (тиб.: sruan-gas-gzigs – тот, чьи глаза видят всех и каждого; владыка, чей взор направлен вниз и т.д.). Авалокитешвара изображается в различных образах, имеет различные аспекты проявления. Так, например, в китайском буддизме авалокитешвара изображается в ипостаси женского божества – Гуанинь. Наиболее часто встречается форма с четырьмя руками. Его первые две руки сложены вместе у сердца в жесте, умоляющем всех Будд и Бодхисаттв о заботе и покровительстве над всеми живыми существами и избавлении их от страдания. В них он держит Драгоценность, исполняющую желания, – символ бодхичитты. В своей другой правой руке Авалокитешвара держит хрустальные четки, символизирующие его способность освобождать всех существ от сансары. В своей левой руке он держит стебель синего лотоса утпала, символизирующего его безупречную и сострадательную

мотивацию. Полностью расцветший цветок утпала и два бутона показывают, что сострадательная мудрость Авалокитешвары пронизывает прошлое, настоящее и будущее. На левое плечо Авалокитешвары наброшена шкура дикого оленя, символизирующая добрый и нежный характер сострадательного бодхисаттвы и его способность подчинять заблуждения.

Литература

1. Ело Ринпоче. Краткое объяснение сущности Лам-рима. – Улан-Удэ, 2006.
2. Нестеркин С.П. Образовательная система буддийских монастырей // Буддизм в Бурятии: история, истоки, современность. – Улан-Удэ, 2002.
3. Торчинов Е.А. Введение в буддологию. Курс лекций. – СПб., 2000.
4. Ело Ринпоче. Методы обретения счастья. Эл. ресурс. Режим доступа: http://yelorinpoche.ru/teachings/articles/methods_of_finding_happiness.
5. Дандарон Б.Д. Эл. ресурс. Режим доступа: <http://dandaron.ru/rus/theory/ego.html>.
6. Кхенчен Палден Шераб Ринпоче, Кхенпо Цеванг Донгьял Ринпоче. Свет трех драгоценностей. Эл. ресурс. Режим доступа: <http://spiritual.ru/lib/vb.html>.

Бардуева Туяна Цыреновна, аспирант Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, e-mail: dharm77@mail.ru.

Bardueva Tuyana Tsyrenovna, postgraduate student, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan studies of Siberian branch of Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, e-mail: dharm77@mail.ru.

УДК 101.1

© А.Р. Бурханов

ГАБРИЭЛЬ МАРСЕЛЬ ОБ ЭКЗИСТЕНЦИАЛАХ ЧЕЛОВЕЧЕСКОГО БЫТИЯ

В статье анализируются экзистенциалы человеческого бытия в философской концепции выдающегося представителя французского экзистенциализма Габриэля Марселя.

Ключевые слова: Бог, человеческое бытие, экзистенциализм, экзистенциалы, свобода, одиночество, смерть, страх, вера, надежда, любовь.

A.R. Burkhanov

GABRIEL MARCEL'S IDEAS ON EXISTENTIALS OF HUMAN BEING

The article analyzes the existentials of human being in the philosophical concept of Gabriel Marcel, an outstanding representative of French existentialism.

Key words: God, human being, existentialism, existentials, freedom, loneliness, death, fear, faith, hope, love.

Габриэль Оноре Марсель (1889–1973 гг.) – один из создателей современного экзистенциализма и представитель его теистического направления.

Экзистенциальная антропология Марселя делает акцент на анализе непосредственно-чувственной жизни и реальной ситуации, в ко-

торой находятся индивиды. Рассудочная сила абстракций, утверждает он, ведет к игнорированию ценности существования индивида; между тем отдельный человек есть конкретное бытие-в-мире (по терминологии М.Хайдеггера и К.Ясперса – Dasein). Поэтому фундаментальным условием анализа человеческого бытия является

нахождение в ситуации: не в той или иной отдельной ситуации, а в ситуации в мире, в целом [1, с. 198–211]. «...Ситуация, – пишет философ, – это... реальность, интересующая субъекта как Dasein, отмечающего при этом свои пределы и свое поле деятельности» [5, с. 181]. Именно в субъективном переживании раскрываются экзистенциалы – ключевые индикаторы человеческого бытия.

Экзистенциалы (экзистенциалии) – способы существования человека и выявления существенных характеристик Я; категории человеческого бытия; ценностные узлы, квинтэссенции смыслов, целей, стремлений людей; мировоззренческие конструкции, которые задают параметры человеческого существования в мире. В западной и отечественной философии выделяют так называемые «отрицательные» – одиночество, смерть, страх – и «положительные» – вера, надежда, любовь – экзистенциалы, а также другие модусы бытия индивидов – самотождественность, самотрансценденция, целостность, открытость, духовность, свобода, ответственность, творческая активность, телесность и т.п. [2, с. 12–20, 366; 10, с. 91–101; 11, с. 93–129].

«Я» – это выражение вторичности тела, в отличие от которого душа есть «чистое бытие», полагает Марсель. Явленный через тело, этот мир выступает для нас как мир онтологический, существующий независимо от нас. Однако телесное чувствование обладает фундаментальной необъективируемостью. Я не могу включить мое внимание иначе, как через мое тело. В акте трансцендирования, противоположном онтологическому существованию, осуществляется соединение человека с иным миром, постигается зависимость души человека от Бога.

Но «Я» – это не просто «мое тело», а сама «моя жизнь», не нечто предметное, объективное, познаваемое, а переживаемое, волевое, говорит французский мыслитель. Истинная свобода заключается в том, чтобы стать самим собой, преодолеть подчинение обстоятельствам, а значит почувствовать в себе Абсолют, вернуться душой к Богу, частицей которого в действительности мы являемся. Следовательно, экзистенция кроется в самой борьбе человека, вскрывающей для него подлинное бытие; и борьба эта нацелена на истоки бытия, понимаемые не как природа, а как свобода [5, с. 192].

Человек есть то, что сам из себя делает. Он – проект самого себя, который существует настолько, насколько себя реально осуществляет, поскольку он изначально свободен. При этом свобода понимается как характеристика кон-

кретного мира индивида, как экзистенциал человеческого существования [11, с. 93, 105–114]. Свобода, подчеркивает философ, – не только рациональное осознание эмпирического бытия, но, прежде всего, экзистенциальное ощущение метафизической радости, полноты бытия. Следовательно, отождествлять свободу со свободой выбора – величайшее заблуждение. Марсель не приемлет гиперболизации свободы, которая, по его мнению, приводит к утверждению позиций абсолютной пустоты [4, с. 135–136].

Экзистенция выводится Марселем за пределы сферы объективности, в сферу «подлинного» бытия. Бытие в контексте его философствования – это некая укорененность экзистенции, гарантия ее вневременного характера [5, с. 177]. Это также некая идеальная сфера intersubjectивности, принадлежность и открытость другому, диалог «Я» и «Ты».

Печатью подлинного бытия отмечена и встреча – одно из важнейших понятий философско-антропологической концепции Марселя. Всякое схватывание, постижение абсолютного, есть лишь моментальная встреча, в которой Абсолют приоткрывается нам, но затем ускользает. В акте встречи вера (верность), любовь и надежда выходят за свои конечные эмпирические пределы, становясь экзистенциалами человеческого бытия. «В этой перспективе как главенствующая должна рассматриваться идея благодати, – пишет католический мыслитель, – единственно исходя из нее мы можем... подняться до утверждения – не существования, но присутствия Бога. ...Человеческая свобода во всей своей глубине может быть определена лишь в соотношении ее с благодатью...» [4, с. 141–142]. Свобода, следовательно, – это, прежде всего, согласие или отказ, который мы можем высказать в отношении к божественной благодати. Все, что выходит за рамки подобного экзистенциального освоения мира человеком, составляет объективацию. При этом трансцендентное не является онтологической реальностью, но остается фоном, на котором ощущается «прилив бытия».

Познать творческую субъективность человека, утверждает Марсель, означает признать его «бытие» как тайну, а не как проблему. «Проблема» – это то, с чем сталкивается познание, то, что преграждает ему путь. Это вопрос, который может быть рассмотрен объективно. Примером является математическая или физическая проблема, где человек полностью абстрагируется от конкретных условий своей жизни. «Тайна», или «тайнство», напротив, вовлекает в свое решение

бытие вопрошающего; тайна есть то, во что человек вовлечен сам.

Сфера природного и связанная с ней необходимость покорения природы техникой совпадает со сферой проблем, считает философ. Научно-технический прогресс существует лишь в сфере проблем, всякое же индивидуальное бытие есть символ тайнства и выражение трансцендентной тайны. Оно погружено в мир, который превосходит любое понимание. Наука никогда не дает подлинного постижения человека, поскольку рассматривает его не как «Я», не как субъект, а как всего лишь функционирующий объект.

Итак, сам по себе человек есть свобода, а не только природа, делает вывод Марсель, тайна, а не только совокупность проблем. Поэтому личное бытие, Dasein, – всегда тайна. Именно в тайне-тайнстве человек соотносится с Богом. Всегда можно логически и психологически свести тайну к проблеме, но это будет порочная процедура. Субъектом научного познания является мышление вообще, сознание как таковое. Но тайна человека может быть постигнута лишь всей полнотой существа, вовлеченного в личную драму, которая является историей его собственной экзистенции. Конкретные подходы к онтологической тайне следует искать не в логическом мышлении, а в выявлении духовных данностей – таких как вера (верность), надежда и любовь – подлинных экзистенциалах бытия людей [3, с. 72–106].

Марсель констатирует сопричастность личности тотальности божественного бытия, данной через озарение. Свойственное тайнству «соучастие в бытии» приводит к сверхрациональному единству субъекта и объекта, полностью невыразимому в образах восприятия, понятиях или словах. То, что является для меня истинным, не требует проверки, поскольку это «неопосредуемое непосредственное».

Человеческое бытие, рассуждает Марсель, немислимо вне общения с другими людьми, вне коммуникации. Как личность, индивид существенно открыт другому. «Что-то могущественное и скрытое уверяет меня в том, что если другие не существуют, то и меня также нет, – пишет христианский мыслитель, – что я не могу приписывать себе то существование, которым бы не обладали другие...» [7, с. 34]. Исконно человек живет в соучастии в делах ближних и божественном бытии. Таковое он также воспринимает во внутреннем, покорном бытии благоговения. Причастность к бытию осуществляется в душевном, «сердечном» диалоге друг с другом, указывающем на Бога как абсолютное «Ты».

Бог у Марселя – вовсе не умопостигаемая первопричина всех вещей и не объект рационального познания, Его бытие не доказывается, а просто принимается. Существование Бога следует выводить из существования человека, тайны, которая заложена в его психике. «Призыв или молитва... является единственной живой связью души с Богом...» [4, с. 139]. В рефлексии отношений intersubjectивности «Я» «открываю» для себя Бога как личный трансцендентный Абсолют, и мне становится известно о моей направленности к абсолютному «Ты». Отношение человека к Богу имеет эмоциональный, интимный характер любви, основывается на вере и надежде, на благоговении и преклонении перед Высшим Существом. К Богу ведет не доказательство, а свидетельство, и в природе всякого свидетельства лежит возможность быть подвергнутым сомнению.

Габриэль Марсель болезненно ощущает утрату человеком своего места в мире. Разбитому и расколотому внешнему миру соответствует разбитый и расколотый внутренний мир – неподлинная жизнь страдающих людей. Такая жизнь порождает «отрицательные» состояния человеческого существования: одиночество, смерть, страх, которые в теистическом экзистенциализме ассоциируются со Злом: «По сути дела там, где замешано Зло, Смерть неизменно начинает свою работу. <...> Триумф Зла – Триумф Смерти – Триумф Отчаяния: вот поистине различные формы единственной и устрашающей возможности на горизонте человека...» [9, с. 60, 62]. Смерть как экзистенциал бытия человека всегда конкретна, это смерть-здесь-и-сейчас, опустошающая чью-то жизнь, разрушающая любовь, грубо прерывающая связь людей. Марсель ощущает трагизм смерти через кончину близких людей, понимая ее как разрушение intersubjectивности.

Страх философ описывает как тоску, тревогу, ужас или отчаяние. Ресурсы, находящиеся в распоряжении отчаяния, к сожалению, являются необозримыми и способны упразднить свободу, закрыть для нас те пути надежды, которыми прорываются к нам воскрешающие нас вспышки Божественного Света. И здесь одиночеству и страху противостоит intersubjectивность. «...Если я вступил в битву со Злом, – пишет Марсель, – как с искушением отчаяться в себе или в людях, или в самом Боге, то мне не удастся его одолеть, замыкаясь в себе, ибо самоудушение не может быть освобождением» [9, с. 63].

Источник творческой активности человека – в самотрансцендировании, ведущем к Богу, под-

купной части» [12, с. 108]) и когда вдруг как-то обнаруживается, что миллионщик Полозов и его дочь лучше способны понять «новых людей», чем мещанка Марья Алексеевна, нажившая непосильным трудом 15 тысяч.

Таким образом, буржуазность только кажется «абсолютно неприемлемой» для русского сознания, в т.ч. для такой его модификации, как революционно-демократическое сознание, потому что в действительности, во-первых, был период, хотя и не долгий, когда она имела приверженцев. Потом они частично сами изменили мнение о буржуазности, частично в советское время им приписали другие взгляды (Некрасов, например, чего бы ни писал о крестьянах, в практической жизни был преуспевающим издателем). Во-вторых, некоторые деятели движения, возможно, не полностью избавились от приверженности буржуазной идеологии (Чернышевский) и продолжали проповедовать, хотя бы частично (например, идею эмансипации женщин), а вновь присоединяющиеся к революционной идее молодые борцы не ставили себе задачу критически осмыслить ту веру, которую собрались исповедовать, — вот почему и возникла в русской культуре уникальная ситуация, когда за «народническую» или «разночинскую» идею принимали буржуазную. В-третьих (поскольку буржуазность сложна и неоднородна), помимо эмансипационных и революционных компонентов также хорошо были усвоены и использовались ее утилитаристская составляющая (конкретно в романе она представлена в виде исповедуемой героями теории «разумного эгоизма») и экономическая (которая реализуется в виде постоянной заботы, как бы купить дешевле). Экономия в романе служит обеспечению полноты жизни героев и их независимости от «старых людей», от капиталистической эксплуатации.

В общем и целом социализм в романе держится исключительно на идейности персонажей. Чтобы швейная мастерская процветала в реальности, должны существовать достаточные дамы, способные без перебора давать заказы и оплачивать их выполнение. Но эта подробность обнаружилась только при попытке восторженных поклонников переместить идеи Чернышевского в реальность [3, с. 179-186].

Таким образом, буржуазность оказалась в русской культуре «прозрачной». Она никуда с течением времени не делась, и уж тем более нельзя сказать, что была для русского сознания абсолютно неприемлема. Чтобы сделать ее приемлемой, оказалось достаточно сделать ее не

слишком узнаваемой, неразличимой среди прочих модных идей.

Литература

1. Белинский В.Г. Письмо П.В. Анненкову 15 февраля 1848 г. Собрание сочинений: в 9 т. Т.9. Письма 1829-1848 годов. – М.: Художественная литература, 1982. – С. 711-715.
2. Валентинов Н. Встречи с Лениным. – New York: Chalidze Publications, 1981 – 356 с.
3. Водовозова Е.Н. На заре жизни. Мемуарные очерки и портреты: в 2 т. Т.2. – М.: Художественная литература, 1987 – 527 с.
4. Зомбарт В.Буржуа: этюды по истории духовного развития современного экономического человека: пер. с нем. – М.: Наука. – 443 с.
5. Качурин М.Г., Мотольская Д.К. Русская литература: учебник для 9 класса средней школы. – М.: Просвещение, 1982. – 382 с.
6. Одоевский В.Ф. Русские ночи. Сочинения: в 2 т. Т.1. – М.: Художественная литература, 1981. – с. 31-246.
7. Осовская М. Рыцарь и буржуа: исслед. по истории морали: пер. с польск. / под общ. ред. А. А. Гусейнова. – М.: Прогресс, 1987 – 528 с.
8. Паперно И. Семиотика произведения: Чернышевский – человек эпохи реализма. – М.: Новое литературное обозрение, 1996. – 207 с.
9. Плеханов Г.В. О романе Чернышевского «Что делать?». – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1958 – С. 175-181.
10. Пыпина В.А. Любовь в жизни Н.Г.Чернышевского. Размышления и воспоминания. – Л.: Книгоиздательство «Путь к знанию», 1923. – 122 с.
11. Саркисянц М. Россия и мессианиззм. К «русской идее» Н.А.Бердяева. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2005. – 272 с.
12. Чернышевский Н.Г. Что делать? Полное собрание сочинений: в 15 т. – Т. XI под ред. П.И.Лебедева-Полянского. – М.: Государственное издательство художественной литературы. – М., 1939. – С. 5-336.
13. Чернышевский Н.Г. Эстетические отношения искусства к действительности. Полное собрание сочинений: в 15 т. Т. 2. Статьи и рецензии 1853-1855 / под ред. В.Я.Кирпотина. – М.: Государственное издательство художественной литературы. – М., 1949 Т. 2. Статьи и рецензии 1853-1855 / под ред. В.Я. Кирпотина. – М.: Государственное издательство художественной литературы. – М., 1949. – С.5-92.
14. Чуковский К.И. Тема денег в творчестве Некрасова. – М.: Государственное издательство художественной литературы, 1960. – С.264-293.

Шоломова Татьяна Валентиновна, кандидат философских наук, доцент кафедры эстетики и этики Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена, г. Санкт-Петербург, e-mail: tatyasholomova@yandex.ru.

Sholomova Tatiana Valentinovna, candidate of philosophical science, associate professor, department of aesthetic and ethic, Herzen State Pedagogical University of Russia, Saint-Petersberg, e-mail: tatyasholomova@yandex.ru.

7. Марсель Г. Моя главная тема. – М.: Институт Св. Фомы, 2007. – С. 24–39.
8. Марсель Г. Размышление о вере. – М.: Институт Св. Фомы, 2007. – С. 266–281.
9. Марсель Г. Ты не умрешь. – СПб.: Изд. дом «Мирь», 2008. – 96 с.
10. Моторина Л.В. Философская антропология. – М.: Высшая школа, 2003. – 256 с.
11. Франкл В. Человек в поисках смысла: сб. – М.: Прогресс, 1990. – 368 с.

УДК 821.161.1

© Т.В. Шоломова

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ИДЕЯ, МЕЛКОБУРЖУАЗНАЯ ИДЕОЛОГИЯ И НАРОДНЫЙ ИДЕАЛ В РОМАНЕ Н.Г.ЧЕРНЫШЕВСКОГО «ЧТО ДЕЛАТЬ?»

Цель статьи – показать, что буржуазная идеология отнюдь не чужда была русской революционно-демократической мысли XIX в. Скорее, можно говорить о ее «прозрачности». Ее элементы активно заимствовались отечественными радикалами. Один из примеров – роман Н.Г.Чернышевского «Что делать?», герои которого озабочены не только установлением справедливого социального порядка, но и мелкобуржуазной экономией, как в быту, так и при восприятии искусства.

Ключевые слова: буржуазия, идеология, народный идеал, роскошь, довольство, экономия, прозрачность, эстетическое переживание.

T.V. Sholomova

THE SOCIALISTIC IDEA, PETIT-BOURGEOISIE IDEOLOGY AND POPULAR IDEAL IN N.G. CHERNYSHEVSKY'S NOVEL «WHAT IS TO BE DONE?»

The aim of the article is to show that bourgeois ideology wasn't alien to Russian revolutionary and democratic thought of XIX century. Indeed, we can say that it was «transparent». Its elements were adopted by our radicals. N.G. Chernyshevsky's novel «What is to be Done?» was one the examples, where the main characters were preoccupied not only by the new social relations but also by petit- bourgeois economy in they daily routine and in the sphere of aesthetics.

Key words: bourgeoisie, petit-bourgeoisie, ideology, popular ideal, luxury, prosperity, economy, transparency, aesthetic experienxe.

Есть расхожее мнение, что буржуазная идеология отрицалась всеми слоями русского дореволюционного общества, потому что была глубоко чужда национальному сознанию и православной культуре [11, с. 131-132]. Можно утверждать, вопреки этому мнению, что отвергали ее представители далеко не всех социальных слоев. Достаточно вспомнить предпоследнее письмо В.Г. Белинского, в котором тот выражает пожелание, чтобы наши дворяне превратились в «буржуазии» по типу французской [1, с. 714]. Отношение к буржуазной идее у прогрессивных деятелей XIX в. стало предметом рассмотрения К.И. Чуковского в связи с темой денег и обогащения в творчестве Н.А. Некрасова. Чуковский пришел к выводу, что интерес к буржуазной идеологии и возложение на нее чаяний и упований были связаны с надеждами на то, что именно она поспособствует скорейшему разрушению крепостнического строя [14, с. 285-

287]. Из этого следует, что, во-первых, отвращение к буржуазности в России отнюдь не существовало всегда и не было всеобщим, и поначалу естественным образом было присуще только аристократии [6, с. 96-114]. Во-вторых, что влияние буржуазной идеологии в России не состоялось хотя бы потому, что прежние ее приверженцы (такие как Некрасов), согласно Чуковскому, со временем отказались от нее.

На самом деле можно говорить о «прозрачности» буржуазности в русской культуре, потому что элементы буржуазной идеологии мы можем обнаружить в революционных теориях представителей «демократического, разночинского» периода русской революции, а также в их моральных и эстетических построениях и художественных текстах. Смысл в том, что, как только элементы буржуазной идеологии называли «революционными», современники их за таковые охотно и принимали (при том, что

«буржуазность» вообще не противоречит «революционности»). Блестящий пример переименования пропагандируемых ценностей – роман Н.Г. Чернышевского «Что делать?» (1863), про который Ленин говорил: «он меня всего перепал» [2, с. 103].

Итак, влиятельный революционный роман, читанный практически всеми молодыми людьми в России второй половины XIX в., «новое Евангелие» [8, с. 166], «исключительное по нравственному и умственному влиянию» [5, с. 126], читая которое, по словам Г.В. Плеханова, всякий становился «чище, лучше, бодрее и смелее» [9, с. 175]. Его прочитали как роман о высоких идеалах новой жизни, но чему он учил на самом деле?

Счастливую жизнь русских революционеров в предвкушении скорой революции наполняют пикники, поездки в театр, ученые беседы, изящные женщины, музицирование, модные платья, удобные чулки, модернизированные корсеты; революционеры «бегают взапуски и прыгают через канаву» [12, с. 139]. Аресты, сибирская каторга, кровь, грязь, мужики и топоры – где-то далеко, в другой жизни. «Что, если это случится со мною?» – «Нет, с тобою этого не может случиться» [12, с. 331]. С кем-нибудь другим и когда-нибудь потом, а то и никогда. Вера Павловна то нежится в своей постельке, то причесывает волосы, то пьет чай со сливками, то поет, то мечтает завести корову. Она всегда окружена стайкой поклонников, с которыми резвится, то и дело выставляя ножку в ботинке от Королева. В общем и целом содержание жизни «новых людей» – веселье, довольство и легкость необыкновенная, непрерывно сопровождаемая «болтовней и хохотней» [12, с. 137].

Эту жизнь можно разделить на три составляющие, с разной степенью выразительности описанные: деятельность (трудолюбивая и революционная), довольство и экономия. Мысль о необходимости сочетания деятельности с жизнью в довольстве встречается в диссертации Чернышевского как описание народного идеала: «Хорошая жизнь», «жизнь, как она должна быть», у простого народа состоит в том, чтобы сытно есть, жить в хорошей избе, спать вдоволь; но вместе с тем у поселанина в понятии “жизнь” всегда заключается понятие о работе: жить без работы нельзя; да и скучно было бы» [13, с. 10].

Когда герои начинают воплощать идеалы на практике, тогда в их поступках обнаруживаются совершенно приземленные материальные интересы, главный признак мелкобуржуазности (мещанства) [11, с. 220-221]. Идеальный соци-

альный порядок, который они предполагали установить, вполне уживался с элементами старого, отвергаемого быта. Например, они заявляют, что против излишества [11, с.122] и роскоши [11, с. 33], но их подражатели были вынуждены специально уточнять, о какой степени аскетизма идет речь [3, с. 181].

Потому что украшений Вера Павловна, возможно, и не носит (они перестают упоминаться с момента ее ухода из родительского дома, да и сам Чернышевский считал ношение украшений делом безнравственным при нынешнем социальном устройстве [10, с. 104]), но от возможности сладко поесть не отказывается. Но дело не только в еде, а еще, например, в том, что свое музыкальное образование она не рассматривает как нечто утилитарное, нужное только для того, чтобы уроками зарабатывать на жизнь. Она музицирует исключительно для удовольствия, но Чернышевский понимает эту «излишнюю трату» не как роскошь, а как довольство, т.е. как вполне умеренный выход за границы необходимого при удовлетворении базовых потребностей. Собственно, в способности сделать так, чтобы эти траты были сверх меры, но не слишком, и заключен уже тот самый мелкобуржуазный расчет (дискуссии о том, что можно и что нельзя, возникали потому, что сам Чернышевский показал, что делать, но не показал как. Например, как определить, где пролегает граница между допустимой тратой сверх необходимого («довольством») и уже недопустимой («излишеством» или «роскошью»), ведь Вера Павловна ни разу себе ни в чем не отказала.

Но при этом она ни разу не забыла подсчитать, что сколько стоит. От найма экипажа до отношений с мужем – все рассчитано с точки зрения того, как поступить выгоднее. Таким образом, главное проявление мелкобуржуазности в романе – не в тех эпизодах, когда она напрямую упомянута (например, когда во время спора один уличает другого в «буржуазности» или в «огюст-контизме» [12, с. 138-139]), а в постоянном подсчете, который составляет неотъемлемую часть жизни и главное содержание внутреннего мира героев. Отчасти этот подсчет напоминает средневековые мещанские нравственные проповеди о необходимости сохранять целостность семьи, потому что, «когда все едят за одним столом – одной скатерти, одной свечи хватает, а за двумя – нужно две скатерти и два огня; когда греет один очаг, довольно одной вязанки дров, а для двух – нужны две» [4, с. 90].

Когда Вера Павловна пытается разобраться в своих чувствах к Лопухову и Кирсанову одно-

временно, и все это через решение вопроса, вдвоем или втроем ехать в оперу, автор успеваеет мимоходом заметить, что герои отправились в театр на извозчицкой карете, потому что это дешевле, чем нанимать два извозчика [12, с. 187]. Убиваясь по якобы застрелившемуся первому мужу, она не забывает мимоходом сообщить второму, что оставляет его, но будет брать у него деньги, потому что «у меня много надобностей, расходов, хотя я и скупа» [12, с. 9]. «Новые люди» все время считают деньги, и желание и готовность поступить «выгоднее» [12, с. 164] или заплатить за хорошую вещь меньше, чем она стоит, – одна из их нескрывааемых целей (рояль, который купить дешевле, чем абонировать, и тут же кстати точно указано, сколько он стоил и сколько стоила настройка [12, с. 136-137]; мебель, купленная еще для первой квартиры на 5-й линии В.О., за которую, как было доложено Марье Алексеевне, заплачено 40 руб., а надо бы дать сто [12, с. 117]). Вообще из этой подробности следует, что Вера Павловна не так далеко ушла в ценностной ориентации от матери своей и продолжает исповедовать эту в действительности мещанскую (мелкобуржуазную в европейской терминологии) идею. Потому что Марья Алексеевна, покупая дочери платье, разъясняет, что сколько стоит [12, с. 15], и успеваеет исследовать, в какую цену купленные Лопуховым вино и пироги [12, с. 85], и m-me Сторешникова [12, с. 38-39] успеваеет рассказать, что из подарков нежелательной невестке почем, и дочь купца-миллионера Полозова, осматривая мастерскую, записывает, что во что встает [12, с. 286-290], да и сама Вера Павловна точно знает, где выгодно купить неразбавленные сливки [12, с. 136]. Кто знает, возможно, стремление как можно честнее и справедливее распределить прибыль от мастерской было неотделимо от патологического пристрастия к точным расчетам вообще (экскурсию для Полозовой проводит Кирсанов, который прекрасно может разобрать не только какой поступок выгоднее в личной жизни, но и продемонстрировать те экономические основания, на которых рабочие их мастерской получают не по 100 р., как в любом другом месте, а по 166 р. 67 к. [12, с. 290]).

При этом экономия положительных героев романа не имеет цели, в отличие от экономии отрицательных (Марья Алексеевна копит капитал, Сторешникова выдает дешевые вещи за дорогие из презрения к семейству Розальских), но совершенно непонятно, почему Вера Павловна так озабочена экономией на извозчиках. Потому что капитал не копит никто; денежного

резерва нет ни у Лопуховых-Кирсановых, ни у мастерской. Герои романа, кстати, очень экономны и в своих эстетических наслаждениях: они ездят в оперу. На этом их общение с классическим искусством заканчивается, потому что основным источником эстетического наслаждения является «беготня, хохотня», пение и шутки Веры Павловны («А прюнеелевые ботинки фирмы Королева лучше» [12, с. 326-327]). Книжки они читают (по крайней мере, швеям, вслух), но внятно высказано только одно их суждение по поводу прочитанного: что Теккрей после «Ярмарки тщеславия» исписался, и читать его больше не стоит [12, с. 318] (если не считать, опять же, экономического по своей формулировке заявления Рахметова, что каждая прочитанная им книга такова, что избавляет от необходимости читать сотни книг [12, с. 203]). Таким образом, в романе представлена идея экономии эстетического восприятия, высказанная также в диссертации: человек, не будучи поставлен в экстремальную ситуацию, довольствуется малым – и, соответственно, никакой избыток, включая и искусство в его нереалистических формах, человеку не нужен. Стало быть, если есть возможность удовлетворения базовых потребностей, то «человек удовлетворяется не только “наилучшим, что может быть в действительности”, но и довольно посредственной действительностью» [13, с. 36].

Получается, что грань между «социалистическим» и «буржуазным» практически неразличима, и надо прилагать специальные усилия, чтобы определить ее, не зря же поклонники романа совершенно запутались, что воплощать в реальность, что нет, и каким образом [3, с. 179-186]. С одной стороны, деньги нужны им для достижения независимости (на идею независимости благодаря деньгам как самый демократичный вид независимости, вызревший внутри буржуазного идеала, обращала внимание М.Оссовская [7, с. 245]), но эта независимость выражается, прежде всего, в том, что они не продают, а покупают [12, с. 117] (факт, понятный всего более Марье Алексеевне). Независимость эта легко достигнута, но она, в отличие от традиционной буржуазной нормы, не предполагает накопления – при крайне умеренных (не доходящих до «излишества») расходах (например, герои не путешествуют и вообще не ездят дальше пикника). Швеи тоже способны накопить не больше, чем на приданое. Капитал играет роль целых два раза ближе к концу романа: когда Бьюмонт покупает стеариновый заводик [12, с. 308] (не зря Марья Алексеевна искренне желала ему «пойти по от-

УДК 364.3

© П.А. Чукреев, Т.Б. Дэбэева

**ЭФФЕКТИВНОСТЬ МЕР ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В СФЕРЕ
СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ МОЛОДОЙ СЕМЬИ
(НА МАТЕРИАЛАХ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ В РЕСПУБЛИКЕ БУРЯТИЯ)**

В статье анализируется эффективность мер государственной политики в сфере социальной защиты молодых семей на примере Республики Бурятия. В статье приводятся результаты социологического опроса проведенного авторами совместно с Комитетом по молодежной политике Министерства образования и науки Республики Бурятия.

Ключевые слова: молодая семья, социальная защита, государственная политика.

P.A. Chykreev, T.B. Debeeva

**THE EFFICIENCY OF THE PUBLIC POLICY MEASURES IN YOUNG FAMILY'S SOCIAL PROTECTION
(ON THE MATERIALS OF SOCIOLOGICAL RESEARCH IN THE BURYAT REPUBLIC)**

The article analyzes the role of public policy in the field of social protection of young family in the Buryat Republic. The work presents the results of a poll carried out by the authors jointly with the Committee on Youth Policy of the Ministry of Education and Science of the Republic of Buryatia.

Key words: young family, social welfare, public policy.

В Российской Федерации семья, материнство, отцовство и детство находятся под защитой общества и государства. Государственная семейная политика является составной частью социальной политики Российской Федерации и представляет собой целостную систему принципов, оценок и мер организационного, экономического, правового, научного, информационного, пропагандистского и кадрового характера, направленных на улучшение условий и повышение качества жизни семьи.

Социальная защита семьи – это многоуровневая система преимущественно государственных мер по обеспечению минимальных социальных гарантий, прав, льгот и свобод нормально функционирующей семьи в ситуации риска в интересах гармоничного развития семьи, личности и общества. Социальная защищенность семьи формируется путем дифференциации проектов и программ развития различных категорий семей, создания разнопрофильных центров социальной помощи семье и детям, повышения психолого-педагогической, медико-социальной и юридической грамотности семей и т.д.

Государство проводит целенаправленную семейную политику в отношении молодых семей, законодательно предоставляя им самостоятельный социальный статус и обеспечивая соблюдение прав семьи в социальной жизни общества. Молодая семья при этом рассматривается не как средство воспроизводства рабочей силы, а как институт воспроизводства и воспитания жизнеспособной личности, формирования гармонично развитого человека. Концептуальная задача го-

сударства в сложившейся обстановке заключается в том, чтобы поднять воспитательный потенциал молодой семьи на ту высоту, которая позволила бы ей (семье) довести социализацию детей до уровня требований и потребностей общества. Для этого государство должно обеспечить всестороннюю поддержку и помощь всем структурам, которые направляют свою деятельность на поддержку молодых семей.

В процессе своего развития молодая семья стремится достичь определенного уровня благополучия. Благополучной предполагается называть семью, которая сама в состоянии решать свои проблемы, способна в полной мере выполнять социальные функции и дальнейшее развитие которой, с высокой степенью вероятности, будет стабильным [1].

В связи со спецификой молодых семей, социально-экономических условий их жизнедеятельности, особенностей реализации государственной молодежной политики возникает вопрос о структуре и содержании оказания своевременной социальной помощи семье для разрешения возникающих проблем.

В «Концепции государственной политики в отношении молодой семьи в Республике Бурятия до 2020 года» [2], молодая семья выделяется как особый тип семьи, по отношению к которой должна проводиться особая политика государства. Концепция направлена на снижение проблем молодых семей Республики Бурятия. Она определяет роль и констатирует положение молодых семей, формирует систему мер, направленных на создание оптимальных условий для

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316.3 (330.59)

© С.Д-Н. Дагбаева

**СОЦИАЛЬНЫЕ СЕТИ ПОДДЕРЖКИ В АДАПТАЦИОННЫХ СТРАТЕГИЯХ
НАСЕЛЕНИЯ БУРЯТИИ**

Статья посвящена изучению социальных сетей поддержки в стратегиях повышения качества жизни. Выделяются экстенсивные и интенсивные, актуальные и неактуальные стратегии на основе полученных результатов комплексного социологического исследования. В исследовании были применены объективный и субъективный подходы.

Ключевые слова: качество жизни, социальные сети поддержки, адаптационные стратегии.

S. D-N. Dagbaeva

SOCIAL NETWORKS IN THE ADAPTATION STRATEGIES OF THE BURYAT POPULATION

The article deals with the study of the social networks support strategies to improve the quality of life. The author points out extensive and intensive, relevant and irrelevant strategies based on the results of complex sociological research. The study used objective and subjective approaches.

Key words: quality of life, social support networks, adaptive strategies.

Качество жизни признано международным сообществом одной из главных категорий, характеризующих развитие стран и народов. Под системой внутренних и внешних факторов качества жизни понимается взаимосвязанная в процессе жизнедеятельности интеграция экономических, социальных, политических и других условий существования социума, под воздействием которых развиваются социальные процессы региона. Внешние факторы характеризуют влияние, оказываемое на качество жизни и развитие региона со стороны других регионов, страны и различных государств. Среди внешних факторов, влияющих на качество жизни, можно выделить, например, состояние мировой экономики или экологическую обстановку в мире, природные условия, уровень развития соседних государств, демографические проблемы асимметричных регионов или стран и т.д. Внешние факторы позволяют сравнить качество жизни населения регионов и стран, что не входит в задачи нашего исследования. Внутренние факторы характеризуют качество жизни населения внутри отдельно взятой территории (региона). Внутренние факторы оцениваются с точки зрения объективных и субъективных условий социального бытия, особенностей жизненного пространства индивида, социальных взаимодействий внутри региона.

Оценивая факторы, влияющие на качество жизни населения региона, необходимо широко

использовать результаты соответствующих социологических исследований. Это поможет не только наиболее точно определить круг индикаторов, составляющих конкретный фактор качества жизни, но и оценить его влияние на качество жизни социума.

В последние годы тема социальных сетей поддержки довольно активно изучается и обсуждается в социологическом научном дискурсе. Интерес к изучению социальных сетей поддержки обусловлен значимостью социальных связей как важнейшего параметра социального капитала человека в решении различных жизненных проблем. Социальные сети поддержки это устойчивая совокупность взаимосвязей и отношений между ее участниками по обмену различными ресурсами. Базисом сетей поддержки являются т.н. «неформальные отношения», основанные на кровном родстве, дружеской или приятельской близости, этнической солидарности. Сеть поддержки выступает для индивидов своеобразным адаптационным механизмом к системам официальных, институционально-нормативных установлений, правил и регламентаций, представляет собой некий фундамент повседневной жизни, компенсирующий недостатки формальных социальных институтов. Составляющими элементами сети поддержки выступают неформальные связи и отношения, всевозможные движения ресурсов, сиюминутная или отложенная польза, а также выбор конкури-

рующих вариантов. Сеть поддержки – это не только движение, но и обращение ресурсов, не просто связи, а партикуляристская (не универсальная) сеть, которая носит непосредственно личный или же квазиличный (т.е. воплощаемый с помощью знакомства через посредников) характер.

В рамках проведенных исследований в 2007-2008 гг. был использован синтез субъективного и объективного подходов. Субъективный подход базируется на самоидентификации респондентов (в 2007 г. был проведен социологический опрос жителей г. Улан-Удэ, 450 респондентов; в 2008 г. – в Республике Бурятия; с использованием многоступенчатой стратифицированной выборки опрошено 938 респондентов). В рамках объективного подхода была использована методика, разработанная во Всероссийском Центре изучения уровня жизни на основе соотнесения среднедушевых доходов с системой потребительских бюджетов.

Изучить социальные сети поддержки позволяет концепция жизненных сил человека. Концепция жизненных сил может рассматриваться в качестве теоретико-методологической основы качества жизни, поскольку она позволяет объединить различные подходы, такие как философский, экономический, психологический, медицинский и экологический.

Большое значение для исследования качества жизни может нести понятие «жизненная субъектность», которую можно рассматривать как способность субъекта к удовлетворению своих потребностей в его жизненном пространстве в процессе активной деятельности в различных сферах. Поэтому качество жизни не является чем-то предопределенным, а проектируется и достигается усилиями каждого человека.

Категория «качество жизни» является интегральной качественной характеристикой жизни людей, раскрывающей не только жизнедеятельность, жизнеобеспечение, но и жизнеспособность общества как целостной саморазвивающейся системы. Жизнеспособность общества обеспечивается, в том числе и «социальными сетями поддержки». Жизненные силы понимаются как «способность людей воспроизводить и совершенствовать свою жизнь индивидуально-личностными и организационно-коллективными средствами». Жизненные силы, воздействуя на жизненное пространство, среду обитания, вызывают определенные социальные отношения владения, пользования, распоряжения. В процессе воздействия жизненного пространства на жизненные силы возникают отношения распределе-

ния, присвоения, потребления. От того как развиты жизненные силы, зависит участие человека в отношениях владения, пользования и распоряжения. Это участие определяет уровень и форму распределения, присвоения, потребления материальных и культурных благ. Показателем развитости, наполняемости этих отношений, характеристикой их состояния является качество жизни.

Особенности трансформации социальной структуры республики определяются природно-экономическими факторами, специализацией экономики, особенностями региональной политики. Эти особенности повлияли на формирование различий в структуре общества: доля богатых и состоятельных людей в республике ниже, чем в среднем по России, выше уровень людей, живущих за чертой бедности, но ниже процент людей, находящихся на «социальном дне». Такое положение, объясняется вероятнее всего эффективностью социальных сетей поддержки и восточной традицией – не оставлять в беде родных и близких. В меньшей степени это зависело тогда от уровня развития социальной защиты. Механизм социальных сетей поддержки достаточно эффективно в настоящее время используется в рамках программы «Тоонто нютаг – традиция жива» в профилактике семейного неблагополучия.

В ответах респондентов на вопрос «Как Вы оцениваете собственную жизнь, становится ли она лучше или хуже с течением времени?» позитивные последствия респонденты связывают в большинстве с изменениями в личной жизни – 25,65% (реализация собственных планов; рождение детей (внуков); создание семьи; дети (внуки) стали помогать; стало больше свободного времени; улучшилось здоровье; удачный переезд; устройство на работу и т.д.).

Самые положительные оценки своей жизни население связывает с семейными отношениями (общение с детьми, прочность семьи, психологический комфорт в семье, отношения в коллективе).

Чаще всего наиболее простые и малозатратные практики запланированы на краткосрочный и среднесрочный период. План на 5 лет и более включает более капиталоемкие задачи. Актуальными, но ухудшающимися рекреационные составляющие жизнедеятельности можно считать все виды практик, связанными с подработками, поэтому их условно назвали «экстенсивные стратегии». В качестве интенсивных могут рассматриваться следующие адаптивные практики: поиск более подходящей работы; приобретение

новых навыков, в том числе образовательных, поскольку они предполагают наращивание человеком новых компетенций. Как правило, их приобретение связано с затратами финансов, времени, сил, дает результаты не сразу, а в перспективе и может существенно повысить качество жизни в будущем.

В целом стратегии, используемые населением нами условно были разделены на: актуальные (часто используемые) и неактуальные (редко используемые); экстенсивные и интенсивные.

В краткосрочный период адекватной может считаться и экстенсивная стратегия, но в долгосрочном плане для повышения качества жизни более желательное использование интенсивных стратегий, что актуализирует реализацию технологий управления качеством жизни, связанных с реализацией интенсивных стратегий.

Респонденты осознают значимость социальных сетей поддержки, поскольку их закладывают в свои адапционные стратегии. Достаточно популярной адаптивной практикой, которая используется в повышении качества жизни, является: «Приобретение полезных связей и влиятельных друзей».

Для состояния удовлетворенности жизнью для человека существенное значение имеет удовлетворенность «социальными сетями поддержки» и участие в них не только как реципиент, но и как донор. Этот момент отражен в стратегических планах жителей Республики Бурятия, где пункт «Оказать существенную материальную поддержку родственникам» является более приоритетным, нежели просто завести «полезные связи и знакомства».

Таблица 1

Оперативные и стратегические планы жителей Бурятии

Адаптивные практики	Планируют				Не планируют
	в течение года	через 2-3 года	через 5 лет	в отдаленном будущем	
Совершенствовать навыки работы на компьютере	42,18	7,34	4,25	4,25	41,98
Завести «полезные» связи и знакомства	33,64	10,25	5,84	5,84	44,43
Повысить уровень образования	20,63	15,67	5,84	5,84	52,02
Найти более подходящую работу	17,56	15,63	5,84	5,84	44,87
Оказать существенную материальную поддержку родственникам	20,63	15,67	15,67	25,63	22,4
Приобрести (расширить) жилплощадь	7,34	10,25	15,84	25,64	40,93
Родить (взять на воспитание) ребенка	5,84	13,74	10,25	5,84	64,33
Организовать свой бизнес	4,83	4,83	5,84	7,34	77,16
Изучать иностранные языки	12,46	10,25	5,84	10,25	61,2
Повысить квалификацию	13,64	10,25	5,84	5,84	64,43
Работать на нескольких работах, подработка	27,56	10,25	5,84	-	56,35

Под адапционной стратегией принимаем социально обусловленный выбор индивидом траектории поведения в социальной среде, который соотносится с его возможностями и интересами, ориентирован на достижение желаемого качества жизни исходя из имеющегося у него представления о жизненных нормах, и характеристиках жизненного пространства. Значительная часть респондентов улучшение своего положения связывают с трудовой занятостью. Популярность этих практик связана с хорошей их освоенностью, и они оправдали себя как удоб-

ные, соответствующие возможностям и желаниям.

Дагбаева Сэмбрика Доржо-Нимаевна, доктор социологических наук, доцент, старший научный сотрудник Байкальского института природопользования СО РАН, г. Улан-Удэ, e-mail: sambrika@mail.ru.
Dagbaeva Sembricka Dorzho-Nimaevna, doctor of sociological science, associate professor, senior research fellow, Baikal Institute of Nature Management, Siberian Branch, RAS, Ulan-Ude, e-mail: sambrika@mail.ru.

При первичном выходе на рынок труда у молодежи преобладают идеалистические представления о будущей профессии, трудовой и профессиональной карьере, которые с первых шагов на рынке труда разрушаются и приводят к возникновению сложных социально-психических состояний (тревога; состояние депрессии, влияющее на коммуникативную сферу и сопровождаемое ощущением безысходности, комплексом вины) в условиях невозможности трудоустройства. Столкновение с трудовой реальностью приводит к переориентации либо деградации трудовых ценностей.

Именно поэтому проблема своевременного трудоустройства на подходящую работу является одной из самых важных и актуальных для современной молодежи, и, стоит отметить, она естественным образом связана с материально-бытовой и жилищной обеспеченностью молодых семей.

Молодые супруги относятся к социальной группе – «молодежь», поэтому на ситуацию трудоустройства молодых супругов в целом влияет то, как обстоят дела на региональном рынке труда у молодежи и с какими трудностями она сталкивается в поиске работы.

Главные ориентиры государственной политики в области помощи молодым специалистам по трудоустройству определены Законом Республики Бурятия от 23.12.1992 №238-ХП «О государственной молодежной политике в Республике Бурятия». Основными задачами государственной молодежной политики в Республике Бурятия являются: обеспечение гарантий в сфере труда и занятости молодежи; содействие предпринимательской деятельности молодежи; государственная поддержка молодой семьи; поддержка талантливой молодежи; государственная поддержка деятельности молодежных и детских общественных объединений.

Среди потребностей в социальной защите как внешней помощи молодые семьи называют потребности в материальной и нематериальной поддержке. Большинство опрошенных (38,22%), считают, что в социальном плане их семьи в основном защищены. В то же время настораживает тот факт, что 17,64% опрошенных заявляют о практически полном отсутствии поддержки со стороны государства, а 6,22% молодых семей вообще ее отрицают.

Большинство опрошенных – 84% – уверенно высказывается за необходимость создания специальных законов, направленных на комплексную поддержку молодых семей. В то же время 7,5% опрошенных, высказываясь в целом в под-

держку создания такого законодательства, не уверены, что оно сможет в корне изменить сложившуюся ситуацию.

Устраивает ли в целом молодые семьи качество предоставляемых услуг в системе социальной защиты?

В ходе исследования выяснилось, что полностью удовлетворены качеством услуг, лишь 47,1 % опрошенных, средне – 35,1%, не удовлетворены – 17,8%. Неудовлетворенность в определенной мере связана с низкой информированностью молодых семей о предоставляемых услугах (17,3%), с системой предоставления необходимых документов 14%, с отсутствием желаемых результатов и уровнем квалификации специалиста (11,9%), сроками предоставления услуг (7,6%), с расписанием работы специалиста (4,8%) и с маленькими денежными выплатами (0,5%). Вместе с тем, среди семей всего 19,5% обращались в центры социальной защиты населения, центры помощи семье и детям, соответственно 80,4% не обращались.

Таким образом, молодые семьи имеют проблемы, с которыми они не всегда могут справиться самостоятельно. Государственная политика в отношении молодых семей Республики Бурятия разрабатывается и совершенствуется, выстроена система материальной помощи нуждающимся семьям, реализуется ряд проектов и программ, направленных на улучшение жилищных условий. Необходимо отметить развитие мероприятий по оказанию помощи в трудоустройстве. Комплекс программных мероприятий, предусмотренных республиканскими целевыми программами, обеспечивает реализацию подходов к решению актуальных вопросов молодых семей.

При разработке и реализации мероприятий по совершенствованию семейной политики возникает необходимость сбалансированного учета интересов государства, отдельного региона, муниципального образования. Это и интересы населения, проживающего на определенной территории. Однако нельзя не признать, что интересы различных слоев населения, социальных групп могут не только не совпадать, но и вступать в противоречия. Именно обнаружение таких противоречий и создание инновационных механизмов их разрешения делают политику эффективным средством решения социальных проблем.

Литература

1. Антонов А.И., Медков В.М. Семейная социализация // Социология семьи. – М.: изд-во МГУ, 2007. – С 74.

становления и стабилизации семейных отношений, эффективного выполнения функций при- сущих институту семьи.

Для того чтобы семья нормально функционировала, она должна иметь возможность удовлетворять все свои основные потребности. Молодые люди, вступая в брак и устанавливая правила семейной жизни, обязательно должны задуматься о важнейших вещах: где жить, на что жить, кто возьмет на себя обязанность обеспечивать семью материально, или супруги поделят эту обязанность хотя бы на какое-то время [3].

С целью выявления эффективности мер государственной политики в сфере социальной защиты молодых семей в Республике Бурятия в I квартале 2012 года авторами совместно с Министерством образования и науки Республики Бурятия было проведено социологическое исследование. Имеющиеся расчеты и статистические данные позволили осуществить случайную, гнездовую модель выборки. В ходе исследования было опрошено 225 респондентов.

По полу опрошенные распределились следующим образом: 73,8% респондентов – женщины, 26,2% мужчины.

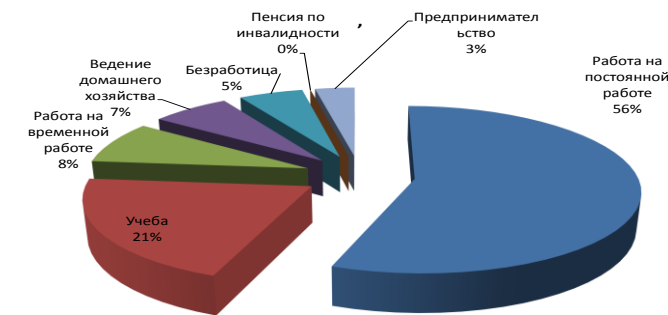
По возрасту среди опрошенных преобладают те, чей возраст 24-27 лет (36%), 44% – респонденты в возрасте 28-30 лет, 20% – 21-23 лет, 10,7% – респонденты в возрасте 31-35 лет, 4,9% – респонденты до 20 лет.

По результатам исследования, на вопрос о проблемах, волнующих молодую семью, большее число ответов пришлось на жилищный вопрос (56%), не менее важна для респондентов проблема устройства детей в дошкольные учреждения (37,8%), также выделяют невысокий уровень дохода (32,9%), трудоустройство (28,9%) и нехватку времени (23,1%).

Низкий уровень материальной обеспеченности молодых семей, экономическая несамостоятельность супругов отрицательно влияют на организацию семейной жизни. Основным источником дохода молодых семей в Бурятии является заработок на постоянной работе (60% опрошенных). 3,6% опрошенных занимаются собственным бизнесом, 8,9% подрабатывают на временной работе, 5,8% опрошенных супругов оказались безработными (рисунок 1).

Рисунок 1

Основное занятие супругов из молодых семей, в %

Одним из основных показателей, позволяющих оценить экономическое благосостояние молодой супружеской пары, является размер заработков молодой семьи вместе с другими ее доходами. Следует отметить, что большинство (78,7%) источником дохода указывают основное место работы. Случайные разовые заработки есть у 34,4% опрошенных, имеют работу по совместительству – 2,2%, имеют личное подсобное хозяйство – 20,4%, занимаются предпринимательством и торговлей – 7,5%, получают социальные выплаты – 24,4%, получают помощь от родителей – 31,5% (рисунок 2).

Основными источниками формирования бюджета молодой семьи являются заработная плата супруга или супруги, стипендия супруга или супруги и финансовая помощь родителей.

Для обеспечения повышения уровня благосостояния молодых семей и увеличения уровня рождаемости в Бурятии действует система государственных социальных гарантий. В соответствии с Законом Российской Федерации «О государственных пособиях гражданам, имеющим детей» и Приказом Минздравсоцразвития Российской Федерации «Об утверждении порядка и условий назначения и выплаты государственных пособий гражданам, имеющим детей» предос-

тавляются различные денежные выплаты, направленные на поддержку молодых семей.

Также действуют меры государственной поддержки семей, которые имеют двух и более детей. Государством выдается сертификат на материнский капитал, который представляет из

себя документ, дающий право на использования этого капитала. В 2012 году сумма материнского капитала составляет 387 тысяч рублей. Сумма материнского капитала предоставляется по достижению ребенком 3-летнего возраста.

Рисунок 2

Исследование информированности молодых семей о мерах направленных на увеличение

уровня рождаемости выявило, что большая часть опрошенных знают о них (таблица 1).

Таблица 1

Информированность молодых семей о мерах, направленных на увеличение рождаемости (в % от числа ответивших)

Варианты ответов	% объектов
материнский капитал	92
ежемесячное пособие на первого ребенка	84,9
пособие по беременности и родам	66,7
единовременное пособие по беременности	73,3
родовые сертификаты	63,1
единовременное пособие при рождении ребенка	24,3
введение компенсации затрат на посещение ребенком ДУ	31,5
не слышал (-а) ни об одной из перечисленных мер	0,4
затрудняюсь ответить	1,3

Федеральный закон Российской Федерации от 29 декабря 2006 г. № 256-ФЗ «О дополнительных мерах государственной поддержки семей, имеющих детей» привлек внимание большинства россиян. Знают о нем 92% опрошенных.

То обстоятельство, что «материнский капитал» – это не наличные деньги, которыми мать могла бы распоряжаться по своему усмотрению, а сертификат, который можно использовать только на определенные цели, получило одобрение большинства респондентов (67,5%); не одобрили этого – 22%. 81,8% опрошенных считают материнский капитал серьезной поддержкой семьи, 12,4% отрицают это, 5,8% воздержались от ответа.

Молодая семья сталкивается и с большими жилищными трудностями.

Неудовлетворительные жилищные условия оказывают особенно отрицательное влияние на репродуктивное поведение молодой семьи. Вынужденное проживание с родителями одного из супругов снижает уровень рождаемости и увеличивает количество разводов среди молодых семей. В 2011 году на 8268 зарегистрированных браков приходилось 3782 развода.

Согласно полученным данным, большинство (39,5%) опрошенных проживает в отдельной квартире, 15,3% – в частном доме, 14,7% – в съемном жилье, 13,8% – проживают с родителями, 11,1% – живут в общежитии, 2,9% – занимают комнату в доме, 0,4% – занимают комнату в коммунальной квартире. Однако нельзя со

сто процентной уверенностью утверждать, что это личная недвижимая собственность опрошенных.

В рамках данного вопроса хочется подчеркнуть, что острота жилищной проблемы определяется низкой доступностью жилья и ипотечных кредитов для молодых семей. Как правило, молодые люди не могут получить доступ на рынок жилья без бюджетной поддержки. Даже имея достаточный уровень дохода для получения ипотечного жилищного кредита, они не в состоянии оплатить первоначальный взнос при получении кредита в связи с тем, что еще не имеют накоплений.

В Республике Бурятия разработана и функционирует подпрограмма «Обеспечение жильем молодых семей» федеральной целевой программы «Жилище» на 2011-2015 годы и предусматривает создание системы государственной поддержки молодых семей в целях стимулирования демографической ситуации.

Целью подпрограммы является – государственная поддержка в решении жилищной проблемы молодых семей, признанных в установленном порядке нуждающимися в улучшении жилищных условий.

Основными принципами реализации подпрограммы являются:

- добровольность участия в подпрограмме молодых семей;
- признание молодой семьи нуждающейся в улучшении жилищных условий в соответствии с требованиями подпрограммы;
- возможность для молодых семей реализовать свое право на получение поддержки за счет средств, предоставляемых в рамках подпрограммы из федерального бюджета, бюджетов субъектов Российской Федерации и местных бюджетов на улучшение жилищных условий только 1 раз.

Так, в федеральных правилах предлагается, что софинансирование субсидии за счет средств субъектов РФ будет составлять от 5 до 95 процентов от средней стоимости жилья в зависимости от уровня бюджетной обеспеченности.

Также в программу «Жилище» включено создание условий для развития молодежных жилищных комплексов (в дальнейшем МЖК). Основной целью работы МЖК является содействие решению жилищных проблем молодежи. МЖК активно взаимодействует с федеральными и региональными органами исполнительной власти по вопросам обеспечения жильем различных категорий молодежи. Главной задачей МЖК является разработка комплекса мер по совер-

шению основных направлений социально-экономической поддержки разных категорий молодых граждан. Основная деятельность организации заключается в строительстве малоэтажного жилья в виде молодежных поселков.

Однако результаты проведенного нами исследования свидетельствуют о том, что респонденты недостаточно информированы о действующих в настоящее время жилищных программах для молодой семьи: так, большинство (56,4%) знают об их существовании, 8% – пользуются ими, 18,2% – знают, но думают что ими воспользоваться невозможно и 17,3% никогда не слышали о действующих программах. Но обращались в администрацию города (муниципального образования) для постановки в очередь на улучшение жилищных условий только 16% опрошенных, оставшиеся 84% не обращались по таким причинам как: не нуждаются в улучшении жилищных условий (23,3%), отсутствует информация (22,8%), не соответствуют критериям (21,7%), не верят что смогут воспользоваться (13,2%), необходимо собирать много справок (12,7%), большая очередь (11,1%), отсутствие времени (0,53%).

Практика показывает, что само по себе улучшение жилищных условий еще не является гарантией того, что в молодой семье, где уже есть один ребенок, родится после этого второй, а тем более третий ребенок. Репродуктивные планы молодых семей опосредованы значительным количеством и других условий, никак с обеспеченностью жильем напрямую не связанных (перспективы учебы и карьерного роста супругов, в особенности женщины, психологический климат в семье, отношения с родителями и многое другое). Поэтому именно пропаганда новых приоритетов демографического поведения призвана увязать в сознании молодежи их собственные интересы с интересами общества и государства, которые состоят в том, чтобы, прежде всего, в социально благополучных молодых семьях рождались по два-три ребенка.

Еще одной проблемой молодых семей является трудоустройство молодых. Переход к рыночным отношениям в сфере труда и занятости в условиях перестройки экономики привел к возникновению принципиально новой ситуации в социально-трудовых отношениях. Особенно тяжелой и болезненной данная ситуация оказалась для молодежи, которая в силу специфики социально-психологических характеристик оказывается недостаточно подготовленной к современным реалиям рынка труда.

системы социальных пособий и компенсационных выплат, обеспечивающей адресную помощь.

Для достижения этой цели в числе важнейших предстоит реализовать следующие меры в области поддержки семьи: совершенствование системы государственных социальных, экономических гарантий поддержки благосостояния семей с детьми; государственное стимулирование малого, в том числе семейного предпринимательства, различных форм самозанятости, введение долгосрочного льготного потребительского кредитования молодых семей, семей, имеющих несовершеннолетних детей; развитие новых социальных технологий поддержки семьи, сети специализированных учреждений социального обслуживания семьи и детей, расширение перечня оказываемых ими социальных услуг, в том числе консультативных, и психотерапевтических по выходу из кризисных ситуаций, социально-психологической адаптации к новым условиям; стимулирование развития видов добровольного страхования, особенно детей, направленных на создание дополнительных возможностей поддержки семьи на ответственных этапах ее жизненного цикла, реализации мер по обеспечению устойчивости и надежности страховых систем в выполнении страховых обязательств.

В ходе реформирования действующей системы социальных пособий и других выплат предстоит решить следующие задачи:

1) повысить обоснованность предоставляемых социальных выплат с точки зрения их адресной направленности;

2) определить степень участия федеральных органов исполнительной власти, органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации, органов местного самоуправления в осуществлении мер по материальной поддержке малообеспеченных семей с детьми;

3) усилить роль страховых принципов предоставления социальных выплат;

4) обеспечить эффективный учет и контроль за движением денежных потоков, связанных с социальными выплатами [4].

Анализируя вышесказанное, надо отметить, что социально-экономическая поддержка должна предоставляться наиболее нуждающимся в ней семьям с детьми. Обоснованное определение адресатов такой поддержки возможно при наличии четко определенных целей с учетом имеющихся ресурсов. Основным содержанием мер в системе социально-экономической поддержке населения является усиление адресности поддержки, концентрация финансовых и материальных ресурсов на оказание помощи социально уязвимым группам населения. Предстоит упорядочить систему действующих и не всегда достаточно обоснованных льгот, с тем, чтобы увеличить размеры пособий реально нуждающимся семьям.

Литература

1. А.Н. Аверин Государственная система социальной защиты населения. – М.: Изд-во РАГС, 2010.
2. Текущий архив Республиканского государственного учреждения «Центр социальной поддержки населения» – отчет «О расходах бюджета Республики Бурятия по осуществлению выплаты компенсации части родительской платы за содержание ребенка в детских садах» за 2011 г. и базы данных получателей ежемесячного пособия на ребенка.
3. Текущий архив Республиканского государственного учреждения «Центр социальной поддержки населения» – отчеты «О расходах бюджета Республики Бурятия по осуществлению выплаты компенсации части родительской платы за содержание ребенка в детских садах» за 2007-2011 гг.
4. Постановление Правительства РФ от 26.02.1997 N 222 / О Программе социальных реформ в Российской Федерации на период 1996-2000гг. [Электронный ресурс] // alppp.ru postanovlenie...rf-ot-26-02-1997-222.html.

Уханаева Людмила Иосифовна, магистр, г. Улан-Удэ, e-mail: uhanaeval@rambler.ru.

Ukhanaeva Ludmila Iosifovna, undergraduate, Ulan-Ude, e-mail: uhanaeval@rambler.ru.

Л.И. Уханаева. Система социально-экономической поддержки семей с детьми в современных условиях (на примере Республики Бурятия)

2. Постановление Правительства Республики Бурятия от 10.06.2011 №290 «О концепции государственной политики в отношении молодой семьи в Республике Бурятия до 2020 года» // Справочно-правовая система «Консультант Плюс».

3. Степанов С. Психология достатка. – СПб.: Питер, 2001. – С. 28.

Чукреев Петр Александрович, доктор социологических наук, профессор кафедры социальных технологий Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, г. Улан-Удэ, e-mail: chykredev00@mail.ru.

Дэбеева Туяна Базаржаповна, кандидат социологических наук, старший преподаватель кафедры социальных технологий Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, г. Улан-Удэ, e-mail: debeevatuяana@mail.ru.

Chukreev Petr Aleksandrovich, doctor of sociological science, professor, department of social technology, Eastern-Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude, e-mail: chykredev00@mail.ru.

Debeeva Tuyana Bazarzhapovna, candidate of sociological science, senior lecturer, department of social technology, Eastern-Siberian State University of Technology and Management, Ulan-Ude, e-mail: debeevatuяana@mail.ru.

УДК 323 (571.54)

© Л.И. Уханаева

СИСТЕМА СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОДДЕРЖКИ СЕМЕЙ С ДЕТЬМИ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ (НА ПРИМЕРЕ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ)

В данной статье рассматривается эффективность социально-экономической поддержки семей с детьми (на примере Республики Бурятия) и предложены меры по ее оптимизации с целью повышения социально-экономической активности семей.

Ключевые слова: система, социально-экономическая, государственная поддержка, пособия, политика, семья с детьми, адресность.

L.I. Ukhanaeva

THE SYSTEM OF SOCIAL AND ECONOMIC SUPPORT FOR FAMILIES WITH CHILDREN IN MODERN CONDITIONS (ON EXAMPLE OF THE REPUBLIC OF BURYATIA)

This article considers the effectiveness of social and economic support for families with children (on the example of Republic of Buryatia) and suggests some measures for its optimization in order to improve the social and economic activities of families.

Key words: system, social and economic state support, benefits, policies, family with children, targeteness.

В числе тех явлений общественной жизни, интерес к которым среди социологов за последние десятилетия особенно оживился, одно из первых мест занимает семья. Семейная жизнедеятельность вплетена в социальную реальность – арену столкновения многообразных социальных сил, участвующих в процессах социальной дифференциации и специализации. Обостренным интересом является роль и место государства в решении социальных проблем семей с детьми.

Переход нашей страны к рыночной экономике был осуществлен с большими издержками. Поэтому возникла необходимость в формировании и проведении социально-экономической политики. Государство в ней усилило акцент не только на социальной адаптации, но и на создании устойчивых компенсационных механизмов,

обеспечивающих защиту и выживание семей с детьми.

Действующая система государственных пособий гражданам, имеющим детей, установленная Законом о пособиях 1995 г., в совокупности с другими социальными гарантиями, в том числе выплатами социального характера, социальным обслуживанием семьи и различного рода льготам семьям с детьми, формирует систему социальной защиты семьи, материнства, отцовства и детства и призвана обеспечить прямую материальную поддержку семьи в связи с рождением и воспитанием детей. В понятие экономической поддержки входит комплекс определенных мер и приемов, носящих законодательный и исполнительный характер и закрепленных в Федеральных законах, законах субъектов Российской Федерации, постановлениях Прави-

тельства и других нормативно-правовых документах.

Следовательно, социально-экономическая поддержка семей с детьми представляет собой меры, действие которых закреплено и регулируется соответствующим законодательством. Такая поддержка должна быть направлена на эффективное обеспечение жизнедеятельности института семьи с детьми, на охрану от внешних неблагоприятных воздействий (поддержка достойного существования в кризисных ситуациях: безработица, стихийные бедствия и т.д.).

Цель данной работы – оценить эффективность, действующих мер социально-экономической поддержки семей с детьми (на примере Республики Бурятия) и предложить меры по их оптимизации с целью повышения жизненного уровня, социально-экономической активности семей с детьми.

Современная семья с детьми самими законами поставлена в положение объекта, у которого не выясняют потенциал самостоятельного преодоления возникших трудностей и не повышают его в процессе умелого использования получаемых от государства средств. Отсутствует ориентация и установка на диалог между семьей и органами социальной защиты по совместному определению содержания, размеров, срока предоставления такой социально-экономической поддержки, которая обеспечит существенное возрастание потенциала самостоятельного разрешения имеющихся у семьи с детьми проблем. Такому взаимодействию в большинстве случаев не учат ни саму семью, ни тех специалистов, которые работают с ней.

В результате возникают большие проблемы в экономической составляющей социальной поддержки. Большинство семей ориентируются на то, что отпускаемые на эту деятельность средства должны постоянно возрастать. При этом помощь и поддержку должны получать все семьи в разных размерах, независимо от их материального положения. Естественно, что такой подход ставит государство, местную власть в ситуацию, когда определенная часть населения, имеющая низкие доходы, будет всегда недовольна размерами получаемой помощи, а отпускаемые на эти нужды бюджетные средства не могут бесконечно возрастать.

Негативные психологические последствия заключаются в том, что у значительной части населения превалирует, как показали исследования, ориентация на постоянные требования к федеральной, местной власти,

предприятиям по увеличению размеров пособий, льгот, субсидий. Не возникает установки на постоянный поиск внутренних резервов самостоятельного решения семей периодически возникающих у нее проблем материального, психологического и иного порядка. Следовательно, необходимо существенно изменить существующее законодательство и сам порядок взаимодействия с семьей, имеющей детей при оказании ей конкретных видов социально-экономической поддержки.

В государственное социальное обеспечение семей с детьми входит государственная материальная поддержка материнства, отцовства и детства, семей с детьми. Она включает выплату государственных пособий гражданам, имеющих детей. Пособие представляет денежную выплату, назначаемую на определенный срок с целью возмещения временно утраченного заработка или оказания материальной помощи в признанных социально значимыми случаях [1].

Социальные программы России включают в себя единовременные и постоянные пособия по разным вопросам социальной жизни. К числу мер общего характера относятся социальные выплаты семьям, связанные с рождением и воспитанием ребенка. Государственные социальные пособия семьям, имеющим детей не велики. Пособия этого вида являются минимальной экономической поддержкой семье. Источником выплаты этих пособий является местный бюджет, но средств местного бюджета катастрофически не хватает. С учетом инфляции они не соответствуют реальным ценам на товары. Но эти пособия, все же, являются «подпиткой» для семьи, где не работают, находятся в вынужденных отпусках родители или работает один член семьи. Они же, т.е. пособия распространяются и на одиноких матерей, которым особенно сложно содержать ребенка в нынешних социально-политических условиях.

Следует подчеркнуть, что также компонентом социального обеспечения семей с детьми являются компенсации или денежные выплаты, которые назначаются для дополнительной материальной поддержки в признанных социально значимых случаях не зависимо от источников дохода. К таким, например, относится компенсация части родительской платы за содержание детей в детских садах. Она назначается всем родителям

(в размере 20% – на первого ребенка, 50% – на второго ребенка и 70% – на третьего ребенка) дети, которых, посещают детские сады. В Республике Бурятия выплата такой компенсации за 2011 г. составила в среднем 298,4 рублей в месяц на одного ребенка. Численность детей, воспользовавшихся этой выплатой в 2011 г. – 36 939 человек, из которых реально нуждались в помощи (т.е. доходы их семей были ниже прожиточного минимума) 16 693 человека [2].

Такая гарантированная обеспеченность, пусть даже, на невысоком уровне иногда снижает мотивацию к активной человеческой деятельности. Любое социальное благо, которое защищает человека от трудностей, можно считать средством, помогающим его существованию, но в тоже время оно ослабляет его желание самостоятельно решать свои проблемы.

Главный недостаток действующей системы в том, что существуют социальные пособия и компенсации, выполняющие функцию социальной помощи, которые назначаются и выплачиваются без учета доходов семьи, безадресно. В связи с этим различные виды социальных пособий, компенсаций и других выплат, включая косвенные (бесплатные или льготные услуги), получает значительная часть граждан России, хотя реально нуждаются в них, прежде всего, граждане, имеющие доходы ниже прожиточного минимума. Это привело к тому, что при значительных расходах на выплату социальных трансфертов, реальные размеры пособий и социальных выплат остаются очень низкими. Для обеспеченных населения такие социальные выплаты не имеют экономического смысла, а малообеспеченным гражданам не гарантируют необходимой социальной защиты.

Таблица 1
Динамика численности получателей компенсации части родительской платы за содержание детей в детских садах по Республике Бурятия [3]

Наименование вида выплаты	Численность получателей				
	2007 г.	2008 г.	2009 г.	2010 г.	2011 г.
Компенсация части родительской платы за содержание ребенка в образовательных учреждениях.	27 909	29 303	31 221	34 048	36 939

Из этой таблицы видно, что численность получателей растет. Значит, и растет сумма, осваиваемых бюджетных средств. Появляется все больше желающих получить помощь от государства.

Вместе с тем, объектами государственной поддержки должны являться не все и не любые типы семей, а лишь те, которые действительно нуждаются в этом, которые или не в состоянии самостоятельно справиться с возникающими в их жизни кризисами и проблемными ситуациями, или справляются с ними таким образом, что это негативно сказывается как на семье, так и на отдельных ее членах, в особенности на детях. Социально-экономическая поддержка должна быть направлена на конкретные семьи, испытывающие те или иные кризисы, другими словами она должна быть адресной.

Отсюда вытекает важнейшая задача создания адекватной целям государственной поддержки типологии семей с детьми, то есть четкого определения того, какие именно семьи нуждаются в поддержке со стороны

государства. Формы государственной социально-экономической поддержки зависят от проблем, которые требуют разрешения в целях стабилизации семей с детьми и их выхода из кризиса. Они могут быть не только экономическими, но и психологическими, медицинскими, образовательными и др.

Реализация государственной системы социально-экономической поддержки семей с детьми должна обеспечить максимально эффективную защиту социально уязвимых категорий семей с детьми, не обладающих возможностями для самостоятельного решения проблем и нуждающихся в государственной поддержке.

На основании вышесказанного, необходимо рассмотреть меры по оптимизации системы социально-экономической поддержки семей с детьми на основе программы целевого управления. Задачи программы должны состоять в том, чтобы было как можно больше самых разнообразных проектов, содержащих различные пути и средства достижения конечной цели – формирования

махерская (31%), шиномонтаж (26%), ремонт обуви (24%). Общественная баня на селе не особо популярна, поскольку практически у каждого есть она в доме (77%). Тем не менее, отсутствие подобных пунктов по оказанию бытовых услуг ухудшает качество жизни в сельской местности.

Таким образом, анализ состояния и обеспеченности объектами социальной инфраструктуры, осуществленный на основе опроса сельских жителей села республики, показал, что наибольшее количество респондентов не удовлетворено уровнем здравоохранения, уровнем развития культурно-досуговой сферы и состоянием автодорог в сельской местности (табл. 1). Сохранение существующего положения дел в развитии социальной инфраструктуры села крайне деструктивно сказывается на социальном самочувствии сельского населения, вызывая отток населения, особенно молодежи и слабую закрепляемость молодых специалистов на селе.

Литература

1. Бурятия в цифрах: стат. сб. [Электронный ресурс]. URL: <http://burstat.gks.ru/> (дата обращения: 21.09.2012).
2. Концепция развития агропромышленного комплекса и сельских территорий Республики Бурятия на 2009-2017 гг. и на период до 2020 года [Электронный ресурс]:

постановление Правительства Бурятии от 11 декабря 2008 г. №529 URL: <http://www.egov-buryatia.ru> (дата обращения: 21.09.2012).

3. Регионы России. Социально-экономические показатели-2011 // URL: <http://www.gks.ru> (дата обращения: 25.09.2012).

4. Социально-экономическое положение Республики Бурятия: доклад [Электронный ресурс] URL: <http://burstat.gks.ru/> (дата обращения: 21.09.2012).

5. Тимофеев В. Социальное развитие села // Экономист. – 1998. – №2.

6. Тощенко Ж.Т. Социальная инфраструктура: сущность и пути развития. – М., 1980.

7. Хагуров А.А. О состоянии и проблемах российского села // СОЦИС. – 2012. – №1. – С.145-150.

8. Итоги Всероссийской переписи населения 2010 года [Электронный ресурс]. URL: <http://burstat.gks.ru> (дата обращения: 21.09.2012).

Гунтыпова Эржена Саяновна, кандидат социологических наук, доцент, заведующая кафедрой связей с общественностью, социологии и политологии Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова, г. Улан-Удэ, e-mail: erzhena-sg@yandex.ru.

Guntypova Erzhena Sayanovna, candidate of sociological science, associate professor, head, department of public relation, sociology and political science, Buryat State Academy of Agricultural named after V.R. Philipov, Ulan-Ude, e-mail: erzhena-sg@yandex.ru.

УДК 316.6

© Л.И. Иванова, Е.А. Раднаева

ДИНАМИКА ПРОФЕССИОНАЛЬНО-КВАЛИФИКАЦИОННОЙ СТРУКТУРЫ СЕЛЬСКОЙ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ

В структуре сельской интеллигенции Республики Бурятия происходят изменения, на сегодняшний день самым многочисленным отрядом сельской интеллигенции являются работники образования. На втором месте работники здравоохранения и работники культурно-просветительной сферы, количественный состав которых за последнее десятилетие сократился. Численный потенциал инженерно-технических работников и работников сельского хозяйства в структуре сельской интеллигенции самый низкий.

Ключевые слова: интеллигенция, сельская интеллигенция, структура, учителя, врачи, работники культурно-просветительской сферы, инженерно-технические работники, работники сельского хозяйства.

L.I. Ivanova, E.A. Radnaeva

THE DYNAMICS OF THE PROFESSIONALLY QUALIFIED STRUCTURE OF THE RURAL INTELLEGENSIA

The structure of the rural intellectual population is being changed, and nowadays the most numerous group of the rural population are teachers (workers of education). Then there come the workers of Health protection sphere and the workers of culture whose number has been reduced within the last 10 years. The number of engineers and the workers of agriculture in the structure of the rural intellectual population is the lowest.

Key words: the intelligentsia, the rural intelligentsia, structure, teachers, doctors, workers of cultural and educational spheres, engineers, the workers of agriculture.

Структура интеллигенции представляется в виде ее социально-профессиональных отрядов. Кроме различий интеллигенции по профессио-

нальной принадлежности, ее можно разделить по образу жизни – на городскую и сельскую [3].

УДК 316.3 (571.54)

© Э.С. Гунтыпова

СОЦИАЛЬНАЯ ИНФРАСТРУКТУРА СЕЛА РЕСПУБЛИКИ БУРЯТИЯ В ОЦЕНКАХ СЕЛЬСКИХ ЖИТЕЛЕЙ (ПО МАТЕРИАЛАМ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ)

В статье представлен анализ современного состояния социальной инфраструктуры села на основе проведенного автором социологического опроса сельских жителей республики. Отмечается значение развития социальной инфраструктуры для улучшения демографического и кадрового потенциала села.

Ключевые слова: социальная инфраструктура, сельские жители, степень удовлетворенности, современное состояние развития села.

E.S. Guntypova

SOCIAL INFRASTRUCTURE OF THE VILLAGE OF THE REPUBLIC OF BURYATIA IN THE EVALUATION OF THE RURAL POPULATION (ON THE MATERIALS OF A SOCIOLOGICAL RESEARCH)

The article presents the analysis of the current state of a social infrastructure of the village based on the author's sociological survey of rural residents of the Buryat Republic. The research notes the importance of development of the social infrastructure to improve the demographic and personnel capacity of the village.

Key words: social infrastructure, rural residents, degree of satisfaction, the current state of development of village.

Миграционный отток сельского населения и снижение престижности проживания в сельской местности связаны, в том числе с недостаточным развитием социальной инфраструктуры села. В самом общем понимании социальная инфраструктура представляет собой систему элементов искусственной среды обитания, выполняющую социальную функцию – обеспечение условий для воспроизводства населения. В таком толковании социальная инфраструктура не просто сфера обслуживания населения, призванная удовлетворять ряд насущных традиционных потребностей населения, но и определенный механизм, управляющий развитием существующих черт образа жизни и, в конечном счете, работающий на формирование перспективных социальных форм жизнедеятельности субъектов [5].

К объектам социальной инфраструктуры в сельском хозяйстве относят подразделения жилищно-коммунального хозяйства, медицинские и образовательные учреждения, организации общественного питания, спортивно-оздоровительные организации, транспорт, связь, информационные службы.

Современное состояние социальной инфраструктуры сельской местности Республики Бурятия свидетельствует о недостаточном ее развитии. Так, в 2010 г. было введено в действие в сельской местности водопроводных сетей 10,8 км (в 2 предыдущих года – ни одного); канализационных сетей – 0,9 км; за 2008-2010 гг. не было введено в действие ни одного километра

линий электропередач, равно как и автомобильных дорог с твердым покрытием. Напротив, увеличился удельный вес сельских населенных пунктов, не имеющих связи по дорогам с твердым покрытием с сетью путей сообщения общего пользования с 21,3% до 21,5%. Увеличился удельный вес сельских населенных пунктов, не обслуживаемых сетью почтовой связи до 2,8% (на 0,1% по сравнению с 2009 г.) [4].

По данным республиканской статистики на 2011 г. в сельской местности республики функционировали 416 библиотек, 452 учреждений культурно-досугового типа всех ведомств, 336 детских дошкольных образовательных учреждений, 435 школ [1].

Актуальна проблема состояния социальной инфраструктуры села и в сфере здравоохранения. В республике в 2010 г. в среднем приходилось 82 больничных койки на 10 000 человек населения, в большинстве сельских районов этот показатель намного ниже среднереспубликанского, в среднем 60 больничных коек, а это почти в два раза ниже, чем в Улан-Удэ (116,4). В настоящее время численность врачей по районам республики на 10 000 человек населения так же ниже городской и среднереспубликанской. В Республике Бурятия в среднем на 10 000 человек населения приходится 31,6 врачей, в городских же районах он намного меньше, в среднем 17,8 [4].

Ситуация с таким объектом социальной инфраструктуры сельской Бурятии, как информа-

ционно-коммуникационные технологии и связь, обстоит следующим образом: число квартирных телефонных аппаратов сети общего пользования на 1000 человек населения составило на конец 2010 г. 106,4 штук. Телефонная плотность (проникновение) связи на 1000 человек населения составила 131,2 штук. По количеству квартирных телефонных аппаратов сети общего пользования на 1000 человек населения в России сельская Бурятия занимает 54 место [3]. Произошло сокращение числа сельских телефонных станций общего пользования с 267 в 2009 г. до 265 в 2010 г., удельный вес нетелефонизированных сельских населенных пунктов увеличился по сравнению с 2008 г. в 2 раза и составил 2,6% [4].

Оборот розничной торговли в сельской местности в 2010 г. в среднем составил 992 млн рублей, для сравнения: в г. Улан-Удэ – 61 073,5 млн руб. Оборот розничной торговли на душу населения составил в 2010 г. 39 274 рублей, в столице республики – 151 509 рублей. Объем бытовых услуг населению сельских районов (ремонт, химчистка, прачечные, парикмахерские, ритуальные услуги и т.д.) в 2009 г. составил всего 525 тыс. рублей. Для сравнения: в г. Улан-Удэ эта сумма равна 289 761 тыс. рублей [4].

Анализ статистической информации свидетельствует о негативных тенденциях в социально-экономическом развитии сельских территорий, ухудшении состояния социальной инфраструктуры села, увеличении разрыва в уровне жизни между сельским и городским населением.

Субъективный взгляд на состояние социальной сферы села республики рассмотрен в данной статье на материалах социологического исследования, проведенного в 2010 г. Жителям сел Бурятии было предложено оценить работу учреждений культуры, образования, здравоохранения, торговли, связи, транспорта.

В качестве основного метода сбора данных применялся анкетный опрос с использованием специально разработанной анкеты. Постоянная численность сельского населения по итогам Всероссийской переписи населения 2010 года – 404 389 человек [8]. В 2010 г. в общей численности населения республики сельское население составило 41,9%. В агропромышленном комплексе РБ занято 22,9% работающих. Выборочная совокупность исследования – 945 респондентов. Расчет выборочной совокупности осуществлен методом двухступенчатого стратифицированного отбора. Единицей первой ступени отбора стали сельские районы республики. Генеральная совокупность – 21 район. Территория Бурятии условно подразделена на 7 макрорай-

онов. Выборочная совокупность составила 14 сельских районов исходя из параметров объема сельскохозяйственной деятельности и численности населения районов. На второй ступени выбраны конкретные села исходя из параметров удаленности от районного центра и численности жителей. В выборку вошли 39 сельских поселений.

Общая характеристика респондентов. В анкетном опросе приняли участие 606 женщин или 64%, мужчин – 321 или 34%; в возрасте до 20 лет – 71 или 7,5%; от 20 до 35 – 297 или 31%, от 36 до 64 лет – 534 или 56% и старше 65 лет – 28 или 3%; бурят – 369 или 39%, русских – 506 или 54% от общего числа опрошенных респондентов. По уровню образования треть опрошенных респондентов имеет среднее специальное образование (384 или 40%); среднее общее образование – 247 или 26%, высшее образование получили 218 или 23%. По семейному положению: женаты (замужем) 618 (65%), холост (незамужем) – 200 или 21%, разведены 39 или 4%, овдовели 60 или 6%. Имеют детей 744 или 79%, бездетные – 167 или 18%. Более половины участников опроса живут в сельской местности с рождения – 568 или 60%, еще 263 или 28% более 10 лет. Менее 10 лет живут на селе всего 12% от общего числа опрошенных респондентов.

Степень удовлетворенности сельских жителей уровнем развития социальной инфраструктуры села.

Сфера образования. Школа в сельской местности – это не просто образовательный центр, но и культурный, просветительский, рекреационный, досуговый. Хорошей свою школу (в своем населенном пункте) считают более трети опрошенных респондентов – 33%. Аварийное состояние школы отметили 22% от общего числа опрошенных респондентов. Также в ряде населенных пунктов отметили такие актуальные проблемы, как малокомплектные школы и глубокий демографический кризис – 175 человек или 19%; было сказано, что детей мало, скоро учить будет некого, поэтому новая школа не нужна. А 92 респондента или 10% наоборот, сказали, что их школа не вмещает всех школьников, поэтому нужна новая школа. Также был такой вариант ответа, как «нужно модернизировать имеющуюся школу» – 36 или 4%. Удовлетворено качественным уровнем школьного образования большинство респондентов – 609 или 64%, еще 311 или 33% в целом удовлетворены, итого 97%.

Обеспечением местами в детских учреждениях полностью удовлетворены 21%, частично – 27%, то есть всего 48% жителей сельских районов Бурятии. Не удовлетворены – 28% от общего числа опрошенных сельчан. Количественным и качественным уровнем дошкольного образования удовлетворены в целом 57% респондентов.

Таким образом, сфера образования в сельской местности достаточно развита, особенно это касается школьного образования. Чуть хуже ситуация с дошкольными учреждениями, но большинство положительно оценили эту сферу социального обслуживания населения.

Сфера здравоохранения. Ситуация в сфере здравоохранения на селе вызывает у местных жителей негативную оценку. Почти половина опрошенных респондентов считает неудовлетворительным уровень здравоохранения – 49%. Качеством медицинского обслуживания вполне удовлетворены 23%, частично – 34%, не устраивает – 32% от общего числа респондентов. Санаторно-курортное лечение доступно только 25% сельских жителей, принявших участие в опросе. Не удовлетворены 41%, еще 34% затруднились с ответом, что можно интерпретировать как полное отсутствие этой возможности.

Таким образом, почти половина сельчан республики не довольна ни уровнем здравоохранения в своем населенном пункте, ни качеством медицинского обслуживания. Отмечаются такие насущные проблемы, как перебои с лекарственными препаратами, трудности в получении специализированной помощи, нехватка медицинского персонала.

Сфера культуры. О недостаточном уровне развития сферы культуры в сельской местности свидетельствуют полученные данные социологического опроса. Так, более половины опрошенных респондентов не удовлетворены уровнем развития учреждений культуры и отдыха – 53%. Одна треть опрошенных сельчан указала, что в их населенном пункте нет учреждений культурно-досугового типа. Из культурно-досуговых центров в сельских населенных пунктах есть библиотека (83%), клуб (78%), музей (34%), центр народного творчества (16%), Интернет-клуб (10%), кинотеатр (9%). Различные виды художественной самодеятельности существуют, так ответили 58% респондентов, но только 19% причислили себя к активным участникам художественной самодеятельности.

Полученные данные оставляют двойное ощущение, с одной стороны сфера культуры на селе существует, наличествует, но, с другой стороны, сельское население к нему относится индифферентно и слабо вовлечено в эту сферу.

Связь и информация. Развитием телефонной связи довольны 80% респондентов. Имеют мобильный телефон 90% сельчан, участвовавших в опросе. Еще у 48% есть домашний телефон. Компьютеризация в сельской местности достигает чуть более половины – 54% респондентов отметили, что имеют дома компьютер. Интернетизация еще ниже – всего 19% от общего числа опрошенных жителей сельской местности. Уровнем развития автодорог удовлетворены 41%, более половины дали отрицательный ответ – 56%. Это довольно низкие показатели, особенно учитывая современный уровень развития общества.

Таблица 1

Степень удовлетворенности сельских жителей уровнем развития социальной инфраструктуры села

	Удовлетворены полностью	Удовлетворены частично	Не удовлетворены
Уровень дошкольного образования	21%	27%	28%
Уровень школьного образования	64%	33%	-
Уровень здравоохранения	20%	24%	49%
Качество медицинского обслуживания	23%	34%	32%
Уровень развития учреждений культуры и отдыха	44%	-	53%
Качество работы библиотек	47%	26%	-
Уровень развития телефонной связи	80%	9%	4%
Уровень развития автодорог	41%	-	56%
Уровень торгового обслуживания	84%	10%	-

Сфера бытового обслуживания. Уровень торгового обслуживания считают удовлетворительным 84% респондентов. Считают, что не сложно приобрести продовольственные товары – 77% сельчан; промышленные товары – всего 41% респондентов. Также ими отмечались такие

проблемы, как продажа просроченных продовольственных продуктов, дороговизна, скудный ассортимент.

Довольно мало в сельских населенных пунктах учреждений, предоставляющих различные социально-бытовые услуги, такие как парик-

2. Всесоюзная перепись населения. – Улан-Удэ, 1979, 1989.
 3. Головащенко И.С. Сельская интеллигенция в условиях современных аграрных преобразований в России: автореф. ... канд. социол. наук. – Саратов, 1997. – С.9.
 4. Калмынина Т.В. Место менеджеров в структуре общества // Вестник Бурятского государственного университета. – 2008. – Вып. 14. – С. 108 – 116.
 5. Кожевников В.В. Современные проблемы оптимизации медицинской помощи сельскому населению Республики Бурятия (социально-гигиеническое исследования). – М, 2004. – 174 с.
 6. Корпоративный социальный отчет открытого акционерного общества «Сибирская угольная энергетическая компания» за 2007-2008 гг. URL: <http://kgo.rcb.ru> (дата обращения: 22.11.2011).
 7. Кряжев Е.А. Рабочие Бурятии 90-х: социальная структура / Е.А. Кряжев, И.И. Осинский. – Улан-Удэ, 2003. – С. 41.
 8. О состоянии и развитии педагогических кадров в системе общего образования Республики Бурятия // Программа мероприятий, посвященных Дню учителя и чествованию лучших учителей Республики Бурятия 2011 года. – Улан-Удэ, 2001. – С. 7-8.
 9. Образование и культура в Бурятии: стат. сб. № 05-02-11. – Улан-Удэ: Бурятстат. – 2010. – 63 с.
 10. Республика Бурятия: стат. сб. – Улан-Удэ, 1998. – С.91.
 11. Таблица составлена по данным: Бурятия в цифрах: стат. сб. № 01-01-13. – Улан-Удэ: Бурятстат, 2009 – 118 с.

12. Чепак О.А. Изменение социальной структуры сельского населения в процессе реформирования российского общества: дис. ... канд. соц. наук. – Улан-Удэ, 2004. – С. 67.
 13. URL: <http://www.sibinfo.su/news/rb>.
Иванова Любовь Игоревна, кандидат социологических наук, доцент кафедры связей с общественностью, социологии и политологии Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова, г. Улан-Удэ, e-mail: ivanova-2006@mail.ru.
Раднаева Евгения Александровна, соискатель кафедры связей с общественностью, социологии и политологии Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова, г. Улан-Удэ, e-mail: evgrad77@mail.ru.
Ivanova Lubov Igorevna, candidate of sociological science, associate professor, department of public relations, sociology and political science, Buryat State Academy of Agricultural named after V.R. Philippov, Ulan-Ude, e-mail: ivanova-2006@mail.ru.
Radnaeva Eugenia Alexandrovna, competitor, department of public relations, sociology and political science, Buryat State Academy of Agricultural named after V.R. Philippov, Ulan-Ude, e-mail: evgrad77@mail.ru.

УДК 316.4.05-316.4.06

© А.И. Шедоев

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ КОРРУПЦИИ В МОДЕРНИЗИРУЮЩЕМСЯ ОБЩЕСТВЕ

В статье рассмотрены вопросы распространения коррупции как социокультурного явления, причины которого кроются глубоко в подсознании общества. Выявлено явное рассогласование между нормой в коллективных представлениях и социальной фактичностью. Определено, что коррупционное поведение может быть детерминировано ценностными ориентациями субъектов процесса модернизации общества.

Ключевые слова: коррупция, институциональная модернизация, ценностная ориентация, правосознание.

A.I. Shedoev

AXIOLOGICAL FOUNDATION OF CORRUPTION IN A MODERNIZING SOCIETY

This article considers the spread of corruption as a social and cultural phenomenon the causes of which hide deeply in the subconscious of a society. The author revealed a clear discrepancy between the rate in the collective representations and social facticity. The research has found out that corrupt behavior can be determined by value orientations of actors in the modernization of society.

Key words: corruption, institutional modernization, value orientation of justice.

В последнее время коррупция для России как страны с модернизирующейся социально-экономической системой является настоящим бедствием. В сочетании с непрофессионализмом чиновников коррупция становится причиной разочарования людей либеральной демократией, недоверия населения к органам государственной власти.

Новые вызовы, стоящие перед страной, требуют не только институциональной модернизации, но и актуализируют интерес, как общества, так и власти к человеческому измерению демократии, к тому, что принято называть гражданским обществом. Но для этого нужно раскрепостить энергию людей, вовлечь их в общественную и политическую жизнь страны.

Сельская интеллигенция, как и вся интеллигенция в целом структурно подразделяется как на профессиональные отряды, так и по сферам приложения труда. По сфере приложения труда можно выделить три группы сельской интеллигенции: занятые в сфере материального производства; в духовной и социальной сферах; в сфере управления.

Наше исследование показало, что в составе профессиональных групп, занятых в сфере материального производства села произошли существенные изменения, связанные с экономическими преобразованиями в стране. Изменения в экономике проявились также и в том, что появилась относительно небольшая группа индивидуальных предпринимателей, фермеров. Произошли изменения в сфере здравоохранения и культурно-просветительной сфере. В период с 2000 по 2010 гг. в целях экономии бюджетных средств сократился управленческий аппарат за счет объединения малых сел с более крупными.

Если на рубеже 1980-1990-х гг. наблюдался рост численности управленческой интеллигенции, то в последующие периоды численность управленцев значительно сократилась. В 2002 году управленческие кадры в органах местного самоуправления сел Республики Бурятия составляли 708 человек, из них 419 мужчин, 289 женщин [4]. Сегодня, одно сельское поселение может включать в себя от двух и более населенных пунктов. В Федеральном законе № 131 от 06.10.2003 г. «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» указывается, что укрупнение продолжится. Председатель Комитета территориального развития администрации Президента и правительства Бурятии Б.Ускеев отметил, что сейчас идет целенаправленная работа по изменению структуры, повышению эффективности управления, сокращению штатов муниципальных служащих [13].

Таблица 1

Численность учителей общеобразовательных учреждений на начало учебного года в 2000-2010 гг.

Наименование муниципального образования	Количество учителей в государственных общеобразовательных учреждениях									
	Дневные					Вечерние				
	2000 2001	2005 2006	2007 2008	2008 2009	2009 2010	2000 2001	2005 2006	2007 2008	2008 2009	2009 2010
Баргузинский	468	429	404	380	313	40	62	51	48	7
Баунтовский	219	204	175	166	143	-	13	13	7	1
Бичурский	542	495	445	422	292	34	62	66	63	-
Джидинский	833	769	640	566	414	63	71	54	53	10
Еравнинский	431	430	416	382	288	70	58	50	32	1
Заиграевский	752	694	638	621	471	66	72	41	41	20
Закаменский	696	663	572	554	442	7	44	44	21	8
Иволгинский	386	403	400	362	275	13	29	30	24	16
Кабанский	880	726	737	654	503	31	61	58	59	7
Кижингинский	528	489	450	396	299	10	8	14	12	8
Курумканский	452	437	398	354	250	22	30	31	29	1
Кяхтинский	590	572	538	533	425	-	56	58	58	6
Муйский	204	170	175	158	96	14	11	15	15	6
Мухоршибирский	551	515	503	483	333	18	17	21	22	7
Окинский	112	121	121	110	98	-	14	-	-	-
Прибайкальский	447	363	361	386	297	-	35	20	19	-
Северо-Байкальский	333	278	240	208	165	21	24	30	24	3
Селенгинский	742	669	620	554	444	16	40	38	38	25
Тарбагатайский	229	207	222	224	172	29	24	28	14	-
Тункинский	569	489	508	533	357	40	48	40	37	6
Хоринский	454	381	334	348	301	24	26	23	26	3
Всего	10418	9504	8897	8394	6378	518	805	725	642	135

Сельская интеллигенция состоит в основном из учителей, в меньшей степени в ее составе представлены медицинские работники, культурно-просветительные работники и работники

сельских администраций. В 2000/01 учебном году в дневных общеобразовательных учреждениях насчитывалось 10418 учителей. Через пять лет численность учителей сократилась до 9504

человек. В 2007/08 учебном году количество учителей уже составило 8897. В 2009/10 учебном году численность достигла 6378. Изменения в численном составе учительской интеллигенции по районам представлены в таблице 1 [11].

Несмотря на внедрение комплексной программы модернизации образования, направленной на улучшение условий труда и социальной защищенности работников образования, численность сельских учителей за последние десять лет имеет тенденцию к уменьшению. При этом сельские школы составляют 77,7%, а малокомплектные 46,6%.

За 2008-2010 годы всего 35 выпускников педагогических факультетов, подготовленных на условиях контрактно-целевого обучения, вернулись в свои районы для работы в сельских школах. С введением новой системы оплаты труда (НСОТ) средняя заработная плата молодых учи-

телей варьировалась от 9800 до 21300 рублей. В рамках Федеральной целевой программы «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» 34 молодых специалиста, выехавшие по договору для работы в сельские районы республики, получили государственную поддержку по 500 тыс. рублей. За 3 года более 60 учителей приобрели жилье в сельских районах на условиях софинансирования, из них наибольшее число в Иволгинском, Селенгинском, Тункинском, Кяхтинском районах. В Заиграевском районе сумма подъемных средств молодым учителям составляет – 18000 руб.; в Кабанском до 20000 руб.; в Муйском районе до 35000 руб. [9]. Несмотря на государственную поддержку в период с 2000 по 2006 гг. численность сельских учителей сократилась на 5,5%. В 2009/10 учебном году по сравнению с 2000/01 гг. количество учителей снизилось на 9,7% [8].

Таблица 2

Численность медицинских работников по районам республики

Наименование муниципального образования	Количество медицинских работников									
	Врачи					Средний медицинский персонал				
	2005	2006	2007	2008	2009	2005	2006	2007	2008	2009
Баргузинский	37	37	36	39	40	223	221	227	215	212
Баунтовский	28	29	28	26	27	141	140	137	131	117
Бичурский	32	30	30	31	30	212	204	187	185	187
Джидинский	46	44	43	43	41	237	275	269	272	262
Еравнинский	30	28	29	26	27	158	154	150	145	147
Заиграевский	75	75	74	77	79	367	373	379	384	372
Закаменский	56	45	48	55	52	268	253	248	249	242
Иволгинский	40	41	42	43	49	180	184	167	172	170
Кабанский	109	112	116	115	115	490	492	490	510	504
Кижингинский	51	49	49	49	44	199	186	179	172	148
Курумканский	30	32	35	33	30	169	167	173	156	141
Кяхтинский	51	59	63	61	59	358	354	368	355	344
Муйский	18	18	16	24	27	53	55	55	100	102
Мухоршибирский	43	46	45	43	40	229	232	226	199	192
Окинский	20	21	21	16	14	90	89	89	62	61
Прибайкальский	38	37	37	40	39	179	194	184	185	186
Северо-Байкальский	26	36	35	33	34	92	132	130	124	129
Селенгинский	67	68	65	71	69	300	302	306	303	290
Тарбагатайский	24	23	24	23	25	117	117	111	100	101
Тункинский	38	40	40	46	48	209	218	216	199	198
Хоринский	34	37	38	37	39	179	178	175	176	169
Итого	893	907	914	931	928	4 486	4 520	4 466	4 394	4 274

Следовательно, реализация таких образовательных программ как приоритетный национальный проект «Образование», национальная образовательная инициатива «Наша новая школа» и другие программы не повлияли на пополнение кадрового состава сельских учителей. По мнению учителей и директоров, принявших участие в экспертном опросе, реструктуризация

сельских школ приведет к закрытию большого их числа. Сокращение численности учителей, по мнению экспертов, также связано с сокращением контингента учащихся в сельских школах. Если в 2000-2001 учебном году в сельских школах обучалось 82090 школьников, то в 2009-2010 – их количество сократилось до 51739 человек [9]. Количество малокомплектных сель-

ских школ ежегодно увеличивается, а средняя наполняемость в классах составляет 14 условных единиц.

Другая ситуация сложилась в медицинской профессиональной группе. В 2004 году укомплектованность медицинскими работниками сельских районов была в 1,6 раза ниже, чем в городах. Численность работников здравоохранения в сельских районах Бурятии в целом сократилась. В 2005 году в сельских учреждениях здравоохранения насчитывалось 893 врача и 4486 человек среднего медицинского персонала. Через пять лет врачей было 928, а численность среднего медицинского персонала в целом сократилась до 4274 человек. Изменения в кадровом составе сельских медицинских работников с 2005 по 2009 гг. представлены в таблице 2 [11].

Такая ситуация, на наш взгляд, связана с тем, что увеличилось количество амбулаторных учреждений за счет реорганизации участковых больниц. На 1 января 2009 года количество участковых больниц сократилось с 35 (на начало года) до 27, а врачебных амбулаторий – увеличилось с 80 до 89. Число фельдшерско-акушерских пунктов достигло 348. Неэффективно функционирующие круглосуточные койки в городских и республиканских учреждениях были ликвидированы [5].

В культурно-просветительной сфере также произошли изменения, связанные с реорганизацией учреждений. В 2006 году в районах работали 486 клубных учреждений, в 2007 – 490, в 2008 их число увеличилось до 495. При этом многие клубные учреждения преобразованы в автономные некоммерческие организации (АНО). В 2010 году в культурно-просветительной сфере сельской местности насчитывалось 2616 работников. Из них 51,6% – специалисты культурно-досуговых учреждений; 30% – библиотечные работники, 16,7% составили педагоги детских школ искусств, и всего 1,7% – музейные работники.

Оценивая сдвиги, произошедшие в структуре инженерно-технических работников, необходимо учитывать коренные изменения в экономике села, и связанный с ними миграционный отток в города, что привело к потере большинства ИТР в сельских районах. По данным переписей 1979, 1989 гг. численность рабочих промышленности, расположенной в сельских поселениях, сократилась до 23290 человек против 26261 [2]. Переход к рынку, приватизация и разгосударствление обусловили появление предприятий промышленности с различными формами собственно-

сти, ставшими основой для экономики смешанного типа [7].

В 1996 году в промышленности Бурятии насчитывалось более 600 АО открытого и закрытого типа. Наиболее крупными ОАО в сельской местности были разрез Холбоьджинский – 1700 работающих и Тугнуйский угольный разрез – 2200 человек [10].

Сегодня разрез Тугнуйский обеспечивает рабочими местами 1600 человек, разрез Холбоьджинский ликвидировали. Таким образом, наибольший кадровый потенциал представлен в селе Саган-Нур Мухоршибирского района. Большая часть сельских специалистов сосредоточена в малых городах и районных центрах.

Исследования, проведенные О.А. Чепак в 2004 году, свидетельствуют о том, что среди опрошенных фермеров 26% – бывшие представители сельскохозяйственной интеллигенции, 9% – ИТР [12]. По состоянию на начало 2012 г. зарегистрировано 2638 хозяйств этого типа. Численность работников в среднем на одно хозяйство 4 человека. От общего числа руководителей крестьянских фермерских хозяйств лица с высшим профессиональным образованием составляют 23,1%, из них сельскохозяйственное образование имеют 13,7%, незаконченное высшее образование – 3,4%. Среднее специальное образование имеют 25,2%, из них 6,3% сельскохозяйственное, начальное профессионально-техническое – 2%, среднее образование – 42,7% [1].

Таким образом, изменения, охватившие все сферы общественной жизни страны, оказали значительное влияние на структуру сельской интеллигенции. Произошли изменения качественного состава сельского населения. В первую очередь изменения из-за спада производства коснулись сельскохозяйственной и инженерно-технической интеллигенции, благодаря деятельности которой раньше поддерживались и развивались экономика и социальная сфера села. Сегодня наиболее массовой частью в структуре сельской интеллигенции являются представители гуманитарных профессий. Самым многочисленным отрядом сельской интеллигенции являются работники образования, на втором месте – работники здравоохранения и работники культурно-просветительной сферы. Численность ИТР и специалистов сельского хозяйства в структуре сельской интеллигенции занимает последние позиции.

Литература

1. Бурятия в цифрах: стат. сб. № 01-01-13. – Улан-Удэ: Бурятстат, 2009 – 118 с.

оборот сопровождается тенденцией к крайнему индивидуализму [3].

Культура неограниченного индивидуализма, к сожалению, легко справляется с любыми моральными ценностями, хотя известно, что моральные ценности и общественные правила – это необходимое условие совместной деятельности людей, а, значит, и всего общества. То есть культура неограниченного буржуазного индивидуализма является основой коррупционного поведения. Эта культура выгодна коррупционерам. В этой связи характерно мнение респондента: «Хотелось бы обратить внимание на то, что в нашем сегодняшнем обществе быть честным просто смешно, честность воспринимается как слабость, на современном слэнге честный человек – это лох. Обратите внимание на то, что людей друг с другом ничего сегодня не связывает, ощущается общая растерянность и потерянности, люди злы и агрессивны, им обидно, что те ценности, которыми они руководствовались в жизни, сейчас никому не нужны».

На наш взгляд, коррупционное поведение может быть детерминировано ценностными ориентациями субъектов. С этой точки зрения

коррупционная деятельность имеет вполне «человеческие» детерминанты. По нашему мнению, ценности коллективизма советского времени и ценности буржуазного индивидуализма современного общества являются основами для функционирования и воспроизводства двух типов поведения – в первом случае основанного на морали, в другом – на так называемых «правилах игры», «понятиях» обуславливающих коррупционное поведение.

Литература

1. Кармадонов О.А. Нормы и эмпатия как факторы социальных преобразований. – Социс. – №4. – 2012. – С.17-25.
2. Кармадонов О.А. Социологическая рациональность отсутствия в исследованиях современного мира // Социологические исследования. – 2008. – №3.
3. Фукуяма Ф. Великий разрыв / пер.с англ.; под общ. ред. А.В. Александровой. – М.: АСТ МОСКВА, 2008. – С.21.

Шедоев Алексей Игоревич, г. Улан-Удэ, e-mail: angmokia319@gmail.com.
Shedoev Alexey Igorevich, Ulan-Ude, e-mail: angmokia319@gmail.com.

УДК 316.614

© А.В. Махиянова

**ИНТЕРНАЛИЗАЦИОННЫЙ КРИЗИС В ПРОЦЕССЕ СОЦИАЛИЗАЦИИ:
 ПОНЯТИЕ И ЭМПИРИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ**

В статье проведен анализ подходов гуманитарных наук к понятию интернализация, дано авторское определение понятия «интернализационный кризис», представлен материал социологического исследования, в котором рассматриваются причины и последствия развития интернализационного кризиса.

Ключевые слова: интернализационный кризис, социализация личности, ценностно-нормативная система.

A. V. Makhiyanova

**INTERNALIZATION CRISIS IN THE SOCIALIZATION PROCESS:
 CONCEPTION AND EMPIRICAL EXPLANATION**

The article analyzes the approaches to the concept of the humanities internalization, the author gives a notion of «internalization crisis», the sociological study examines the causes and the consequences of internalization crisis.

Key words: internalization crisis, the socialization of the individual, the value-normative system.

Интернализация рассматривается в качестве одного из элементов социализации и означает заимствование основных категорий индивидуального сознания из сферы общественных представлений и опыта. В научную мысль данное понятие было введено представителями французской психологической школы (Ж.Пиаже, П.Жане, А.Валлон и др.) и советским ученым Л.С. Выготским. При переводе с латинского данный термин означает «внутренний» и трак-

туется как процесс освоения внешних структур, в результате которого они становятся внутренними регуляторами.

Вкратце рассмотрим подходы гуманитарных наук к понятию интернализация. В психологии под ней понимается образование тех или иных психических структур индивида за счет присвоения внешних предметных или социальных отношений [2, с. 148]. Однако для данной науки характерно некоторое противопоставление кате-

То есть, в анализе коррупции как социокультурного явления нам представляются важными ответы на такие вопросы как: связано ли распространение коррупции в современном российском обществе с радикальным изменением культурных ценностей и установок; можно ли остановить широкое распространение коррупции с помощью изменения ценностно-нормативных установок базовых институтов современного российского общества и конкретных индивидов; какую роль в борьбе с коррупцией могут сыграть традиционные установки?

Ответы на эти вопросы затрагивают культурологический и ментальный (психологический) аспект проблемы. В этой связи с целью изучения ментальных нормативно-ценностных установок санкционирования коррупции нами была использована методика равновероятных тьюизмов, позволяющая выяснить – какая именно норма в отношении коррупции преобладает в обществе в настоящее время [1]. Мы исходили из того, что норма всегда является тьюизмом – чем-то обы-

денным, всем известным, само собой разумеющимся. Предлагаая респонденту равновероятные нормы, мы выясняем – какая из них доминирует. Необходимо пояснить, что юридические нормы могут не совпадать с нормами обыденной жизни людей, могут быть антагонистичны. В этом случае право действует избирательно: в одном случае могут наказать, в другом – сделать вид, что не заметили. Или в одном случае наказать соответственно закону, в другом – «по понятиям» общества.

Мы опросили 320 респондентов в г. Улан-Удэ, Гусиноозерск, Северобайкальск, Кяхта и двух сельских районах – Прибайкальском и Еравнинском. При определении сельских районов использовался метод квотной выборки. Поскольку основная направленность исследования касается анализа зависимости уровня коррупции от ценностных ориентаций респондентов, то в качестве контрольных признаков выступили сведения о таких параметрах как возраст, пол, место жительства (город-село).

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос «Должны ли люди каким-то образом проявлять благодарность за оказанные услуги со стороны других людей?» (%)

Варианты ответов	Возрастные группы			
	18-30	31-50	Старше 50 лет	В целом
Да	94	96	96	95
Нет	0	0	0	0
Это личное дело каждого	5	4	4	4
Затрудняюсь ответить	1	0	0	1

Таблица 2

Распределение ответов на вопрос «Должны ли люди каким-то образом проявлять благодарность за оказанные услуги со стороны чиновников?» (%)

Варианты ответов	Возрастные группы			
	18-30	31-50	Старше 50 лет	В целом
Да	82	40	29	51
Нет	2	24	46	24
Это личное дело каждого	4	28	20	17
Затрудняюсь ответить	12	8	5	8

Итак, нашим респондентам был задан вопрос: «Какие отношения между людьми в обществе являются, с Вашей точки зрения, нормальными?», для их характеристики предлагалась пара: «взаимопомощь / каждый сам за себя». Выяснилось, что для подавляющего большинства респондентов (94%) нормальным в отношениях является готовность к взаимной помощи. На вопросы: «Должны ли люди каким-то образом проявлять благодарность друг другу за оказанные услуги?» и «Должны ли люди каким-то об-

разом проявлять благодарность за оказанные услуги со стороны чиновников?» все три возрастные группы – молодежь, средний возраст, старшее поколение – разделились во мнениях относительно нормы «друг другу» и «чиновникам»: среди молодежи (до 30 лет) ответили «да» и в первом, и во втором случае примерно одинаково (94% и 82%); в среднем возрасте расхождение уже значительно больше (96% и 40%); в старшем возрасте разрыв более радикальный – 97% против 29% (табл. 1,2).

Полученные данные говорят о том, что молодежь, социализированная в современных условиях, более терпима к такой форме коррупции как взятка. Молодежь усвоила значение и силу коррупционной составляющей, способствующей, в том числе, и личному успеху, если ты являешься действительным носителем новых прагматичных корпоративных ценностей, среди которых «благодарность» понимается как корыстная услуга. То есть, установка «ты – мне, я – тебе» воспринимается молодыми респондентами как само собой разумеющийся поведенческий стереотип.

При исследовании отношений между государством и гражданами было предложено выбрать из пары: «граждане должны обладать возможностью влиять на государственную политику / влияние граждан на государственное управление необязательно». Выяснилось, что 92% опрошенных разделяют первое мнение, противоположное суждение поддержали 6% респондентов. Характерно, что ответы в пользу обязательного влияния граждан на политику государства доминируют во всех возрастных когортах: 92% – молодежь, 91% – средний возраст, 93% – старший возраст. Считают влияние граждан на управление необязательным 9% молодежи, 3% респондентов зрелого возраста и 5% старшего поколения соответственно. После фиксации доминантной нормы был задан вопрос: «С учетом данного Вами ответа, являются ли отношения между государством и гражданами в современном российском обществе нормальными?». 95%, считающих нормой возможность граждан влиять на государственное управление, ответили на этот вопрос отрицательно. Из числа респондентов, полагающих, что влиять на государственное управление необязательно, считают сложившиеся отношения в данной системе нормальными 40%.

Очевидно, текущее положение дел в данной системе общественных отношений воспринимается в качестве ненормального, даже молодежь не хочет признавать отношения между людьми и государством как нормальные, хотя в их сознании доминирует принцип «каждый сам за себя». Налицо явное рассогласование между нормой в коллективных представлениях и социальной фактичностью. Из этого можно сделать вывод, что молодежь, также как и старшее поколение недовольна «коррупционной составляющей» в отношениях между государством и людьми. То есть, они пока готовы жить по сложившимся «понятиям», но до поры до времени.

Установлено, что предпочтительными ценностями для респондентов стали: взаимопомощь, влияние граждан на государственную политику, взаимная ответственность и уважение в отношениях между народом и властью. То есть, содержанием сознания подавляющего большинства опрошенных нами респондентов выступают нормы, которые можно определить в качестве конструктивных, основанных на ценностях коллективизма и демократичности. Однако, вместе с тем, мы обнаруживаем готовность людей (большой части молодежи) каким-либо образом быть благодарными представителям власти за оказанные услуги. На наш, взгляд, в данном триумфе заложен коррупционный потенциал – это по сути дела коррупция «снизу», ее ментальная культурная основа или нормативный консенсус между народом и властью. Иначе говоря, коррупция никому не нравится, но и не отторгается.

В ходе опроса обнаружились статистически значимые различия по социально-демографическим и гендерным характеристикам по нормативному консенсусу по отношению к коррупции. Молодые респонденты мужского пола более привержены данному триумфу, а также таковых больше среди живущих в городе Улан-Удэ, чем в сельских районах.

Выявленный консенсус – это достаточно серьезный нормативный диссонанс между должным и сущим. На основании этих результатов мы можем сделать вывод о том, что коррупционные отношения санкционируются существующими в коллективных представлениях нормами.

Похоже, в данной сфере вновь обнаруживает себя амбивалентность российского сознания и ментальности, на которую обратили внимание еще Н.А. Бердяев и И.А. Ильин, и которая постулируется как феномен, названный Ж.Т. Тощенко «парадоксальным мышлением». В любом случае мы имеем все признаки социальной аномии, при которой институциональные практики и общественные отношения вошли в резкий диссонанс с представлениями о должном общественном устройстве, присущем гражданам России. С другой стороны, сама необходимость существовать в системе, несанкционированной нормами, признающимися людьми как действительные, не может не порождать коррупционное мышление как снизу, так и сверху. Выведенная на уровень рефлексии, эта парадоксальность действительно начинает напоминать «делку с совестью» – некий прием, позволяющий сосуществовать взаимоисключающим началам,

вновь демонстрирующий нам феномен «абсурдной дополнителности» [2].

Низкий уровень правосознания и правовой культуры всего населения формирует общий деструктивный фон для развития коррупции и экспансии коррупционных практик: во-первых, формируется своего рода социальный заказ населения на правовую деформацию сознания государственных служащих, с другой – искаженные правовые установки, правовой нигилизм государственных служащих усугубляют дефор-

мации правового сознания и правового поведения населения.

Столкнувшись с нарушением своих прав, часть наших респондентов (23%) готова прибегнуть к неправовым методам их восстановления. Из этого следует, что неправовые практики достаточно глубоко укоренены в общественном сознании, следовательно, они приносят успех наряду с использованием правовых каналов восстановления прав (табл. 3,4).

Таблица 3

Распределение ответов на вопрос «Если нарушаются Ваши права, то какие способы Вы предпочли бы использовать при отстаивания своих прав и интересов?» (%)

Варианты ответов	Возрастные группы			
	18-30	31-50	Старше 50 лет	В целом
Обращение в суд	61	73	78	71
Обращение в государственные или общественные организации для решения своих проблем	6	10	6	7
Участие в забастовках, митингах и демонстрациях	4	2	2	3
Использование своих связей и знакомств	15	12	10	12
Участие в деятельности политических партий и движений	2	1	1	1
Договоренность с теми, от кого зависело решение проблем, за соответствующее вознаграждение	10	2	3	5
Не стал бы ничего делать	2	0	0	1

Таблица 4

Распределение ответов на вопрос «Допускаете ли Вы нарушение закона при условии, что...» (%)

Варианты ответов	Возрастные группы			
	18-30	31-50	Старше 50 лет	В целом
Закон несовершенен	38	40	33	37
Все нарушают закон	15	6	2	8
Никто об этом не узнает	17	8	4	10
Допускаю уклонение от уплаты налогов	8	18	16	14
Не допускаю нарушения закона ни при каких обстоятельствах	22	28	45	32

Успех неправовых практик и неконкурентно-способность легитимных методов обуславливают деформацию правового сознания и ведут, в первую очередь, к правовому нигилизму, правовому релятивизму и правовому инфантилизму. По-видимому, массовое распространение товарно-денежных отношений привело в нашем обществе к принципиальному изменению человеческого мышления: уменьшению роли гуманизма, альтруизма.

В нашем исследовании мы также обратили внимание, что респонденты старшего возраста, социализированные в традициях советской морали, проявляют большую нравственную целостность, чем поколение, чье взросление совпало с трансформацией общества.

В этой связи хотелось бы отметить, что в развитых демократиях, включая США, сочетаются сильные официальные учреждения с гибкой неформальной культурой, обеспечивающей их устойчивость. То есть в дополнение контролирующих государственных органов и законов в борьбе с коррупцией есть еще и культура. Поэтому моральные качества людей, встроенные в формальные институты, способствуют решению многих проблем, в том числе связанных с коррупцией.

Мы разделяем авторитетное мнение Ф.Фукуямы, предостерегавшего о том, что переход на буржуазные рельсы, которому подверглись бывшие коммунистические общества не ведет одновременно к прогрессу морали, а на-

выступают в роли ведущих факторов быстрой смены ценностно-нормативного комплекса.

В качестве последствий интернализационного кризиса на макроуровне выступают упадок морали и нравственности, рост агрессивности и девиации среди людей. Микроуровень последствий интернализационного кризиса, безусловно, в первую очередь, касается внутреннего мира человека и связанных с ним проблем. Наиболее значимые из них связываются с развитием неуверенности в будущем, потерей нравственности и духовности. Не исключаются также девиантные отклонения и проблемы социально-психологического характера (депрессия, апатия, потерянности, подавленность).

Современность характеризуется не только скоростью происходящих в обществе и его системах изменений, но и наличием все возрастающего количества противоречий, которые, безусловно, становятся отличительной чертой ценностно-нормативной системы. Данную тенденцию подтверждают и результаты исследования, согласно которым более две трети опрошенных считают, что многие ценности, нормы и стандарты современного общества противоречат друг другу.

Основой развития интернализационного кризиса является необходимость периодического пересмотра усвоенных ранее ценностей, норм и стандартов. Как показали результаты прикладного исследования, с данной необходимостью сталкивается подавляющее большинство опрошенных. В своей основной массе она вызывала у них развитие неуверенности в будущем, чувство потерянности, апатию, подавленность и депрессию. Менее всего распространены такие последствия как потеря духовности, приобщение к криминалу и псевдорелигиозным ценностям.

Стоит отметить, что речь идет о показателях, которые носят личный характер, так как они непосредственно связаны с внутренним миром человека, с ее переживаниями. В связи с этим первенство среди последствий занимают социально-психологические проблемы. В аналогичном вопросе, носящим безличный характер, первенство, наоборот, было отдано таким последствиям как потеря нравственности, приобщение к криминалу и сектам.

При анализе причин интернализационного кризиса также выявились существенные различия в оценке социального расслоения и возрастания роли средств массовой информации. Это свидетельствует о том, что они носят существенный характер в сознании людей, тогда как в жизненном опыте и повседневной жизни их роль занижена.

В общественном сознании в целом доминирует отрицательная оценка как постоянных изменений в ценностях, нормах и стандартах, так и наличия в них противоречий. В качестве их последствий достаточно большое количество опрошенных рассматривает трудности в воспитании детей и строит пессимистичные прогнозы относительно сложностей в организации жизни последующих поколений.

Доля тех, кто испытывает трудности в организации повседневной жизни вследствие интернализационного кризиса примерно равна с долей тех, кто такие трудности не испытывает. Имеет место и внутриличностный дискомфорт, однако в целом лидерами среди последствий являются потеря уверенности человека в будущем и возникновение чувства подавленности.

Литература

1. Большой толковый психологический словарь / Ребер Артур (Penguin). Том 1 (А-О): пер. с англ. – М.: Вече, АСТ, 2000. – 592 с.
2. Кондаков И.М. Психология. Иллюстрированный словарь. – СПб: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2003. – 512 с.
3. Кравченко С.А. Учебный социологический словарь с английским и испанскими эквивалентами. – М.: Экзамен, 2001. – 512 с.
4. Культура и культурология: Словарь / сост. и ред. А.И. Кравченко. – М.: Академический проект; Екатеринбург: Деловая книга, 2003. – 928 с.
5. Педагогический словарь / под ред. В.А. Загвязинского, А.Ф. Закировой. – М.: Академия, 2008. – 532 с.
6. Социологический словарь / пер. с англ. Н.Аберкромби, С.Хилл, Б.С. Тернер; под ред. С.А. Ерофеева. – М.: Экономика, 2004. – 620 с.

Махиянова Алина Владимировна, кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии Казанского государственного энергетического университета, г. Казань, e-mail: socavm@rambler.ru.

Makhiyanova Alina Vladimirovna, candidate of sociological science, associate professor, department of sociology, Kazan State Power Engineering University, Kazan, e-mail: socavm@rambler.ru.

горий социализация и интернализация. Последняя употребляется в двух значениях. Первое означает принятие и адаптация убеждений, ценностей, установок, практик и стандартов в качестве своих собственных. В традиционной психоаналитической теории считается, что суперэго развивается в процессе интернализации стандартов и ценностей родителей.

В традиционных подходах социальной психологии к исследованию личности важным вопросом является вопрос о том, до какой степени человек приписывает причины своего поведения таким интернализированным мотивам. При этом отмечается, что следует делать различие с такими категориями как интроекция, при которой происходит заимствование нежелательных социальных ценностей и норм, и социализацией, при которой поведение может соответствовать социальным ценностям без их принятия или убеждения. Второе толкование термина интернализация означает усвоение системы определенных правил. Например, если ребенок учится говорить, его можно назвать интернализирующим правила грамматики данного языка [1, с. 322].

В педагогике интернализацию изучают как способ для мотивации в процессе обучения. Отмечается, что при интернализации происходит усвоение ценностей до такой степени, что они определяют поведение человека в процессе обучения. В целом под данным термином понимается процесс формирования внутренних структур личности посредством усвоения внешней социальной деятельности [5, с. 231]. В культурологии интернализация используется для обозначения процесса принятия и усвоения элементов поведения и культуры в целом [4, с. 376].

Социология рассматривает интернализацию, как важнейшую составляющую процесса социализации. Она обозначает усвоение индивидом ценностей и норм конкретного социокультурного контекста, постижение значимых объективных фактов (прежде всего языка) для общения, благодаря чему они становятся субъективно значимыми для индивида. Общество в процессе интернализации оказывается как бы «внутри» индивида, придавая ему форму самоидентичности, типичные социальные роли и побуждая к определенному образу мышления и действия. Этим констатируется то обстоятельство, что подавляющее большинство людей воспринимает «мир как данность» и добровольно следует его требованиям. Благодаря интернализации осуществляется перевод внешних запретов во внутренний мир человека. Однако мера этого внут-

реннего освоения ценностей и моральных запретов неодинакова, что объясняет различие в поведении индивидов, являющимися носителями одной культуры. Также подчеркивается, что в процессе жизни индивида неоднократно возникают проблемы между первой и второй интернализациями [3, с. 149].

Приведем для примера еще одно определение, согласно которому под интернализацией понимается процесс, в ходе которого индивид познает и принимает в качестве обязательных социальные ценности и нормы поведения, характерные для его социальной группы или более широкой общности [6, с. 171].

В целом мы можем констатировать отличие в подходах различных наук к пониманию категории интернализация. Оно варьируется от определенного противопоставления интернализации и социализации (например, в психологии) до рассмотрения первой как неотъемлемой части второй (присуще социологии). Однако между науками присутствует и определенный консенсус. В первую очередь, он касается трактования интернализации как процесса усвоения. В социологии – это усвоение ценностей и норм, в культурологии – культуры, в педагогике – социальной деятельности. Во-вторых, в каждой из наук принимается, что результатом интернализации является переход определенной части социума во внутренний мир индивида. Таким образом, интернализация выступает основой внутриличностного конструирования социальной реальности посредством усвоения индивидом ценностей, норм, стандартов конкретного общества.

Сущность интернализационного кризиса, а также причин его возникновения и развития можно свести к следующим аспектам. На современном этапе нормы, стандарты, ценности теряют однозначность за счет развития дезорганизационных тенденций распространения массовой культуры и разрушения традиционных основ организации повседневной жизни. Социальная реальность, основные элементы которой должны в процессе интернализации становиться частью личности, приобретает фрагментарность и дисперсность. Многие социальные институты провоцируют нелинейность и контекстуальность ценностно-нормативной системы. Интернализовав определенные элементы социальной реальности, и организовав свою деятельность и повседневную практику, личность сталкивается с необходимостью постоянного пересмотра и перестройки, что в итоге приводит к интернализационному кризису.

Российское общество, являясь частью мировой системы, безусловно, испытывает на себе воздействие указанных тенденций. Стоит также отметить, что на них накладываются и собственные процессы трансформации, вызванные распадом Советского Союза и социально-экономическими кризисами.

С целью эмпирического обоснования интернализационного кризиса было проведено авторское социологическое исследование. Выборочная совокупность сформирована с использованием метода случайной бесповторной квотной выборки путем многоступенчатого отбора обследуемых единиц. В качестве квот отбирались такие показатели как пол, возраст и место жительства респондента. Объем выборочной совокупности составил 1500 респондентов. Исследование было проведено в 2012 г. в столице, в 9 малых городах, в 8 поселках городского типа и в 23 селах Республики Татарстан.

В ходе разработки инструментария опроса учитывался основополагающий факт, что одной из ведущих причин формирования интернализационного кризиса является достаточно быстрая смена ценностей, норм и стандартов. Вследствие этого сконструированная социальная реальность индивида подвергается периодическому пересмотру, дополнению или частичному изменению. Особенно кризис может обостриться, если изменения касаются ценностей, норм и стандартов, заложенных в ходе первичной социализации, когда интернализированный мир воспринимается как данность. С целью раскрытия данного аспекта в ходе прикладного исследования блок вопросов был направлен на выявление характера, причин и последствий трансформационных процессов ценностно-нормативной системы.

Респондентам задавался следующий вопрос: «Как часто в вашей жизни Вам приходится пересматривать усвоенные ранее ценности, нормы и стандарты?» При ответе на него каждый третий выбрал вариант «иногда» (32,5%). Каждый пятый утверждает, что ему приходится это делать часто (18,1%). Незначительно по показателям уступил такой вариант как «редко» (16,7%). Каждый десятый остановил свой выбор либо на варианте «очень редко», либо на варианте «достаточно часто» (10,8 и 10,1%). Затруднились с выбором 0,8% опрошенных.

Тройку лидеров причин достаточно быстрой смены основных ценностей и норм составили социально-экономическое расслоение, возрастание роли средств массовой информации и экономические кризисы (58,6; 49 и 42,5% соответ-

ственно). Незначительно уступила причина, связанная с распадом Советского Союза (36%). В менее значимую группу причин вошли изменения общественного сознания, технический прогресс и возрастание роли религии (29,4; 22,9 и 14,4% соответственно).

Стоит отметить, что в исследовании проводилось разграничение в вопросах, связанных с непосредственными показателями интернализационного кризиса. В первом случае постановка вопроса проводилась в обезличенной форме, и не касалась индивидуальных переживаний, чувств. Во втором – вопрос апеллировал к внутреннему миру личности, к проблемам, которые возникали в ходе новой интернализации. Сравнительный анализ полученных данных позволил констатировать, что достаточно существенный разрыв в показателях присутствует относительно таких последствий как приобщение к криминалу и утрата нравственности, духовности (34,8 к 5,5% и 40,5 к 17% соответственно). Таким образом, предположения об указанных последствиях интернализационного кризиса не реализуются в повседневной жизни большинства индивидов. Противоположную характеристику имеет развитие депрессии, которая в реальности встречается у каждого пятого респондента, хотя прогнозирует ее появление только каждый третий опрошенный (20,9 к 36,6% соответственно).

Практически полное совпадение предположений с реальностью зафиксировано относительно таких последствий как возникновение чувств потерянности, апатии, подавленности (27,1 к 28,8% и 25,5 к 31,2% соответственно). Незначительный разрыв присутствует в развитии у человека неуверенности в будущем (39,7 к 47,4%).

Аналогичное разграничение на личную и безличную формы проводилось и в изучении причин развития интернализационного кризиса. Согласно полученным данным, присутствует акцентирование на таких причинах как расслоение населения на бедных и богатых, а также на возрастании роли телевидения, радио, интернета (58,6 к 37,6% и 28,1 к 49%). В повседневной жизни указанные причины, безусловно, сыграли свою роль, но с меньшей силой, чем прогнозировалось.

Незначительные расхождения присутствуют в отношении таких вариантов как разрушение Советского Союза и экономические кризисы (25,7 к 36 и 33,7 к 42,5% соответственно). Это показывает, что в сознании людей данные причины носят существенный характер, хотя в личном жизненном опыте их роль снижается.

Практически полное совпадение предположений с жизненной практикой присутствует относительно изменения роли общественного сознания, технического прогресса и развития, а также возрастания роли религии в обществе (28 к 29,4; 18,1 к 22,9; 10,1 к 14,4% соответственно).

В исследовании также ставилась задача выяснить отношение населения к происходящим изменениям и тенденциям, определить их стратегии поведения, трудности и проблемы, с которыми они сталкиваются в процессе интернализации новых ценностей, норм и стандартов. С этой целью им предлагалось сделать выбор из двух противоположных суждений, касающихся того или иного аспекта интернализационного кризиса.

Практически две трети опрошенных не устраивает то, что в обществе происходит постоянное изменение ценностей, норм и стандартов (70,1%), тогда как более четверти не усматривают в этом ничего негативного (28,2%). Затруднились с выбором 1,7% респондентов.

Схожее соотношение присутствовало в оценке наличия противоречий в ценностях, нормах и стандартах общества. Также практически две трети опрошенных оно не устраивает, тогда как более четверти не против его наличия (70,2 к 28%). Затруднились с выбором 1,8% респондентов.

Каждый второй респондент согласен с тем, что ему трудно воспитывать своих детей из-за того, что в обществе ценности, нормы и стандарты постоянно меняются и противоречат друг другу (54,3%). Только каждый пятый считает, что данные трудности его не коснутся (21,1%). Достаточно значимое число опрошенных затруднилось ответить (24,6%).

Относительно следующей пары суждений мнение респондентов поделилось примерно на две равные группы. Первая испытывает трудности в организации своей повседневной жизни из-за того, что в обществе ценности, нормы и стандарты постоянно меняются и противоречат друг другу, вторая группа таких трудностей не испытывает (48,6 и 49%). Число затруднившихся ответить составило 2,4% опрошенных. При этом испытывают внутренний дискомфорт из-за указанного противоречия 48,6%, тогда как не испытывают его 49,2% опрошенных. Затруднились с ответом 2,2% респондентов.

Однако то, что интернализационный кризис вызывает ряд внутриличностных проблем, доказывают следующие показатели. Значительная доля опрошенных говорит о том, что у них по данной причине периодически происходит по-

теря уверенности в будущем (68,5%). Только у четверти респондентов этого не происходит (24,6%). Затруднились с ответом 6,9% опрошенных.

У каждого второго периодически возникает чувство подавленности, при этом у каждого третьего данные чувства отсутствуют (52,9 к 33,3%). Затруднился с выбором суждения каждый десятый опрошенный (13,8%). Несмотря на то, что треть респондентов призналась в том, что у них происходит потеря нравственных и духовных основ, большая часть населения с такими проблемами не сталкивалась (37,3 к 61,9%). Только 0,8% не смогли сделать выбор между суждениями.

Показательны данные относительно прогноза о том, что будущие поколения будут испытывать сложности из-за того, что в обществе ценности, нормы и стандарты постоянно меняются, противоречат друг другу. Согласны с данным утверждением 72%, тогда как 26,9% не согласны и лишь 1,1% опрошенных затруднились с ответом.

Таким образом, под интернализационным кризисом понимается дисбаланс внутриличностного конструирования индивидом социокультурной реальности, сопровождающийся фрустрацией и дезорганизацией в повседневной жизни и межличностном взаимодействии.

Многие неотъемлемые процессы и тенденции в развитии современного социума являются основополагающими и благоприятными условиями для развития интернализационного кризиса. К ним относятся разрушение традиционных основ организации повседневной жизни, негативные аспекты распространения массовой культуры, фрагментарность, дисперсность контекстуальной ценностно-нормативной системы, рост индивидуализма, эгоцентрических основ взаимодействия, трансформация социальных институтов на фоне детерминирующего значения экономических институтов, и как следствие, увеличение и усложнение социально-психологических проблем современной личности. Помимо общемировых тенденций в российском обществе происходят собственные трансформационные процессы, которые также способствуют приобретению интернализационным кризисом массового характера.

В обществе присутствует осознание того, что ценностно-нормативная система не является постоянной и характеризуется быстрой сменой своего внутреннего содержания. Социальная дифференциация, возрастание роли средств массовой информации и экономические кризисы

как застенчивость, стеснительность, боязнь новых контактов. В-третьих, к числу проблемных сторон этого типа маскулинности относятся сложные отношения с женщинами и детьми. Молодые мужчины предпочитают избегание семьи, отцовства. В-четвертых, у мужчин с инверсионной маскулинностью имеет место длительный период взросления и болезненного отрыва от родителей, чаще – от матерей. Вследствие этого, им трудно самостоятельно принимать решения по жизненно важным вопросам, иногда невозможно. Это могут быть и вопросы создания семьи, и карьеры, и здоровья и т.д. В таком случае родители (в большей мере – матери) принимают решение о необходимости сыну жениться и на ком, о наличии детей, о карьере. Иными словами, он отказывается от какой бы то ни было власти по собственной воле.

Этот тип маскулинности не является промежуточным между гегемонной и естественной, поскольку мужчина в большей мере занимает позицию ребенка. Он имеет образцы поведения обоих крайних типов маскулинности, но в его сознании наблюдается инверсия – переворачивание стереотипов, касающихся «мужчин» и «мужского».

Итак, с точки зрения гендера, а если более конкретно – с точки зрения наличия власти в руках (или ее отсутствия по собственной воле), мы рассмотрели гегемонную, соучастную, естественную, инверсионную модели маскулинности. В двух последних моделях демонстрируется феномен «нового мужчины».

Стоит сказать, что феномен «нового мужчины» может быть проанализирован и с других методологических позиций. Если в качестве основания положить не власть, а, например, такой фактор как потребление, то можно раскрыть другие модели маскулинности. Укажем, что потребление мужчин и женщин также выступает одним из гендерных аспектов, но рассматриваемых реже, чем власть, роли, статусы и т.д.

Итак, с точки зрения потребления можно выделить такие модели маскулинности, как метросексуальная и юберсексуальная. Метросексуальная маскулинность проявляется в стиле жизни мужчины, ориентированном на неустанную заботу о себе. Обладателям такой маскулинности присущи тонкий вкус, утонченная изысканность манер и одежды. Мужчины данной маскулинности активно ухаживают за кожей и волосами, следят за фигурой, чистотой ногтей, модой и культурными событиями. Они способны отличить работы различных модных дизайнеров, знают, как оформить свою квартиру по послед-

нему слову техники и дизайна, ценят шопинг и могут потратить на него достаточно времени. Типичный представитель метросексуальной маскулинности – состоятельный молодой человек, живущий в крупном городе, где есть модные дизайнерские магазины, ночные клубы, фитнес-центры и салоны красоты.

Как указывают М.Зальцман, А.Мататиа, Э.О'Райли, в Соединенных Штатах начали появляться спа-салоны и салоны красоты для мужчин [1]. Они предлагают большой выбор технологий и услуг по релаксации и уходу за внешностью и обещают быть довольно прибыльными, потому что постепенно превращаются в места общения мужчин. Во время опроса, проведенного в 2003 году, 89% процентов мужчин согласились с тем, что следить за своим внешним видом – очень важно для бизнеса. Почти половина – 49% – сказали, что мужчина вполне может позволить себе массаж лица или маникюр.

Появление ухоженного и надушенного мужчины замечено не только в Соединенных Штатах. Даже мужчины, принадлежащие к традиционной «мачистской» культуре Испании, сегодня больше интересуются тем, что могут им предложить продукты по уходу за собой и своим здоровьем. Аналитики отрасли считают, что емкость рынка продуктов, связанных с уходом за внешностью, рассчитанных на мужчин в Испании, – около 100 млн евро. Немцы испытывают еще больше энтузиазма: общий оборот на рынке косметики для мужчин в 2003 году в Германии составил 648 млн евро.

Опираясь на точку зрения М.Зальцман, А.Мататиа, Э.О'Райли, выделивших «еще один вид мужчины», мы можем говорить о юберсексуальной маскулинности как содержательно близкой метросексуальной маскулинности. Определяющие качества обладателя такой маскулинности – страсть и стиль. Он страстно увлечен своими интересами, страстен в своих личных отношениях, страстно кормит свои органы чувств цветами, вкусами, запахами и чувствами.

М.Зальцман, А.Мататиа, Э.О'Райли выбрали слово юбер (Uber), потому что оно обозначает «быть величайшим», «быть лучшим». Они считают, что мужчины такого типа самые привлекательные и не только физически, самые динамичные и самые неотразимые представители своего поколения. Они уверены в себе, но не подавляют других, маскулинны, стильны и требуют бескомпромиссного качества во всех сферах жизни.

Различия представителя юберсексуальной маскулинности от обладателя метросексуальной

УДК 316.472

© С.А. Ильных

ФЕНОМЕН «НОВОГО МУЖЧИНЫ» ИЛИ СНОВА О ГЕНДЕРЕ

В статье исследуется феномен «нового мужчины» с позиции гендерного подхода. Для этой цели автор выделяет разные модели маскулинности по двум основаниям: с точки зрения власти и точки зрения потребления. С точки зрения власти рассматриваются гегемонная, соучастная, естественная и инверсионная модели маскулинности. С точки зрения потребления исследуются метросексуальная и юберсексуальная маскулинности. Для всесторонней демонстрации феномена «нового мужчины» модели маскулинности описываются в разных аспектах.

Ключевые слова: гендер, гегемонная маскулинность, соучастная маскулинность, естественная маскулинность, инверсионная маскулинность, метросексуальная маскулинность, юберсексуальная маскулинность.

S.A. Il'nyh

THE PHENOMENON OF THE «NEW MAN» OR AGAIN ABOUT GENDER

The article author examines the phenomenon of the «new man» from the perspective of gender. For this purpose, the author points out different models of masculinity based upon two reasons: in terms of power and consumption perspective. From the point of view of the authority the article considers hegemonic, complicit, natural and inversion models of masculinity. From the point of view of consumption the author explores metrosexuality and oversexed masculinity. Models of masculinity are described in different ways for a comprehensive demonstration of the phenomenon of the «new man».

Key words: gender, hegemonic masculinity, complicit masculinity, natural masculinity, inversion masculinity, metrosexual masculinity, oversexed masculinity.

Объектом гендерных исследований являются любые феномены, явления, процессы социальной реальности. Но как в российской, так и в западной социологии в основном принято изучать женскую общность. Однако в широком смысле специфика гендерных исследований состоит в том, что они включают не только дискриминативные аспекты в отношении женщин, но и предметную область знания, охватывающую все то, что касается мужчин. Здесь могут быть и проблемы трудоустройства, и здоровья, и карьерного продвижения и многие другие, то есть все те же аспекты, что чаще всего исследуются в отношении женщин. Автор статьи, работая в гендерной проблематике более десяти лет, обнаружила для себя интересной в научном плане проблематику маскулинности.

Пытаясь выявить основные этапы становления концепций мужественности, возможные кризисы и девиации, особенности способов, механизмов, каналов формирования мужского пола, автор сочла целесообразным рассмотреть феномен «нового мужчины». В рамках данной статьи этот феномен будет рассмотрен с помощью двух методологических оснований – с позиции власти и позиции потребления.

Стоит сказать, что за последние сто лет произошли революционные перемены не только в политическом и социальном строе общества, но и в мире мужчин и женщин как представителей

гендерных общностей. Вместе с процессом феминизации начался также и процесс трансформации, касающийся мужчины, его ролей, идентификации, моделей поведения. Этот длительный процесс сопровождался ломкой «старого» и утверждением «нового» в понимании сущности мужчины. Постепенно на смену традиционных представлений о мужчине как носителя гегемонной маскулинности пришло понимание того, что, кроме этой маскулинности, он обладает также и другими маскулинностями. Не только рефлексия множественного характера маскулинности, но и анализ ежедневных практик мужчин привели к необходимости исследования феномена «нового мужчины».

Первым о гегемонной маскулинности и о разграничении разных типов маскулинности, имеющих место в реальности, повел речь австралийский социолог Р.Коннел. Он сделал вывод об определении среди разных типов стереотипа гегемонной маскулинности (hegemonic masculinity). Согласно теории гегемонной маскулинности, хотя в любом мужском сообществе существует не один, а несколько типов маскулинности, на вершине этой иерархии обычно стоит тип личности, для которой характерны утверждение мужской власти над женщинами и подчиненными мужчинами, культ физической силы, склонность к насилию, эмоциональная невыразительность и высокая соревнователь-

ность [8]. Как указывает М.Киммел, Р.Коннел критически относится к тому, что гегемонная версия маскулинности воспроизводится как «нормальная» [4, с. 152].

И.С. Кон рассматривает гегемонную маскулинность не как свойство конкретного мужчины, а как социокультурный определенный нормативный канон, на который ориентируются мужчины и мальчики [6]. Эта нормативная структура обеспечивает мальчику или мужчине, который предположительно обладает этими качествами и разделяет эти ценности, положение на вершине гендерной иерархии.

Безусловно, обладать этим видом маскулинности могут далеко не все представители мужской общности. Не все могут быть гегемонами, но нужно особенно подчеркнуть, что не все и стремятся быть таковыми. По этой причине, наряду с гегемонной маскулинностью, Р.Коннел выделяет другой тип маскулинности, а именно «маскулинность соучастников» [10, с. 79]. И.С. Кон обозначает ее как «соучаствующую маскулинность» [7]. «Соучаствующая маскулинность» (complicit masculinity) – это модель поведения тех мужчин, которые не прилагают усилий, чтобы занять гегемонную позицию из-за недостатка сил или желания. Через соучаствующую маскулинность они занимают подчиненную, вспомогательную роль, но при этом пользуются преимуществами в этой иерархической системе.

Нужно отметить, что в реальности все мужчины не смогут соответствовать одному из этих двух типов маскулинности, выделенных нами по такому основанию, как власть. Это обстоятельство послужило работе по выявлению других типов.

В дополнение к разработанным выше типам маскулинности, автором статьи выделяется еще один тип маскулинности – «естественная» маскулинность (термин введен автором, см. работу [2]). С точки зрения социологии, естественная маскулинность – это совокупность норм и представлений, которая отличается от «нормативных эталонов мужественности» большей вариативностью моделей мышления и поведения мужчин, уходом от стереотипного образа «настоящего мужчины» к образу «естественного мужчины».

Как нам представляется, с социологической точки зрения, в концепте маскулинности можно выделить своего рода два крайних варианта – гегемонную и естественную маскулинности. Гегемонная маскулинность – это жизнь в соответствии с мужским хабитусом лидерства, власти, первенства. Хабитуализация сопряжена с закре-

плением в языке гендерных стереотипов. Постоянно воспроизводимые мужчинами и женщинами, они как бы «сшивают» мужской хабитус. Естественная маскулинность – это жизнь в соответствии с мужским хабитусом, в котором имеет место снятие разного рода ограничений, накладываемых гегемонной маскулинностью. Сюда относится и право на эмоциональность, и признание за мужчиной права быть неуверенным, обеспокоенным будущим, и возможность иного отношения к семье, к детям.

Естественная маскулинность многогранна и не такая четкая как традиционная маскулинность, поскольку в ней больше вариаций и индивидуального своеобразия. Главная отличительная черта этой новой модели заключается в том, что она в равной степени ориентирует мужчин на самореализацию в профессиональной и семейной сферах. Это можно проиллюстрировать словами И.С. Кона, который подчеркивает: «"Настоящий мужчина" сегодня – не только «силовик», но и ученый, инженер, художник, поэт-лирик и просто ласковый отец, а разные виды деятельности предполагают неодинаковые психологические свойства» [6, с. 13].

Изменения в естественной маскулинности касаются особенностей поведения мужчин в сфере семейных отношений. Мужское доминирование и главенство уступают место эгалитарным тенденциям в поведении с женщиной, в отношениях с детьми. В рамках модели гегемонной маскулинности в отношениях с детьми отец демонстрирует эмоциональную дистанцированность. Он не включен в повседневные дела детей, имеет властность, строгость и суровость в оценке их поступков и поведения.

Мужчина в модели естественной маскулинности демонстрирует аспекты феномена «нового мужчины». Он проявляет заботу о детях, устанавливает с ними доверительные и дружеские отношения, ему легко и интересно это делать. И.С. Клецина в своей работе «Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности» сходным образом описывает особенности нового мужчины в отношениях с детьми: мужчина находится в постоянном контакте с детьми, чтобы понимать проблемы и интересы ребенка, и быть объективными, но доброжелательным в оценках поступков детей [5].

Модель естественной маскулинности ориентирует современных мужчин на сохранение своей личностной индивидуальности и реализации себя в значимых социальных ролях. Реализация в рамках отцовской роли (особенно если речь идет о маленьких детях) более доступная задача,

чем самоутверждение в профессиональной сфере или гармонизация супружеских отношений, поэтому в сфере детско-родительских отношений наблюдаются и наиболее заметные изменения в мужском поведении.

Раскрывая особенности естественной маскулинности, нам важно отразить специфику феномена «нового мужчины», рассматривая его также и как «нового отца». В этом нам неоценимую помощь окажет подход И.С. Клециной, которым мы и воспользуемся для иллюстрации разницы моделей отцовского поведения [5]. Модели отцовского поведения в рамках традиционной модели маскулинности:

1) традиционный отец «старых времен», который заботится о своей семье как руководитель;

2) «отсутствующий отец» (т.е. отсутствующий, прежде всего, в психологическом плане, так как он может присутствовать физически, но почти не связан с отцовством).

И.С. Кон указывает: «Физическое отсутствие отца в патриархальной семье, его отстраненность от ухода за детьми – не только следствие его внесемейных обязанностей или его нежелания заниматься подобными делами, но и средство создания социальной дистанции между ним и детьми ради поддержания отцовской власти» [7, с. 315].

Модели отцовского поведения в рамках новой модели маскулинности:

1) «ответственный отец» активно включен в процесс ухода за детьми и их воспитания, однако вклад таких отцов в развитие детей меньше, чем у матерей;

2) «новый отец» как развивающийся тип мужчины (new father), который не только берет на себя ответственность за свою семью, но делит поровну с супругой и домашние обязанности, и обязанности по уходу за детьми, их развитие и воспитание.

Основными показателями «ответственного отцовства» являются: эмоциональная близость с детьми; вовлеченность в непосредственный уход, общение и игры с ребенком; забота о детях; ответственность за их физическое и личностное развитие.

По данным J.H. Pleck, дети активно вовлеченных отцов отличаются повышенной когнитивной компетентностью, повышенной эмпатией, менее стереотипными взглядами и более интернальным локусом контроля [11]. У детей заботливых отцов больше шансов на эмоциональное благополучие, они увереннее осваиваются в

окружающем мире, а когда подрастают – имеют лучшие отношения со сверстниками.

Главная отличительная особенность модели «новый отец» заключается в том, что отец признает, что домашняя работа может быть альтернативой заработка, поэтому в определенные периоды жизни семьи он готов оставить свою профессиональную деятельность и быть так называемым домашним отцом, поскольку «...тепло, заботливость и близость одинаково благотворны для ребенка, независимо от того, практикует ли их отец или мать» [7, с. 402]. В случае нарушения супружеских отношений и развода таким отцом совместно с матерью осуществляется совместная опека над детьми. Мужчины этого типа сумели преодолеть представления о том, что активное и вовлеченное в жизнь детей отцовство несовместимо с гегемонной маскулинностью.

«Новое отцовство» становится для мужчин одним из путей эмансипации, освобождения от зачастую навязанных социальных ролей. К тому же оно позволяет и внутренне изменить себя, преодолевая внешние барьеры социальных стереотипов [9].

Как мы уже указывали, в концепте маскулинности, основанном на власти, выделяются два крайних варианта – гегемонная и естественная маскулинности. Однако стоит особо подчеркнуть, что феномен «нового мужчины» демонстрируется не только в модели естественной маскулинности. Он проявляется и в разного рода промежуточных вариантах между крайними, но также и в некоторых других моделях.

Так, одной из моделей, по-своему раскрывающей феномен «нового мужчины», является инверсионная маскулинность (термин введен автором). Этот термин рассматривается нами по аналогии с термином инверсионная (от лат. *inversio* – переворачивание, перестановка) феминность (см. статью [3]). Женщины с данным типом феминности обладают чрезмерной маскулинизацией. Мужчины же, напротив, имеют многие характеристики, содержательно и поведенчески совпадающие с женскими паттернами поведения. Инверсионная маскулинность – это жизнь в соответствии с хабитусом неуверенности в себе, низкой степени личностной автономности, зависимости во взглядах и поведении, конформности. В чем это проявляется? Во-первых, мужчины, обладающие такой маскулинностью, неделовиты и неактивны, обеспечивают себя самостоятельно с большим трудом. Во-вторых, у обладателей инверсионной маскулинности наблюдаются такие черты характера,

восстановления в условиях постоянной опасности после больших физических и психических нагрузок при выполнении служебных задач;

– непривычный ландшафт и климатические условия, неоднозначное, нередко негативное отношение местного населения, своеобразие его жизненного уклада, культурных и религиозных традиций;

– недостаток информации, отсутствие привычных контактов с членами семьи и близкими людьми, невозможность участия в решении их проблем, осознание их беспокойства и переживаний;

– вид обезображенных тел, гибель и страдания раненых граждан, разрушения и пожары объектов жизнедеятельности [8].

Для изучения индивидуально-личностных качеств и особенностей психической адаптации при проведении профессионального отбора в органах внутренних дел применяется русскоязычный вариант методики ММРП (СМИЛ). Данная методика разработана в 1942-1949 годах американскими психологами Дж.Маккинли и С.Хатэуэем [9] в целях профессионального отбора военных летчиков.

Методика ММРП была задумана американскими авторами как тест, дифференцирующий норму от патологии.

Стандартизированный метод исследования личности (СМИЛ) представляет собой надежный и информативный психологический инструмент для изучения личностных свойств и степени адаптированности обследуемого. СМИЛ является модификацией ММРП, осуществленной видным отечественным психологом Л.Н. Собчик. Основным отличием данного варианта является его выраженная психологическая направленность. СМИЛ – это «тяжелая артиллерия» психодиагностики, наиболее универсальная и репрезентативная методика своего класса (группа личностных опросников). По результатам обследования дается информация на двух уровнях: базовые характеристики личности и эмоциональное состояние ее на момент обследования. Кроме общих характерологических особенностей индивида, социальной направленности, адаптивных и компенсаторных возможностях, проявляющихся в стрессовой ситуации, с помощью методики выявляются особенности состояния обследуемого, степень фрустрированности и напряженности его защитных механизмов.

Применение СМИЛ при изучении личностных особенностей в разных профессиональных группах населения, в студенческих и производ-

ственных коллективах показало ее большие возможности при решении сложных вопросов профотбора и профориентации.

СМИЛ построен по типу опросника, однако обработка полученных в результате исследования данных базируется не на прямом анализе ответов обследуемого, а на данных статистически подтвержденной дискретной значимости каждого ответа в сравнении со средненормативными данными. В процессе обследования испытуемый оценивает как «верные» или «неверные» по отношению к нему утверждения, которые отражают информацию о его самочувствии, привычках, особенностях поведения, отношении к различным жизненным аспектам, нравственным категориям жизни, особенностям межличностных контактов, направленности интересов, уровню активности и настроения и прочее. Большая часть утверждений носит проективный характер. Поэтому с уверенностью можно сказать, что данная методика занимает промежуточное место между осознанной субъективной оценкой и проективным исследованием неосознаваемых тенденций личности.

СМИЛ, модифицированный Л.Н. Собчик, имеет интерпретационную схему, значительно более углубленную по сравнению с американским подходом и ориентирован на целостный подход в понимании личности как единства биологических и социальных факторов.

Среди других тестовых методов изучения психологических особенностей личности СМИЛ выделяется такими важными качествами, как наличие шкал достоверности (L, F, K) и наглядное представление результатов в виде «личностного профиля».

Каждая из 10 основных шкал профиля выявляет определенные личностные особенности:

- 1) шкала «сверхконтроля»;
- 2) шкала «пессимистичности»;
- 3) шкала «эмоциональной лабильности»;
- 4) шкала «импульсивности»;
- 5) шкала «мужественности – женственности»;
- 6) шкала «ригидности»;
- 7) шкала «тревожности»;
- 8) шкала «индивидуалистичности»;
- 9) шкала «оптимистичности»;
- 10) шкала «интроверсии».

В нашем исследовании мы сравнили усредненные результаты сотрудников (15 человек) до поступления на службу, через 1-2 года службы и через 12-14 лет службы этих же сотрудников в отряде милиции особого назначения. Данные

маскулинности едва заметны: по сравнению со вторым первый больше интересуется отношениями, чем самим собой. Он более чувственный. Он одевается для себя, а не для других, выбирая определенный личный стиль, а не моду. Как и второй, первый с удовольствием ходит по магазинам, но его подход более сфокусирован: он покупает особые вещи, дополняющие его коллекцию, а не превращает шопинг в удовольствие. Его лучшие друзья – мужчины. Он не рассматривает женщин в своей жизни как «своих парней». Как полагают М.Зальцман, А.Мататиа, Э.О'Райли, в какой-то степени юберсексуал – лучший ответ мужчины женскому движению. Вместо того чтобы реагировать на феминизм, он делает выбор на основании того, какие возможности доступны ему сегодня, избегая излишнего анализа и сомнений, способных парализовать его волю. Как нам представляется, таким типом маскулинности обладают весьма и весьма немногие мужчины.

В настоящее время обществу приходится констатировать наличие такого феномена как «новый мужчина». Не претендуя на полноту, мы постарались с точки зрения двух методологических оснований (власти и потребления) показать некоторые типы маскулинности так или иначе отражающие грани этого феномена. Очевидно, что они будут в дальнейшем обогащаться новыми маскулинностями. Главное в этом процессе, с одной стороны, рефлексия изменений и адекватная оценка, а с другой – нацеленность на гармоничное развитие каждого человека – будь то мужчина или женщина и поддержание условий для этого процесса.

Литература

1. Зальцман М. Новый мужчина: маркетинг глазами женщин / М.Зальцман, А.Мататиа, Э.О'Райли. – Питер: Коммерсантъ, 2008.
2. Ильных С.А. Множественная маскулинность // Социологические исследования. – 2011. – №7.
3. Ильных С.А. Концепты маскулинности и феминности в русле гендерного подхода // Идеи и идеалы. – 2011. – №4(10). – Т.1.
4. Киммел М. Гендерное общество: пер. с англ. – М.: Российская полит.энциклопедия (РОССПЭН), 2006.
5. Клёдина И.С. Отцовство в аналитических подходах к изучению маскулинности // Женщина в российском обществе. Российский научный журнал. – 2009. – № 3.
6. Кон И. Гегемонная маскулинность как фактор мужского (не)здоровья // Социология: теория, методы, маркетинг. Научно-теоретический журнал. – 2008. – № 4.
7. Кон И.С. Мужчина в меняющемся мире. – М.: Время, 2009.
8. Коннелл Р. Маскулинности и глобализация // Введение в гендерные исследования. Ч. 2. – СПб.: Алетейя.
9. Смирнов Д.А. Современный российский мужчина в семье и о семье: Стиль «молодого отца» в массовом сознании и поведении россиян // Конструирование маскулинности на Западе и в России: межвуз. сб. науч.-метод. материалов. – Иваново, 2006. – С. 58-79.
10. Connell R.W. Masculinities. – Cambridge-Oxford, 1995.
11. Pleck J. H. The Gender Role Strain Paradigm: An update // A New Psychology of Men / R.F. Levant, W.S. Pollack. – New York: John Wiley & Sons, Inc., 1997.

Ильных Светлана Анатольевна, доктор социологических наук, профессор кафедры социальных коммуникаций и социологии управления Новосибирского государственного университета экономики и управления, г. Новосибирск, e-mail: ili.sa@mail.ru.
Ilinykh Svetlana Anatol'evna, doctor of sociological sciences, professor, department of social communications and sociology of management, Novosibirsk State University of Economics and Management, Novosibirsk, e-mail: ili.sa@mail.ru.

УДК 316.354

© Т.Б. Баирова

ИЗМЕНЕНИЕ ЛИЧНОСТНЫХ ОСОБЕННОСТЕЙ СОТРУДНИКОВ НА РАЗНЫХ ЭТАПАХ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Изучены основные особенности правоохранительной деятельности, влияние стрессовых факторов на психологическое состояние сотрудников. Установлена связь между изменениями личностных особенностей сотрудников и стажем службы в органах внутренних дел.

Ключевые слова: профессиональные качества, уровень психической напряженности, экстремальный характер деятельности, профессиональная деформация, психологические особенности личности.

T.B. Bairova

THE CHANGES OF THE EMPLOYEES' PERSONAL CHARACTERISTICS AT DIFFERENT STAGES OF THEIR PROFESSIONAL ACTIVITY

The article studies the main features of the law-enforcement activities, the influence of stress factors on the psychological condition of the employees. A connection is established between the changes of personality characteristics of the staff and the experience of service in the bodies of internal affairs.

Key words: professional qualities, level of mental tension, the extreme nature of the activity, professional deformation, the psychological characteristics of the individual.

В современных условиях непрерывное повышение интенсивности труда в правоохранительной деятельности является объективной тенденцией службы в органах внутренних дел. Основными содержательными особенностями правоохранительной деятельности и факторами, обуславливающими профессиональную пригодность, считаются следующие [1]:

- правовая регламентация профессионального поведения;
- властный, обязательный характер профессиональных полномочий;
- экстремальный характер правоохранительной деятельности;
- нестандартные, творческие подходы и решения;
- процессуальная самостоятельность, персональная ответственность.

Эти особенности правоохранительной деятельности являются наиболее общими, базовыми. Они успешно позволяют составить общий портрет профессионально успешного сотрудника, присущий и криминалистам, и следователям и другим специалистам правоохранительных органов.

Выделяют ряд общих характеристик, отражающих основное содержание и условия трудового процесса в этом сложном виде труда. Можно определить требования к другим важным профессиональным качествам:

- разнообразие, сложность и ответственность задач, которые решаются в условиях дефицита времени;
- наличие служебных ситуаций, связанных с риском и опасностью для собственной жизни;
- конфиденциальность деятельности, ограничение общения с близкими людьми на профессиональные темы;
- ненормированность рабочего дня и трудовой недели, которые способствуют нарушению физиологических потребностей во сне и отдыхе.

Данные особенности и определяют основную психофизиологическую характеристику труда в органах внутренних дел – предельно высокий уровень психической напряженности, который ведет к нарушениям адаптации, психическим и психосоматическим расстройствам. Подтверждением этого являются следующие данные. Показатель заболеваемости психическими расстройствами среди личного состава сотрудников органов внутренних дел (850-900 на 100 тыс. человек) [2] почти в 3 раза превышает аналогич-

ный показатель среди взрослого населения Российской Федерации (300-350 на 100 тыс. человек). В структуре первичной инвалидности пенсионеров МВД России четвертое место с 6% занимают психические расстройства и расстройства поведения [3], в то время как среди населения России эти показатели составляют соответственно седьмое место и 3,8%.

Несмотря на проводимый медицинский и психологический отбор в органы внутренних дел, данная тенденция сохраняется в течение всей службы сотрудников. Об эффективности мероприятий по отбору свидетельствует тот факт, что среди принятых сотрудников в первые три года службы на динамическое наблюдение по поводу соматических хронических заболеваний в поликлиниках и амбулаториях берется менее 0,09%, а по психическим расстройствам менее 0,004% [4].

Высокий уровень психической напряженности повседневного трудового процесса в некоторых подразделениях органов внутренних дел сочетается с повышенным риском для здоровья и жизни. В отрядах милиции особого назначения уровень смертности при исполнении служебных обязанностей (12 случаев на 10 тыс. человек) [5] в 1,5 раза превышает аналогичный показатель на производстве среди взрослого населения страны (8 случаев на 10 тыс. человек). Такая же пропорция сохраняется и по уровню травматизма (ранений): 270 случаев на 10 тыс. личного состава отрядов милиции особого назначения при исполнении служебных обязанностей против 85 случаев на производстве на 10 тыс. взрослого населения.

Профессиональная деятельность многих профессий в правоохранительных органах носит экстремальный характер. Примером может служить выполнение служебно-боевых задач по обеспечению правопорядка и общественной безопасности в Северо-Кавказском регионе Российской Федерации. Внезапная смена жизненного и профессионального уклада может вызвать у определенной части лиц нарушение психологической адаптации.

Нагрузка в основном падает на центральную нервную систему, органы чувств и эмоциональную сферу человека. При чрезмерном или протяннутом психоэмоциональном напряжении, превышающем барьер психической устойчивости, адаптивная стресс-реакция переходит в дезорганизацию психосоциальных и психобиоло-

гических функций человека. Состояния психической дезадаптации проявляются в снижении работоспособности, повышенной утомляемости, аномальных личностных реакциях, дивергентных формах поведения (злоупотребление алкоголем, суицидальные тенденции, агрессивность, импульсивность поступков и другое), в нервно-психических и психосоматических (гипертоническая болезнь, ишемическая болезнь сердца, язвенная болезнь желудка, бронхиальная астма, кожные заболевания и другое) нарушениях.

Постоянная психоэмоциональная нагрузка является значительным фактором, влияющим на профессиональную и социально-психологическую деятельность сотрудников.

Распространенность нервно-психических нарушений и зависимость от стажа службы выглядит следующим образом:

- до 1 года службы – 4,19%;
- до 5 лет – 16,17%;
- до 10 лет – 23,35%;
- до 15 лет – 18,56%;
- свыше 15 лет – 26,95%.

Как видно из приведенных данных, отмечается резкий подъем показателей после первого года службы – с 4,19 до 23,35% – при стаже до 10 лет (в 5 раз). Критический срок службы, когда отмечается подъем распространения психических отклонений, наступает после 5 лет. Таким образом, продолжительность службы более 5 лет является определенным фактором «риска», ведущим к профессиональной деформации [6].

Профессиональная деформация – это изменения профессиональных возможностей и личности сотрудника в асоциальную сторону, возникающие в результате негативных условий профессиональной деятельности. Крайняя ее степень – профессиональная деградация, когда асоциальное поведение или профессиональное бессилие делает невозможным дальнейшую службу.

Исследования показали, что вероятность профессиональной деформации сотрудника со стажем службы до 5 лет незначительная; 6-10 лет – средняя, 11-15 лет – высокая. При стаже службы свыше 15 лет профессиональная деформация неизбежна [7]. Распространенность психогенных реакций и состояний имеет четкую корреляцию с длительностью и частотой командировок для осуществления оперативно-служебных задач в особых условиях в Северо-Кавказском регионе Российской Федерации.

Особо необходимо выделить отряды милиции особого назначения и специального назначения, а также временные формирования, пред-

назначенные для решения антитеррористических задач, которые из всех подразделений в правоохранительных органах являются наиболее неблагоприятными в плане условий труда и высокой степени риска потери здоровья и жизни. Экстремальная деятельность в данных подразделениях преобладает над другими видами деятельности. Ее основное содержание заключается в несении оперативного дежурства (10-30% рабочего времени) с систематическим проведением профилактических или специальных операций по выявлению и пресечению преступных действий, обезвреживанию криминальных элементов и формирований с применением, в случае необходимости, спецсредств и огнестрельного оружия (70-80% рабочего времени) [8].

В местах постоянной дислокации подразделений при оперативном дежурстве основными стрессовыми факторами являются:

- ненормированный рабочий день, особенно при усиленном режиме службы;
- состояние ожидания предстоящих оперативно-служебных и служебно-боевых действий, встречи с противником при отсутствии информации о характере и условиях этих действий.

В процессе проведения специальных и боевых операций в местах постоянной дислокации подразделений такими факторами являются:

- ответственность за жизнь граждан, находящихся в зоне огневых контактов или в руках преступников, угроза жизни и здоровью людей в случае ошибочных действий или бездействия;
- огневое и психологическое бездействие противника при недостатке информации о нем и обстановке, ожидание от преступников внезапных, нестандартных и дерзких действий, особенно при длительном противостоянии;
- необходимость применения оружия на поражение при визуальном контакте с вооруженным преступником;
- предельные физические нагрузки, обусловленные необходимостью стремительных действий в специальном снаряжении с целью избежания потерь среди личного состава и граждан;
- гибель и увечья товарищей, сослуживцев и граждан.

При командировании (особенно длительном) в зоны с особыми условиями службы к перечисленным психотравмирующим факторам присоединяются следующие:

- постоянная угроза обстрелов, нападений, засад, подрывов на минах, фугасах;
- нарушения ритма сна и бодрствования, отсутствие полноценного отдыха и физического

При этом, возрастает роль информационных услуг и информационно-коммуникационных технологий, вырастает количество работающих в различных отраслях интеллектуального производства и сервиса, появляется либеральное информационное пространство и открываются возможности доступа к глобальным информационным запасам. Общество разделяется на мелкие группы, которые становятся договорной частью общества, главными ценностями становятся время, скорость, чувствительность, информация, степень владения компьютером, компетенции, появляются новые информационно-коммуникационные технологии, основой конкурентного преимущества которых становится информационно-коммуникационная инфраструктура, что позволяет нам самим осуществлять выбор без участия чиновников, партий и работодателей и тем самым информационное общество способствует увеличению личной ответственности и заставляет нас учиться на протяжении всей жизни.

В Монголии отрасль информации, почты и связи возникла и начала свое развитие 90 лет назад как Проводной комитет (Телеграфный комитет). Число пользователей интернета в 2001 году составляло 10300, в 2007 году – 30000, в 2010 году резко выросло до 199849 пользователей. В результате реализации с 2005 года национальной программы «Электронная Монголия» использование Интернета выросло в 18,8 раз и, по мнению исследователей, в дальнейшем вырастет на 20-25% [2, с. 3].

В рамках сборника «Перепись населения и жилищного фонда-2010» было опубликовано 12 тематических исследований. Данные показывают, что по сравнению с мобильной связью существует системная связь между использованием Интернета и уровнем образования. Так, среди пользователей Интернета количество докторов и магистров составляет 90,4%, специалистов и бакалавров – 70,1%, лиц с полным средним образованием – 34,5%, что в целом больше количества лиц получивших специальное техническое образование. Среди необразованных слоев показатель пользователей Интернета составляет 7,6%. Представляют интерес 857 человек, которые являются пользователями Интернета, но не владеют при этом грамотой. Это есть знак того, что появляется тенденция к информатизации всего общества. Доля молодежи и детей, имеющих доступ к Интернету дома, составляет 63,5%, что создает необходимость проведения информационной политики (политики инфор-

мационного общества), направленной на подрастающее поколение [3, с. 27-55].

Доступ к оптоволоконным сетям имеют 160 сомонов в 21 аймаке, количество пользователей сотовой связи (с учетом многократной регистрации пользователей) достигает 2,5 млн. человек, что показывает наличие базовой инфраструктуры для создания сотового (мобильного) общества и информационного общества [2, с. 5]. Здесь необходимо прояснить различие между такими понятиями, как компьютеризация общества и информатизация общества. Компьютеризация больше имеет под собой в виду укрепление технической базы (обеспечение компьютерной техникой), а информатизация являет собой комплексные меры, направленные на полное и своевременное использование достоверных и полных знаний во всех сферах человеческой деятельности. В двухуровневой государственной программе Монголии по созданию информационного общества, основанного на знаниях, прописано формирование основы информационного общества в период 2004-2010 гг., создание полноценного информационного общества в полном смысле этого слова в 2010-2020 гг. и обеспечение всех отраслей и субъектов преимуществами информационно-коммуникационных технологий для ежедневного пользования.

Кроме того, приказом №123 от 09 июля 2009 года была образована рабочая группа, и в соответствии с предложением от Национального комитета развития и обновления разрабатывается комплекс стратегических документов, таких как Государственная политика в сфере производства высоких технологий, Государственная политика в отношении науки и технологий согласно Постановлению Великого государственного хурала №55 от 14 мая 1998 года, однако они не получили достаточной реализации, что создает дополнительные трудности при образовании мозга информационного общества, основанного на научных теоретических знаниях.

Отсюда можно сделать следующие выводы: переход к информационным услугам увеличивает трудовую активность и степень использования информационно-коммуникационных технологий, основным производством становятся информационное и культурное производство и услуги, что открывает не только множество возможностей и преимуществ, но и не меньше отрицательных последствий и угроз. Поэтому, понимая, что каждое явление имеет положительные и отрицательные стороны, необходимо по максимуму использовать возможности и пре-

представлены в таблице 1 (значения в стандартных Т- баллах).

Код по Уэлшу:

До поступления на службу: 84972-065/13: F-K/L:

Через 1-2 года: 287-9401/536: F-K/L:

Через 12-14 лет: 82-94710/356: K-FL/

По результатам приведенной таблицы, считаем необходимым остановиться на следующих моментах:

Резкое увеличение с 61Т.б. до 67Т.б. второй шкалы «пессимистичности» через 1-2 года службы в органах внутренних дел по сравнению

с «личностным профилем» до службы этих же сотрудников. По нашему мнению, это период адаптации, который как говорилось выше, является одним из переломных. В этот период сотрудник входит в новый коллектив, знакомится с окружающими людьми, начинает самореализовываться, встречается с первыми неудачами. В «личностном профиле» сотрудников на данном этапе наблюдается неуверенность в себе и своих возможностях, склонность к переживаниям, излишняя самокритичность, ведущая мотивационная направленность – избегание неуспеха, преобладание пассивной личностной позиции.

Таблица 1

Шкалы	L	F	K	1	2	3	4	5	6	7	8	9	0
До поступления на службу	43	63	55	48	61	46	64	50	52	63	67	64	54
Через 1-2 года службы	46	61	56	52	67	47	58	49	46	62	66	59	56
Через 12-14 лет службы	51	56	61	52	61	46	57	47	44	56	62	58	52

В связи с вступлением в новый коллектив у сотрудников 1-2 года службы наблюдается повышение 0 шкалы «интроверсии», как реакция на переживание человеком временных трудностей в налаживании межличностных отношений, в связи с процессом вживания в новую микрогруппу.

Наблюдается снижение 4 шкалы «импульсивности» у сотрудников через 1-2 года службы по сравнению с первоначальным «личностным профилем» до службы в органах внутренних дел с 64Т.б. до 58Т.б. Данное понижение, на наш взгляд, свидетельствует о снижении агрессивности, импульсивности, повышении контроля сознания над поведением.

Снижение 9 шкалы «оптимистичности» у сотрудников через 1-2 года службы с 64Т.б. до 59Т.б. наблюдается в связи со всеми вышеуказанными причинами.

Повышение 1 шкалы «сверхконтроля» у сотрудников через 1-2 года службы по сравнению с первоначальным «личностным профилем» до службы в органах внутренних дел с 48Т.б. до 52Т.б. возможно в связи с преобладанием мотивационной направленности личности на соответствие нормативным критериям в социальном окружении, подавление спонтанности, повышение контроля над агрессивностью, ориентацию на правила и инструкции, избегание серьезной ответственности из-за страха не справиться.

Наблюдается снижение 7 шкалы «тревожности» у сотрудников через 12-14 лет службы в

органах внутренних дел по сравнению с первоначальным «личностным профилем» этих же сотрудников и через 1-2 года службы с 63-62Т.б. до 56Т.б. Данное снижение, по нашему мнению, указывает на нарастание признаков профессиональной деградации в виде снижения осторожности и осмотрительности в поступках, снижения особой щепетильности в вопросах морали, повышения эгоцентризма, снижения способности к сопереживанию, неконформности установок, грубоватой и жесткой манеры поведения.

Постепенное снижение 6 шкалы «ригидности» до 44Т.б. показывает у сотрудников через 12-14 лет службы избыточную тенденцию к подчеркиванию своих миротворческих тенденций, что чаще всего встречается при гиперкомпенсаторной установке у личностей агрессивного толка.

Таким образом, по результатам наших исследований, можно сделать вывод, что сотрудники через 1-2 года службы находятся на этапе сложной профессиональной и личностной адаптации к новым условиям деятельности, а через 12-14 лет неизбежно нарастают признаки профессиональной деформации, в связи со сложными условиями несения службы.

Литература

1. Романов В.В., Кроуз М.В. Руководство по профессиональному психологическому отбору кандидатов на службу в органы прокуратуры Российской Федерации: метод. пособие. – М.: Генпрокуратура РФ, 1994. – 116 с.

2. Из ежегодных статистических сборников показателей состояния здоровья сотрудников органов внутренних дел Российской Федерации.

3. Черный Ю.В. Научное обоснование повышения качества санаторно-курортного лечения сотрудников ОВД: автореф. дис...канд. мед. наук. – СПб., 2004. – 20 с.

4. Из ежегодных аналитических обзоров о деятельности военно-врачебных комиссий органов внутренних дел Российской Федерации.

5. Из ежегодных аналитических обзоров о состоянии работы с кадрами органов внутренних дел Российской Федерации.

6. Шутко Г.В., Мягких Н.И., Бельченко М.А. Актуальные проблемы и направления совершенствования профессионального психологического отбора в органах внутренних дел: учеб.-метод. пособие. – Домоделово: ВИПК МВД России, 2011. – 190 с.

7. Профилактика профессиональной деформации личности сотрудника органов внутренних дел: метод. пособие – М.: ГУК МВД России, 2004. – 104 с.

8. Основные виды деятельности и психологическая пригодность к службе в системе органов внутренних дел: справ. пособие / под ред. Бовина В.Г., Мягких Н.И., Сафронова А.Д. – М.: Науч.-исследоват. центр проблем мед. обеспечения МВД России, 1997. – 344 с.

9. Собчик Л.Н. Введение в психологию индивидуальности. Теория и практика психодиагностики. – М.: Институт прикладной психологии, 1998. – 512 с.

Байрова Туяна Балдановна, аспирант кафедры связей с общественностью, социологии и политологии Бурятской государственной сельскохозяйственной академии им. В.Р. Филиппова, г. Улан-Удэ, e-mail: tuynabbb@yandex.ru.

Bairova Tuyana Baldanovna, postgraduate student, department of public relations, sociology and political science, Buryat State Academy of Agricultural named after V.R. Philippov, Ulan-Ude, e-mail: tuynabbb@yandex.ru.

УДК 316.4:1 (517.3)

Цэдэн-Ишийн Батбаяр

ИНФОРМАЦИОННОЕ ОБЩЕСТВО И ЕГО РЕАЛЬНОЕ СОСТОЯНИЕ В СОВРЕМЕННОЙ МОНГОЛИИ

В данной статье рассматривается информационное общество, его сущность и его отличие от прочих общественных организмов, его принципы, сетевое использование, возможности, угрозы, слабые и сильные стороны, используется единый теоретико-практический подход очеловечивания общества.

Ключевые слова: общество сервисных технологий, структурирование информационных организмов, принципы создания информационного общества, информационная инфраструктура в монгольском обществе, использование, тенденции.

Tseden-Ishii Batbayar

INFORMATION SOCIETY AND ITS CURRENT POSITION IN THE MODERN MONGOLIA

This article examines the information society, its essence and its difference from other social organisms, its principles, network usage, opportunities, threats, strengths and weaknesses of using a united theoretical and practical approach of humanizing society.

Key words: community service technology, structuring of information organisms, principles of the information society formation, information infrastructure in Mongolian society, the use and trends.

Исследователи рассматривают изменения в современных общественных организмах с различных точек зрения, опираясь на отдельные аспекты общественного строя, дают различные интерпретации и наименования, такие как сетевой капитализм, информационный капитализм, капитализм инноваций, посткапиталистическое общество, посттрудовое общество, постэкономическое общество, общество сервисных технологий, постиндустриальное общество, информационное общество, виртуальное общество, постмодернистское общество и т.п. Несмотря на подобное многообразие определений, в данном явлении можно найти общие закономерности, принципы, тенденции и единую сущность.

Мысль о том, что информацию можно хранить, размножать и создавать с ее помощью богатство, высказал О.Тоффлер [6, с. 172]. Д.Хенс на основе выработки пяти критериев информационного общества, таких как техника и технологии, экономика, промышленность, пространство, культура, выдвинул мнение о шестом критерии – теоретических знаниях, что стало одним из предпосылок понимания информационного общества [7, с. 62]. Х.Перкин считал, что в основе теории информационного общества лежит тщательный анализ классификации информации, ее категориальных признаков, логической структуры, ее количества и качества, что, как нам кажется, может облегчить понимание сущности информационного общества [4, с.

132]. На практике, к примеру, всеобщая тенденция к репродукции традиционных знаний, произведенных в рамках монгольской, тибетской и буддийской культур, знаний, ставших квинтэссенцией духовной культуры народов мира, и повторному их использованию в виде современных промышленных образцов и услуг в условиях информационного общества является основным ресурсом и возможностью для создания индустриальной базы культуры. Поэтому перед нами стоит задача перемещения монгольского общества в информационное общество.

Общество представляет собой противоречивое и системное явление или процесс, который, так же, как и человек, развивается и изменяется. При изменении способа, формы, принципов производства того или иного общества, или при переходе от промышленного этапа к новому, революционному этапу производства информации, были заложены основы информационной цивилизации (общественной формации).

С теоретической точки зрения, существуют западная и азиатская модели образования информационного общества, в основе различия которых лежит, с одной стороны, открытая модель, основанная на внутренних закономерностях высокоразвитого мозга, с другой стороны, относительно закрытая модель с высоким уровнем участия и контроля государства. Здесь особо следует упомянуть Японию, так как она реализует ускоренную модель государства и частного предпринимательства.

Главнейшим актуальным вопросом для монгольского общества и других развивающихся стран являются пути вхождения в информационное общество – не имея ничего, вслепую или же обладая некими знаниями и информацией. Поэтому инвестиции, опыт и тесты, проведенные в базовых исследованиях, должны стать нашей путеводной звездой. Вместе с тем, перед человечеством стоит неотложная задача разумной выработки собственных рецептов, приспособленных к тем или иным национальным особенностям, учитывающим цивилизационную, культурную, экономическую и политические специфики.

Связующее звено циклов производства, услуг и потребления сосредоточилось в теоретических знаниях и интеллектуальных технологиях, которые, в свою очередь, создали новые отношения между людьми – отношения, основанные на глобальной сети, компьютерах, программном обеспечении и мобильных телефонах, что коренным образом изменило привычный образ мировой экономики. Этот процесс стал основой

для перехода к обществу сервисных отношений, где главным средством информационного производства и экономики услуг стали профессиональные знания. В нашей стране экономика услуг по данным 1995 года составляла 1,44% ВВП, в 2000 году – 3,7%, в 2002 году – 3,1%, в 2003 году – 6,3%, в 2004 году – 7,3%, в 2010 году – 11%, демонстрируя ежегодный прирост [1, с. 49]. Основным фактором низких показателей является отсутствие фундаментальных трудов по теории информационного общества, так как роль теоретических знаний и информации в процессе здорового, основанного на научном подходе, формирования «мозга» того или иного общества чрезвычайно высока. Иначе говоря, будущее формируется самостоятельно из единства теоретических знаний профессионального программного обеспечения и специалистов-информатиков, которые будут на нем работать.

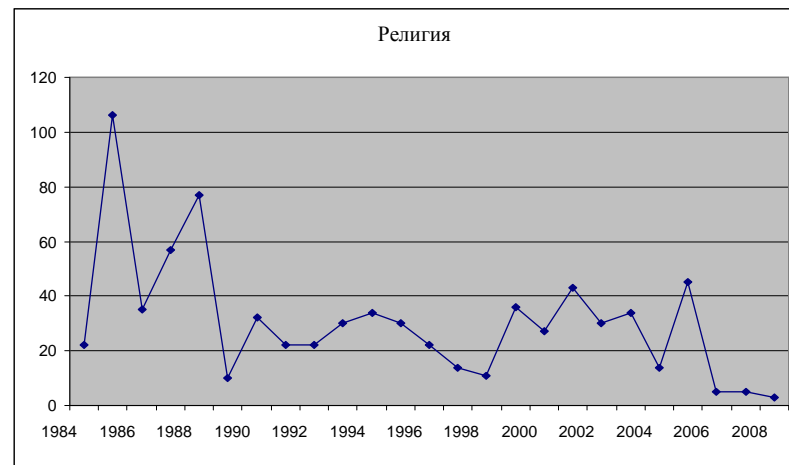
Анализ современных реалий монгольского общества, с антропоморфной точки зрения, показывает следующее: мозгом информационного общества являются теоретические знания и интеллектуальные технологии; сердцем – информационно-коммуникационные технологии; системами-органами – скоростные магистрали, составляющие его инфраструктуру; языком – вторичная грамотность; чувствами – зрительное и слуховое восприятие; совершенствованием – уровень развития методов информационно-коммуникационной обработки; предпосылками – доверие, информация, сети, права пользователей, доступная цена, неприкосновенность личной жизни и безопасность. Мозг информационного общества формируется в связи с продолжительным периодом накопления информации в прошлом и современным развитием технологий, представляя собой структуру, сформированную по тем же принципам, как и рост мозга ребенка, поэтому очень трудно пройти этот процесс механическим путем за несколько лет.

В Монголии сформировались «ноги» информационного общества и забилось его «сердце», требуется еще очень много сил, стараний, обдумывания и финансирования, чтобы вдохнуть в него жизнь, поместив в инкубатор. Если мозг начнет функционировать нормально, то это, несомненно, откроет ранее невиданные огромные возможности и принесет положительные изменения для будущего монгольского общества. Поэтому перед нами стоит неотложная задача выявления основных характеристик и сущности данного общества, и, только поняв ее неотложность, мы сможем заложить основы свободы, потенциальных возможностей и трансформации.

Доминирующая символическая триада: «икона – чудотворная – помогает», «секты – лживые – портят (жизнь)», «церковь – самодостаточная – распоряжается».

Диаграмма 1

Частота упоминаний категории «религия» за период с 1984 по 2008 г.

Бог. В 1984 и 1988-1989 годах данная категория практически не встречается на страницах газеты АиФ. Также ее нельзя назвать объектом «абсолютной приоритетности» на протяжении всего периода 80-х годов. Вполне вероятно, что категория «бог» была бесполезной для объяснения тех или иных закономерностей социальных интеракций в контексте политического равновесия (отказ наших верующих граждан от гуманитарной помощи Запада) или противостояния (западная пропаганда капитализма через миссионерские каналы).

В начале 90-х годов абстрактный и малоопытный «бог» приобретает конфессиональную окраску и, соответственно, персонифицируется в трансцендентных «сверхличностях». Становится модным «верить в Бога». С 1992 года на газетных полосах «Аргументов и фактов» начинает заметно фигурировать один из представителей божественной троицы христианской религии – Иисус Христос, которого на аффективно-хвалебном уровне именуют как: «Сын Божий», «Царь Небесный», «Смиранный Агнец», «Владыка Мира», «Богомладенец», «Спаситель» и т.д. Он же: «воскресший», «пришедший из мертвых», «живой», который: «утешает», «предлагает» спасение и «призывает» людей к покаянию.

Помимо христианского бога в эти годы появляется (правда, по общему объему внимания, не так часто) мусульманский «Аллах» (арабский перевод слова Бог), который через лингвистический текст пока не проявляет своей активности, а потому ему просто приписываются характеристики в основном «аффективного» содержания –

«единный», «всевышний», как наиболее приемлемые и значимые. С 1987 года из восточных религий в публикациях появляются древнейшие божественные сущности индуизма: Шива, Брахма, Кришна. Первые двое – представители так называемой «великой троицы божеств» (Шива-Брахма-Вишну, символизирующие божественные Волю-Мысль-Любовь). Кришна – индуистский бог или «индийский спаситель», которого считают «восьмым воплощением Вишну».

1992 г., безусловно, является переломным моментом. После распада СССР (декабрь 1991 г.) СМИ стали «более открыты для религии», теперь категория «Бог» на страницах газеты «Аргументы и факты» стала появляться довольно часто. С 1993 по 1997 годы статьи с упоминанием категории «Бог» становятся довольно частыми и носят заметно положительный характер. Интерес к описываемой категории является стабильным и ровным, иногда повышаясь в связи с наступлением традиционных православных праздников. Богу посвящают обширные статьи, в которых он предстает как «Справедливый Учитель», дающий людям «божественные заповеди» и, вместе с тем, справедливо карающий за их нарушение.

С начала 2000 г. тема «веры в бога» становится весьма популярной. Любой религиозный праздник (речь идет о православии и исламе как о «традиционных» конфессиях России) теперь представлен на первых полосах газеты АиФ. Целый номер отводится под материалы о религии (см.: АиФ. – №17, – 2000 г., здесь практически десять статей посвящены теме бога). Все

имущества того или иного общества, сводя к минимуму угрозы и слабые стороны – это должно быть нашим основным принципом. Наши правоохранительные органы еще не успели создать структуры по предотвращению киберпреступления и защите от хакеров. Нужно обратить внимание на то, что жизнь и работа в сети, таким образом, требует от индивида высокого уровня сознательности, культуры и морали. Причина этого заключается главным образом в том, что угрозы и слабые стороны общества уже всю проявили в себя и занимают свое место в нем. В России выработана стратегия развития информационного общества, выходит множество публикаций, как электронных, так и бумажных, касающихся того, что данный тип общества является наиболее востребованным.

Итак, перед нашим обществом стоят задачи – акцентировать внимание на формировании мозга информационного общества и выработать стратегии, рассчитанные на будущее. По К.Попперу, общество оценивается по организации решения собственных проблем, и способности их разрешить, в этом смысле в информационном обществе открываются возможности решения многих важных проблем с помощью организации сети и методики обработки ИКТ вне зависимости от времени и места в рамках виртуальной реальности [5, с. 62]. Организация информационного общества автоматически повышает степень развития общества на 25%, что было доказано российским исследователем Ю.В. Юзвишиным [8, с. 299]. Кровоснабжение общественного организма определяется степенью эффективности и скорости передачи и обработки информации и знаний, а также внедрения современных инновационных технологий. Это есть начало новых трансформационных процессов в развитии человеческого общества. Показатели количества пользователей Интернета и мобильной связи в нашей стране почти сравнялись, а кое-где и превысили аналогичные показатели в США, Корею и Индии, но, несмотря на это, процентное соотношение экономики услуг в ВВП и

ее качественный уровень довольно низки. Показатели таких развитых стран, как США и Канада в производстве информации и информационных услуг наиболее высоки, и это касается именно качественных, а не количественных характеристик, что является выражением степени информатизации нации. С другой стороны, важную роль играют инвестиции в данную отрасль. Так, только одни США покрывают 45% мирового научного процесса, доля США в количестве обладателей патентов достигла 95%. В Монголии же 89% иностранных инвестиций приходится на горнодобывающую отрасль и только 10% – на информационные технологии, что значительно сокращает возможности формирования мозга информационного общества. Только информатизация граждан, организаций, общества и нации позволит найти точку опоры и выжить в этот век интенсификации развития интеллектуальных технологий.

Литература

1. Данные статистики Монголии. 1992-2010 гг. – Улан-Батор, 2011.
2. Материалы к 90-летию службы информации, почты и коммуникации. – Улан-Батор, 2011.
3. Перепись населения и жилищного фонда-2010. Тематическое исследование «Пользователи мобильных телефонов и Интернета». – Улан-Батор, 2011.
4. Перкин Х. Философия информационного общества. – СПб., 2001. – 261 с.
5. Поппер К. Открытое общество и его враги. – М., 1992. – 562 с.
6. Тоффлер О. Третья волна. – М., 2010. – 784 с.
7. Хенс Д. Информационное общество. – М., 2008. – 361 с.
8. Юзвишин. И.И. Информациология. – М., 1996. – 394 с.

Цэдэн-Ишийн Батбаяр, преподаватель Академии внутренних дел Монголии, аспирант Монгольского государственного университета, г. Улан-Батор, e-mail: post868@yahoo.com.

Tseden-Ishiin Batbayar, lecturer of Mongolian Academy of Police, postgraduate student of Mongol State University, Ulan-Bator, e-mail: post868@yahoo.com.

УДК 316.347 + 316.33

© П.А. Баев

ДИСКУРСИВНАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ РЕЛИГИОЗНЫХ ОТНОШЕНИЙ РОССИЙСКОГО СОЦИУМА (1984-2008)*

По материалам проекта «Ресурсы консолидации российского общества: институциональное измерение», в рамках ФЦП «Научные и научно-педагогические кадры инновационной России» на 2009-2013 гг., государственный контракт №16.740.11.0421 от 26.11. 2010 г.

В статье рассмотрены проблемы становления института религии в трансформирующемся российском обществе, представлены результаты исследования отечественного медийного дискурса.

Ключевые слова: трансформация религиозных отношений, категории очевидности, бог, вера, верующие, религия, священники, церковь.

P.A. Bayev

THE DISCOURSIIVE TRANSFORMATION OF THE RELIGIOUS RELATIONS IN THE RUSSIAN SOCIETY (1984-2008)

The article is devoted to the problems of the institute of the religion in a transforming Russian society by means of study the domestic media discourse.

Key words: transformation of the religious relationship, the categories of the obvious, the God, faith, believers, religion, priests and church.

Трансформация религиозных отношений в современной России связана с драматическими событиями, происходившими в нашей стране на протяжении уже более чем четверти века. Первые признаки дестабилизации были ознаменованы концом «застойного периода» и началом «постбрежневской неопределенности». Перестройка 1985 года внесла определенный смысл, но, вместе с тем, дополнила картину жизни российских граждан катастрофическими событиями. Постперестроечный период характеризуется появлением иных стрессоров, и самый главный связан с такими социальными потрясениями, как экономическая депривация и социальная анония, затронувшие практически все население страны.

О трансформации религиозных отношений писалось достаточно много и обстоятельно. Среди недавних работ зарубежных ученых особого внимания, на наш взгляд, заслуживают труды таких исследователей, как Роберт Робертсон (Robert Robertson) и Питер Бейер (Peter Beuer), посвященные процессу формирования «глобальной религиозной системы» и, в частности, возрастающей активности как традиционных, так и новых религиозных институтов в условиях глобализации [1].

Объектом внимания ученых становились процессы, имеющие религиозно-политическую направленность в масштабах страны или континента и предполагающие активное участие большинства населения в религиозной жизни, с одной стороны, и вмешательство религиозных

движений в решение социально-экономических и политических проблем, – с другой [2].

Дискурсивный подход отражен в работе таких отечественных авторов, как С.Филатов и Р.Лункин, осуществивших подробный анализ журналистских материалов российских масс-медиа, создающих, по убеждению авторов, стереотипы массовых образов самых крупных российских конфессий – Православия (в основном в позитивном ключе) и Протестантизма (в негативном) [3].

В другом исследовании отечественного медийного дискурса относительно религиозной сферы выяснялось, какие стороны религиозной практики попадали под внимание журналистов или, напротив, оставались в тени [4].

Для изучения процесса трансформации религиозного компонента социальной системы в его дискурсивно-символическом содержании нами был использован транссимволический анализ (ТСА)¹.

¹Контент-анализ содержания СМИ с использованием методики ТСА предполагает изучение трансформации «неосознаваемого» социального дискурса посредством выделения следующих качественно-количественных компонентов (направлений анализа): частоты упоминания, объема внимания (производное строк и знаков материала, посвященного той или иной категории), суммарного рейтинга категории, оценочного контекста, доминирующей символической триады. Положительная оценка формируется за счет информации позитивного, нейтрального, и проблематично-сочувствующего характера, в то время как отрицательная – за счет информации негативного и проблематично-осуждающего характера. Доминирующая символическая триада стратифицируется на следующие принципиальные

Выделим основные объекты исследования, которые будут рассмотрены с позиций трансформации, или содержательно-смыслового (символического) изменения. Через их общую и частную интерпретацию мы получим возможность выделить доминирующие в советское и постсоветское время «категории очевидности», которыми характеризуется главный объект нашего исследования.

Бог – в религиозных системах духовное существо (в моно- и политеистических религиях «Всемогущее Существо»), которое, по мнению адептов, управляет миром и судьбами людей. Выступает в качестве объекта поклонения (культ). Предполагает веру в его существование.

Вера религиозная – существенная черта религиозного сознания и основной признак религии в целом.

Верующие, неверующие, атеисты и прочие субъекты социального взаимодействия – мировоззренческие группы населения, разделяющиеся по степени или уровню этических и морально-нравственных притязаний.

Религия – составная часть культуры общества, одна из многочисленных форм духовной жизни, история духовной традиции, способ «практически-духовного освоения мира» социальными субъектами.

Священники – духовные лица, служители церкви. Можно встретить различные тождества, например: духовенство, батюшка (в русском православии), отец, поп (чаще в негативном смысле), пастор (в протестантизме), шаман (в шаманизме) и т.д.

Церковь (деноминация, культ, секта) – по церковно-сектантской типологии Вебера-Трельча различные стадии развития религиозной организации от слабоинституциональной (культ) до институционализированной (церковь) формы с включением промежуточных конфигураций (секты и деноминации).

Референтной точкой анализа (то есть последней точкой стабильности социальной системы)

символы, обусловленные главными частями речи: *когнитивный* (К-символ, характерное частотное существительное, присваиваемое объекту); *аффективный* (А-символ, характерное частотное имя прилагательное), возникающий в процессе вторичной сигнификации, обозначающий признак предмета, как морфологического, так и содержательного порядка; *деятельностный* (Д-символ, характерный частотный глагол), обозначающий действие или состояние предмета, отражающий связи и взаимодействия, в которые вступают между собой предметы, процессы и явления. Частотным считается символ, повторяющийся в соотношении не менее чем 3 к 1 по отношению к другим символам объекта, на протяжении обследованного периода.

выбран 1984 год – это последний год до начала масштабных реформ в России. В качестве источниковой базы исследования была использована самая популярная и массовая в СССР и России газета «Аргументы и факты». Перед нами стояла задача исследовать характер, направленность и динамику трансформации религиозных отношений за выбранный период времени (1984-2008 гг.), то есть – 25 лет. Общий массив проанализированных номеров газеты составил 1298.

Религия. В 1980-е годы объективными характеристиками религии являлись следующие компоненты, отраженные в печатных материалах газеты «Аргументы и факты»: тема религии становится более открытой и доступной для общественного обсуждения (1985 г.); представителей «нетрадиционных» религиозных организаций называют «сектантами» (1986 г.); в отношении религии в целом провозглашается и осуществляется политика преемственности и терпимого отношения (1988-1989 гг.).

Символическая триада в конце 1980-х годов представлена следующей характерной семиотической доминантой: «вера – легитимная – распространяется», «экстремизм – религиозный – пропагандируется», «церкви – западные – противостоят», «секты – антиобщественные – распространяют», «христианство – православное – распространяется».

Следующее десятилетие характеризуется обильным освещением религиозных праздников и проводимых церковью обрядов: рассматриваются как «светлые» и «радостные» события, свидетельствующие о «божественности Христа» (1992-1996 гг.); Иисус Христос представляется как историческая личность (1993 г.); нарочитое внимание к деятельности священников: становится модным «искупление грехов» посредством благотворительности (1996 г.).

Доминирующая символическая триада: «обряды – религиозные – совершаются», «религии – другие – развиваются», «церковь – православная – спасает», «храмы – величественные – воздвигаются», «Христос – воскресший – почитается».

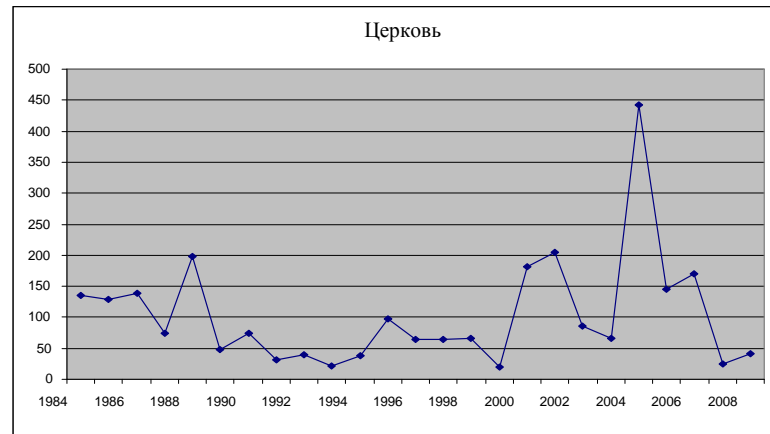
2000-е годы знаменуют собой попытку обрести фактическое и/или правовое положение в государстве и обществе в целом: возвращение священных предметов, «величайших святых» и совокупность религиозных праздников; взаимодействие с социальными институтами (армией, семьей, образованием, здравоохранением); религия и государство воспринимаются как неотъемлемые части одного целого (2005-2007 гг.).

С незначительными колебаниями в сторону увеличения (в 1995 году) на протяжении всех последующих лет (1992-1999 гг.) наблюдается умеренное присутствие анализируемого объекта в печатных СМИ. Наиболее характерные триады

этих лет: «секты (культы) – иностранные (тоталитарные, деструктивные) – пропагандируют (зомбируют)», «храмы – православные – возрождаются».

Диаграмма 6

Частота упоминаний категории «церковь» за период с 1984 по 2008 г.

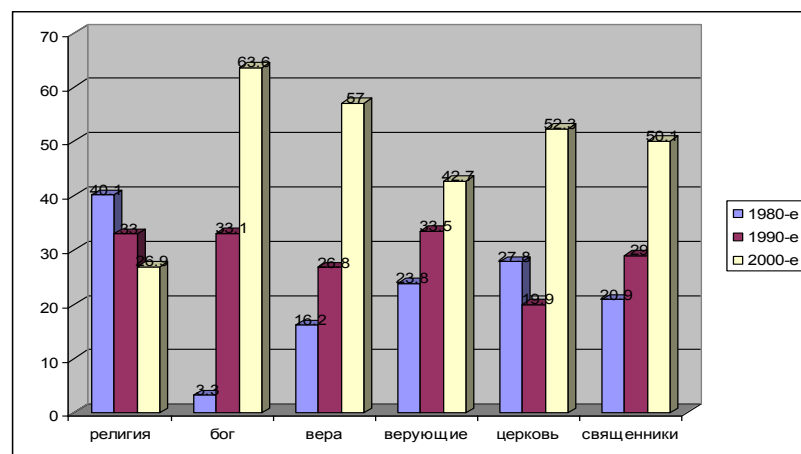

В 2000-е годы внутри России обостряются конфликты с мусульманским и католическим мирами. Негативный рейтинг категории «церковь» стремительно растет. За период с 2000 по 2002 год появляются следующие доминирующие триады: «РКЦ (о Западе) – агрессивная – выступает», «ваххабиты – тоталитарные – попирают (основы Ислама), «РПЦ – консервативная (раздраженная) – враждует (с РКЦ)».

Итак, еще раз подчеркнем, что религиозные отношения в нашей стране за исследуемый период динамично развиваются. Это наглядно показано на следующем графике, отражающем генезис упоминания в СМИ основных понятий, распределенных по историческим декадам (1980-е, 1990-е и 2000-е гг.).

Диаграмма 7

Рейтинговое расположение категорий анализа религиозных отношений по трем историческим периодам: 1980-е (1984-1989 гг.), 1990-е (1990-1999 гг.), 2000-е (2000-2008 г.)

Почти в два раза увеличилось количество упоминаний по всем категориям анализа за 25 лет, с 1984 и по 2008 гг. включительно. Если в конце 1980-х суммарный показатель был равен 23,7%, в 1999 г. был увеличен до 26,9%, то на конец 2008 года достиг почти половины, то есть стал равным 49,4%.

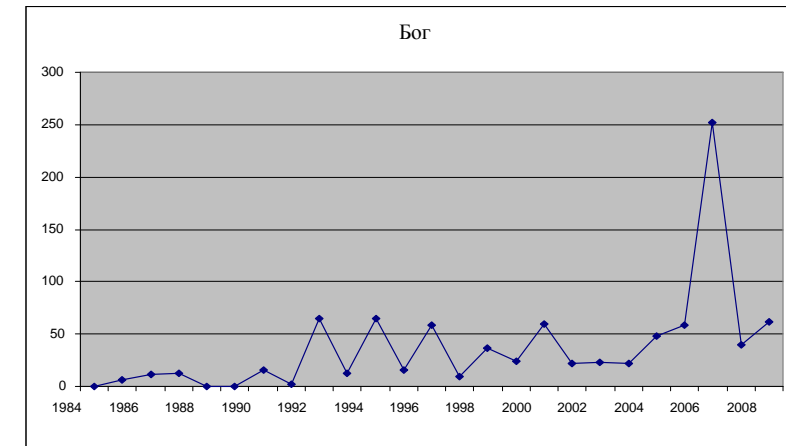
Выводы. Религия. В 1990-е годы социальная иллюзия коммунизма и светлого будущего окончательно была вытеснена иллюзией религиозного абсолютизма. «Эксперты», объясняющие и распространяющие научные и просветительские идеи, вытесняются из массового общественного дискурса на когнитивную периферию.

материалы, в которых описывается отношение к богу, носят позитивный характер. Вместе с тем, ранее утвердившаяся мысль, что бог – это глав-

ный благодетель и Спаситель, остается преобладающей.

Диаграмма 2

Частота упоминаний понятия «бог» за период с 1984 по 2008 г.

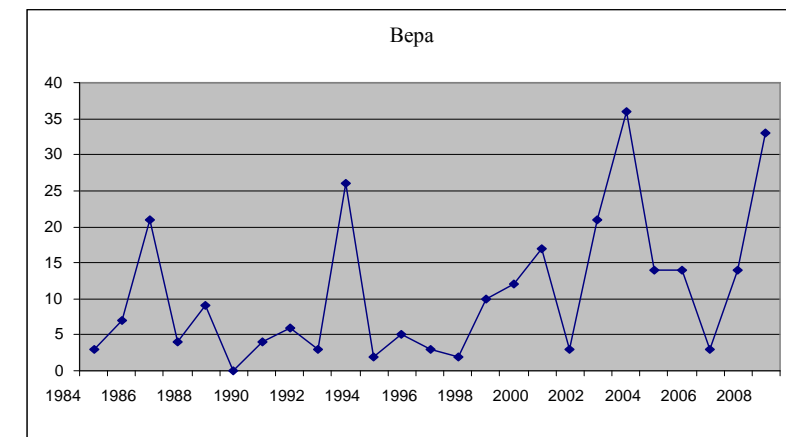

Вера. Весьма примечательным феноменом является отношение к вере в 1984 году, насколько мы можем судить об этом по ряду публикаций. С одной стороны «вера – скрытая – проявляется», с другой, – «вера – открытая – преследуется». Это говорит о том, что в общественном сознании еще сохраняется страх преследования верующих различных конфессий.

Радикальным поворотным моментом для данной категории является 1988 год. Осуждается «материалистическое мировоззрение», которое «отвергается». Подобный почти революционный всплеск негодования скорее напоминает отчаянную попытку «выдать желаемое за действительное». Ведь известно, что в это время атеистическая пропаганда еще не потеряла своей актуальности.

Диаграмма 3

Частота упоминаний категории «вера» за период с 1984 по 2008 г.

В целом же в 1980-е годы наблюдается некая тенденция научного осознания и признания того, что вера в сверхъестественные силы достаточно примитивна и не нуждается в дополнительном разъяснении. Кроме того, она порой содержит антисоветскую направленность, противоречащую социалистическим идеалам, являясь уделом немногих, «заблудившихся» людей.

Вития «полезной» и «востребованной» и уже не скрывается в испуганных душах людей, а приобретает статус «вечного» и «ведущего» начала, становится «символом опоры». В 1993-1994 годах вера трансформируется в символ «молитвы» «живой», «активной» и «постоянной», которая «смягчает» душу, «помогает» и «спасает».

С начала 1990-х годов вера переживает «второе рождение», «восстанавливается», она стано-

2000-е годы представляют обширный простор для поиска себя, своей идентичности, «ке-

лейного» приложения веры, «осознанного воцерковления».

С 1993 года священники выходят из тени общества, и, благодаря их «стараниям», народ приходит к религиозной вере. Постепенно раскрывается сущность религиозной веры, происходит континуальное становление фигуры священнослужителя в обществе. Вера как социокультурный феномен начинает набирать силу, о ней пишут и рассуждают как о позитивном явлении, оказывающим «благодарное» воздействие на человека, общество. В 1996 году чаще освещаются события светского и политического характера, и категория «вера» становится менее актуальной вплоть до 1998 года.

В 2008 году вера доходит до определенного максимума своего роста, когда общество осознает ее необходимость и необходимость соблюдения некоторых требований, предъявляемых верой. Священники вместе с верой получают некоторую власть над людьми и теперь являются почетными и уважаемыми членами общества.

Священники. Мы должны особо подчеркнуть тот факт, что негативная коннотация по поводу сущности священнослужителей и их религиозной деятельности в середине 1980-х гг. обусловлена преобладанием публикаций, в которых освещались религиозные отношения в других

странах (в основном капиталистических). Отсюда и доминирующая отрицательная тенденция: «экстремисты – религиозные – пропагандируют», «Папа – встревоженный – боится», «предатели в рясах – политические – противостоят» и т.д.

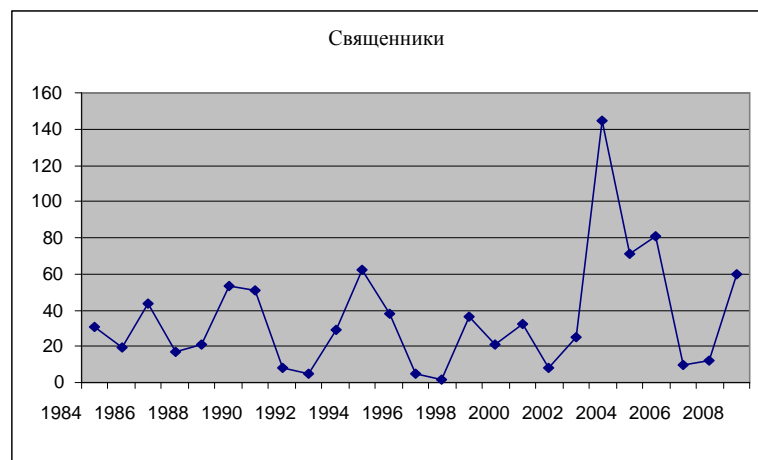
На пике холодной войны эта реакция прессы была достаточно очевидной и предсказуемой. Влияние Запада на количество и содержание публикаций о религии в данном информационном источнике продолжалось до 1988 года. С этого времени служители культа становятся «образованными», «достойными», «преданными». Они «возмущаются» и «осуждают» социальные пороки, и даже «просвещают».

К середине 1990-х годов священники становятся поистине духовными «экспертами», консультантами и наставниками для людей, испытывающих тягу в духовном наставничестве. Священники «добродушные», «праведные» и «мудрые», «объясняют» природу вещей и «осуждают» человеческие пороки и грехи.

В обширном диапазоне синонимов появляются следующие альтернативы формализованному слову «священник»: «батюшка», «владыко», «отец», который бывает «суров» и может открыто говорить о недоверии действиям власти.

Диаграмма 4

Частота упоминаний категории «священники» за период с 1984 по 2008 г.

Верующие. В 1980-е гг. все, что было связано с верованиями на территории СССР, является сознательным выбором советских граждан, демонстрирующих при этом лояльность советскому режиму, патриотизм и любовь к отчизне. На страницах газет отмечалось, что верующие в советской стране (то есть граждане СССР) – достаточно «честные» и «добропорядочные» люди, которые «подчиняются» закону и являются «патриотами» своей страны.

В то же время данная тема в 1984 году представлена преимущественно в негативном свете (60% публикаций, связанных с религией, носят проблемно-осуждающий характер) за счет критики деятельности западных миссионеров.

Данная тенденция продолжалась и в 1985-1987 годах. В поле зрения все те же доминирующие триады: превосходства атеистического мировоззрения («атеисты – свободные – борются за мир»), осуждение подрывной деятельности

Запада («экстремисты – религиозные – разжигают»), лояльность к власти и приверженность советским идеалам российских верующих («христиане – патриотичные – сотрудничают»).

Еще один переломный момент в отношении категории «верующие» наступает в 1988 году. Рейтинг упоминаемости данной идеологемы в материалах СМИ с этого времени начинает стремительно расти, достигая своей наивысшей позиции к началу 1990-х годов. В этот период все смысловые категории трансформируются в свои противоположности (в частности, позитивно маркированные идеологемы, связанные с атеизмом, переходят в разряд девиации): атеистическое мировоззрение подвергается остракизму, а религиозное убеждение отождествляется со здравым смыслом. Теперь мы наблюдаем, что «атеизм – научный – опровергается», «граждане – свободные – выбирают», а «молодежь – продвинутая – обращается к церкви».

В 1989-1990 годах в публикациях доминируют «горячие» новостные материалы о проблеме отношений Киевского Патриархата с Московским. Описаны случаи самовольного захвата церковей и активного сопротивления униатов. Вместе с тем, в целом, позиция советских верующих полна оптимизма: «миряне – невинные

– реабилитируются», «народ – верующий – возвращается к Богу» и т.п.

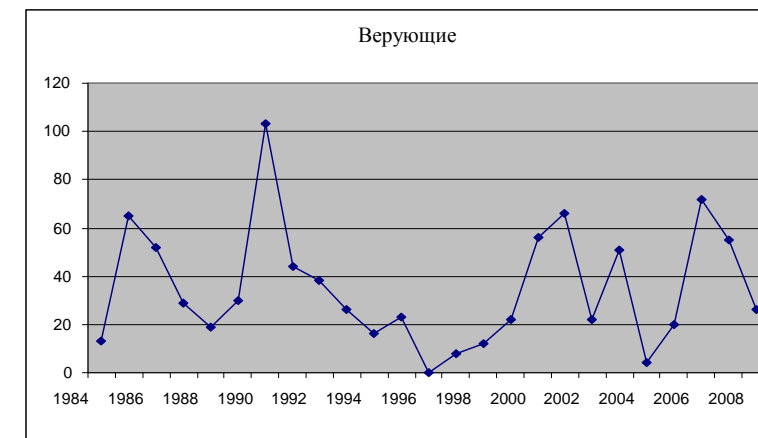
В 1991 году впервые фиксируется оценка свободной деятельности представителей так называемых «новых религиозных движений». В большей степени – это негативная оценка, характеризующая отношение общества к «инородным» нетрадиционным проявлениям. Однако этих публикаций значительно меньше в начале последней декады прошлого века. Тема «новой волны» сектантства актуализируется лишь со второй половины 1990-х. В начале дискурса – «сектанты – продажные – сотрудничают» (1991), в середине – «сектанты – фанатичные – бесчинствуют» (2001), в конце – «протестанты – сомневающиеся – не верят» (2007).

1994-1998 гг. для России стали периодом коренного реформирования как политической, так и экономической сфер жизни общества. В стране разворачивается кризис, в высшем руководстве страны происходит «дележ» власти. Складывается впечатление, что религия и духовное состояние общества отходят на второй план.

К 2007 году понятие «верующий» радикально трансформируется, приобретая качественно иные содержательные краски: верующие стали позиционироваться как люди достаточно «выносливые» и «терпимые».

Диаграмма 5

Частота упоминаний категории «верующие» за период с 1984 по 2008 г.

Церковь. В процессе анализа материалов газеты «АиФ» было выявлено, что самым большим количеством упоминаний отличается крупнейшая в нашей стране конфессия – Православие и, соответственно, самая многочисленная (по количеству адептов) религиозная организация – Русская православная церковь Московской Патриархии.

Обострение в 1984 году отношений между СССР и капиталистическим Западом дает церкви достаточно высокий рейтинг упоминаемости

(хотя и почти наполовину (45%) в негативном, проблемно-осуждающем смысловом контексте), который держится еще несколько лет.

В 1988 году РПЦ празднует юбилейную дату, создается благоприятная почва для создания новых церковных общин и открытия религиозных центров в дидактических целях. 1990 год «знаменит» использованием отдельными советскими представителями власти религии в выборных технологиях; здесь появляется доминирующая триада: «партия – православная – завоевывает».

кращения государственного долга и расходной части бюджета. Приватизация же предполагала передачу подавляющего большинства государственных предприятий частным собственникам» [11, с. 165]. В целях реализации данной стратегии, летом 1991 г. были приняты законы «О приватизации государственных и муниципальных предприятий в РСФСР» и «Об именных приватизационных счетах и вкладах в РСФСР». В декабре 1991 г. указом Президента РФ были утверждены «Основные положения Программы приватизации государственных и муниципальных предприятий в РФ на 1992 г.», а в январе 1992 г. ряд подзаконных актов регламентирующих процедуру приватизации. В результате, программная приватизация стартовала уже в январе 1992 г. [3, с. 213]. В это же время было объявлено о либерализации цен. С 1992 г. экономические реформы в России стали проводиться без какого-либо государственного регулирования, по методу «шоковой терапии». Итоги данных преобразований в экономике плачевны. А.Н. Данилов отмечает, что «внешняя задолженность России в 1995 г. составила 94,2 млрд. дол., или 25,4 % валового национального продукта. (...) К 1995 г. ВВП России сократился на 47% от уровня 1990 г. Объем промышленной продукции уменьшился в 2 раза, а сельскохозяйственной продукции – на 25%. Резко уменьшилась инвестиционная активность, объем капиталовложений с 1991 по 1994 г. уменьшился на 61%. (...) Самый сильный урон понесли обрабатывающая промышленность (легкая, текстильная, обувная), наукоемкие и высокотехнологичные отрасли (спад до 70%). Многие предприятия машиностроения, лесной промышленности и промышленности производства стройматериалов практически остановились» [3, с. 218-219]. По сведениям И.И. Арсентьевой, к 1998 г. по сравнению с 1991 г. промышленное производство сократилось на 55%, сельскохозяйственное производство – на 44%, ВВП – на 42%. Средняя степень изношенности промышленного оборудования превысила 53% [1, с. 92]. М.И. Козин указывает, что падение сельскохозяйственного производства в России до дефолта 1998 г. было почти в 2 раза, в основном за счет разрушения крупнотоварного коллективного сектора. 88% предприятий к этому времени стали убыточными из-за диспаритета цен [5, с. 244]. Таких темпов спада в мирное время не знала ни одна страна. Ситуация в экономике, по данным социологических исследований первой половины 1990-х гг., оценивалась как находящаяся на грани катастрофы [4, с. 13]. Неудивительно, что многие

отрасли экономики так и не смогли оправиться от непрофессиональных подходов инициаторов рыночных реформ к экономическому строительству.

В результате проведенных преобразований существенно осложнилось финансово-хозяйственное положение предприятий. Многие из них не смогли плавно и безболезненно перейти на рыночные отношения, они, скорее, решают проблему выживания, чем развития. Показательно в этом отношении число убыточных предприятий. Только в 1996 г. их количество выросло почти вдвое «более 40% в конце 1996 года к общему числу предприятий по сравнению с 26,8% на первое января 1996 года» [8, с. 124]. В январе 2012 г. доля убыточных предприятий в РФ составила 34%, отмечалось снижение на 3,1% по сравнению с январем 2011 г. Тем самым, количество убыточных предприятий в России внушительно, даже, несмотря на наметившуюся тенденцию к его уменьшению. Сталкиваясь с рядом проблем, многие предприятия нуждаются в государственной поддержке.

Мы поинтересовались мнением респондентов: «В какой форме государство должно оказывать поддержку предприятиям?». Анализ показал, что фактически все предложенные в анкете варианты находят отклик у респондентов, но наиболее предпочтительными формами поддержки являются создание благоприятного инвестиционного климата и обеспечение доступности кредитов. Значительные показатели в результате анализа выявились и по вариантам: предоставлять государственный заказ, субсидировать социально значимые предприятия, предоставлять налоговые льготы. Сомнение вызвали такие формы, как обеспечивать рыночной информацией, обучать персонал и, особенно, участвовать в капитале предприятий. Мнения по последнему варианту существенно разделились, однозначно против выступили исполнительные и муниципальные элиты Бурятии и Тывы, а также законодательная/представительная элита Саха (Якутии).

Весьма важные моменты были указаны в графе «другое», которая была предложена респондентам в данном вопросе анкеты. Так, приводилось справедливое уточнение, что не всем предприятиям нужно помогать. Поддерживая же отдельные предприятия, государство, по мнению политической элиты Саха (Якутии), должно разработать механизм их участия в развитии социальной сферы, реализации социальных программ на определенной территории, причем преимущественно за счет прибыли предприятий.

Их место занимают «эксперты» идеационального уровня, конституирующие ретроспективу «нового» социального порядка. В 2000-е годы русская православная церковь служит идеологическим механизмом в руках постсоветской власти.

Бог. Категория «бог» в 1990-х годах стала беспрекословно признаваться как нечто реальное, существующее. Прежде дискуссии по поводу природы бога и его влияния на мир профанного и сакрального на страницах газеты «АиФ» зафиксированы не были. Последняя декада анализируемого периода (2000-е годы) ознаменовалась целым каскадом бифуркации: в течение всех этих лет тема «веры в бога» продолжает оставаться популярной, особенно это заметно перед религиозными праздниками.

Вера. В 1980-е годы вера является делом небольшого числа запутавшихся в жизни людей. 1990-е знаменуются «массовизацией влечения»: «вера – модное направление». Последняя декада исследуемого периода: приходит осознание, что вера это не только и не столько «развлечение духа», сколько серьезное «келейное правило» в духовной жизни верующего, обусловленное целым рядом требований и предписаний.

Священники. В 1980-е годы священники – это, в основном, отстраненная от общества группа населения, ведущая свой «странный» и «закрытый» образ жизни. В 1990-е годы – это уже группа «компетентных» людей, помпезно проводящих «модные» церемонии и церковные праздники. В 2000-х годах: с 2003 г. – группа «экспертов», обладающих почти безукоризненным опытом и компетенцией в вопросах религии и веры, их мнение вызывает интерес у большинства граждан, они часто выступают в роли интервьюируемых; с 2008 года – социальная группа, способная задавать тон и контролировать мнение отдельных социальных групп.

Верующие. В 1980-е годы верующие представляют собой дискретную малочисленную социальную группу населения СССР, присутствует постоянная референция к верующим нашей страны и верующим других стран. 1990-е годы характеризуются колоссальным разнообразием трансформаций религиозной личности, переходными состояниями, вызревает роль так называемых «воцерковленных». 2000-е годы: группы паломников ищут утешения и покоя в святых местах, усмиряют свои «грешные» души «где-то вдали от города», от «мирской суеты», политики

и руководство страны открыто идентифицируют себя как верующие.

Церковь. В 1980-е годы происходит формирование смыслов, функциональной необходимости церкви как социального института. «Перестройка» ознаменовала новый период в легализации церковной жизни: тема религии становится все более открытой, церковь вступает в активный диалог с обществом. Церквям возвращаются утраченное имущество и храмы, власти больше не ограничивают церковь в проведении религиозных культов и обрядов. Этот процесс продолжается и в 1990-е годы. «Нетрадиционные» церкви к концу тысячелетия рассматриваются в контексте негативного дискурса: «секты» – «процветают», «парализуют волю», «затуманивают разум», «заставляют страдать». В 2000-е годы в лице РПЦ категория «церковь» становится «неотъемлемой частью» общественной жизни России: «поддерживается государством», «демократизируется», «исцеляет от болезней», «осуждает (верующих) за (их) грехи», «возвращает недвижимость» и «занимается бизнесом».

Литература

1. Robertson R. Globalization: Social Theory and Global Culture. – London: Sage, 1992; Beyer P. Religion and Globalization. – London: Sage, 1994; Robertson R., Chirico J. Humanity, Globalization, and Worldwide Religious Resurgence, in Lechner F.J. and Boli J. (eds) The Globalization Reader. – Oxford: Blackwell Publishing Company, 2003. – pp. 93-98.
2. Religion, Globalization, and Culture (International Studies in Religion and Society). Edited by Peter Beyer and Lori Beaman. – Brill, 2007. – P. 600.
3. Филатов С. Образы православия и протестантизма в светских СМИ: благолепие и уродство. [Электронный ресурс] // Русское Ревью Кестонского Института [сайт]. – 2006. – Февраль. URL: <http://www.keston.org.uk/russia/articles/feb2006/03Images.htm> 1 (дата обращения: 20.04.2012).
4. Церковь и СМИ: где источник противоречий? [Электронный ресурс] // Вода Живая: Санкт-Петербургский церковный вестник / Официальное издание Санкт-Петербургской епархии Русской православной церкви [сайт]. – 2007. – № 11. URL: <http://old.aquaviva.tmweb.ru/archive/2007/11/305.html> (Дата обращения: 20.04.2012).

Баев Павел Анатольевич, кандидат социологических наук, доцент Института социальных наук Иркутского государственного университета, г. Иркутск, e-mail: pbayov@mail.ru.

Bayov Pavel Anatolievich, candidate of sociological science, associate professor, Institute of Social Sciences, Irkutsk State University, Irkutsk, e-mail: pbayov@mail.ru.

ДИНАМИКА РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ В ОЦЕНКАХ РЕГИОНАЛЬНЫХ ПОЛИТИЧЕСКИХ ЭЛИТ

В статье раскрываются ценностные ориентации политических элит республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва, касающиеся современной динамики развития России. На основе данных эмпирических исследований дается характеристика экономической сферы российского общества. Полученный материал позволяет выявить проблемы и перспективы развития России на современном этапе.

Ключевые слова: политическая элита, российские регионы, ценностные ориентации, динамика развития России, сферы общества.

V.M. Ochirova

THE DYNAMICS OF THE RUSSIAN ECONOMIC DEVELOPMENT IN THE REGIONAL POLITICAL ELITE EVALUATIONS

The valuable orientations of political elite of the republics of Buryatiya, Sakha (Yakutia), Tyva, concerning modern development dynamics are studied in the article. On the basis of empirical researches data the characteristic is given to economic sphere of the given republics. The material allows revealing the problems and prospects of Russia's development at the present stage.

Key words: political elite, Russian regions, valuable orientations, dynamics of development, society sphere.

В постсоветский период произошли масштабные изменения во всех сферах российского общества. Их реализация является результатом эволюции взглядов политической элиты, ее ценностей, которые обусловили выбор новых целей и способов их достижения. Предпочтения лиц, находящихся на вершине социальной иерархии, требуют постоянного и всестороннего изучения, так как позволяют лучше понять их действия, смысл и мотивацию современных преобразований. В данной связи, в 2009-2010 гг. автором было проведено анкетирование, в ходе которого опрошено 618 человек, представляющих исполнительные, законодательные / представительные и муниципальные органы власти республик Бурятия, Саха (Якутия), Тыва; для проведения анализа отобрано 576 анкет. Осуществив анализ анкетных данных, выясним отношение элит к динамике развития экономики России.

Материалы показали, что самой проблемной сферой общественной жизни в России была единодушно признана экономика, ее современное состояние не удовлетворяет подавляющее большинство представителей республиканских политических элит. В анкете мы предложили респондентам определить наиболее проблемные отрасли экономики. Результаты их выбора отражены в таблице 1.

Как следует из таблицы 1, представители всех республиканских политических элит считают, что наибольшие проблемы отмечаются в развитии сельского хозяйства. Действительно, несмотря на то, что Россия обладает большими возможностями (огромными сельскохозяйственными угодьями, лучшими в мире черноземами и т.д.), в данной отрасли существует ряд негативных явлений [13]: сокращение объемов пашенных земель и выведение их из сельскохозяйственного оборота, разрушение животноводческих комплексов, неразвитость сельского производства, слабая техническая оснащенность крестьянских подворий, засилье импортных сельскохозяйственных продуктов, снижение количества прибыльных хозяйств (к 2005 г. до 66,5% [5, с. 244]) и др.

Органы власти, впрочем, придерживаются другой позиции. Так, Минэкономразвития России считает, что состояние сельского хозяйства, в целом, стабильно и даже отмечаются позитивные моменты. По его оценке, в 2011 г., например, наблюдался прирост производства продукции сельского хозяйства на 22,1% к уровню соответствующего периода 2010 г. По данным Росстата, в 2011 г. значительно увеличился валовой сбор зерна (на 54,1% больше уровня прошлого года), картофеля (на 54,4%), овощей (на

21,1%), сахарной свеклы (в 2,1 раза), подсолнечника (в 1,8 раза), льноволокна (на 22,7%) и т.д. Увеличилось и поголовье крупного рогатого скота в хозяйствах – на 0,5% больше уровня 2010 г. Указанные данные, безусловно, внуши-

тельны, однако они обусловлены увеличением роста урожайности и убранных площадей, что было невозможно в засушливом 2010 году [10]. В сравнении же с предшествующими периодами эти данные весьма скромные.

Таблица 1

Распределение ответов на вопрос: «Развитие какой отрасли экономики Вам представляется наиболее проблемным?» (в %)

Вариант ответа	Бурятия			Саха (Якутия)			Тыва			Данные по общему массиву опрошенных		
	вид элиты			вид элиты			вид элиты			Бурятия	Саха (Якутия)	Тыва
	исполнительная	законодательная/представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная/представительная	муниципальная	исполнительная	законодательная/представительная	муниципальная			
тяжелая промышленность	7,1	12,5	11,5	8,3	10,3	-	10,3	12,5	12,5	10,3	6,7	11,8
легкая промышленность	10	8,9	11,5	-	8,8	-	10,3	-	8,9	10,3	3,1	6,2
химическая промышленность	7,1	-	-	-	5,9	-	-	-	-	2,4	2,1	-
пищевая промышленность	7,1	8,9	-	-	5,9	-	-	-	-	4,9	2,1	-
лесная промышленность	-	10,7	11,5	-	7,3	-	10,3	10,9	16,1	7,4	2,6	12,4
машиностроение	18,7	16,1	12,9	19,5	22,1	25,9	-	10,9	10,7	15,7	22,1	7,3
сельское хозяйство	24,3	30,4	16,7	41,6	26,5	48,2	45	37,6	32,2	23,1	38,1	38,2
финансово-кредитная сфера	8,6	12,5	12,9	19,5	13,2	18,5	10,3	15,6	7,1	11,3	17	11,2
другая	-	-	11,5	-	-	-	13,8	12,5	12,5	4,4	-	12,9
затрудняюсь ответить	17,1	-	11,5	11,1	-	7,4	-	-	-	10,2	6,2	-

Помимо сельского хозяйства, по мнению политических элит, есть существенные проблемы и в развитии машиностроения, лесной промышленности, финансово-кредитной сферы, тяжелой промышленности. В числе других отраслей были названы дорожное хозяйство, износ инфраструктуры, ЖКХ, энергетика, строительство. Со сравнительно меньшими проблемами, по мнению опрошенных, сталкиваются химическая и пищевая промышленность. Вместе с тем, следует отметить, что респонденты часто выбирали более одного варианта ответа. Они указывали, что в современной России развитие всех отраслей экономики достаточно проблематично. Связано это, на наш взгляд, с негативными последствиями преобразований начала 1990-х гг., ко-

торые привели к ухудшению положения дел буквально во всех сферах жизни общества.

Как известно, в конце 1980-х гг. была разработана стратегия эффективных рыночных реформ (так называемый «Вашингтонский консенсус»), включавшая в себя три ключевых элемента, сущность которых состояла в следующем: «либерализация представляла собой устранение государственных ограничений на свободное ценообразование и другие проявления рыночного поведения: свободу международной торговли, свободное движение капиталов, полную конвертируемость валюты и пр. Стабилизация подразумевала снижение инфляции и улучшение финансового положения государства посредством проведения строгой монетарной политики, со-

2. Горшков М.К. Россия: двадцать лет спустя (некоторые аспекты социологического анализа реформирования общества) // Власть. – 2011. – № 12. – С. 11-22.
3. Данилов А.Н. Переходное общество: проблемы системной трансформации. – Минск: ООО Харвест, 1998. – 432 с.
4. Дискин И.Е. Элиты как субъекты российских реформ // Вестник Московского университета. Сер. 12. Политические науки. – 1996. – № 1. – С. 10-17.
5. Козин М.И. Российский политический процесс: социально-философские аспекты. Ин-т соц.-полит. исслед. РАН. – М.: Наука, 2008. – 326 с.
6. Крыштановская О.В. Бюрократия и власть в новой России: позиции населения и оценки экспертов (аналитический доклад подготовлен в сотрудничестве с Представительством Фонда им. Фридриха Эберта в РФ) [электрон. ресурс]. – М., 2005 // Доступно из URL: <http://www.isras.ru>.
7. Кудрярова Н.Ю. Идеино-политические ориентации элитных групп // Мир России. – 1995. – Т. 4, № 3/4. – С. 25-45.
8. Лексин В.Н., Швецов А.Н. Государство и регионы: теория и практика государственного регулирования территориального развития. – М.: ЛИБРОКОМ, 2009. – 368 с.
9. Лукин А.В. Демократизация или кланизация? (взгляды западных исследователей на перемены в России) // Политические исследования. – 2000. – №3. – С. 61-80.

10. Мониторинг об итогах социально-экономического развития Российской Федерации в 2011 году [электрон. ресурс] // Доступно из URL: http://www.economy.gov.ru/wps/wcm/connect/economylib4/mer/activity/sections/macro/monitoring/doc20120202_05.
11. Павроз А.В. Группы интересов и трансформация политического режима в России. – СПб.: Изд-во С.-Петерб. ун-та, 2008. – 360 с.
12. Тарасов Ю.С. Политическая элита Республики Саха (Якутия): социальные механизмы формирования: автореф. дис. ... канд. социол. наук. – М., 1996. – 23 с.
13. Шевелуха В.С. Диагноз состояния сельского хозяйства в России: глубокий кризис, ведущий к голоду и катастрофе! Что же делать? [электрон. ресурс] // Доступно из URL: <http://kprf.ru/ruso/66812.html>.

Очирова Виктория Мункоевна, кандидат политических наук, докторант кафедры философии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: ochirova.v@yandex.ru.

Ochirova Victoria Munkoevna, candidate of political science, doctoral degree student, department of philosophy, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: ochirova.v@yandex.ru.

УДК 327 (470) (517.3)

© Б.С. Будаев

ТРАНСГРАНИЧНЫЙ КРИЗИС ИДЕНТИЧНОСТИ: О ПЕРСПЕКТИВАХ «ВОЗВРАЩЕНИЯ» РОССИИ В МОНГОЛИЮ

*Исследование выполнено при поддержке гранта РГНФ в рамках научно-исследовательского проекта РГНФ «Возвращение» России в Монголию: модели и сценарии» номер 12-23-03002

В этой статье автор рассматривает особенности кризиса политической идентичности в российских регионах. Оценивая перспективы выхода из этого кризиса, автор оценивает состоятельность новых макрополитических принципов идентичности на пространствах Сибири и российско-монгольского приграничья.

Ключевые слова: региональная идентичность, политическая культура, региональные политические институты, приграничье, Монголия.

B.S. Budaev

TRANSBORDER IDENTITY CRISIS: THE PROSPECTS OF A «RETURN» OF RUSSIA TO MONGOLIA

In this article the author considers the features of the crisis of political identity in the Russian regions. Evaluating the prospects for this crisis, the author estimates the viability of new principles large political identity of Siberia and the Russian-Mongolian border regions.

Key words: regional identity, political culture, regional political institutions, border areas, Mongolia.

Кризис политической идентичности в России сегодня стал одним из наиболее острых и обсуждаемых в экспертной среде. После распада СССР Россия столкнулась с задачей конструирования новой формы политической идентичности, которая была осложнена множеством проблем. По четкому замечанию О.Ю. Малиновой основными проблемами конструируемой обще-

российской идентичности стали: неопределенность границ внутри конструируемого сообщества, широкое число социальных расколов характеризующих современное российское общество, а также и место и роль «значимых Других» в контексте развития системы международных отношений. Стратегия построения идентичности на основе «гражданской российской нации» ак-

Кроме того, были высказаны и некоторые пожелания. Например, представители политической элиты Тывы призывали ослабить контролируемые функции государства над малым бизнесом. Они обращали внимание на несовершенство современной бюрократической «машины», неоправданно большое количество контрольных ведомств, в результате чего самым сложным сегодня является пройти барьер чиновничества. Таким образом, государство обязательно должно оказывать поддержку предприятиям, в первую очередь путем создания благоприятных условий для их развития.

Сложившаяся за годы преобразований новая экономическая реальность вызывает крайне противоречивые отклики у общественности, особенно это касается итогов массовой приватизации. Во время ее проведения гражданам были бесплатно выданы 148 млн приватизационных чеков (ваучеров), из которых 98% были вложены в акции 21,3 тыс. предприятий [3, с. 215]. Однако в результате приватизации большинство россиян, как оказалось ожидаемо, в реальных собственниках не превратились, они остались ни с чем. Как откровенно заметил А.Б. Чубайс в 1994 г.: «Мы никогда не ставили перед собой задачу сделать каждого гражданина собственником, главная задача – дать каждому возможность стать собственником» [7, с. 28]. Такой возможностью, как известно, воспользовались лишь незначительное число лиц, называемое сегодня бизнес-элитой, которые в короткий срок баснословно обогатились, так как самые прибыльные государственные предприятия были проданы по ценам значительно ниже рыночных. В частных руках оказались такие базовые отрасли экономики как добыча и переработка нефти и газа, выработка алюминия, машиностроение, энергетика, банковская система и др. Подобный исход приватизации позволил преимущественно отрицательно оценивать данное мероприятие. Если в начале 1990-х гг. тех, кто против приватизации было не много, то к середине 1990-х гг. они составляли большинство, причем в различных социальных группах. Так, согласно исследованию И.Е. Дискина, в 1993 г. подавляющая часть респондентов при определении своего отношения к результатам приватизации выбирала вариант «создание условий для эффективной экономики», а в 1994 г. уже вариант «разграбление народного достояния» [4, с. 14]. Что касается иностранных экспертов, то они однозначно оценивали приватизацию как «мошенничество де-факто» (Дж. Миллар), «последнюю распродажу» (Ч.Фэрбэнкс) и т.п. [9]. Основные пункты

западной критики экономических реформ в России заключались в следующем: 1) приватизация была проведена слишком быстро, без соответствующей подготовки и не в интересах большинства (А.Браун, М.Голдман); 2) экономические реформы не сопровождались соответствующими реформами политической и правовой систем; 3) российские реформаторы подходили к ситуации в экономике своей страны, руководствуясь абстрактными догмами (Ж.Сапир); 4) реформы сопровождались коррупцией и расслоением общества в масштабах, неприемлемых для современного Запада. Так, американский ученый М.Голдман утверждал, что в России отсутствовали необходимые институты, инфраструктура, культурные традиции для реализации программы приватизации, они были уничтожены советской властью. Шоковая терапия, по его мнению, должна была проводиться в два этапа: 1) восстановление институциональных и других условий для рынка; 2) реализация рыночных реформ. Соответственно, главной причиной неудачи приватизации в России, по мысли М.Голдмана, стал постулат ее разработчиков, согласно которому россияне будут реагировать на стимулы рынка так же, как «homo economicus» во всем мире, так как не существовало тогда русского «экономического человека». В итоге, слишком быстрая приватизация разрушила российскую экономическую систему и вместо общества с множеством независимых, конкурирующих между собой предпринимательских структур создала общество, управляемое в интересах немногих [9, с. 62-63]. Французский специалист по российской экономике Ж.Сапир считал, что основной причиной провала реформ в России было то, что реформаторы перенесли на свою страну модели экономик, уже располагавших рыночными структурами, при этом, не понимая того, как реально функционирует их собственная экономика. В результате, использованные ими монетаристские методы, которые могли дать положительные результаты в другой хозяйственной системе, в России давали весьма неожиданные результаты [9, с. 65-66]. В целом, большинство иностранных исследователей уверены, что программа ускоренной приватизации была наиболее сомнительной частью ельцинских экономических реформ.

Новая экономическая реальность вызывает крайне противоречивые отклики и у лиц, профессионально занимающихся деятельностью в сфере власти и управления. Многие из них, не считая произошедшие перемены позитивными, предпочли бы внести коррективы в экономиче-

ское развитие России. В данной связи респондентам было предложено определить свою позицию в том, как нужно строить экономику нашей страны: на основе государственной или частной собственности. Исключительно или преимущественно на основе государственной собственности, по мнению анкетированных, следует развивать тяжелую промышленность, машиностроение, химическую промышленность, лесную промышленность. Исключительно или преимущественно на основе частной собственности – легкую промышленность, сферу услуг и торговлю, пищевую промышленность. Наравне с государственной и частной собственностью – сельское хозяйство и финансово-кредитную сферу. Также часть респондентов высказалась и за развитие на данных принципах легкой и пищевой промышленности. Тем самым, по мнению большинства анкетированных, в основу российской экономики должна быть заложена не одна форма собственности, а сосуществование государственной и частной форм собственности внутри фактически каждой отрасли, то есть предпочтительным является смешанный вид экономики. Вместе с тем анализ показал, что республиканские политические элиты, понимая ценность и возможности частной формы собственности, тем не менее, тяготеют в сторону государственной стратегии развития экономики и абсолютно обоснованно считают необходимым сохранение ключевых отраслей экономики в собственности государства. Эту же тенденцию фиксируют и другие исследования. Результаты опросов И.Е. Дискаина, проведенные в первой половине 1990-х гг., показали, что респонденты склонялись к таким моделям социально-экономического устройства, когда государство полностью или частично регулирует различные секторы экономики [4, с. 15]. О.В. Крыштановская в начале 2000-х гг. определила главное требование россиян – вернуть государство в большинство областей и сфер жизни общества. Государственное управление и контроль в стратегических отраслях экономики (электроэнергетика, транспорт и связь, ВПК и др.) «скорее полезны» по мнению 98,4% государственных служащих РФ и 97,1% населения [6]. По данным социологических исследований М.К. Горшкова, с 1994 г. по 2011 г. россияне при определении типа государства в наибольшей степени отвечающего интересам России неизменно выбирали вариант «государство, которое восстановит государственный сектор экономики, одновременно расширив частные экономические и политические возможности граждан». Все стратегиче-

ские отрасли народного хозяйства, по их мнению, должны находиться под контролем государства, а частное управление различными организациями должно обязательно совмещаться с государственным контролем. Тем самым, в основе оптимальной экономической модели страны должна лежать смешанная экономика с ведущим государственным сектором [2, с. 19-20]. Иного мнения, согласно данным нашего исследования, как правило, придерживаются представители молодого поколения, что вполне естественно, так как они, более знакомы с реалиями постсоветской России, в большинстве своем настроены на рыночное устройство общества и частную собственность как основу экономических отношений. Неожиданное значительное стремление к частной форме собственности выразили представители политической элиты Республики Бурятия, что отразилось в выборе соответствующих вариантов ответа на большинство предложенных в анкете пунктов, а иногда и на абсолютно все. По их мнению, исключительно или преимущественно на основе частной собственности необходимо развивать многие отрасли экономики, в том числе сельское хозяйство и финансово-кредитную сферу. Заметим, что и политическая элита Республики Саха (Якутия) в середине 1990-х гг. склонялась к рыночным (57%) и либерально-рыночным (31%) моделям [12, с. 21]. Подобные, весьма спорные, на наш взгляд, мнения можно объяснить составом постсоветской политической элиты, в котором ведущим сегментом, как известно, является бизнес с присущими ему ценностными ориентациями, характеризующимися стремлением в указанном направлении.

Завершая экономический блок вопросов, мы логично спросили у респондентов «Что необходимо предпринять для развития экономики?». Большинство представителей политической элиты Республики Бурятия разделилось между вариантами «развивать малый бизнес» и «способствовать увеличению инвестиционного потока» (по 23%). Элиты Саха (Якутии) и Тывы единодушно высказались за совершенствование законодательства в данной области (соответственно 27,3% и 25,3%). Значителен показатель и по варианту «обеспечить стабильность политической ситуации в стране»: в Бурятии – 18,6%, в Саха (Якутии) – 15,5%, в Тыве – 21,3%. Менее всего выбирались такие ответы, как «активно развивать торговые связи» и «повышать цены на экспортируемые товары и сырье». Были предложены и другие меры по развитию экономики: Бурятия – установить заградительные пошлины,

отменить грабительскую приватизацию и вернуть в собственность государства стратегические отрасли экономики; Саха (Якутия) – диверсифицировать экономику, создать новые производства, возродить село за счет увеличения государственных дотаций на производимые сельскохозяйственные продукты, провести национализацию полезных ископаемых и стратегических отраслей экономики; Тыва – вкладывать финансовые средства в реальное производство, перенять опыт западных стран и обязательно проводить дотацию сельского хозяйства, увеличить финансовые вливания в сельское хозяйство, способствовать внедрению инновационных технологий в каждую отрасль экономики, установить монополию государства на алкоголь, табак и лекарства, национализировать добывающие экономические отрасли.

В перечисленных мерах нельзя не заметить две «болевые» точки. Во-первых, это развитие сельского хозяйства, на которое вновь обращают внимание представители республиканских политических элит. Являясь самой проблемной отраслью экономики России, оно требует незамедлительных мер со стороны государства в первую очередь в виде, как следует из наших данных, увеличения финансирования и дотаций. Руководство страны призывают проанализировать западный опыт, хотя, на наш взгляд, много ценного можно почерпнуть и в российской истории, особенно периода СССР, и инициировать ряд необходимых для отрасли действий [13], что позволит не только поднять сельское хозяйство, но и возродить село. Во-вторых, во всех регионах отчетливо наблюдается стремление вернуть в государственную собственность стратегические отрасли экономики, в первую очередь добывающие. Данное желание, по нашему мнению, абсолютно обоснованно и присутствует у каждого здравомыслящего россиянина. Результаты различных исследований показывают, что большая часть населения России крайне негативно относится к приватизации, в обществе сложилось «консенсусное» неприятие ее итогов. Вызывает глубокое недоумение и острое неприятие сложившаяся в стране ситуация, когда «львиная» доля доходов от функционирования отдельных отраслей экономики, которые постоянно преподносятся нам как «национальное достояние», приводит к сверхобогатению узкой группы людей, а не к благосостоянию всего российского народа. Представляется, что данная ситуация неприемлема и требует кардинального пересмотра. Однако логика происходящих в России событий подсказывает, что изменений в

этом вопросе не будет. Дело в том, что бизнес и власть в лице В.В. Путина заключили между собой своего рода соглашение: «государство отказывалось от пересмотра результатов приватизации в обмен на отказ бизнеса от самостоятельного участия в политическом процессе» [11, с. 236]. Действительно, большинство представителей крупного бизнеса добровольно, либо принудительно, подчинились Президенту России. Они отстранились (по выражению В.В. Путина «равноудалились») от выработки важнейших государственных решений, безоговорочно принимают и активно воплощают в жизнь курс Кремля, финансируют все предложенные властью проекты, демонстрируя тем самым свою лояльность по отношению к власти. Безусловно, такое поведение, учитывая получаемые представителями бизнеса сверхдоходы от приватизированного имущества, выгодно и целесообразно. Тем не менее, мы солидарны с республиканскими политическими элитами, что современное управление экономикой является одной из главных проблем России. Поэтому для развития и подъема экономики необходимо изменить принципы управления данной сферой в сторону, как нам представляется, исключительно государственной собственности в стратегических отраслях.

Итак, проведенный анализ экономических предпочтений дает основание сделать заключение, что политические элиты республик Бурятия, Саха (Якутия) и Тыва не довольны современным состоянием экономики России. Указывая на то, что сегодня проблемы наблюдаются в развитии фактически всех отраслей экономики, наибольшую тревогу у них вызывает сельское хозяйство. Строить экономику страны, по их мнению, необходимо, как правило, на смешанной основе, совмещая государственную и частную формы собственности. В то же время отмечается стремление к сохранению государственной собственности в стратегических отраслях экономики. Число вариантов, необходимых для развития экономики обширно, однако, в первую очередь это совершенствование законодательства, увеличение инвестиционного потока и развитие малого бизнеса. Надеемся, что реализация этих мер позволит России занять достойное место в экономическом мировом сообществе.

Литература

1. Арсентьева И.И. Российские регионы в системе национальной безопасности. – М.: Восток-Запад, 2008. – 206 с.

целый спектр новых проблем связанных с процедурой согласования интересов.

В этой ситуации Президент РБ – В.В. Наговицын осуществляет назначение на пост заместителя председателя А.В. Полосина, одного из известных в России профессиональных политтехнологов. Изначально необходимость в новом заместителе председателя правительства активно пропагандировалась президентом, который возлагал на него большие надежды в деле решения вопросов напрямую касающихся согласования интересов политической элиты. Создавалось убеждение в том, что глава республики, найдя центрального организующего принципа и/или идею способную объединить разделенную политическую элиту Республики Бурятия, попросту пошел по пути наименьшего сопротивления, поручив дело профессиональному переговорщику и политтехнологу.

Вместе с тем, назначенный на пост заместителя председателя правительства А.В. Полосин проработал на своем посту менее чем полгода, и уже 8 октября 2010 ушел в отставку по собственному желанию¹. Уход в отставку А.В. Полосина, однако, не привел к ликвидации данного поста. Как отметил В.В. Наговицын, «... должность, с которой ушел А.В. Полосин, будет существовать, так как она на сегодня востребована. Кандидатуры на этот пост в республике пока нет, правительство Бурятии подбирает человека».

Вместе с тем, нельзя сказать, что внутреннее пространство приграничных регионов не может быть мобилизовано в принципе. Так, в Тыве довольно ревностно наблюдают за расширением доли присутствия Москвы. Стоит только вспомнить основные события, связанные с завершением срока полномочий Ш.О. Ооржака в 2007 году. Тогда федеральный центр инициировал процедуру обращения депутатов Верховного Хурала к Президенту РФ Владимиру Путину с просьбой о досрочной отставке главы правительства региона. Именно тогда Москва, по мнению экспертов, планировала отработать механизм назначения «варяга» на эту должность в национальной республике. Тогда местная элита сумела мобилизовать и вывести на улицы Кызыла более тысячи человек. Ситуацию удалось решить только благодаря твердому заверению федеральными агентами местных властей в том, что глава республики будет представлен «местным».

Политическая элита республики также далеко неоднозначно отреагировало на перспективу развития в округе горнодобывающей отрасли и развития системы железнодорожного снабжения обеспечивающую ее деятельность. Власти любыми возможными способами откладывали строительство железной дороги, справедливо полагая, что та разрушит традиционный уклад, и принципы региональной идентичности. В свое время в Тыве обсуждался вопрос о возможности отказа от строительства ее вообще, на протяжении всего 2009-2010 гг. речь шла о возможности проведения соответствующего референдума².

Процесс формирования политической идентичности жителей Республики Алтай, также на протяжении длительного периода развивался под влиянием идей «москворочества». Пик развития этой идеи консолидации приходится на период оценки последствий раскопок «Алтайской принцессы» [10]. История раскопок является очень запутанной, но смысл ее сводится к тому, что археологи, найдя отлично сохранившийся труп молодой женщины, перевезли его в Москву для проведения исследований. Местная интеллигенция крайне отрицательно отнеслась к данному факту, требуя возвращения ее на родину. В Горном Алтае после данного события прошла целая череда землетрясений, которые местные жители связывали с вывозом тела и раскопками. Уровень национального самосознания достигал высокого градуса³.

Для решения вопроса относительно восстановления Горного Алтая правительство РФ выделило тогда около 1500 млн. руб., которые до республики в полном объеме не дошли. Крайнее недовольство данным фактом выразил глава республики М.И. Лапшин, являвшийся тогда одновременно лидером партии АПР. Сам М.И. Лапшин тогда дал понять, что в случае отказа выделения средств в полном объеме, АПР выйдет из состава «Единой России», эту стратегию действий поддержала и местная политическая элита, что не могло устроить федеральные власти. В результате против М.И. Лапшина было возбуждено уголовное дело, а сам процесс расследования получил широкий общественный резонанс, позволивший впоследствии безболезненно снять его с занимаемой должности, несмотря на его широкий авторитет и поддержку среди населения.

²Майшев А. Внутренняя Африка // http://rusrep.ru/article/2011/05/25/africa_tuva/.

³История Алтайской принцессы закончилась 20 сентября 2012 года, когда ее мумию перевез в Горно-Алтайск.

туальной в 1990 гг., когда Россия стояла на грани возможного развала позволила лишь стабилизировать систему, но не решить проблему в корне [1].

Институциональное укрепление вертикали власти в начале 2000 гг., позволило консолидировать политический режим, но не предложило варианты решения вопроса общероссийской идентичности. Вместе с тем, политические реформы федерального центра направленные на повышение качества и уровня своего присутствия в регионах России достигли предельного максимума к концу первого десятилетия XXI века, это коснулось отмены выборов глав субъектов РФ; перехода выборов депутатов Госдумы на полностью пропорциональную систему; укрупнения субъектов РФ и т.п.

Регионы России в данных условиях не могли оставаться в стороне от навязывания им новых институтов и принципов организации связей между федеральным центром и регионами. Москва унифицировала систему регионального пространства и соответственно тех институтов, которые могли продуцировать новую идеологию развития и новые принципы формирования идентичности. Но, с другой стороны, унификация породила конфликт, связанный с тем, что прежние институты и акторы регионального политического процесса не желали добровольно самоустраняться.

«Брожение» в социально-политическом пространстве регионов заставило по-иному обратить внимание на идею «москворочества», объединившую ранее разрозненные регионы в большие макрорегиональные единицы, с которыми вынужден считаться федеральный центр. Но если объединение субъектов может носить негативный характер, то при определенной толке вложений его можно и необходимо направить в иное русло.

Основными признаками кризиса идентичности в Сибирском федеральном округе стали итоги электорального цикла 2011-2012 гг. В преддверии кампании практически все оценки строились на том, что «партия власти» «Единая Россия» (ЕР), опираясь на государственный аппарат на всех уровнях власти, на доминирование в СМИ и на поддержку достаточно популярных в глазах населения лидеров страны, получит подавляющее число мест в Госдуме.

Итоги выборов произвели опрокидывающий эффект во всей системе. Как показали первые данные выборов «партия власти» набрала минимальное возможное число голосов в регионах с высокой долей городского, преимущественно

русского населения. Так в СФО минимальное число голосов «партия власти» набрала в Омске, Новосибирске, Иркутске, Красноярске, Барнауле. Данный факт заинтересовал многих политологов и социологов, большинство из которых отнесло причину проигрыша к последствиям экономического кризиса, разразившегося в мире. Мы, безусловно, принимаем логику и доводы ученых, но среди концептуально новых стала теория связующая проигрыш с развивающейся идентичностью жителей Сибири [2].

Национальность «сибиряк» обратившая на себя особое внимание в период переписи населения в 2010 году, благодаря активной деятельности блогеров, приобретает сегодня все большее число сторонников. Само понятие «сибиряка» стало образом «москворочества». Сторонники этой концепции, опираясь на широкие данные интервью уверенны в том, что «Сибирь» в современной России в глазах «сибиряков» все больше представляет собой колонию, эксплуатируемую федеральным центром. «Выкачка» ресурсов Сибири, кризис промышленности, низкий уровень заработных плат, отсутствие перспектив занятости, неразвитость инфраструктуры и ухудшающаяся экология – все эти факторы в значительной степени подорвали авторитет федерального центра. В результате само по себе появление новой субрегиональной идентичности стало свидетельством глубины кризиса, который охватывает всю сферу социальных отношений. Столь резкое заявление о себе сегодня не могло быть не замеченным со стороны федеральных властей. Сибирь, считавшаяся до этого относительно благополучным и абсолютно лояльным макросубъектом Федерации, заставила изменить стратегическую линию Президента и правительства РФ.

Национальность «сибиряк», вместе с тем, имеет свои внутренние, институциональные компоненты. Сама интеграция многих сибирских регионов началось уже давно, и стала своего рода ответом на процессы, которые к 90-м годам минувшего века привели к крушению Советского Союза. Система тесных социально-экономических связей этих регионов связала их в единое пространство.

Однако данная организация в наибольшей степени объединяет регионы Западной Сибири и Иркутской области включительно, об этом говорит как уровень интенсификации межрегиональных связей между субъектами, так и их потенциал. Регионы же Восточной Сибири, напрямую граничащие с Монголией, обладая низким экономическим и людским потенциалом, вклю-

¹Отставка по собственному желанию // Восток-Телеинформ // <http://vt-inform.ru/vti/137/49477.php>.

чены в ее состав на правах младших партнеров [3].

В результате «ограниченного вписывания» в экономическое пространство «Сибирского соглашения», приграничные с Монголией территории охватывают лишь их собственные региональные идентичности, на которых те вынужденно замыкаются. Дотационные, характеризующиеся своей низкой инвестиционной привлекательностью регионы попросту не имеют средств на продуцирование внешне ориентированной идеологии развития.

Понятие «региональная идентичность субъектов РФ» в федеральном центре, всегда довольно неоднозначно оценивалось, поскольку та всегда подразумевала под собой некий потенциал, который при соответствующей обработке мог стать манифестом сепаратистов. Но в случае с СФО идентичность никогда не играла той роли, которую она выполняла в Татарстане, Башкирии и Чечне. Здесь принципы идентичности способствовали консолидации региональной системы, которая в иных случаях попросту раскалалась.

В СФО в приграничных с Монголией территориях принципы региональной идентичности оформлялись в довольно сложных условиях. С Монголией граничит четыре субъекта РФ: Бурятия, Тыва, Алтай и Забайкальский край, к числу стратегически важных регионов сотрудничающих с Монголией необходимо отнести и Иркутскую область.

Особенности идентичности выделенных нами регионов, как отметила в своей работе М.В. Назукина, характеризуются наличием сильного культурного ядра при отсутствии или слабом стратегическом его оформлении [4]. Основными причинами того, что идентичность, несмотря на яркие исторические и культурные образцы, не имеет четкие контуры способные мобилизовать население, являются бесчисленные внутрирегиональные конфликты, раздирающие региональное пространство. Попытки их решения практически никогда не приводили к позитивным последствиям. Данная ситуация во многом сравнима с «вечным кризисом идентичности», с которым вынуждены постоянно бороться региональные власти. Сама по себе проблема отсутствия стержневого окружения идентичности не смертельна, но порождает высокий уровень неопределенности политической системы, которая, существуя до поры до времени, может в одночасье рухнуть и похоронить всех окружающих.

Основными причинами данного положения вещей стало множество факторов, но консерви-

рует его низкий уровень урбанизированности населения. Это Республика Алтай, где доля городского населения составляет – 26,6%, Тыва – 51,5%, Бурятия – 56,6%; Забайкальский край – 64%, при этом необходимо отметить, что даже эти показатели, во многом условные. Условные потому, что значительная часть жителей городов этих субъектов РФ, городской в полном смысле этого слова не является. Рурализация городов и поселков городского типа, охватившая многие регионы России, привела к восстановлению связей с селом и/или их интенсификации. В результате становится понятным почему, несмотря на относительно высокую долю русского населения, система ценностей так и остается традиционалистской.

Ставшая реальностью клановая политическая борьба, представляющая разные социальные группы не позволяла оформить общую стратегическую линию развития. Многоаспектность борьбы была частично минимизирована благодаря институционализации партийного принципа политической борьбы, но и она не решила многие проблемы. Способствует усугублению клановой борьбы и чрезвычайно большое число конфликтных линий и линий противопоставления, многие из которых могут ветвиться до бесконечности, значительно сокращая спектр возможности для сближения.

Скудные ресурсы, которыми обладали главы субъектов до введения практики их назначения, позволяли им использовать лишь тактику лавирования между альтернативными принципами идентичности, не выделяя при этом ни одну из них. Во многих случаях эта тупиковая стратегия деятельности не могла принести дивиденды на внешнем рынке, но позволила стабилизировать положение и сузить рынок предложений на внутреннем, что позволяло губернаторам/президентам раз за разом выигрывать выборы [5].

Введенная практика назначения глав субъектов РФ изменила расстановку сил в регионах. Новые акторы, не связанные с политической элитой региона, были вынуждены приспособляться к местным условиям, и фактически единственно верным путем для них стал путь конструирования новой единой идентичности. Однако ни в одном случае «выковать» из множества культурных образцов один «универсальный» так и не удалось.

Одним из типичных примеров стала ситуация в Бурятии. В 2007 году Президентом РБ был назначен ранее с республикой никак не связанный В.В. Наговицын, который, будучи «варягом»

стремился всеми средствами консолидировать политическую элиту, добиться значимых результатов, которые должны были быть соответствующим образом вознаграждены¹. Единственно верной стратегией в результате стала задача выработка позитивного имиджа республики, напрямую отраженного в основе принципов региональной идентичности. В результате деятельность нового Президента РБ была связана не только с реальными делами, но и с широкой PR-кампанией своей деятельности в регионе.

Президент и его ближайшее окружение еще на этапе включения в политическую среду Бурятии выработали ни один проект развития региона, пытаясь зачастую интуитивно найти и выработать основу принципа региональной идентичности, призванную объединить разорванное федеральным назначением региональное пространство. Однако, ни одна из идей действующего Президента, так и не была доведена до конца². Все это далеко не лучшим образом стало отражаться на репутации Президента РБ.

Столь неоднозначная ситуация создала идеологический вакуум политического развития региона, и постепенно в регионе и ранее не имевшем четко выраженной стратегии развития, наметилась обратная тенденция – разрыва, расширения идеологического поля действия. Причем Президент РБ, понимая крайнюю степень дисбаланса перспектив и возможностей развития, занимал неопределенную позицию, пытаясь сыграть на всех положительных сторонах, что, в принципе, при крайней скудности ресурсов осуществить было невозможно.

С приходом нового главы региона кардинальным образом изменились структура правительства. Президенту в новых условиях требовались, как он отмечал, профессиональные, самостоятельные, молодые и энергичные руководители. При этом, электорально-мобилизационные возможности кандидата учитывались в последнюю очередь. Президент РБ – «варяг» с высоким уровнем федеральных претензий стремился, в-первую, очередь прописать свою фигуру. В ситуации ожидания регионального «успеха» новому главе требовалась

скорее личная привязка членов правительства. Поэтому де-факто осуществленный конкурс на замещение отдельных «вакантных» мест членов правительства был тонко просчитанным ходом. Не имея серьезной политической практики и политико-социальной базы назначенные, министры, конечно же, стремились оправдать оказанное им доверие. При этом, удаче нового правительства присваивал новый Президент РБ, в тоже время неудачи списывались с его счетов, а всю ответственность на себя брали, как правило, курирующие данный вопрос министры, не имеющие политической платформы и поэтому не имеющие возможности возражать.

Факт понижения электоральной ресурсной значимости в среде политических акторов был крайне отрицательно встречен политической элитой республики. Фигуры министров в этой ситуации стали обесцениваться в политическом пространстве. Если ранее посты министров «отвоевывались», то процедура назначений формально снижала их возможности, так как большинство вопросов они были вынуждены согласовывать, о том или ином уровне их самостоятельности не было и речи. С другой стороны, данные фигуры никоим образом не были связаны с теми или иными структурами, выступившими в качестве их электоральной базы, что не связывало с обязанностью их «подкармливания».

Эти и другие обстоятельства значительным образом накалили отношения по линии выборных и назначаемых структур. Правительство и парламент республики вновь были погружены в череду конфликтов активно муслировавших в прессе. В рамках Народного Хурала также можно было формально выделить логику данного конфликта. Это касалось, в первую очередь, членов партии «Единая Россия», прошедших в состав парламента по спискам, безусловно, поддерживающих действия президента, которому те и были формально обязаны, и всех остальных. Это приводило к парадоксальной ситуации, партия власти, имея две трети голосов в парламенте, реально могла контролировать лишь половину из них.

При этом своего рода рупором интересов региональной элиты стали выступать оппозиционные партии КПРФ и ЛДПР, политику лавирующей стороны приняла Справедливая Россия, к которой примыкала группа одномандатников Единой России.

В результате нарушения существующих схем и отсутствия новых моделей, постепенно вновь стали всплывать многие прошлые конфликты и

¹В.В. Наговицын считался в республике «временщиком», ожидающим в случае успеха в Бурятии более значимых федеральных назначений.

²Одним из первых PR-проектов стал проект «Новая жизнь Бурятии», следующим стал проект «Программа социально-экономического развития Бурятии до 2020 года», так и не получивший в результате мирового кризиса федеральной поддержки, не менее амбициозный проект – юбилейной празднование 350-летия добровольного вхождения Бурятии в состав России и т.п.

P.I. Osinskiy, J.Eloranta

THE SOCIOPOLITICAL DYNAMICS OF THE REVOLUTIONARY PROCESSES IN RUSSIA AND FINLAND

This article explains why radical socialists had won in Russia but not in Finland. It argues that the Russian revolutionaries benefited from the existence of two coalition alliances that had not fully materialized in Finland: the workers-soldiers' alliance, which was critical for the radicals' seizure of power, and the workers-peasants' alliance, which became pivotal during the years of the civil war. Our analysis lends support to a social history of the revolutions but draws attention to the centrality of structural conditions created by a mass mobilization war and the contingent nature of the extant revolutionary alliances.

Key words: war, revolution, social coalition.

Общеизвестно, что Россия и Финляндия – довольно разные страны, унаследовавшие различные культурные традиции, различное видение демократии, приверженность различным историческим путям развития. Мало кто помнит, что эти различия вовсе не казались столь очевидными в 1917 году. Тогда, наряду с другими европейскими странами, Финляндия оказалась вовлеченной в круговорот революционных событий, инициированных революцией в России. В начале 1918 года финские революционеры, вдохновленные примером большевиков, захватили государственную власть. Отряды Красной гвардии взяли под свой контроль Хельсинки и значительную часть наиболее экономически развитого юга страны. Лидеры радикалов провозгласили Социалистическую рабочую республику Финляндии. Новое правительство, Совет народных уполномоченных, получило официальное признание и значительную материальную помощь со стороны Советской России. Исход его противостояния с контрреволюционными силами был на тот момент весьма неопределенным.

И, тем не менее, три месяца спустя, финские революционеры потерпели поражение. В ходе гражданской войны с конца января по середину мая 1918 года, армия генерала Маннергейма, поддержанная экспедиционным корпусом немецких войск, разгромила красных финнов. Отряды Красной гвардии были вынуждены оставить Хельсинки и другие населенные пункты. Члены революционного правительства эмигрировали в Россию. Революционное движение было подавлено посреди кампании белого террора. Все надежды на то, что страна последует примеру Советской России, оказались тщетными.

Почему социалистическая революция победила в России, но не в Финляндии? Ведь красные финны, как и большевики в России, имели в начале гражданской войны целый ряд стратегических преимуществ. Именно они занимали в

феврале и марте 1918 года наиболее экономически развитый и плотно заселенный юг страны, включая Хельсинки и другие крупные города. Они контролировали главные железнодорожные артерии и средства связи. Они получили значительные партии оружия от большевиков в Петрограде и от российских воинских частей, дислоцированных в Финляндии. Правительство же националистов и его сторонники, опасаясь расправы, вынуждены были переместиться на север, в менее экономически развитые и слабозаселенные регионы страны. Вооруженные отряды националистов были первоначально крайне немногочисленны и практически не имели оружия. И, тем не менее, в конце концов, именно они одержали победу в гражданской войне.

Главный тезис данной работы заключается в том, что наиболее важным фактором, предопределившим различную динамику военно-политических конфликтов в России и Финляндии, была различная степень вовлеченности этих стран в Первую мировую войну. В России кризисные явления, порожденные войной, оказались наиболее глубокими и привели к возникновению протестных социальных коалиций, которые не сложились в полной мере в других странах. Первым таким альянсом явился союз городского пролетариата, который начал протестное движение, и солдат Петроградского гарнизона, которые перешли на сторону рабочих. Петроградские рабочие и солдаты свергли самодержавие в феврале и оставались наиболее важной движущей силой революции в дальнейшем. Именно они стали главной опорой большевиков в октябре и последующие месяцы. Вторым альянсом, который предрешил, по сути, итог гражданской войны, стал союз городского пролетариата и крестьянства. В 1917-1918 гг., когда прежняя система власти оказалась разрушенной, крестьяне экспроприировали большую часть помещичьей земли. Ленинский «Декрет о Земле» узаконил передел земли и заложил основу

В дальнейшем факт снятия М.И. Лапшина с должности опрокинул позиции когда-то влиятельной партии, которая после всегда находилась в кильватерной колонне «партии власти».

Перед Забайкальским краем основными проблемами складывающейся идентичности стал не только завершившийся объединительный процесс, но так до конца и не решенная проблема военных. Ликвидация в 1998 году Забайкальского военного округа и сокращение армии практически полностью разрушило систему инфраструктурных связей. Промышленность, сельское хозяйство и сфера обслуживания, ранее завязанные на военной отрасли и фактически выжившие благодаря этому в 90-е гг., переживают в настоящее время тяжелые времена. Попытка перевести хозяйственную основу на новые рельсы осуществляется крайне низкими темпами. Сегодня без финансовой поддержки извне развивать добычу юго-восточных минерально-сырьевых ресурсов практически невозможно. К тому же, затянувшийся мировой финансово-экономический кризис не дает оснований утверждать, что разработка и развитие последних начнется в ближайшее время. В результате образ «врага – разрушителя» все чаще примеряет на себя Федеральный центр, что отразилось, в том числе и на качестве голосования, пускай и не столь критичном, но все же низком, нежели чем по России в целом¹.

Объединение субъектов РФ – Иркутской области и Усть-Ордынского автономного округа; Читинской области и Агинского Бурятского автономного округа – всколыхнуло общественность не только объединяемых субъектов, но и Республики Бурятия. Существующие проекты объединения многими оценивались далеко не однозначно; полемика, касающаяся данного процесса, и тех договоренностей, которых добились участники, не утихает и сейчас. Сегодня большинство ученых сходятся во мнении о том, что простое объединение не решает задачи интеграции территорий и равномерного их развития. Гораздо более привлекательной, с их точки зрения, становится стратегия развития договорных отношений между субъектами РФ, на основе которых необходимо осуществлять сближение.

Именно поэтому идея «Второго Сибирского соглашения» объединяющего российские регионы, собранные вокруг Монголии становится все актуальней. В рамках указанных участников (Бурятия, Тыва, Алтай, Забайкальский край, Ир-

кутская область) построить новую форму отношений довольно сложно. Также как и рассчитывать на то, что в будущем на их базе может возникнуть новая субрегиональная идентичность. Но, если же таковой проект будет реализован, дивиденды, полученные от него, могли бы превзойти все возможные ожидания. Вместе с тем, целенаправленное давление, которое может оказать Федеральный центр, создав искусственную форму организации и назначив его главой, может привести к далеко неоднозначным последствиям.

Что же сближает наши приграничные территории? Каковы базисные элементы, позволяющие регионам России выработать общие элементы идентичности? Задаваясь этими вопросами, мы, несомненно, должны выделить единое прошлое данных приграничных территорий, являвшихся частью империи Чингисхана, Китая и собственно Монголии начала XX века². Сегодня прошлое единство территорий поддерживается такими национально-культурными организациями как Конвент монголов мира, ВАРК, КБН. Особо значимую роль играет и культурно-спортивный праздник Алтаргана. Действительно, говорить о культурных и национальных основаниях единства народов, проживающих по обе стороны границы, бессмысленно, поскольку априори все осознают факт его наличия, но значимую цементирующую основу все же следует отнести к значимой «другой» Монголии.

Осознавая ценность и важность культурного значения международных организаций, правительственные структуры субъектов РФ должны непременно содействовать дальнейшему их развитию. На базе интенсифицированного культурного развития связей субъектов РФ между собой и Монголией мы можем выработать институциональные механизмы сотрудничества, аналогичные развивающейся интеграции регионов Западной Сибири.

Современная Монголия также как и сибирские регионы переживает глубокий кризис идентичности. Основной причиной этого стало галопирующее развитие политической системы Монголии. Отправной точкой кризиса практически все ученые называют 2008 год. В результате выборов тогда полный контроль в парламенте вновь получила МНРП. Недовольная итогами

²В начале XX века в период гражданской войны в России и революции в Монголии, граница между этими государствами была номинальной. Впоследствии по отношению к бурятам в БМНР действовал принцип экстерриториальности, как близкому к монгольскому народу.

¹Единая Россия набрала в Забайкалье 43,28% голосов.

выборов Демократическая партия и другие оппозиционные партии организовали демонстрацию протеста, выступая против фальсификации результатов прошедших выборов, позднее вылившиеся в беспорядки, многочисленные поджоги и грабежи в центре Улан-Батора. За прошедшие со дня тех выборов четыре года ситуация еще более осложнилась, а накануне летних парламентских выборов стала просто взрывоопасной.

За период с 2008 по 2012 г., по данным статистики, из страны с численностью населения около 3 млн. человек выехало почти 400 тыс. Кроме того, для Монголии, где доля городского населения составляла чуть более 40%, изменение ситуации в обратную сторону за срок равный всего 6-8 годам (60% городское население, 40% сельское) выглядит просто ужасающе. Нельзя также забывать, что треть всего населения Монголии проживает в столице – Улан-Баторе.

Усугубляет ситуацию так называемая проблема «бремени ресурсов», которая на данный момент не решена противоборствующими партиями, ни одна из них не может взять полной ответственности на себя в решении этого сложного вопроса и в то же время не может сдерживать уровень спекуляционных высказываний относительно данной проблемы. Именно поэтому развитие политической системы Монголии все больше становится сравнимо с механизмом «качелей», находящихся на данный момент на этапе высшего подъема и дестабилизации.

Каковы же причины данного положения? Монголия сегодня ассоциируется со страной стремительно демократизирующейся, о чем свидетельствуют многие формальные показатели. К числу этих признаков мы можем отнести практически все институциональные качества политической системы, начиная от конституционных основ политического режима, политических партий и заканчивая институтами гражданского общества.

Ситуация тем более сложна и неясна ввиду того, что целый ряд базовых для многих социалистических стран политических институтов был трансформирован в демократические без существенных потерь эффективности их организационной мощи.

При этом инфраструктура хозяйственной деятельности, так или иначе, сохранила советскую основу, именно это обстоятельство заводит в тупик, поскольку не дает осознать причину того, как и почему был осуществлен демократический переход.

При рассмотрении исторической логики развития политической системы, становятся понятными волнообразность, цикличность развития режима смены власти. В начале 1990-х гг. победы одерживают демократы, которых сменяют консервативные круги социал-демократической МНРП.

МНРП контролировала ситуацию вплоть до 2008 года. Почти двадцатилетний стаж нахождения у власти создает базу для осмысления основных причин стабильности и неожиданного проигрыша в последующем.

Согласно нормативной логике, основной причиной мог послужить тот факт, что институциональные возможности политического режима в стране были исчерпаны, это создало необходимость в актуальной проработке причин падения роли административного ресурса.

Однако не совсем понятна и логика партийного руководства МНРП, которая, находясь у власти столь продолжительное время и имея возможность трансформировать основу политической системы под свои нужды, не использовала ее.

Крайне сложной переменной анализа становятся и качества политической культуры. Имея глубокую историческую привязку к монархическим системам прошлого, феодально-клановым системам родства, наслонившимся на него советскими представлениями о «социалистическом» будущем развития, система не могла породить в принципе гражданскую культуру участия.

Эти обстоятельства вынуждают искать причину, сложившейся системы отношений, начиная от базового уровня, т.е. семьи и заканчивая уровнем международных связей.

Среди основных гипотетических оснований на начальном уровне может лежать идея о «мифическом» представлении монгольской демократии, складывающейся благодаря кулуарным системам отношений в среде политической элиты искусственно продуцирующей данную модель.

Основа данной модели отношений, возможно, была заложена благодаря «советской» системе, приобретшей кардинально иные черты. Во многом ее нельзя по-иному назвать как «извращенной». Советское присутствие в Монголии, конечно же, принесло немало экономической пользы для развивающейся страны, но вместе с тем основа социально-политической составляющей приобрела ужасающие качества и свойства.

Монгольское общество изначально было сложным образом стратифицировано, еще более усилило данное обстоятельство советское присутствие, которое также было отражено и в Монголии.

При этом большая часть населения, сохранив основу своей хозяйственной жизнедеятельности, положительно относились к части нововведений, которая касалась совершенствования социально-бытовой сферы и крайне отрицательно к социальным институтам, привязывающим их к государству. Сложилась парадоксальная ситуация: поддерживая развитие благ, идущих от государства, население одновременно и отрицало их.

Вместе с тем, уровень экономического гнета характерного для феодальных общин, фактически исчез. Никким образом не связанные с обязательствами и при этом поддерживаемые государством монголы вкусили истинно «демократию» уже тогда.

Но при этом основа политического режима для большинства монголов так и осталась совершенно «неинтересной», что и является основой низкого уровня «реального» участия населения в политической жизни страны.

В результате «дремавшее» монгольское общество, ввиду разрушительного и тлетворного влияния «бремени ресурсов», согласно формальной логике «проснулось».

Удивительная, по сути, схема совмещения социалистических институтов и традиционных культурных образцов «синтезировалась» только сейчас, катализатором стала внешняя угроза. Учитывая все эти обстоятельства, мы считаем, что необходимо активизировать механизмы развития стратегического сотрудничества.

Являясь институциональной базой синтезированных основ политической культуры, имея

глубокие инфраструктурные связи с Монголией, Россия должна помочь ей осуществить правильный выбор. Монголия ждет того, что может представить Россия, какие модели социальных моделей поведения она предложит.

Литература

1. Малинова О.Ю. Российская политическая элита и конструирование макрополитической идентичности // Идентичность как предмет политического анализа. – М.: ИМЭМО РАН, 2011. – 299 с.
2. Анисимова А., Ечевская О. // Сибирская идентичность как политическое высказывание PRO ET CONTRA, Т. 16. – №3. – май-июнь 2012.
3. Официальный сайт межрегиональной организации «Сибирское соглашение» // <http://sibacc.ru/> Ситуацию не может исправить даже тот факт, что в настоящее время возглавляет организацию глава Республики Бурятия – Наговицын В.В.
4. Назукина М.В. Региональная идентичность в современной России: типологический анализ: // автореф. дис. ... канд. полит. наук. – Пермь, 2009.
5. Гельман В.Я., Попова Е.В. Региональные политические элиты и стратегии региональной идентичности в современной России // Центр и региональные идентичности в России. – СПб., 2003. – С. 187-254.
6. Отставка по собственному желанию // Восток-Телеинформ // <http://vt-inform.ru/vti/137/49477.php>.
7. Восток-Телеинформ // Бурятия ищет «второго» Полосина // <http://vt-inform.ru/vti/137/49969.php>.
8. <http://risk-inform.ru/text/2007/16/tele16.html>.
9. Майшев А. Внутренняя Африка // http://rusrep.ru/article/2011/05/25/africa_tuva/.
10. В поисках идентичности. Роль «алтайской принцессы» // <http://www.ria.ru/society/20060313/44253736.html>.

Будаев Батор Солбонович, кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: brotab83@mail.ru.

Budaev Bator Solbonovich, candidate of political science, senior lecturer, department of political science and sociology, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: brotab83@mail.ru.

УДК 94 (470) (480)

© П.И.Осинский, Я.Элоранта

СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКАЯ ДИНАМИКА РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ В РОССИИ И ФИНЛЯНДИИ

Данная работа объясняет различие итогов революционных процессов в двух странах: победу революционеров в России и их поражение в Финляндии. Причина этого различия заключается в том, что революционеры воспользовались уникальными условиями, сложившимися в России и отсутствовавшими в Финляндии. Первым таким условием был союз восставших рабочих и солдат, который предрешил вопрос о власти. Вторым условием явилась смычка городского пролетариата и крестьянства, предопределившая исход гражданской войны. Статья подтверждает положение о социальном характере Октября, подчеркивая при этом, что социальные коалиции, обусловившие победу большевиков, были уникальным продуктом военного времени.

Ключевые слова: война, революция, социальная коалиция

власти окончательно смещается в сторону национальной буржуазии и ее союзников. В этот момент отряды Красной гвардии начали вооруженное восстание. В ночь с 27-го на 28-е января и на следующий день отряды рабочих взяли под контроль центр Хельсинки, включая правительственные учреждения, телефон, телеграф, железнодорожные вокзалы, банки и другие стратегически важные пункты. Командир красногвардейцев Е.Хаапалайнен провозгласил создание Финской социалистической рабочей республики. Было сформировано новое правительство, Совет народных уполномоченных, во главе с К.Маннером, которое приняло обращение «К рабочим и гражданам Финляндии!». Таким образом, власть перешла в руки рабочего класса [10, с. 172-174; 31, с. 34-38].

Выступление финского пролетариата не могло не вызвать сопротивление буржуазных слоев. Заранее предвидя подобное развитие событий, правительство Свинхувуда привлекло на свою сторону бывшего офицера русской армии, генерала Карла-Густава Маннергейма, и поручило ему создание национальной армии способной противостоять радикалам. Заручившись финансовой поддержкой национальной буржуазии, Маннергейм отправился на запад страны, чтобы приступить к разоружению русских частей, которые снабжали красногвардейцев оружием. Первая операция по разоружению российских частей, проведенная в ночь на 28 января, завершилась успешно [33].

Тем не менее, на первом этапе гражданской войны (с 28 января по 15 марта) красные финны сохраняли стратегическую инициативу. Военские подразделения, созданные Маннергеймом на базе отрядов самообороны, были немногочисленными и испытывали острую нехватку оружия. Несмотря на то, что российские части, как правило, не вмешивались в военные действия, сам факт их присутствия, оказывал поддержку красным финнам и сковывал действия белых. На втором этапе гражданской войны (с 15 марта по 15 мая) войска Маннергейма перехватили инициативу. Этому во многом способствовала изменившаяся международная обстановка. Согласно Брестскому договору, заключенному 3-го марта между Советской Россией и Германией, Россия взяла обязательство немедленно вывести свои войска из Финляндии, что и было сделано. В середине марта белые начали наступление на Тампере и после ожесточенных боев захватили город в начале апреля, что стало переломным пунктом гражданской войны [35]. Кроме того, в начале апреля на помощь белофиннам высадил-

ся экспедиционный корпус немецких войск под командованием генерала фон Гольца. Повсеместно части красных были вынуждены отступать. В середине апреля они оставили Хельсинки. В начале мая вся территория Финляндии была освобождена от революционных войск [22]. В развязанной кампании белого террора погибли тысячи революционеров и их сторонников.

Может возникнуть вопрос «Почему российские части, расположенные в Финляндии, не поддержали финских рабочих?». Главное причина нейтралитета солдат заключалась в изменившейся политической ситуации в России. До октябрьских событий в Петрограде, солдаты и матросы частей, расположенных вне зоны боевых действий, находились под постоянной угрозой быть отправленными на передовую. Политический радикализм солдатских масс, выступавших за передачу власти Советам и окончание войны, был в этих условиях совершенно понятен и объясним. Решающие революционные события в Финляндии (всеобщая забастовка в ноябре 1917 года и восстание красногвардейцев в январе 1918 года) произошли уже после того, как большевики взяли власть в Петрограде и начали переговоры с немцами о перемирии. Солдатам, дислоцированным в Финляндии, стало ясно, что война подходит к концу. Численность войск стала быстро таять в силу демобилизации и массового дезертирства. Солдатам не было никакого резона рисковать своей жизнью ради красных финнов. К этому времени война перестала быть фактором политизации войск [33, с. 419-423].

Октябрьский переворот и роспуск Учредительного Собрания в январе 1918 года не принесли стабилизации в России. Ленин и его сторонники, которые пришли к власти на волне народного недовольства политикой Временного правительства, не имели легитимного права управлять страной. В ходе ноябрьских выборов в Учредительное Собрание большевики получили лишь 24% голосов. В Петрограде, Москве и других крупных городах, где их позиции среди рабочих были по-прежнему сильны, они могли опереться на войска гарнизонов, части латышских стрелков и подразделения Красной гвардии, однако за пределами крупных городов им трудно было рассчитывать на сколько-нибудь значительную поддержку [26]. Их внутривнутриполитические позиции оставались весьма шаткими. В этих условиях позиция крестьянства, которое составляло подавляющее большинство населения страны, стала приобретать решающее значение.

для политического союза нового режима и крестьянства. Несмотря на то, что в последующие годы отношения большевиков и крестьян были непростыми, а подчас и откровенно враждебными, в критический момент гражданской войны крестьяне поддержали красных, а не белых.

Финляндия, имевшая автономный статус в Российской империи, практически не участвовала в империалистической войне. Призыв в действующую армию там не производился. В силу этого, военный компонент протестного движения был весьма незначителен. Революционные события 1918 года явились результатом радикализации части рабочего класса, организованного в отряды Красной гвардии. В начале гражданской войны красногвардейцам оказывали содействие солдаты российских частей, расквартированных в провинции, но после того как Финляндия провозгласила независимость, эти части покинули страну. Аграрная проблема в Финляндии не была столь острой как в России. Помещичье землевладение там практически исчезло, а потому не являлось значимым социальным раздражителем. В то же время, сельское население оказалось весьма политически расслоенным. Батраки и арендаторы земли были склонны поддерживать меры революционного правительства, в то время как многие крестьяне-землевладельцы заняли выжидательную, а то и враждебную позицию. Таким образом, слабость социальных коалиций, заинтересованных в смене политического строя, предопределила поражение революционных сил.

Данная работа выполнена в жанре сравнительно-исторического исследования [28]. Этот макросоциологический подход давно и плодотворно используется в зарубежном обществоведении (Б.Мур, П.Андерсон, Т.Скопчол, Ч.Тилли). Главное преимущество такого подхода заключается в том, что он позволяет уяснить определяющие факторы исторических событий, которые трудно выявить при исследовании таких событий в одной стране. В частности, сопоставление Октября с аналогичными процессами в других странах позволяет понять какие факторы, присутствовавшие в России, отсутствовали в других странах и, стало быть, оказали определяющее воздействие на ход и итоги революции 1917 года.

Как и большинство работ такого рода, данное сравнительно-историческое исследование не ставило своей задачей изучение первичных (т.е. архивных) данных. Значительное число уже опубликованных монографий и статей по истории революций и гражданских войн в России и

Финляндии представляет достаточно информации для того, чтобы выявить различия в движущих силах процессов, являющихся предметом нашего исследования. Ниже, исследуя поочередно революционные события в обеих странах, мы сопоставляем динамику двух исторических альянсов, рабоче-солдатского и рабоче-крестьянского. Мы утверждаем, что наличие этих альянсов в России и их отсутствие в Финляндии предопределили различие итогов революционных процессов.

Природа русской революция 1917 года не может быть раскрыта вне контекста Первой мировой войны [17]. Война вызвала глубокий кризис главных институтов российской общества. Изначально, главное бремя войны пало, разумеется, на действующую армию. За годы войны царское правительство призвало не менее 15 миллионов человек, больше чем любое другое правительство в мире. Тем не менее, в силу плохой организации, неадекватного снабжения боеприпасами и некомпетентности царских генералов, русские войска терпели одно поражение за другим. Для того чтобы восполнить потери, которые составили в итоге около 2 млн. убитых и около 5 млн. военнопленных, правительство вынуждено было мобилизовать новые когорты призывников и резервистов. Петроград и другие крупные города превратились в подготовительные пункты для призывников и восстановительные центры для раненых. Тем временем, в силу падения количества товарного хлеба и дезорганизации железнодорожного транспорта, не справляющегося с увеличившимся числом перевозок, городское население стало испытывать нехватки продовольствия, топлива и других предметов первой необходимости. В третью военную зиму (1916-1917 гг.) сотни тысяч петроградцев вышли на улицы, требуя хлеба и окончания войны [15].

Как известно, февральские события 1917 года в Петрограде, как и первая русская революция 1905 года, начались с забастовок и протестов рабочего класса. Тем не менее, эти протесты увенчались успехом только после мятежа частей петроградского гарнизона 27 февраля [16]. После того, как гвардейские полки, один за другим, восстали и перешли на сторону рабочих, правительство ушло в отставку, царь отрекся от престола, и власть оказалась у руководителей Государственной Думы, которые сформировали Временное правительство и членов Петроградского Совета Рабочих Депутатов. По мнению Питера Кенеша, не демонстрации рабочих, а неповиновение солдат стало главным событием

Февраля [18, с. 16]. Именно оно предопределило более радикальный характер революции 1917 года в сравнении с событиями 1905 года, когда большинство частей старой армии осталось верными царю и правительству.

Для солдат Петроградского гарнизона союз с восставшими рабочими, означал нечто большее, чем просто политический выбор. По сути дела, для них это был вопрос жизни и смерти. Если бы революция была подавлена и прежний режим восстановлен, мятежников неизбежно ожидал бы военный трибунал. Сделать революцию необратимой – было единственным способом избежать наказания. Поэтому солдаты требовали конкретных гарантий необратимости произошедших перемен. Пойдя навстречу солдатским массам, Петроградский Совет издал Приказ №1, который учредил выборные солдатские комитеты в подразделениях гарнизона, подчинил эти комитеты Совету, и передал оружие и боеприпасы в руки комитетов [34, с. 187-188]. Более того, в соответствии с соглашением, достигнутым между Советом и Временным правительством, воинские части принимавшие участие в Февральской революции не могли быть разоружены, либо выведены из столицы и отправлены на фронт («Известия», 3 марта 1917 г.).

В последующие месяцы, главные силы «революционной демократии», включавшей солдат гарнизона, кронштадтских матросов и рабочих-красногвардейцев, находились «за кадром», уступив свое место профессиональным политикам, но всякий раз когда политическая обстановка в столице накалялась, вооруженные люди появлялись на улицах города. Серьезным испытанием для гарнизона стали события начала июля, когда Временное правительство решило отправить на фронт часть Первого пулеметного полка, расквартированного в Петрограде. Это решение нарушало соглашение между правительством и Советом, согласно которому части гарнизона не могли быть отправлены на фронт. Четвертого июля солдаты и матросы установили контроль над центром Петрограда, выдвинув требование Совету взять всю полноту власти. Тем не менее, Совет, большинство которого составляли эсеры и меньшевики, отказался пойти на этот шаг, в то время как лидеры большевиков не могли придти к единому мнению о том, что делать в сложившейся ситуации. В отсутствие руководства и четкого плана действий, митинги и шествия завершились безрезультатно. В итоге, в ночь с 4-го на 5-е июля, подразделения верные Временному правительству сумели восстановить порядок в столице [7].

Октябрьскому восстанию, также как и июльским событиям, предшествовало решение о выводе значительной части войск Петроградского гарнизона на передовую, в распоряжение Северного фронта. Угроза отправки на фронт вызвала волну возмущения среди солдат. Ряд подразделений отказал в поддержке Временному правительству и потребовал передачи власти в руки Петроградского Совета, в котором к тому времени преобладали большевики [8, с. 564-578]. Совет создал Военно-Революционный Комитет, который объявил себя руководящим органом войск гарнизона и постановил, что решения военного командования принятые без санкции ВРК не подлежат исполнению. К 25-му октября большинство подразделений гарнизона заявили либо о своей поддержке ВРК либо о нейтралитете, в то время как число войск верных Временному правительству сократилось до минимума (несколько юнкерских рот и женский батальон смерти) [6]. Значительный перевес революционных войск и красногвардейцев над деморализованными защитниками правительства Керенского объясняет малое число жертв (6 человек) в ходе взятия Зимнего дворца и государственных учреждений города. В ночь с 25-го на 26-е октября Второй всероссийский съезд Советов объявил Временное правительство низложенным, провозгласил власть Советов, и создал коалиционное правительство во главе с В.И. Лениным. В течение нескольких последующих дней Советская власть была установлена во всех крупных городах страны, где решающую роль, как и в столице, сыграли действия (либо нейтралитет) воинских частей гарнизонов, дислоцированных в этих городах [9, с. 304-315, 354-376].

Таким образом, ни концепция политического переворота, осуществленного группой заговорщиков-большевиков, ни тезис о пролетарской революции, осуществленной самим рабочим классом, не являются состоятельными. Главным двигателем революционных событий стала возглавленная большевиками политическая коалиция рабочих, солдат, и матросов, объединенная, в первую очередь, протестом против империалистической войны. Концентрация политизированных воинских частей в Петрограде и обязательство невывода войск из столицы превратила Временное правительство в заложника четверти миллиона солдат и матросов. Надеюсь, что война будет в скором времени завершена, войска гарнизона отказывались идти на передовую. Когда стало очевидно, что Временное правительство не намерено заключать мир, солдатские массы пришли к необходимости смены

правительства. Присутствие в столице многотысячных солдатских масс стало необходимым условием осуществления Октябрьской революции.

Будучи полуавтономной провинцией Российской империи, Финляндия не могла полностью избежать участия в Первой мировой войне. В стране было объявлено чрезвычайное положение и усиление мер полицейского надзора. Число русских войск в Финляндии достигло 50 тыс., а Хельсинки стал главной операционной базой Балтийского флота. Несмотря на то, что социально-экономическое положение страны в силу увеличения экспорта сельскохозяйственной и промышленной продукции в Россию поначалу улучшилось, по мере продолжения войны условия жизни населения стали ухудшаться. Как и в России в целом, в крупных городах стала ощущаться нехватка продовольствия. Среди городского населения, особенно среди рабочих, все больше стали преобладать настроения недовольства [33, с. 15-25].

Тем не менее, широкого протестного движения в годы войны в Финляндии практически не было. Страна не входила в зону военных действий. Призыв в действующую армию не проводился. Общество избежало потерь убитыми и ранеными. Воздействие войны на экономику и инфраструктуру не было столь масштабным и разрушительным как в России. В стране регулярно проводились выборы в местный парламент (сейм). До октября 1917 года социал-демократы обладали большинством парламентских мест, что было немалым достижением даже по западноевропейским стандартам. Большинство населения разделяло стремление к национальной независимости, но не испытывало желания радикальных социальных перемен. Если исключить присутствие российских частей, Финляндия во многом представляла собой нейтральное государство [33].

Февральские события в Петрограде оказали непосредственное влияние главным образом на подразделения российского флота. Восставшие матросы отказались повиноваться своим офицерам и организовали Хельсинский Совет. Внутренняя же ситуация в самой Финляндии оставалась относительно спокойной, хотя финское рабочее движение заметно активизировалось. Весной и летом 1917 года финские рабочие организовали ряд забастовок, требуя восьмичасового рабочего дня и повышения заработной платы. Характерно, что в отличие от России, где вопрос о продолжении войны вовлек в политику тысячи военнослужащих и гражданских лиц, большин-

ство конфликтов в Финляндии касалось вопросов условий труда и продовольственного снабжения, а главными участниками таких конфликтов были рабочие и их непосредственные работодатели [20, 33].

Октябрьская революция в России усилила позиции тех финских социалистов, которые требовали немедленных и решительных действий по изменению существующего строя. Отряды Красной гвардии, сформированные к этому времени в среде городского пролетариата, стали главным ферментом политического радикализма [25]. Более же умеренные лидеры социал-демократов заняли выжидательную позицию. Они потеряли парламентское большинство в ходе октябрьских выборов, но рассчитывали вскоре вновь вернуться к власти. Кроме того, было неясно, смогут ли большевики удержаться у власти в Петрограде. Не желая рисковать, руководители социал-демократов решили объявить всеобщую забастовку, предъявить требования правительству (восьмичасовой рабочий день и реформу избирательной системы в местные органы власти), и если оно откажется принять эти условия, приступить к захвату власти, для чего был создан Революционный Комитет, главный орган революции.

В ходе всеобщей забастовки, которая началась 13 ноября, рабочие организации взяли под свой контроль большую часть страны. Солдаты частей российской армии охотно предоставляли свое оружие финским красногвардейцам, но сами, как правило, не вмешивались в ход событий. Между тем, 16 ноября парламент, не желая далее испытывать судьбу, удовлетворил требования забастовщиков. После длительных дебатов, руководители социал-демократов вынуждены были отменить решение о вооруженном восстании. К глубокому разочарованию радикалов в Хельсинки и большевиков в Петрограде, ноябрьская забастовка не привела к захвату власти. Решающий момент для осуществления революции был упущен [20].

Восстание Красной гвардии началось в конце января 1918 года, когда условия для выступления были менее благоприятными. К этому времени буржуазное правительство во главе с П.Е. Свинхувудом провозгласило национальную независимость и заметно упрочило свои внутриполитические позиции. Во многих городах были сформированы местные отряды самообороны, призванные защищать интересы имущих слоев населения. Когда эти отряды были объявлены войсками подкомандными правительству, что произошло 25 января, стало ясно, что баланс

в России, разразившейся в условиях глубокого экономического, социального и политического кризиса, вызванного империалистической войной, революция в Финляндии началась в стране, не слишком затронутой войной, где главные институты общества оставались в целом стабильными. Военный компонент революции в силу этого не был столь акцентирован как в России. Главной движущей силой революции были отряды вооруженных рабочих. Эти отряды не имели единого командования, военной выучки, плохо владели оружием. Командные должности красногвардейцев были выборными, а приказы сверху могли быть отменены на низовом уровне [32, с. 99]. В этих условиях отряды красных финнов оказались неспособными противостоять более централизованной и дисциплинированной армии Маннергейма, руководимой кадровыми офицерами.

Красную армию в России вполне могла ожидать та же участь, если бы она не обрела единого командования и не стала бы массовой армией. Красногвардейцы, матросы Кронштадта и латвийские стрелки были бы недостаточны для отражения наступления крупных белогвардейских соединений. Большевики должны были предпринять чрезвычайные усилия для преодоления «партизанщины» и создания централизованной командной структуры. С этой целью военные специалисты (бывшие офицеры царской армии) были привлечены к военной работе. Ко времени начала боевых действий большевики обладали системой призывного набора и военного обучения новобранцев [30]. Городские рабочие создали ядро Красной армии, а закрепление итогов аграрной революции «Декретом о Земле» позволило большевикам привлечь на свою сторону многомиллионные массы сельчан. Несмотря на то, что отношения большевиков и крестьянства были непростыми, в решающий период гражданской войны большинство крестьянства стало на сторону большевиков.

Финские революционеры, с другой стороны, могли рассчитывать лишь на весьма ограниченную поддержку в сельской местности. По сравнению с Россией, где помещичье землевладение в сочетании с крестьянским безземельем представляло собой острую аграрную проблему, в Финляндии помещичье землевладение было незначительным. Кроме того, финское крестьянское население, в отличие от российского общинного крестьянства с его эгалитарными традициями, было гораздо более дифференцировано по классовому составу. В то время как многие батраки и часть арендаторов поддержали

городских радикалов и влились в отряды Красной гвардии, независимые фермеры, наиболее зажиточная часть крестьянского населения, выступили против революции. В итоге, армия Маннергейма, а не красные финны, получила более весомую поддержку сельского населения.

Как следует из нашего анализа, обе социальные коалиции, сложившиеся в революционной России, рабоче-солдатская и рабоче-крестьянская, не имели долговременного характера, а были скорее тактическими и ситуационными. Рабоче-солдатская коалиция сложилась в силу продолжения фактически проигранной царизмом войны и оказывала свое влияние на политический процесс вплоть до заключения мира. Рабоче-крестьянская коалиция возникла благодаря поддержке большевиками аграрной революции в деревне и существовала до тех пор, пока сохранялась угроза реставрации помещичьего строя. Тем не менее, наличие условий, которые предопределили возникновение данных коалиций, позволило большевикам захватить и удержать государственную власть. Разумеется, это потребовало от лидеров большевиков незаурядного политического таланта и исключительных организаторских способностей. Тем не менее, вряд ли эти качества позволили бы им осуществить революцию в случае отсутствия широких протестных коалиций, порожденных империалистической войной и политикой царизма. Все усилия красных финнов последовать примеру большевиков оказались обречены на провал именно потому, что социальные коалиции такого рода так и не сложились в этой стране.

Литература

1. Колоницкий Б. Красные против красных // Нева. – 2010. – №11. – С. 144-164.
2. Кондрашин В. Крестьянство России в гражданской войне. – М.: РОССПЕН, 2009. – 575 с.
3. Литвин А. Красный и белый террор в России: 1918-1922 гг. – М.: ЭКСМО, 2004. – 448 с.
4. Малявский А. Крестьянское движение в России в 1917 г., март-октябрь. – М.: Наука, 1981. – 400 с.
5. Осипова Т. Российское крестьянство в революции и гражданской войне. – М.: Стрелец, 2001. – 400 с.
6. Рабинович А. Большевики приходят к власти: революция 1917 года в Петрограде. – М.: Прогресс, 1989. – 434 с.
7. Рабинович А. Кровавые дни. Июльское восстание 1917 года в Петрограде. – М.: Республика, 1992. – 276 с.
8. Френкин М. Русская армия и революция, 1917-1918. – Мюнхен: ЛОГОС, 1978. – 749 с.
9. Френкин М. Захват власти большевиками в России и роль тыловых гарнизонов армии. – Иерусалим: Став, 1982. – 400 с.
10. Alapuro R. State and revolution in Finland. – Berkeley, CA: University of California Press, 1988.

Падение царизма в феврале 1917 года положило начало масштабному преобразованию в жизни деревни. После того, как старый порядок был низложен, крестьяне стали требовать перераспределение земли. Захваты помещичьих земель и единоличных отрубов крестьянами-общинниками стали все более частым явлением. В мае Всероссийский съезд крестьян выдвинул требование немедленной передачи помещичьей земли крестьянам. Однако Временное правительство не спешило с земельной реформой. Власти искали компромиссное решение аграрного вопроса, которое удовлетворило бы не только крестьян, но и крупных землевладельцев. Летом 1917 года, когда стало известно, что аграрная реформа отложена до созыва Учредительного Собрания, крестьяне начали самовольный захват земельных участков. Осенью стихийная аграрная революция в деревне, включая захват усадеб, земли, скота, поджоги, приобрела массовый и повсеместный характер [4].

Большевики, как известно, традиционно рассматривали себя в качестве авангарда рабочего класса. Их руководители допускали политический союз с беднейшими слоями трудового крестьянства, однако крестьянство в целом рассматривалось как класс мелких частных собственников, стихийно порождающий капитализм. Тем не менее, в условиях борьбы за власть оттолкнуть крестьянство было бы огромной политической ошибкой. Одним из первых документов Советской власти стал «Декрет о Земле», который провозгласил отмену частной собственности на землю и передал помещичьи земли в распоряжение местных земельных комитетов в целях последующего распределения среди крестьян. Этот шаг фактически узаконил экспроприацию помещичьей земли и тем самым заложил основу для союза между Советским правительством и крестьянскими массами, который сыграл решающую роль в годы гражданской войны.

Военные действия гражданской войны начались с мятежа корпуса чехословаков в конце мая 1918 года. Свергнув власть большевиков в городах Поволжья и вдоль Транссибирской железнодорожной магистрали, чехословаки создали политический вакуум, который был заполнен эсерами, меньшевиками и левых кадетами, которые установили в Самаре антибольшевистское правительство, Комитет членов Учредительного собрания (сокращенно Комуч). Несмотря на то, что это правительство провозгласило себя легитимным правопреемником Учредительного собрания, оно не пользовалось

большим авторитетом среди населения. Комуч поддержала лишь часть провинциальной интеллигенции, студенты, кадеты, ряд представителей офицерства. Хотя в правительстве преобладали эсеры, традиционно считавшиеся выразителями интересов крестьян, а большинство местного населения были крестьяне, Комуч не нашел поддержки среди земледельцев. Большинство крестьян Поволжья не видело смысла в борьбе с большевиками, которые дали им землю. В итоге, призывная кампания в Народную армию, созданную для борьбы с большевиками, закончилась провалом. Только 2 тыс. сельчан записались в нее добровольцами и еще 23 тыс. были призваны принудительно. Сельчане отказывались принимать участие в братоубийственной войне, цели которой они не понимали. Осенью 1918 года войска Комуча были разгромлены большевиками, а его руководители бежали в Сибирь и на Урал [2].

Решающие битвы гражданской войны разгорелись в 1919 году. Большевики вынуждены были защищать революцию от белых армий Колчака, Деникина и Юденича. Критические условия заставили большевиков изменить свою политику в отношении крестьянства. Предшествующий курс на разжигание классовой борьбы в деревне при опоре на бедноту был пересмотрен в пользу союза с середняком, который после раздела помещичьей земли стал наиболее многочисленной категорией крестьянства. Это решение, одобренное на 8-м съезде партии в марте 1919 года, положило начало широкой кампании по мобилизации крестьян в Красную армию.

Ныне хорошо известно, что отношения большевистского правительства и крестьянского населения в годы гражданской войны были непростыми. С 1918 по 1921 гг. революционный режим проводил политику продразверстки и принудительной мобилизации в деревне, не останавливаясь в случае необходимости перед самыми жестокими мерами. Во многих регионах страны крестьяне поднимались на вооруженную борьбу против большевиков [1; 2; 5]. И тем не менее, было бы неверно объяснять победу красных исключительно принуждением. Во-первых, белые столь же широко применяли насилие в отношении крестьян. И та, и другая сторона практиковала принудительный призыв сельского населения, применяя безжалостные меры в отношении дезертиров, вплоть до взятия заложников из числа семей призывников, уничтожения подворий и целых деревень, и расстрелов уклонистов [3]. Во-вторых, несмотря на такие драконовские меры, ни та, ни другая сторона

первоначально не имела успеха. В начале войны, польза от большевистских наборов, также как и от призывных кампаний белогвардейцев, была невелика. Вовсю процветало дезертирство. В пору урожая, например, в некоторых частях Красной армии до 80% солдат числились в дезертирах [12; 13]. В-третьих, если бы солдаты Красной армии воевали только из-под палки, эффективность такой армии была бы крайне мала. Вряд ли большевики смогли бы победить белых, если бы красноармейцы воевали исключительно по принуждению.

Какими бы сложными ни были взаимоотношения крестьян и большевиков, отношение сельчан к белому движению было практически повсеместно негативным. Даже в тех регионах, где земельный вопрос не был столь острым как в Европейской части России, как например в Сибири, белые олицетворяли старый режим, к которому большинство крестьян не испытывало никаких симпатий. Многие белогвардейские офицеры и казаки относились к «лицам низших сословий» с нескрываемым презрением. Во время деникинского наступления на Москву беспрецедентный грабёж крестьянского имущества казаками привел к потере мобильности казачьих соединений. Несмотря на то, что Деникин, а затем и Врангель обещали передать землю тем, кто ее обрабатывает, на практике белогвардейцы возвращали помещичью землю и усадьбы их бывшим владельцам и пороли крестьян, осмелившихся присвоить дворянскую собственность. Даже те деревни и волости, которые вначале приветствовали приход белых, вскоре изменили отношение к своим «освободителям». В тылу у белых действовало значительное число партизанских отрядов [14].

В итоге, когда большевистский режим оказался в критической опасности, крестьянство пришло ему на помощь. Когда войска Колчака начали наступление на Восточном фронте весной 1919 года, крестьяне стали записываться в Красную армию. К концу апреля численность Красной армии удвоилась с 800 тыс. до 1,6 млн. человек. Большинство новобранцев были выходцами из Поволжья, где угроза белогвардейского наступления была наиболее серьезной. То же самое повторилось несколько месяцев спустя, в разгар деникинского наступления с юга. К концу года Красная армия насчитывала около 3 млн. человек, в то время как суммарная численность белогвардейцев никогда не превышала 250 тыс. человек [27].

В Финляндии отношения между городскими радикалами и сельским населением приобрели

несколько иной характер. Многие сельскохозяйственные рабочие и арендаторы приветствовали политику революционного правительства, в особенности такие его меры как повышение зарплаты и освобождение от кабальных арендных соглашений, однако крестьяне-землевладельцы заняли либо выжидательную, либо откровенно враждебную позицию.

Для того чтобы понять причины такого отношения крестьян к революции необходимо рассмотреть социальную структуру финского аграрного населения. До того, как Финляндия была присоединена к России в 1809 году, она являлась частью Шведского королевства. Неудивительно, что аграрные отношения в Финляндии больше напоминали аграрные отношения в других скандинавских странах, нежели в России, с ее отсталой, полуфеодальной экономикой. В стране преобладали крестьяне-единоличники, а общинное хозяйствование не играло большой роли. Дворянство было крайне немногочисленно и практически полностью интегрировано в государственно-бюрократическую систему. По мере того, как сельское хозяйство приобретало все более коммерческий характер, помещики продавали свою землю зажиточным крестьянам. В результате, различия между дворянскими усадьбами и хозяйствами зажиточных крестьян были во многом нивелированы.

Финский историк Ристо Алапуру [10] выделил три основные группы аграрного населения того времени: сельскохозяйственные рабочие, арендаторы земли (крофтеры), и крестьяне-землевладельцы. Первая группа состояла из безземельных аграрных рабочих и составляла до 48% среди всех хозяйств в сельской местности. Рост товарного сельскохозяйственного производства и социальное расслоение среди земледельцев обусловили увеличение численности рабочих. Тем не менее, до войны большинство сельскохозяйственных рабочих не испытывало крайней нужды. Товарное производство расширилось и зарплата повышалась. В 1917 году экономическое положение ухудшилось и волна сельскохозяйственных забастовок прокатилась по стране, однако требования забастовщиков, как и в городах, были сугубо экономическими: повышение зарплаты и восьмичасовой рабочий день.

Крофтеры (или торпари), которые составляли около 17% сельских хозяйств, были арендаторами небольших участков земли, которые обрабатывали несколько дней на землевладельцев или платили им арендную плату деньгами или

сельскохозяйственной продукцией. Часть арендаторов поддержала революционное правительство, однако большинство осталось в стороне [29]. Дело в том, что многие крофтеры хотели выкупить землю, которую они арендовали в течение многих лет и стать землевладельцами. Другие же стремились сохранить хорошие отношения с землевладельцами и договориться об изменении условий аренды без вмешательства властей. Главные требования сельскохозяйственных рабочих, то есть восьмичасовой рабочий день и повышение зарплаты, не имели отношения к условиям труда арендаторов [19,20].

Наконец крестьяне-землевладельцы, составлявшие около 35% всех хозяйств, являлись наиболее консервативной частью сельского населения. Довоенный период был отмечен ростом товарного хозяйства, особенно в таких отраслях как молочное животноводство и переработка древесины. С 1870 по 1910 гг. производство древесины увеличилось в 8 раз, а производство молока в 4 раза [10, с. 45]. Земельные владения фермеров выросли, а размер их имущества увеличился в 7 раз [11, с. 151]. Многие разбогатевшие землевладельцы нанимали сезонных рабочих или сдавали часть земли в аренду. Естественно, что требования рабочих и арендаторов, выдвинутые в 1917 году, находились в прямом противоречии с их экономическими интересами. Землевладельцы отвергали требования бедноты и формировали отряды местной самообороны для поддержания порядка и спокойствия в сельской местности [19, с. 25].

Каким образом данная структура сельского населения повлияла на результаты политического противостояния в Финляндии в начале 1918 года? Обе воюющие стороны, красные и белые, стремились заручиться поддержкой сельского населения, однако социальный состав их воинских формирований оказался весьма различным. Отряды Красной гвардии состояли в основном из городских и сельских рабочих [29]. Из около 3,5 тыс. сторонников красных, погибших на фронте, промышленные рабочие составляли 63%, сельскохозяйственные рабочие 16%, арендаторы 13%, фермеры 5%, государственные служащие 1% и представители других категорий 2%. Армия их противников состояла в основном из крестьян-землевладельцев, а также представителей привилегированных и средних слоев. Среди погибших на стороне белых, фермеры составляли 45%, государственные служащие 17%, промышленные рабочие 14%, арендаторы 11%, аграрные рабочие 9%, и представители других категорий 4% [24, с. 233-239]. Зажиточ-

ные крестьяне и представители средних слоев сформировали, таким образом, ядро контрреволюционной армии Маннергейма.

Конец коммунистической эпохи, распад СССР и становление демократической России открыли новый период в изучении революций и гражданских войн, как в России, так и в Финляндии. Доступ к ранее закрытым архивным документам позволил исследователям осветить многие белые пятна в новейшей истории этих стран. Исторические материалы показали, например, что поддержка большевиков со стороны неимущих классов России была далеко не всеобщей, что в свою очередь поставило под сомнение традиционные социально-структурные интерпретации революции 1917 года. Сторонники политических и конспирологических версий российской революции получили основания трактовать практику большевиков как насильственную реализацию идеологического проекта, не имевшего глубоких корней в российском (как и в любом другом) обществе [23].

Данное исследование, опираясь на работы ведущих отечественных и зарубежных историков, реконструирует революции в России и Финляндии как структурно-детерминированные социально-политические конфликты, вовлекшие значительные группы населения. Мы полагаем, что исследователи не должны отказываться от социальной трактовки революций, а модифицировать ее. Во-первых, социальная трактовка революций должна рассматривать события в России и других европейских странах в контексте событий Первой мировой войны. На наш взгляд, мобилизация и вооружение многомиллионных масс населения и их политическая переориентация в ходе войны оказали решающее воздействие на выбор путей политического развития в послевоенный период. Революцию осуществил «человек с ружьем», и его устремления должны быть поставлены в центр внимания исследователей. Во-вторых, социальная трактовка революций должна исследовать коалиционную природу протестных движений. Крах царизма привел к выявлению целого ряда социальных противоречий: рабочие против капиталистов, крестьяне против землевладельцев, солдаты против офицеров, регионалы против централистов, угнетенные национальности страны против имперского гнета. Именно коалиционная природа революционного движения обеспечила его победу в России [14].

Финская революция, с другой стороны, представляла практически чистый пример межклассового конфликта [21]. В отличие от революции

ресурсов, представительскую и другие функции. Она институционализирует статусы и роли в рамках системы церковного управления: пандито хамбо-лама, дид-хамбо, ширээтэ и т.д. Кроме того, в систему церковного управления включаются интегративные нормативные структуры, выполняющие функции нормотворчества и социального контроля. В рамках интегративной подсистемы происходит институционализация системы социальных статусов, связанных с социальным контролем внутри общины и интегрированных в систему церковного управления. Интеграция общины буддийского духовенства происходит на основе фиксированных норм и правил, особое место среди которых занимают дисциплинарные обеты Пратимокши. По обетам пратимокши происходит дифференциация социальных статусов монахов (гелонгов) и немонахов (генинов, банди и гецулов). Традиционно именно монахи имеют доступ к замещению должностей в системе церковного управления, образования, ведению культовой, образовательной деятельности, могут принимать новых членов общины и т.п. Вместе с тем, церковная система в основном базируется на административной должностной иерархии. В Бурятии, как и в современной Монголии, высшие позиции в сангхе занимают не монахи и не хубилганы, кроме того не предъявляются требования к прохождению всех ступеней традиционного монастырского образования, хотя часто такое «отступление» от доктринальных положений объясняется временем «упадка» религии и переходным состоянием сангхи. Более того, существующая система церковного управления и в Бурятии, и в Монголии не заинтересована в усилении института хубилганов.

Ядром политической подсистемы Буддийской традиционной сангхи России выступает институт Пандито Хамбо лам, причем в современном варианте система оформилась в результате деятельности XXIV Пандито Хамбо-ламы Дамбы Аюшеева, которая в целом направлена на дальнейшую институционализацию буддизма в Бурятии. Это проявляется в развитии и укреплении системы образования и подготовки кадров, системы управления и кадровой службы дацанов, мерах по унификации хуралов и переводе служб с тибетского на бурятский язык. Усилению института Пандито Хамбо-лам, придается большое значение, постоянно подчеркивается длительность его исторической традиции и преемственность независимого от иных центров Гелуг развития.

Кроме того, Пандито-Хамбо лама является одним из центральных персонажей публичного политического процесса региона, выступая в роли идеолога этнокультурного возрождения, выдвигая фактически его программу [12, с. 183]. Во многом именно актуальность этнополитической составляющей обусловила значимость деятельности Пандито Хамбо-ламы не только как одного из духовных лидеров, но и как публичного политика. Причем, хотя по многим вопросам политического процесса он выступает как лидер общественного мнения, в таких резонансных вопросах как, например, «ликвидация» бурятских автономных округов или ситуация вокруг приглашения Далай-Ламы, налицо весьма сдержанная позиция.

В современной России буддийское духовенство оказалось в новых для себя социально-политических и правовых условиях. Распад Советского Союза и оформление нового государства – Российской Федерации – кардинально изменили систему государственно-конфессиональных отношений. С трансформацией политической системы России, буддийское духовенство России начинает активно участвовать в политическом процессе. Причем его политическое участие получило неоднозначную оценку. Так, например, А.Д. Нанзанов констатирует, что в июне 1998 года руководство БТСР оказалось втянутым в так называемые «грязные технологии», связанные с выборами президента РФ [14, с. 188-221]. Именно с этого времени, как принято считать, происходит резкое ухудшение отношений БТСР и республиканского руководства, с чем связывают также и нагнетание напряженности во внутрицерковном «расколе». С другой стороны, существует мнение, что «как один из социальных институтов государства, Буддийская церковь должна взаимодействовать и сотрудничать с государственными органами власти и органами местного самоуправления, не вмешиваясь при этом во внутренние дела друг друга» [26, с. 29]. Существенным фактором выведения внутрибуддийских противоречий в публичную плоскость является резонанс вокруг взаимодействия БТСР и тибетской диаспоры, включая проблему приглашения Далай-ламы XIV.

Представители духовенства активно участвуют в деятельности политических представителей, совещательных и консультативных органов. Так, ряд священнослужителей входит в состав Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при Президенте Республики Бурятия. Буддийские религиозные органи-

11. Arosalo S. Social conditions for political violence: red and white terror in the Finnish Civil War of 1918 // Journal of Peace Research. – 1998. – №35.
12. Figes O. Peasant Russia, Civil War: the Volga countryside in revolution. – Oxford: Oxford University Press, 1989.
13. Figes O. The red army and mass mobilization during the Russian Civil War // Past & Present. – 1990. – №129.
14. Figes O. A People's tragedy: the Russian revolution, 1891-1924. – London: Penguin, 1996.
15. Gatrell P. Russia's First World War: a social and economic history. – Harlow, England: Pearson, 2005.
16. Hasegawa T. The February Revolution: Petrograd 1917. – Seattle: The University of Washington Press, 1981.
17. Holquist P. Making war, forging revolution: Russia's continuum of crisis, 1914-1921. – Cambridge, MA: Harvard University Press, 2002.
18. Kenez P. A history of the Soviet Union from the beginning to the end. – Cambridge: Cambridge University Press, 2006.
19. Kirby D. Revolutionary ferment in Finland and the origins of the Civil War, 1917-1918 // The Scandinavian Economic History Review. – 1978. – 26.
20. Kirby D. The workers' cause: rank-and-file attitudes and opinions in the Finnish Social Democratic Party, 1905-1918 // Past & Present. – 1986. – №111.
21. Kissane B., Sitter N. Civil Wars, party politics and the consolidation of regimes in Twentieth Century Europe // Democratization. – 2005. – №12.
22. Kronlund J. Suomen puolustuslaitos 1918-1939. Puolustusvoimien rauhan ajan historia, Sotatieteen laitoksen julkaisu XXIV, Sotahistorian toimisto. – Porvoo: WSOY, 1989.
23. Malia M. The Soviet tragedy: a history of socialism in Russia, 1917-1991. – New York: Free Press. – 1994.
24. Manninen O. Red, white and blue in Finland, 1918 // Scandinavian Journal of History. – 1978. – №3.
25. Manninen T. Järjestysvalta järkkyy: Kaartit vastakkain in Itsenäistymisen vuodet I: Irti Venäjältä VAPK Kustannus. – 1992.
26. Pipes R. The Russian revolution. – New York: Vintage Books, 1990.

27. Pipes R. Russia under the Bolshevik Regime. – New York: A.A. Knopf, 1993.
28. Ragin C. The comparative method. – Berkeley, CA: University of California Press, 1987.
29. Rasila V. Finnish Civil War and land lease problem // The Scandinavian Economic History Review. – 1969. – №17.
30. Sanborn J. Drafting the Russian nation: military conscription, Total War, and mass politics, 1905-1925. – DeKalb, IL: Northern Illinois University, 2002.
31. Smith J. Finland and the Russian Revolution, 1917-1922. – Athens, GA: University of Georgia Press, 1958.
32. Söderhjelm H. The red insurrection in Finland in 1918. – London: Harrison and Sons. – 1919.
33. Upton A. The Finnish revolution, 1917-1918. – Minneapolis, MN: University of Minnesota Press, 1980.
34. Wildman A. The end of the Russian imperial army: the old army and the Soviets' revolt (March-April 1917). – Princeton, NJ: Princeton University Press, 1980.
35. Ylikangas H. Tie Tampereelle. – Helsinki: WSOY, 1993.

Осинский Павел Иванович, доктор философских наук, ассистирующий профессор департамента социологии Аппалачского государственного университета, г. Бун, США, e-mail: osinskyp@appstate.edu.

Элоранта Яри, доктор исторических наук, ассоциированный профессор департамента истории Аппалачского государственного университета, г. Бун, США, e-mail: elorantaj@appstate.edu.

Osinskiy Pavel Ivanovich, doctor of philosophical science, assistant professor, department of sociology, Appalachian State University, Boone, NC, USA, e-mail: osinskyp@appstate.edu.

Eloranta Jari, doctor of historical science, associate professor, department of history, Appalachian State University, Boone, NC, USA, e-mail: elorantaj@appstate.edu.

УДК 294.3+32

© Т.Б. Бадмацыренов

САНГХА И ПОЛИТИКА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ БУДДИЙСКОГО ДУХОВЕНСТВА МОНГОЛИИ И БУРЯТИИ

*Статья выполнена при поддержке РГНФ в рамках гранта международного конкурса РГНФ-МинОКН 2012 г. «Возвращение России в Монголию: модели и сценарии» № 12-23-03002

Статья посвящена описанию политических аспектов функционирования современного буддийского духовенства. Сангха является важным, хотя и не относящимся к числу наиболее значительных субъектом политического процесса Бурятии и Монголии. С одной стороны, «внутрибуддийские» отношения упорядочены по существу политическими институтами, а с другой – сангха интегрирована в публичный политический процесс.

Ключевые слова: буддизм, буддийское духовенство, сангха, политика, церковь.

Т.В. Badmatsyrenov

THE SANGHA AND THE POLITICS: POLITICAL ASPECTS OF THE FUNCTIONING OF THE BUDDHIST CLERGY IN BURYATIA AND MONGOLIA

This research is devoted to the political analysis of the Buddhist clergy. The Sangha is the important subject in political process in Buryatia and Mongolia. There are some differences between a public politics and the inner-church

relations, though these spheres in functional structure are political. The author describes inner-sangha relations through the peculiarities of the traditional and the non-traditional Buddhist community organization.

Key words: *Buddhism, Buddhist clergy, Sangha, politics, church.*

Буддийская церковь исторически выполняла в бурятском обществе этноконсолидирующие функции, которые в других странах брало на себя государство, а потому воздействие буддизма на формирование национального самосознания, национальную идеологию бурят было более значимым, чем роль религии в странах с сильной национальной государственностью. Буддийское духовенство активно участвовало в политическом процессе, особенно в начале XX века. В современной Бурятии влияние буддизма на политику далеко не столь значительно, хотя ряд обстоятельств позволяет сделать вывод о наличии политического потенциала буддийской церкви. Так, Пандито Хамбо-лама Д.Аюшеев признается одним из наиболее влиятельных политиков региона, а буддистами считает себя значительное число жителей Бурятии и иных регионов. В истории Монголии буддизм сыграл еще более значимую роль. Становление независимого государства, формирование политической культуры и национальной идентичности неразрывно связано с буддийской церковью. В современной же Монголии сангха хотя и обладает большим политическим значением, закрепленным в ряде правовых документов, но влияние ее весьма ограничено и несравнимо с государственными институтами или политическими партиями.

Цель данной работы состоит в выявлении политических аспектов функционирования буддийской церкви в Монголии и Бурятии.

В целом, если говорить о политическом значении буддизма, можно различать идейный уровень политической культуры и институциональный – сферы взаимодействий между политическими акторами. Другими словами, буддизм воздействует на политику посредством «идеального влияния буддийских концептов и символов на структуру и механизм власти,... прямого влияния сангхи (буддийского монашеского ордена) как социального института, как экономической и политической силы на борьбу за власть и осуществление власти» [1, с. 268]. В идейной сфере для сегодняшних Бурятии и Монголии характерно господство светских идеологических принципов конструирования политической системы. В политике буддийская культура выступает в качестве сегмента, для Бурятии преимущественно в сфере этнополитического дискурса одного из «национальных» регионов, а в Монголии как декларируемого общекультурного фона

суверенного государства. Функционирование политических институтов в обоих случаях основано на идеях национального светского государства, ориентированного на демократические принципы.

В описании политических функций буддийской церкви можно говорить о ее внутренней организации как совокупности по сути политических институтов. В отличие от «большой» политики, взаимодействия внутри сангхи необязательно имеют публичный характер и не всегда направлены на взаимодействие с политическими государственными институтами. С другой стороны, церковь включена в современный публичный политический и правовой контекст, «открытое прокламирование буддийских ценностей осуществляется по трем направлениям: его адресатами выступают общество, государство и международное сообщество» [17, с. 297].

Границу между «внутрибуддийской» и публичной политикой провести подчас довольно сложно, поскольку внутренние проблемы буддийского сообщества часто становятся предметом общественного обсуждения, и логика современного политического процесса вынуждает церковь выступать в качестве субъекта политики, прежде всего, во взаимодействии с государством.

В настоящее время в Бурятии зарегистрировано 57 буддийских организаций, в которых несколько различаются системы управления и должностной иерархии [21, с. 46-52, 233]. В Монголии зарегистрированных буддийских монастырей и храмов насчитывается 142 [13, с. 344].

Организационное развитие буддизма протекает в двух формах: традиционной, хотя и построенной на обновленческих принципах, дацанской (монастырской) и, сравнительно новой для Бурятии, форме Дхарма-центров. В рамках этих двух типов общин конструируются различающиеся системы иерархии, хотя в основе они базируются на общих для тибетской традиции принципах, проявляются некоторые различия, которые можно трактовать как политические. В монгольской и бурятской буддийской традиции монастырь конституировался на основе монашеской общины, хотя монахи-гелонги, как правило, не составляли большинство. Исторически существовало несколько типов монастырей, причем преимущественное распространение получили монастыри школьного типа, возникшего

еще в Индии. Первые буддийские монастыри в Бурятии появляются после 30-х годов XVIII века. До этого времени существовали единичные княжеские молельни и родовые общественные сумэ в войлочных юртах, «которые еще не были объединены в единую систему церковной организации ламаистов Забайкалья» [11, с. 18.]. По мнению С.П. Нестеркина, современные монастыри изменили свои функции, «они перестали быть местом уединения монахов, в основном в них проводятся хуралы и требы по заказам населения, что ведет к росту числа дуганов, которые для удобства прихожан строятся в черте населенных пунктов» [15, с. 148.]. Сегодня постоянно в дацанах находится лишь небольшое число лам и хуварак, основная же их часть проживает вне пределов монастырей. Увеличение количества дуганов и их постройка в черте населенных пунктов связаны также и с изменениями территориально-поселенческой карты Бурятии. Значительное количество дуганов функционирует в г. Улан-Удэ, они зарегистрированы как местные религиозные организации буддийских общин, имеют штат лам и хуварак, однако дацанами не являются. Хотя существуют буддийские монашеские общины и общины мирян, с точки зрения действующего законодательства, как религиозные организации они не дифференцируются.

Дхарма-центры возникли в XX веке в период распространения буддизма в странах Запада. Как правило, Дхарма-центрами называют буддийские общины, членами которых являются преимущественно миряне. Деятельность в центрах многообразна: проводятся лекции, беседы с тибетскими учителями и их учениками, медитационные занятия, одним из основных направлений деятельности крупных центров является издательская [4, с. 31.]. В средствах массовой информации, печатных и электронных изданиях, научной и популярной литературе взаимодействию буддийских организаций уделяется весьма пристальное внимание, которое временами превращается в довольно оживленные дискуссии [3; 5; 6; 7, с. 99; 8; 10; 14, с. 35; 19; 23]. Одним из таких сюжетов стала деятельность тибетских лам в России, которой подчас приписывается характер политической деятельности в интересах тибетской эмиграции [2; 18, с. 72-79].

Система церковного управления выполняет политическую функцию целеполагания, реализует внутреннюю субординацию системы ролей и статусов и организует мобилизацию ресурсов в интересах поддержания функционирования всей церковной системы. В узком смысле, это

церковно-административная система управления сангхой, включающая иерархию должностных статусов и ролей от Пандито Хамбо-ламы до хуварака. На этом уровне сангха представляет собой совокупность ассоциаций, основанных на иерархической дифференциации статусов своих членов, отражающей функциональные и престижные их различия, и связанных с политическими аспектами взаимодействия людей. В широком смысле церковная организация практически совпадает с социальной системой буддийского сообщества и включает не только административные должностные позиции, но и иные статусы, включенные в буддийский социум. В этом смысле и в терминах принятой нами аналитической схемы политика включает не только основные функции правительства в его отношениях с социальным сообществом, но и те аспекты любого коллектива, которые связаны с организацией и мобилизацией ресурсов для достижения его целей [20, с. 30].

В церковной организации Гелуг существует ряд элементов, которые могут занимать промежуточное положение в системах как религиозного, так политического управления. Особо следует отметить существование специфической иерархической системы тулку, которая выполняет очень важные экономические и политические функции. Хубилган, или, как закрепилось уже в русском языке, «перерожденец», обладает автономной доктринальной легитимностью, так, сангху составляют четыре монаха-гелонга или один святой [9, с. 39]. Кроме того, показательно, что после разрушения организованной церкви в Бурятии «действовали многочисленные «хубилганы» и «гэгэны» [25, с. 69]. Исторически в Бурятии институт хубилганов не получил развития, подобного Тибету и Монголии, хотя существуют данные о нескольких линиях перерождений. Возможно, определяющими факторами явились периферийное положение и изоляция Бурятии от основных центров Гелуг, политика царской администрации и противодействие церковного аппарата. В современной Монголии и Бурятии церковь в целом построена на административном принципе и выборных началах. Так, Буддийская традиционная сангха России (БТСР) возглавляется Пандито Хамбо-ламой, буддийская церковь Монголии – Хамбо ламой, во главе Центрального духовного управления буддистов (ЦДУБ) и Объединения буддистов Бурятии стоит председатель, и все они избираются из числа духовенства.

Политико-управленческая группа функций включает функции управления, распределения

новых возникли из-за трудностей становления и развития демократических основ российской государственности в сложных условиях утверждения рыночных отношений [1].

На сегодняшний день в Бурятии официально зарегистрировано 368 периодических печатных изданий, среди которых 241 газета, 112 журналов, 5 местных телекомпаний и 11 местных радиокомпаний.

Средства массовой информации организуют общение, объединяют людей, помогают по крупицам восстанавливать народные праздники, традиции, обряды, стимулируют самодеятельное художественное творчество, а также вооружают методикой обучения и саморазвития [1].

Особенности социокультурной ситуации в России на рубеже XX и XXI вв. и, прежде всего, девальвация официальной государственной идеологии, привели к ситуации «вакуума» в массовом сознании, который все более явно заполняется различными версиями идеологий, содержащих этнонационалистические компоненты. Обеспечение толерантности в современной России – одна из сложных и настоятельно требующих разрешения проблем современности. Увеличение количества людей, не способных найти свое место в обществе, создает предпосылки для конфликтов и порождает агрессивную атмосферу.

Роль и значение толерантности в обществе вытекает из ее сущности. Именно уровень отношения основной массы людей к различным идеологическим теориям, моральным, религиозным взглядам, культурным явлениям, к людям разных национальностей в значительной степени определяет общественную стабильность, является непременным условием социального и духовно-нравственного прогресса. В настоящее время проблема формирования толерантности стоит достаточно остро. В данной ситуации существенно возрастает роль средств массовой информации, которые берут на себя функцию культурного образования индивида, предлагая ему многообразные технологии эффективной деятельности [5]. Поэтому телевидение, Интернет и другие СМИ для человека – это инструмент, с помощью которого он ориентируется и действует в жизни.

Организуя отбор и трансляцию информации, СМИ формируют информационные потоки, которые во многом задают новые стандарты образа жизни, ценностей, норм социального поведения [16].

Примечательно, что участие СМИ в общественно-политических отношениях находится в

центре внимания органов власти, которые и напрямую регулируют протекание этнополитических конфликтов. Российская современная политическая практика, связанная с международными конфликтами, показывает, что динамика международных конфликтов тесно связана с нерешенностью проблем трудоустройства, отсутствием уверенности в завтрашнем дне. Значительная часть граждан склоняется к мнению о том, что среди причин, способствующих развитию международных противоречий, выделяется коррумпированность власти, особенно правоохранительных структур, неуважительное отношение со стороны иммигрантов к российским традициям, выражающееся в вызывающем поведении, связях с криминалом, а также в бездействии центральных и региональных властей, неспособных придать иммиграции более цивилизованные формы [12].

Причинами этнонациональных конфликтов могут быть и экономический кризис, нарастание социальной напряженности, политическая борьба, крушение прежних идеологических ориентиров и появление суррогатов, коррумпированность старых и новых бюрократических структур, паралич власти в центре и в регионах, то есть разрушение старого и отсутствие нового – вот общие черты конфликтов на этнической почве [3].

Особенно трудноразрешимой проблемой для новых режимов является та, которая предусматривает политические права этнических групп. Урегулирование этнополитических проблем представляется также возможным эволюционными методами. Ужасы этнического конфликта и гражданской войны или страх перед возможностью такого поворота событий могут быть столь велики, что полностью подорвут доверие к националистическим элитам со стороны их избирателей. Массовое сопротивление разорению страны и страданиям способны породить общее осознание того, что нынешний конфликт, война и репрессии создадут историческое оправдание для эскалации конфликта и превращения его в перманентный [17].

«ТВ – это целая система с колоссальной возможностью воздействия на личность», – отмечает в одном из интервью теоретик Ясен Засурский. В городе Улан-Удэ вещает 9 московских каналов, 3 из которых имеют сетевых партнеров в регионе с объемом вещания от 3 до 6 часов ежедневно (некоммерческие телеканалы – ТК «Ариг Ус», СТС-Байкал, государственный телеканал ГТРК «Бурятия»). С 2010 г. Улан-Удэнская телекомпания «Тивиком» прекратила

зачины и священнослужители активно взаимодействуют с органами местного самоуправления и районными администрациями. При этом, «каждый из глав дацанов решает проблемы взаимодействия с обществом и государственной властью самостоятельно» [6]. В 1990 г. шэрээтэ-лама Ленинградского дацана Эрдэм-лама (Э.Д. Цыбикжапов) среди значительного числа кандидатов одержал победу на выборах в Верховный Совет РСФСР. В качестве депутата работал заместителем председателя Комитета Верховного Совета РСФСР по свободе совести, вероисповеданиям, милосердию и благотворительности. На выборах депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ по одномандатному округу от Бурятии в 1995 году баллотировался Н.Илюхинов, занявший по результатам выборов четвертое место в списке из девяти кандидатов. В 2003 году кенсур Чой Доржи (А.Н. Будаев) выдвигался в качестве кандидата на выборах депутата Государственной Думы Федерального Собрания РФ, и занял третье место. Ряд представителей буддийского духовенства избирались депутатами Народного Хурала Республики Бурятия (М.Р. Чойбонов, Д.-Х. Самаев, Д.-Н.В. Содномдоржиев).

Пандито Хамбо-лама Д.Аюшеев является членом Совета по взаимодействию с религиозными объединениями при президенте Российской Федерации, входит в президиум Межрелигиозного совета России, а также президиум Межрелигиозного совета стран СНГ. Входил в состав Общественной палаты Российской Федерации.

БТСР принимает активное участие в деятельности Азиатской Буддийской Конференции за Мир (АБКМ), которая объединяет 22 национальных центра из 16 стран Азии, многих авторитетных буддийских лидеров, политических и общественных деятелей. АБКМ имеет статус третьей категории в ЮНЕСКО и признана ООН в качестве неправительственной организации. Штаб-квартира АБКМ находится в г. Улан-Батор в монастыре Гандантегчинлинг. Президентом организации является Глава буддистов Монголии Хамбо лама Чойжамц. В России действуют два национальных центра, одним из которых является Агинский дацан. Пандито Хамбо лама Д.Аюшеев является вице-президентом АБКМ.

В Монголии протекают схожие с Бурятией, хотя и далеко не идентичные процессы, религия занимает важное место в политической жизни, а воспроизводство национальной политической идентичности весьма тесно сопрягается с этно-религиозным компонентом. Так или иначе, во-

просы, связанные с религией, выступают объектом общественной дискуссии, рефреном обсуждаются в СМИ, затрагиваются в выступлениях политических деятелей. Даже в условиях радикально, по оценке ряда экспертов, либерального законодательства в отношении религии, буддизм занимает место «объективированного» культурного «фона» во взаимодействии политических акторов Монголии. В условиях сложившейся политической системы существует совокупность устойчивых идей, отражающих ведущую роль буддизма в современном монгольском обществе, они закреплены в целом ряде основополагающих нормативных правовых актов и программных документах политических партий.

Воспроизводство религиозной идентичности в политическом отношении протекает через реконструкцию буддийских «смыслов» и эксплуатацию буддийских образов в политической практике. Нельзя не отметить существование определенного противоречия в том, что современное монгольское государство, которое конструировалось как светское, более того, марксистское, и прямо противопоставлялось предшествующему опыту буддийского теократического развития, на новом, демократическом, витке своего развития довольно активно использует буддийскую семантику. В период становления демократического режима реабилитация буддизма в качестве одного из столпов национальной культуры совпала со все возрастающим влиянием буддизма, особенно школы Гелуг, на международный политический процесс. С конца XIX века начинается становление «глобального» буддизма, когда он проникает в европейскую культуру и обретает в ней новые черты и организационные формы, зачастую лишаясь религиозного содержания и усиливая философский компонент. К концу же XX века буддизм выступил одним из символов культурной глобализации. С другой стороны, события 50-х годов XX века в Тибете, тибетская диаспора на Западе и активная международная деятельность Далай-ламы XIV способствовали существенной политизации буддизма и признанию его как значимого фактора международных отношений. В отношении России в этот период даже применяется термин «необуддийская эйфория», который был призван отразить восприятие буддизма в регионах его нетрадиционного распространения.

Вместе с тем, политическая роль собственно сангхи в современной Монголии, хотя она принимает активное участие в международных организациях и, несмотря на успехи религиозного возрождения последних двадцати лет, несрав-

нима с историческим политическим значением периода становления независимого монгольского государства. Буддизм и буддийское духовенство находятся в современной Монголии в совершенно иных политических, социально-экономических и культурных условиях, что проявляется и в функционировании современной монгольской сангхи, которая руководствуется организационными принципами, в целом выработанными в течении социалистического периода, и значительно отличающимися от организации церкви до 30-х годов XX века.

В настоящее время, после кончины Джебзун Дамба-хутухты, встает проблема дальнейшего развития буддийской церкви в свете отношений Монголии, Китая и тибетской диаспоры. Позиция Далай-ламы XIV, который представил в 1991 году Джебзун Дамба-хутухту IX, может весьма существенно сказаться на развитии монголо-китайских отношений. С другой стороны, весьма вероятно стремление, по крайней мере, части монгольской политической элиты к использованию ситуации с поиском Джебзун Дамба-хутухты. Нельзя не отметить пристальный интерес и со стороны российских буддистов, которые также могут занять неоднородные позиции.

Воспроизводство буддийской идентичности сопряжено также с изменениями в массовой религиозности населения Монголии. По материалам многих исследований, большинство жителей по-прежнему относят себя к буддистам, хотя отмечается устойчивый рост доли верующих иных конфессий. Отмечается рост числа организаций новых для страны школ и направлений «глобального» буддизма, таких как Кагью, Дзогчен, Ньигма. Усиливается влияние христианства, что связывается с развитием демократических прав и свобод. Характерно, что для постсоветских государств характерна схожая связь демократических ценностей с буддизмом. Это может служить доказательством кризиса традиционной религиозности, как объективного следствия развития монгольского общества. В этом контексте монгольская сангха занимает в большей или меньшей степени консервативные «охранительные» позиции защиты интересов национальной церкви.

В развитии буддийской церкви в Бурятии и в Монголии налицо повышение актуальности политической составляющей, включая ее внутрицерковное и публичное измерения. Сангха функционирует в сложных условиях изменения социальной структуры общества и становления новых форм организации политической жизни,

что оказывает существенное влияние на развитие буддийского сообщества.

Литература

1. Агаджанян А. Буддизм и политические конфликты в Юго-Восточной Азии – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2007. – С. 266-284.
2. Арзуманов И., Бычков О.В. Некоторые тенденции развития буддо-католической экспансии в Байкальском регионе // http://seminaria.bel.ru/pages/mo/2000/mo2_st_4.htm.
3. Аримпилов П. Живу с молитвами на устах... // Бурятия. – 2001. – № 244. – 25 дек.
4. Аюшеева Д.В. Современный тибетский буддизм на Западе. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003.
5. Бадмаев С.Н. Карма российского буддизма // http://religion.ng.ru/people/2011-08-03/5_karma.html.
6. Буддизм старый и новый. Интервью с главой БТСР пандито хамбо-ламой Д.Аюшеевым // Независимая газета. – 5 марта 2003.
7. Дондоков Б. Главная задача – консолидация // Легшед. – 1998. – № 3.
8. Дондоков Б. Сангха – открытая организация // Бурятия. – 2001. – № 238. – 15 дек.
9. Еше-Лодой Ринпоче Краткое объяснение сущности Ламрима / пер. с тиб. Ж.Урабханова. – Улан-Удэ: Ринпочебагша; СПб: Нартанг, 2002.
10. И снова о Хамбо-ламе Аюшееве... // Бурятия – 2001. – 13 нояб.
11. Ламаизм в Бурятии XVIII – нач. XX в. Структура и социальная роль культовой системы. – Новосибирск: Наука, 1983.
12. Махачкеев А. Портрет иерарха. XXIV Пандито Хамбо лама Д.Аюшеев. – Улан-Удэ: Нова Принт, 2012.
13. Монгол улсын статистикийн эмхэтгэл 2011. – Улаанбаатар: Монгол Улсын Үндэсний статистикийн хороо, 2012 – 462 с.
14. Нанзанов А.Д. Религиозные объединения в Бурятии 1990-2000 гг. // Общественные перемены Бурятии в условиях трансформации российского общества на рубеже веков. – Улан-Удэ: Изд-во ВСГТУ, 2002.
15. Нестеркин С.П. О церковной иерархии церковного буддизма // Буддизм в контексте истории, идеологии и культуры Центральной и Восточной Азии: материалы междунар. науч. конф. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003.
16. Новое объединение бурятских буддистов // Буддизм России. – 2002. – № 35.
17. Островская Е. Российский буддизм в оправе гражданского общества // Двадцать лет религиозной свободы в России / под ред. А.Малашенко и С.Филатова. – М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН), 2009.
18. Островская Е.А. Транснациональная сеть тибетского буддизма как инструмент эскалации этнорелигиозного конфликта // Вестник аналитики – № 35(2009-1).
19. Открытое письмо к Президенту Республики Бурятия Л.В.Потапову // Буддизм России. – 2000. – № 33.
20. Парсонс Т. Система современных обществ. – М.: Аспект – Пресс, 1997.
21. Религиозные организации Бурятии: словарь-справочник / С.В. Васильева и др. – Улан-Удэ: Изд-во Бурятского госуниверситета, 2011.
22. Сабиров Р.Т. Буддийская сангха в Монголии: конец 1980-х – 2003 гг. // Восток: история, филология, экономика. Вып. 3. – М.: Гуманитарий, 2004.
23. Терентьев А.А. Отягощенная карма конспиролога: Об истинных и мнимых конфликтах в буддийской общине

России // http://religion.ng.ru/society/2011-11-16/4_carma.html.

24. Цыбикдоржиев В. Сангха – не закрытая каста // Бурятия. – 2001. – № 165. – 1 сент.

25. Цыбикжапов В. Современная церковная организация ламаизма в Бурятии // Вопросы преодоления пережитков ламаизма, шаманизма и старообрядчества: сб. ст. – Улан-Удэ: Бурят кн-е изд-во, 1971.

26. Шаглахаев Д. Прошлое и настоящее Хойморского дацана. – Улан-Удэ, 2005.

УДК 394+070

© С.К. Зандеева

РОЛЬ СРЕДСТВ МАССОВОЙ ИНФОРМАЦИИ В ПРОЦЕССЕ ЭТНОПОЛИТИЧЕСКИХ КОНФЛИКТОВ

Природа средств массовой информации (публичность, открытость, доступность, массовость, периодичность) позволяет ей играть особую роль в становлении системы органов власти, в том числе развитии этнополитических процессов.

Ключевые слова: этнополитический процесс, этнополитический конфликт, толерантность, средства массовой информации, политическое право, этническое право, общенациональное и местное ТВ.

S.K. Zandeeva

THE ROLE OF MASS MEDIA IN THE PROCESS OF ETHNOPOLITICAL CONFLICTS

The nature of mass media (publicity, openness, availability, mass character, and periodicity) allows to play a special role in the formation of system of authorities, including development of the ethnopolitical processes.

Key words: ethnopolitical process, ethnopolitical conflict, tolerance, mass media, political right, ethnic right, all-federal and local TV.

Средства массовой информации являются полноправными участниками общественно-политических и этнополитических процессов. Они способны популяризировать традиционно-этнический и современный опыт межкультурного коммуникативного процесса. Национальное вещание, как один из видов средств массовой информации, отражает и организует этнический дискурс. В то же время посредством телевизионного вещания могут обостряться межэтнические отношения в силу предвзятого отражения этнополитических и этнокультурных процессов, а также неоправданного акцентирования этничности и необъективной оценки этнических групп, подчеркивающих их превосходство над другими. Таким образом, средства массовой информации, и особенно национальное вещание, играют существенную роль в формировании и развитии этнополитических конфликтов.

События последних десятилетий свидетельствуют об активизации и политизации межнациональных отношений в России и на постсоветском пространстве. Это обусловлено, прежде всего, возросшим уровнем этнического самосознания населения, которое характеризуется уси-

лением этнической специфики в обществе, последствиями политических и социально-экономических преобразований в России и странах бывшего СССР, в той или иной степени отражающих интересы различных этносов в радикально изменившихся условиях. Специфика переживаемого Россией и ее гражданами периода такова, что в современных условиях основная угроза национальной безопасности исходит не столько извне, сколько от различных деструктивных сил внутри страны [6].

Этнополитический процесс – вид социального процесса, который характеризуется изменением состояния социальной системы под воздействием факторов, включающих отношения между национальными общностями, а также этносами и государственными органами по поводу реализации интересов этнических групп и их притязаний на политическую власть. Этнополитические процессы, имевшие место в России в последние годы, характеризуются различной степенью остроты межнациональных конфликтов. При этом, не следует забывать о том, что многие из них достались России в «наследство» от бывшего СССР, а значительное число

требностей современного социокультурного процесса и не вписываются тем самым ни в господствующую глобализацию, ни в общий контекст мировой цивилизации.

Четвертый слой – носители религиозной культуры, роль которой в формировании поликультурного развития в России весьма значима. Религиозная культура, являясь неотъемлемой частью общей культуры человечества, в условиях поликонфессионального состояния российского общества, а также утраты духовных начал у населения оказывает весьма серьезное влияние на формирование культурной идентичности [4].

Поликультуризм в России, утверждает Л.А. Маршак, в силу переплетения культурных ценностей различных групп населения весьма неустойчив и подвижен, что препятствует формированию культурной идентичности. С ним в определенной мере солидарен С.Кортунов: Россия, как «слоенный пирог», погруженный в постмодернистскую эстетику, а ее идентичность к середине 90-х годов XX в. «оказалась не просто размытой, но пораженной эклектическим соединением несовместимых друг с другом идентичностей: дооктябрьской, советской и новой, «демократической». При этом российское общество оказалось полностью расколотым...» [5]. В этих условиях фактор культурной политики выступает важной частью идентификационного процесса, а также процессов адаптации к процессам глобального и регионального измерения.

В связи с этим еще более актуализируется проблема систематизации методологических подходов, проясняющих возможные варианты реализации культурной политики в современной России.

Первый методологический подход, обозначенный В.Е. Семеновым, рассматривает культурную политику как часть социальной политики государства. «Если социальная политика является практикой административного воздействия государства на социальную сферу или социальные отношения, – пишет он, – то и культурная политика понимается как практика административного воздействия на социальные отношения, затрагивающие положение сферы культуры в обществе» [6]. При таком подходе культура понимается как наследие/сокровище, которое надо беречь и приумножать. Это приводит к распределительному механизму управления культурой. Функция культурной политики определяется как благотворительность, ибо такая культурная политика исходит из дотационного понимания смысла операций с культурным ресурсом. Цель минимум такой культурной поли-

тики – простое воспроизводство ресурса принятого относить к сфере культуры, в то время как цель-максимум – накапливание этого ресурса, так же как накапливают сокровище. Негативным следствием такой политики может явиться девиация музеефикации культуры.

Второй подход трактует культурную политику как менеджмент культурной среды. «Идейным» основанием такого понимания является представление о том, что любой ресурс, в том числе и ресурс культуры, должен трансформироваться в тот или иной вид капитала: символического, культурного, социального. Соответственно, в культуру, представляющую ценность для всего общества, следует инвестировать средства. В условиях новой экономики освоение современного менеджмента в сфере культуры действительно становится насущной необходимостью. Умение заботиться о посетителях и удовлетворять их потребности, освоение PR-технологий, сотрудничество со СМИ, внедрение проектной деятельности, разработка успешных маркетинговых ходов, включенность в современные информационные сети – являются неотъемлемой частью деятельности учреждений культуры как генераторов социального капитала. Безусловно, абсолютизация этого подхода, как отмечают исследователи, может привести к коммерциализации культуры.

Субъектно-ориентированный и ситуативный подходы применительно к культурной политике современной России, предложенные Л.Е. Востряковым, выдвигают на первый план действующих субъектов культурной политики. Им выделены следующие институционально-организованные субъекты культурной политики:

- 1) государство и его институты;
- 2) органы управления культурой;
- 3) организации культуры и искусства;
- 4) творческие объединения и союзы создателей художественных ценностей;
- 5) общественные организации и объединения поддержки культуры [7].

Исследователь убежден, что для России с ее высоким уровнем региональной дифференциации ни патерналистская, ни рыночная модели культурной политики не могут быть использованы как базовые для всей страны. Их следует позиционировать как имеющие право на существование в различных пропорциях в разных по социально-экономическому положению и по темпам адаптации к рыночным условиям регионах. Предложенный им подход может быть трактован как интегративный, сочетающий как традиции патронирования сферы культуры со

отношения со своим сетевым партнером в лице федерального телеканала РЕН-ТВ и полностью перешла на формирование собственной сетки вещания. В 9 районах республики вещает 3 телеканала, в Северобайкальском районе, помимо 3-х телеканалов, представлена одна местная студия телевидения. Местные коммерческие телеканалы вещают на город и близлежащие районы, потенциальная аудитория составляет 480 тыс. зрителей. Это социально и экономически наиболее активная его часть, проживающая в политическом, финансовом и культурном центре региона. Благодаря разработанной с общероссийским сетевым партнером сетке совместного вещания, телеканал ТНТ-«Ариг-Ус» имеет 26% от всего транслируемого эфира. Подавляющая часть собственных программ телекомпании «Ариг-Ус» размещается в наиболее удобный вечерний прайм-тайм. Из общего объема всех региональных телеканалов 15% составляет вещание на национальных языках этнических групп, проживающих на территории республики (бурятский, эвенкийский языки). В целом, региональные СМИ, в том числе вещание на национальных языках этнических групп, отражает современные задачи государственных и муниципальных структур по эффективному включению этнических групп в социокультурный процесс на базе интегративных ценностей. Но все же, выделяются возможности СМИ в обозначении предпосылок, причин и предлогов конфликтных ситуаций. Анализ материалов показывает, что в них содержится характеристика социально-экономического и этнополитического фона описываемых событий. Во многих материалах журналистов отмечается их стремление к подчеркиванию этнической природы конфликтов. Именно это и актуализирует роль СМИ в отражении проблемных сторон формирования, функционирования и развития этнополитических конфликтов.

Литература

1. Баранов Н.А. Политические отношения и политический процесс в современной России: курс лекций: в 3 ч. – СПб.: Изд-во БГТУ, 2004.
2. Бызов Л. Консервативная волна в России // URL: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/3298.html>.

3. Вдовин А.И. «Российская нация»: Национально-политические проблемы XX в. и общенациональная российская идея. – М., 1995.
4. Доклад Госкомстата России «Об итогах Всероссийской переписи 2002 года» 12 февраля 2004 г. // URL: http://www.gks.ru/PEREPIS/osn_itog.htm.
5. Захаров А.А. «Исполнительный федерализм» в современной России // Полис. – 2001. – №4.
6. Здравомыслов В.Г., Матвеева С.Я. Межнациональные конфликты в России // Общественные науки и современность. – 1996. – № 2.
7. Клайн Э. Самоопределение наций: созидание или опасная забава? // Общественные науки и современность. – 1993. – №2. – С.162-164.
8. Кретов Б.И. Современная российская политическая система: учеб. пособие. – М., 1998.
9. Каменская Г.В. Федерализм: мифология и политическая практика. – М., 1998.
10. Конституция Российской Федерации. – М., 1993.
11. Матвеева С.Я. Национальные проблемы России: современные подходы // Общественные науки и современность. – 1997. – № 1.
12. Матвеев В.В. Национальный вопрос и государственно-политические реальности России // Российская историческая политология: курс лекций: учеб. пособие / отв. ред. С.А. Кислицын. – Ростов н/Д, 1998. – С.551.
13. Оффе К. Этнополитика в восточноевропейском переходном процессе // Полис. – 1996. – №2.
14. Пресс-выпуск №529. 11.09.2006 г. // URL: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/3189.html>.
15. Саква Р. Путин: выбор России: пер. с англ. – М., 2005. – С.310-311.
16. Путин В.В. Россия на рубеже тысячелетий // URL: <http://www.panorama.ru/works/putin/programm.html>.
17. Политология в вопросах и ответах: учеб. пособие для вузов / под ред. Ю.Г. Волкова. – М., 2001.
18. Россия: Опыт национально-государственной идеологии / В.В. Ильин, А.С. Панарин, А.В. Рябов; под ред. В.В. Ильина. – М., 1994. – С.5.
19. Соловьев А.И. Политология: Политическая теория, политические технологии: учебник для студентов вузов. – М., 2001. – С.175.
20. Федоров В. Свой среди чужих // URL: <http://wciom.ru/arkhiv/tematicheskii-arkhiv/item/single/3299.html>.

Зандеева Саяна Кимовна, аспирант кафедры политологии и социологии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: sajana2002@mail.ru.

Zandeeva Sayana Kimovna, postgraduate student, department of political science and sociology, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: sajana2002@mail.ru.

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

УДК 323.212

© Т.Г. Цыбиков

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИССЛЕДОВАНИЮ КУЛЬТУРНОЙ ПОЛИТИКИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье определены основные методологические подходы к исследованию парадигмы «культурная политика», проблемы взаимодействия культуры и политики. Автор делает аналитический обзор по исследованиям в области моделей культурной политики, рассматривает проблему формирования культурной идентичности в контексте смены управленческой парадигмы в сфере современной российской культуры.

Ключевые слова: культура, культурная политика, культурная деятельность, акторы культурной политики, инвестиции в культуру, культурная идентичность.

T.G. Tsybikov

METHODOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF THE CULTURAL POLICY IN THE MODERN PERIOD

The article deals with the principal methods and approaches to the study of the interaction between politics and culture, and cultural policy. The author gives an analytical summary of the research work in the field of various models of the cultural policy and regards the issue of the formation of the cultural identity within the context of the change of the administrative paradigm in the sphere of culture in the modern Russia.

Key words: culture, cultural policy, cultural activity, actors (participants) of the cultural policy, investments to the culture, cultural identity.

Последние годы отмечены значительным расширением диапазона точек зрения на такие понятия как «культура», «культурная политика». Исследования методологического характера, посвященные культурной политике, свидетельствуют о том, что в последние десятилетия в отечественной науке усилился поиск новых принципов культурной политики, наметился отход от господствовавших в советский период идеологических стереотипов [1].

Ввиду того, что понимание культурной политики колеблется от всеохватывающей трактовки как «регулирования жизни через поддержание установившихся социально-полезных процессов» до инструментальных интерпретаций в рамках конкретных моделей культурной политики, действующих в разных странах мира, представляется необходимым осуществить методологическую рефлексии и выделить основные подходы к пониманию содержания этого понятия. Актуальность этой задачи определяется несомненной значимостью теоретических обобщений для открытия новых концептуальных возможностей и формулирования новых стратегических целей в сфере культуры.

Вопросы взаимоотношения государства и культуры традиционно вызывают дискуссии, в

которых высказываются полярные точки зрения. Сложность исследования культурной политики обусловлена тем, что она, как и культура, является целостной, постоянно изменяющейся системой. Давая определения культурной политике, исследователи акцентируют внимание на:

- 1) стратегических целях культурного развития;
- 2) состоянии институтов;
- 3) административных, финансовых, человеческих и творческих ресурсах;
- 4) тактическом и оперативном управлении учреждениями культуры со стороны государственных институтов.

Л.Е. Востряков, проводя анализ исторических этапов становления культурной политики в разных странах, выявил, что различия в культурных стратегиях объясняются разным подходом к определению ее целей, механизмов реализации и результатов [2]. Действительно, любое государство, конструируя национальную концепцию культурной политики, учитывает специфику сложившейся политической, экономической, культурной, языковой ситуации. Культурная политика не представляет собой некую застывшую догму. За последние пятьдесят лет, по мнению исследователя, можно было наблюдать три

типа участия государства в культурной политике:

– харизматическую политику, смысл которой состоит в поддержке со стороны государства, прежде всего, организаций и отдельных персон, имеющих общенациональное значение и известных за пределами данного государства;

– политику доступности, основные усилия которой концентрируются на обеспечении равного доступа различных категорий населения к образцам и артефактам, признанным (в силу разных причин) классическими вершинами культурной и художественной деятельности;

– политику культурного самовыражения, в рамках которой ценной признается любая попытка культурной самоидентификации (местного или же профессионального сообщества, диаспоры, социальной группы или любого другого «меньшинства»). В этом случае классическая культурная иерархия исчезает, а главенствующее место эстетических категорий оказывается занятым ценностями культурной коммуникации и самовыражения.

Исходя из приведенной выше типологии, можно сделать вывод о том, что в практике европейских государств постепенно расширяется пространство влияния/претворения в действие культурной политики, соответственно расширяется круг ее акторов. Об этом свидетельствует и обзор основных направлений культурной политики в разных странах в диахроническом аспекте: «культура для всех» (50-60-е гг. XX в.) – доминирование идеи культурной демократии или равного доступа всех к культуре; «культура для каждого» (70-е гг. XX в.) – усиление местной идентичности и активизация культурной жизни на местном уровне; «децентрализация культуры» (80-е гг. XX в.) – партнерство центральной государственной власти и регионов; «инструментальная» культурная политика (90-е гг. XX в.) – культура, как средство/инструмент развития общества; «креативное управление» (в настоящее время) – управление через сетевые структуры, форумы, институты и административные системы, что подразумевает гибкость и открытость дальнейшим инновациям [3].

По результатам исследования целого ряда стран, доказано, что оживление культурной деятельности способствует социальному и экономическому развитию и процветанию, в том числе на региональном уровне. Осмысление ценности культуры с точки зрения того, что любые инвестиции в нее имеют социально-экономический эффект и идут на решение социальных проблем способствовало появлению

концепции культуры как инструмента развития общества. На стыке тысячелетий культурная политика продвинулась в центр стратегий развития, произошел своеобразный «поворот к культуре». Об этом, в частности, свидетельствуют итоговая декларация конференции Юнеско (Стокгольм, 1998), а также решение Мирового банка на встрече 1999 г. во Флоренции о необходимости развивающимся странам в программах на получение займов учитывать культурные факторы.

Что касается советской модели культурной политики, то она была обусловлена преобладавшей в философско-культурологических исследованиях деятельностью трактовкой культуры (Н.С. Злобин, М.С. Каган, Э.С. Маркарян, В.М. Межуев). Сформировавшийся в советский период «народно-хозяйственный», «ресурсно-отраслевой» принцип рассмотрения вопросов культуры и культурной политики сохраняет свои позиции и в настоящее время.

Вместе с тем вполне очевидно, что новые реалии требуют адаптации сферы культуры не только к новому типу хозяйствования в условиях рыночных отношений и перераспределения полномочий, но и к социокультурному контексту эпохи.

Смена политической парадигмы, социально-экономические, культурные трансформации российского общества привели к формированию поликультуризма. Л.А. Маршак, опираясь на данные разносторонних исследований, выделяет в современном российском обществе 4 основных культурных слоя, выражающих духовные интересы различных социальных групп.

Первый слой – это так называемые традиционалисты (термин А.Гофмана), которые связаны генетически и организационно с теми культурными ценностями, что определяли сущность культуры советского периода. Этот слой увеличивается за счет части публики, ностальгирующей по прошлой культуре, и тех, кто разочаровался в ценностях общества потребления.

Второй слой – представители новых либеральных кругов, сторонники рыночных отношений. Именно эта группа населения относится к современному авангарду, к новым нетрадиционным формам в культуре, к отдельным видам массовой культуры и пытается распространять свои художественные вкусы за счет лидирующего положения в современной экономике.

Третий слой – консерваторы, стремящиеся сохранить лучшие образцы архаического как в политике, так и в духовной жизни. Имея много здравых идей, они несколько отстают от по-

несколько проблем, которые на наш взгляд, оказались магистральными. Актуальная задача современного бурятского литературоведения – создание целостной концепции истории бурятской литературы XX века, причем в культурно-философском контексте истории монгольских народов. Сегодняшние реалии таковы, что подвигают нас рассматривать литературные явления в контексте евразийской культуры, а, возможно, и шире. Эта задача не может быть плодотворно решена без исследования истоков, генезиса бурятской литературы, поскольку разрушен миф об отсутствии письменности и художественной словесности, что, несомненно, изменило картину литературной истории Бурятии. Изменение общественных отношений, как правило, вызывает изменение человеческого сознания, а вслед за ним приходит новая идеология и новый художественный мир, определяющие процесс развития и обогащения тех поэтических форм, которые изучает историческая поэтика.

Диапазон актуальных проблем, требующий своего рассмотрения довольно широк, и его можно сформулировать следующим образом: генезис литературных родов и жанров, их становление и развитие, трансформация в переходные периоды, определение места в литературном процессе, взаимовлияния и взаимосвязи, начиная не только с истоков бурятской литературы, который отмечен XVIII веком, а обращаясь к литературе общемонгольского периода, который берет начало с XIII в., традиции которого живо сохранялись вплоть до 20-х годов прошлого века.

Надо сказать, данный круг проблем не являлся предметом специального изучения в бурятском литературоведении советского периода в силу жестких идеологических стереотипов, таких как механическое перенесение законов классово-борьбы на изучение письменных источников, историко-литературных памятников, авторских позиций писателей и др. В итоге путь развития бурятской литературы искажался, почти двухсотлетняя ее история на старомонгольской письменности умалчивалась, если не сказать запрещалась, отторгались целые пласты литературы, особенно начального периода развития, что приводило в целом к обеднению духовных ценностей народа. В этом можно убедиться, полистав «Очерк истории бурятской советской литературы» (1958), «Историю бурятской советской литературы», охватывающую период с 1917 по 1965 г., изданную в 1967 г. и «Историю бурятской литературы (1917-1995 гг.)», вышедшую из печати в 1995-1997 гг. Эти

проблемы, подспудно актуализировавшиеся в 90-е годы, подтолкнули исследовательскую мысль к мучительному поиску и позволили констатировать не только «становление, развитие», но и «распад бурятской советской литературы» (В.Ц. Найдаков) [4].

Если признать, что каждая духовная культура представляет собой некую общенациональную модель, имеющую свой семиотический код, нельзя будет не увидеть в течение всего XX века определенного напряжения внутри бурятской культуры. Конец XX века и рубеж столетий обострили все внутренние противоречия. Наступила другая эпоха. Время, которое мы переживаем, можно охарактеризовать как время коренных изменений в культурном сознании бурятского общества. Обществом овладела идея кризиса, культурой – ощущение исчерпанности своих животворных потенций. Есть исторически подтвержденная закономерность, что в переходный период, когда происходит сдвиг общественного сознания, идет переоценка ценностей, формируется новая культурная парадигма современности – повышается статус национальной идеи, иницируемой художественной литературой. Безусловно, мировоззренческий вакуум, неуклюжесть и нерасторопность монополюющей идеологии, ощущение застоя и безысходности, предчувствие новых ценностей, вера в уникальность собственного цивилизационного образа и предназначения приводят к программной активизации литературно-национальной идеи.

Надо сказать, что национальная самобытность, национальная идея – категории, как правило, не поддающиеся однозначным формулировкам, в основе их предмета все же – неисчерпаемость и непознаваемость. Обращение к трудам Н.Лосского, Н.Бердяева, Вл.Соловьева [1, 2, 3, 5] подтверждают данную мысль. Их попытки охарактеризовать и сформулировать с наибольшей полнотой «характер русского народа», «идею нации», как известно, оставляют ощущение непознаваемости до конца, это та сфера, которую, как сказал поэт, «умом... не понять».

Но сегодня нельзя не видеть: с течением времени меняется методология и методика исследования. Теперь, когда под воду ушла советская Атлантида, возможно, в скором времени будет стерто различие между литературой советского периода и всей предшествующей литературой как общемонгольского периода, так и временем формирования собственно бурятской литературы, в свое время вытесненной на обочину бурятской культуры. Наступило время, когда история бурятской литературы может быть исследована

сторонами государства и сохранения социальных завоеваний, которые были достигнуты ранее, так и идеи развития партнерских отношений. Некоторую близость к этой позиции можно заметить в положениях, выдвигаемых Н.В. Ижикиной. Так она утверждает, что оптимальной моделью культурной политики в современной России может выступать сочетание положительных черт «советского периода» (ясность цели, последовательность в ее достижении, госбюджетное финансирование, просветительство, идеологическая обоснованность) и «постсоветского периода» (множественность и разносторонность проектов, частичное рыночное самообеспечение, самоорганизация совместной жизнедеятельности людей, либерализация культурной сферы).

В свете вышеизложенного весьма плодотворным в понимании культурной политики является коммуникативный подход, в основании которого лежит идея диалога культур. Согласно данному подходу, базовым условием успешной культурной политики является система договоренностей, достижение консенсуса между официальными, творческими, общественными субъектами относительно идеолого-концептуального и реализационного уровней этой политики. Коммуникативный подход особенно перспективен в обществах переходного периода.

Одним из институтов, в рамках деятельности которого возможна определенная процедура обсуждения актуальных тем современной культурной политики, является Совет по культуре и искусству при Президенте России. На его последнем заседании (26 сентября 2012 г.) прозвучали ключевые слова о необходимости использовать гуманитарный ресурс, присущий культуре (историко-культурные традиции, язык, художественное наследие), в контексте стратегического видения и планирования. В.В. Путин отметил, что в России «все еще сохраняется отраслевой подход к культуре», «при этом часто мы все забываем о том, что культура является неотъемлемой частью всех сторон нашей жизни и не может существовать сама по себе, в отрыве от людей. Человек формируется именно в культурной среде или бескультурной и от ее качества прямо зависит то, какими мы становимся, какими вырастают наши дети, как выглядит коллективный портрет нашего общества» [8].

Наметившаяся смена парадигмы культурной политики России – понимание культуры не как досуга, а глубинного понятия, учитывающего общие аспекты созидания – обусловлена ориентацией на модернизацию и инновационный путь

развития, что предполагает наполнение процесса преобразования практиками, обеспечивающими согласованность вектора на инновационное общественное развитие с российской ментальностью и действительностью, другими словами, учитывающими цивилизационные ценностно-смысловые основания и уникальные преимущества страны.

Справедливым представляется мнение о том, что «функция государства по отношению к культуре заключается в том, чтобы моделировать и поддерживать механизмы естественно протекающего цивилизационного процесса общества, действуя при этом в рамках его социальных и синергетических законов» [9].

Изменение ритма истории приводит к тому, что успех целых народов и государств, также как и успех отдельных личностей зависит от глубины понимания своей эпохи и умения вписаться в нее. Согласно А.Маслоу, в современную эпоху «жизнь движется гораздо быстрее, чем когда-либо», наблюдается «громкое ускорение накопления фактов, знаний, методик, изобретений, достижений в технологии». Это, в свою очередь, «требует изменить наш подход к человеку, к его отношениям с миром. Грубо говоря, требуется иной тип человека, <...> мы нуждаемся в ином типе человека, способном жить в непрерывно изменяющемся мире». Действительно, на пороге XXI в. лидирующие позиции может занять лишь тот, кто может предложить инновационный вектор развития. Говоря словами А.Маслоу, «общество, которое сможет воспитать таких людей, выживет, а те общества, которые с этим не справятся, погибнут». Новые темпы перемен перенесли центр тяжести на человека, следовательно, повышаются требования к творческому потенциалу работников, способных на инновационную деятельность в своей области. Формирование нового поколения творчески продуктивных и креативных личностей попадает в определенную зависимость от культурной политики. Культура и искусство могут оказаться теми точками роста, вокруг которых начнется кристаллизация новых видов деятельности человека, новых возможностей и перспектив.

Литература

1. Балакшин А.С. Культурная политика: теория и методология исследования: дис ... д-ра филос. наук. – Н. Новгород, 2005; Богатырева Т.Г. Глобализация и императивы культурной политики современной России: дис ... д-ра культурологии. – М., 2002; Горлова И.И. Культурная политика в условиях переходного периода: дис ... док-ра филос. наук. – М., 1997; Дымникова А.И. Управление культурой в рыночной экономике. – СПб., 2000; Жидков В.С., Соколов

К.Б. Культурная политика России. – М., 2001; Культура и культурная политика в России / отв. ред. И.А. Бутенко, К.Э. Разлогов. – М., 2000; Селезнева Е.Н. Культурное наследие и культурная политика России 1990-х гг. (теоретико-методологические проблемы). – М., 2003.

2. Востряков Л.Е. Культурная политика: концепции, понятия, модели // Культура на границах: сб. ст. – М., 2004. – С. 12-32.

3. Ижилова Н.В. Теоретико-методологические основания современной культурной политики: дис. ... д-ра филос. наук. – СПб., 2010. – С.3-4; Востряков Л.Е. Государственная культурная политика современной России: региональное измерение: автореф. ... д-ра полит. наук. – М., 2007. – С. 15-18.

4. Маршак Л.А. Культурная идентичность: поиски и пути решения проблемы // Власть. – 2012. – № 9. – С.

5. Кортунов С. Россия в тисках глобализации // Безопасность Евразии. – 2008. – №2. – С. 189-212.

6. Семенков В.Е. О методологических подходах к пониманию культурной политики в современной России // Российская социология: история и современные проблемы: сб. науч. ст., посвящ. 70-летию заслуженного деятеля науки

России, академика РАЕН, почетного профессора СПбГУ А.О. Бороноева / под общ. ред. Н.Г. Скворцова, В.Д. Виноградова, Н.А. Головина. – СПб., 2007. – С. 302-304.

7. Востряков Л.Е. Государственная культурная политика современной России: региональное измерение: автореф. ... д-ра полит. наук. – М., 2007. – С. 19.

8. РИА Новости. – 2012. – 25 сент.

9. Авдеев А.А. Государство и культура // Культура России: информ.-аналит. сб. 2010 год. – М., 2010. – С. 5.

Цыбиков Тимур Гомбожапович, кандидат социологических наук, доцент кафедры социально-культурной деятельности Восточно-Сибирской академии культуры и искусств, министр культуры Республики Бурятия, г. Улан-Удэ.

Tsybikov Timur Gombozhapovich, candidate of sociological science, associate professor, department of social and cultural action, East-Siberian State Academy of Culture and Arts, the Minister of Culture of the Republic of Buryatia, Ulan-Ude.

УДК 821.512.31

© Е.Е. Балданмаксарова

БУРЯТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА РУБЕЖА ВЕКОВ В КОНТЕКСТЕ КУЛЬТУРНОГО ПРОСТРАНСТВА ВОСТОКА И ЗАПАДА

Статья посвящена изучению литературного процесса на рубеже двух последних веков, его осмыслению в контексте культурного пространства Востока и Запада, что дает возможность выявить закономерности и тенденции в развитии современной бурятской литературы.

Ключевые слова: бурятская литература, культурный контекст, взаимодействие, диалог традиций Востока и Запада.

Е.Е. Baldanmaksarova

BURYAT LITERATURE AT THE TURN OF THE CENTURY IN THE CONTEXT OF CULTURAL SPACE OF THE EAST AND WEST

The article is devoted to the study of the literary process at the turn of the last two centuries, its reflection in the context of the cultural space of the East and West, which makes it possible to identify patterns and trends in modern Buryat literature.

Key words: Buryat literature, cultural context, interaction, dialogue traditions of East and West.

На рубеже XX – XXI вв. самоощущение бурятской литературы меняется, если не в корне, то довольно значительно. Это связано с таким взглядом на предмет творчества, который позволяет воспринимать национальную поэтическую традицию как самобытную часть общемонгольского и мирового культурного пространства. Восприимчивость бурятской литературы делает ее открытой влияниям других культур, которые на бурятской почве становятся национально-творческой силой.

Современная бурятская литература – это продукт сложного взаимодействия культурных традиций Востока и Запада, вобравшая художественные особенности индо-тибетского (буд-

дийского) и греко-славянского (христианского) духовных миров, относящихся к евразийской культуре. Что касается понятий «Восток» и «Запад», то они в нашем понимании все же условны. Если говорить о различиях, то они в соответствии с принципами дискретности и связи позволяют осознать специфику исторического формирования типов мышления: западного и восточного. Особенностью Бурятии является ее расположенность в культурном пространстве Центральной Азии, Китая и России. Для Бурят-Монголии (конец XIX – начало XX вв.) Западом была центральная Россия, принесящая идею дискретности мира, и ядро бурятской культуры в то время продолжало оставаться восточным. Те-

перь же, на заре III тысячелетия, для современной Бурятии понятие Запада расширено и дальнейшее развитие ее культуры протекает в контексте евро-американского Запада и Азиатско-Тихоокеанского Востока.

Этот сплав культур и становится основой культуры бурятского народа. Не случайно в наше время актуализируется проблема места собственно бурятской культуры в пространстве между Востоком и Западом. И как следствие, исследование своеобразия мышления, отражения мира и человека, выросшего в недрах такой амбивалентной культуры. Бурятская литература XX в. чутко уловила всю трагедию мучительной раздвоенности личности и попыталась в художественной форме исследовать и показать пути ее дальнейшего развития. Исследуя драматические изменения, происходящие в сознании человека XX в., утрачивающего связь со своими исконными корнями и истоками, Мартин Хайдеггер пишет: «Сейчас под угрозой находится сама укорененность сегодняшнего человека. Более того: потеря корней не вызвана лишь внешними обстоятельствами, она не происходит лишь от небрежности и поверхностности образа жизни человека. Утрата укорененности исходит из самого духа века, в котором мы живем» [6, с. 45]. Наметившееся в конце столетия новое отношение к своему прошлому стало залогом преодоления кризиса в бурятской литературе, шире – в культуре.

Сегодня проблема «истоков», «укорененности» человека и народов все более актуализируется, свидетельствуя об уязвимости «глобалистских» технологий и моделей развития культур как доминирующей направленности мирового культурно-исторического прогресса. Именно на 90-е годы прошлого столетия приходится исторический рубеж, который положил начало качественно новому этапу в развитии бурятской литературы.

Рубеж двух последних веков резко и динамично изменил картину мира и менталитет современного человека. Произошло то, что можно назвать сменой парадигм, которая случается, как известно, крайне редко, только при широкомаштабных, судьбоносных сдвигах в историко-культурном бытии и сознании и потому влечет за собой возникновение и утверждение новой системы миропонимания и мировидения. Естественно, современная бурятская литература чутко улавливает и откликается на подобные процессы, осмысливая их как на идейном, так и на художественно-эстетическом уровнях. Поиск этнонациональной идентичности – актуальная

тенденция бурятской литературы конца XX – начала XXI веков, отражающая один из самых значимых процессов, происходящих в исторической и культурной жизни общества.

Мировоззренческий вакуум рубежа веков приводит к обращению к истокам, к поиску общемонгольских корней, их ценностей, осознанию непрерывности духовного развития народа, а в целом, безусловно, подтолкнул к возвращению в индо-тибетско-монгольский культурный контекст, активизации ностальгического культурного неотрадиционализма. На смену культурному шоку, идейной дезориентации пришла идеология программного открытия на новом историческом витке своей самобытности, непохожести, приводящая к осмыслению понятий «кто я?», «кто мы?», «откуда мы?», предполагающая сопричастность человека и общества к определенным ценностным категориям, этногенетическим культурным кодам, доминантным мифам, символам и архетипам, к базовым семантическим установкам, к системе этических и поведенческих норм.

Усиление этнокультурной составляющей в бурятской литературе на стыке двух последних веков связано, безусловно, с недооценкой в недавнем прошлом феномена этнокультурной идентичности, с одной стороны, а с другой – устойчивым модусом восприятия национальной литературы на современном этапе. Параллельно начался и идет процесс трансформации, переориентации идеи межкультурной коммуникации, межлитературного диалога с Западом на Восток. Понятно, данная идея для развития современной бурятской литературы играет не меньшую роль, чем проблема этнокультурной самобытности.

Казалось бы, в эпоху тотального Интернета, глобализации, расширяющегося контекста, набирающей обороты интертекстуальности, проблемы этнокультурной идентичности по логике, на первый, поверхностный, взгляд, должны утрачивать свое значение. Но это только на первый взгляд. Если конкретизировать на материале бурятской литературы, то она ищет свое, «лица не общее выражение», беря за базовую основу, как ценностный ориентир, проблематику этнокультурной самоидентификации.

Сразу отметим, что литературное наследие XX века, равно как и предшествующих периодов, еще не осмыслено как особая художественная эпоха. Этому есть несколько известных причин. Понимая, что реально протекавший процесс заменяется его моделью, порожденной взглядом из сегодняшнего дня, можно наметить

дие Семь Старцев (Большая Медведица). Культу Семи старцев посвящены обрядовые тексты, большая часть которых была подвержена ламаизации. Широкой популярностью в бытовой жизни бурят пользовалось созвездие Плеяд. По его движению на небосклоне определяли ночное время. А осенью с появлением на небосводе этого созвездия отмечали наступление Нового года, и люди прибавляли возраст себе и животным. Созвездие представляется в образе некоего животного, которое в прошлом жило на земле, благодаря чему там было тепло. Описание облика существа, в котором видели кочевники созвездие Плеяды, меняется в различных версиях мифа [7, с. 15-29].

Древо рода – важнейший символ культа предков, который отражает устройство мира и место человека в нем. Культ предков является одним из наиболее ярко выраженных анимистических культов (почитание душ умерших родственников). Духам предков оказывают определённые почести и внимание, им иногда совершают жертвоприношения, при этом существует постоянная вера в их покровительство. Весной проводились обряды поминовения усопших. Во время этого обряда душам покойных приносилась в жертву пища. Такой обряд был частью общественной жизни монгольских племен в древности. Его исполнение как бы фиксировало историю рода. Со временем культ предков слился с вошедшим в практику ламаизма культом обо. Обо располагались на возвышенных местах или на горе, откуда открывался вид на всю прилегающую территорию. Обо – это святилище, место пребывания самого сильного духа.

Следующим архетипическим образом в культуре бурят выступает культ огня-очага. Культ огня, как одна из стихий природы, сливается с коренным религиозным культом монголов – культом предков, потому что человек – не хозяин природы, а часть ее, точно так же, как и огонь – составная часть ее стихии. Представления об огне, как о духовном покровителе, жизненной силе, дарованном предками, были связаны с эпохой изначальной пиротехники. Тогда же и там же началось его обожествление, формирование его культа, в котором должны были отразиться осознание значимости огня, как источника богатства, счастья и жизни. Кроме того, очаг – связующее звено между предками и потомками, символ преемственности поколений, символ объединения людей. С очагом и огнем связан ряд важных запретов, от соблюдения которых зависит благополучие семьи. Цель их – ни в коем случае не осквернять очаг, ибо это может

привести к распаду семьи, к угасанию рода. Запрещалось лить воду на огонь, а также касаться огня ножом или другим острым предметом. Нельзя бросать в огонь мусор, грязь, плевать на огонь. Один из древнейших запретов – запрет гасить огонь в очаге.

Как у многих народов мира, истоки культа гор уходят корнями в древность и восходят к почитанию и обожествлению таких явлений природы как небо, земля, солнце, луна и т.д. При всем этом, особо почитались гром, молний, огонь, ветер – опасные и грозные силы природы, для людей они казались неуправляемыми. Л.Л. Абаева в своей статье отмечает, что для задабривания этих грозных сил природы, были разработаны различные процедуры задабривания. Важная роль горы была обусловлена тем, что она считалась олицетворением всех космических сил и имела прямую связь с архаическими представлениями о «Мировой горе» [14, с. 168]. В более поздний период (период шаманизма) развития мифологии образ «Мировой горы» заменяется образом «шаманского дерева», которое занимало важное место в ритуальной практике шаманизма. Важная роль горы была обусловлена тем, что на ней, по представлению бурят, живут небожители – тенгри, и она позволяет осуществлять взаимодействие человека с космосом. Так, согласно архаическим представлениям бурят, центром Земли и Вселенной является огромная гора, вокруг которой вращаются солнце, луна, планеты и звезды. Н.Л. Жуковская в своей работе отмечает, что «горы были главными ориентирами на местности, как в географическом, так и в сакральном смысле. В географическом плане они выступали тем центром, вокруг которого создавалась микротопонимия конкретной территории. В сакральном – имя духа главной горы, чаще всего его эпитет-заменитель, становилось названием всей родовой, а позднее и административной территории». Обряды, совершаемые в честь гор, называются – «хада тахиха» или «хада хангай тахиха», в этих названиях сохранилось представление о почитании самой земли, гор, хада – это «гора». Горы представлялись посредниками между Небом и Землей. На горе проводились разные молебны, жертвоприношения, посвященные небесным божествам.

Пространство и время. На мифологическом, историческом и бытовом уровнях общественного сознания монголы различали, но не разделяли понятие «время» от понятия «пространство». Для монгольской традиции было характерно сохранение внутренней целостности мировосприятия. Мифологический аспект проявлялся

с момента своего возникновения как непрерывно развивающийся динамичный процесс.

Многовековая литература общемонгольского периода входит как важнейшая составная часть в современную культуру бурятского народа. И хотя бурятская литература рубежа двух последних веков коренным образом отличается от предыдущей, она возникла на ее основе и творчески воспринимает ее достижения. Свидетельством тому – довольно интенсивное развитие бурятской прозы на современном этапе: роман-трилогия Самбу Норжимаева «Созвездие Орион», роман-трилогия Владимира Гармаева «В улусе Алтан-хана», «Бальжан-хатан», «Бабжи-Барас батор», роман Алексея Гатыпова «Джамуха», роман-мозаика в пяти томах Ардана Ангархаева «Земля и Небо» и др.

Развитие современной бурятской литературы, ее идейно-художественное богатство и жанрово-стилевое многообразие поставили перед литературоведами Бурятии ряд сложных теоретических проблем, определили дальнейшие пути их исследования. Сейчас в бурятской литературе проблема этнокультурной идентичности, как в ранний постсоветский период, не сводится к дилемме «мы – они», выдвигается такое имманентное качество идентичности, как интегративность, предполагающий внутреннюю множественность и диалог идентичностей. А это обогащает, ибо этнокультурный контекст, самобытность художественного миропонимания раскрывается наиболее полно в системе встречных культурных и литературных движений.

Резюмируя вышесказанное, хочется закончить словами В.Соловьева из его Третьей речи в память Достоевского. В своей Пушкинской речи Достоевский, как известно, обозначил призвание России и это было воспринято как его последнее слово и завещание. Итак, Соловьев пишет: «И тут было нечто гораздо большее, чем простой призыв к мирным чувствам во имя широты русского духа, – здесь заключалось уже и указание на положительные исторические задачи или,

лучше, обязанности России. Недаром тогда почувствовалось и сказалось, что упразднен спор между славянофильством и западничеством, а упразднение этого спора значит упразднение в идее самого многовекового исторического раздора между Востоком и Западом, это значит найти для России новое нравственное положение, избавить ее от необходимости продолжать противохристианскую борьбу между Востоком и Западом и возложить на нее великую обязанность нравственно послужить и Востоку и Западу, примиряя в себе обоих» [5, с. 315].

Хотя данная речь была произнесена девятнадцатого февраля 1883 года, она не утратила своей актуальности и значимости и сегодня. Смыслонагруженность слов «нравственно послужить и Востоку, и Западу, примиряя в себе обоих» как никогда современна для сегодняшнего глобализирующегося мира.

Литература

1. Бердяев Н.А. Русская идея. Судьба России. – М., 1997.
2. Восток, Запад и русская идея. – Пг., 1922.
3. Лосский Н.О. Характер русского народа. – М., 1991.
4. Очерк истории бурятской советской литературы. – Улан-Удэ, 1958; История бурятской советской литературы. – Улан-Удэ, 1967; История бурятской литературы: 1917-1955 гг.: в 2 ч. – Улан-Удэ, 1995; История бурятской литературы: Современная бурятская литература: 1956-1995. – Улан-Удэ, 1997; Найдаков В.Ц. Становление, развитие и распад бурятской советской литературы (1917-1995). – Улан-Удэ, 1996.
5. Соловьев В.С. Три речи в память Достоевского. Третья речь. 19.02.1883 г. // В.С. Соловьев. Сочинения: в 2 т. Т.2.
6. Хайдеггер М. Разговор на проселочной дороге. – М., 1991.

Балданмаксарова Елизавета Ешиевна, доктор филологических наук, кафедра зарубежной литературы Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: liza.bur@mail.ru.

Baldanmaksarova Elizabeth Eshievna, doctor of philological science, department of foreign literature, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: liza.bur @ mail.ru.

УДК 398 (=512.31)

© О.Э. Галсанова

НЕКОТОРЫЕ АРХЕТИПИЧЕСКИЕ ОБРАЗЫ В ТРАДИЦИОННОЙ КУЛЬТУРЕ БУРЯТ

Данная статья посвящена некоторым архетипическим образам, функционирующим в традиционной культуре бурят. Благодаря архетипическим образам культура выражается, аккумулируется, актуализируется, архетипы определяют своеобразие любой культуры. Архетипы, рассмотренные в данной статье, отражают специфические черты традиционной культуры бурят.

Ключевые слова: архетипический образ, культура.

O.E. Galsanova

SOME ARCHETYPICAL IMAGES IN THE TRADITIONAL CULTURE OF THE BURYAT PEOPLE

This article is devoted to some archetypical images in the traditional culture of Buryats. Thanks to archetypical images the culture is expressed, it accumulates and becomes actual; the archetypes define an originality of any culture. The archetypical images, analyzed in this article reflect specific features of traditional culture of the Buryats.

Key words: archetypical image, culture.

Культура – сложный и многогранный феномен, который исследуется учеными с разных позиций. В современной философии культуры существует множество определений термина «культура», огромное количество точек зрения на культуру, множество школ, теорий культуры, подходов, методов изучения культуры. Исследователи и научные школы по-разному интерпретируют культуру, акцентируя свое внимание на том или ином ее аспекте. Несмотря на все многообразие существующих представлений о культуре, они содержат нечто общее – ключевые понятия, дающие общее представление о культуре и присущих ей элементах. Одними из ключевых понятий выступают архетипы. Понимание культуры с точки зрения архетипического подхода предполагает, что с одной стороны, культура – пространство понимания, с другой стороны, в ней отмечается наличие элементов бессознательного.

В науке XX века понятие «архетип» получило широкое распространение и стало междисциплинарным. Понятие «архетип» применяется в различных исследованиях, например, при изучении традиционных культур, в различных аспектах человеческой жизнедеятельности.

В науке понятие «архетип» впервые встречается в трудах античных мыслителей, далее применялось в трудах средневековых богословов, а также классической, неклассической и постнеклассической философии. Архетип понимается как «начальные, врожденные психические структуры, первичные схемы образов, фантазий, содержащихся в так называемом коллективном бессознательном и априорно формирующие активность воображения; архетипы лежат в основе общечеловеческой символики, выявляются в

мифах и верованиях, сновидениях, произведениях литературы и искусства» [17, с. 59]. Теория архетипа получила развитие и достигла апогея в трудах швейцарского ученого К.Г. Юнга. Он отмечал, что «за порогом сознания лежат вечные праформы, которые хранятся в бессознательном и передаются от поколения к поколению» [20, с. 27]. К.Г. Юнг подытожил искания своих предшественников в данной области, указывая на устойчивость архетипа и свойство повторяться и проявляться на протяжении истории. Согласно К.Г. Юнгу, «это не просто имена и даже не философские понятия. Это куски самой жизни, образы, которые через мост эмоций интегрально связаны с живым человеком. Вот почему невозможно дать произвольную (универсальную) характеристику любого архетипа. Его нужно объяснить способом, на который указывает вся жизненная ситуация индивида, которому он принадлежит» [19, с. 71].

В каждой культуре доминируют свои этнокультурные архетипы, определяющие особенности мировоззрения, миропонимания, характера, художественного творчества и исторической судьбы народа. Традиционная культура представляет собой систему отношений, включающую в себя нормы и образцы поведения, которые освящены традицией, обязательны для представителя данного этноса и различных его слоев. Изучение различных аспектов традиционной культуры, их исторической роли и места в историко-культурном, социально-культурном и этноконфессиональном комплексе является одной из основных задач в этнографических, исторических и этнокультурологических исследованиях. Социальная основа существования человечества обуславливает обязательное исследо-

вание тех архетипических образов, которые функционируют в системе социальных отношений.

Традиционная культура бурят чрезвычайно богата и разнообразна своими архетипическими образами. Рассмотрим наиболее интересные из них.

Вечное Синее Небо в представлениях монголоязычных народов – олицетворение Абсолютного Разума, Творца вселенной, источника Добра и Света. Что касается легенд, мифов и преданий бурят, то Вечное Синее небо – Хухэ Мунхэ Тэнгэри рассматривается первоначально всех живых существ на Земле, объектом почитания и поклонения. Буряты воспринимали небо как особый мир, где жили божества – бурханы.

Как пишет Н.Л. Жуковская: «оно без начала и без конца, движется без рук и ног, оно дарует мир, благоденствие и счастье на земле, оно отгоняет войны и болезни, умиряет пожары и наводнения, оно господин земли и воды, умножающий все сущее; к нему обращаются с просьбами о ниспослании пищи, о ловкой езде на лошади, о том, чтобы скот плодился, чтобы был мир и покой сердцу и т.п.» [12, с. 98].

Особое место в ряду архетипических образов занимает образ матери, наиболее полно реализованный в образе земли-матушки – «Улгэн эхэ, Улгэн дэлхэй». Образ земли-матушки является универсальным, так как в зависимости от ситуации он может выполнять следующие функции:

- а) материнство;
- б) организующее, активное начало;
- в) носительница мудрости;
- г) соратница.

Земля – «газар», «дайда», «дэлхэй», «туби» (бур.) – имеет важное значение в системе нравственных ценностей монгольских народов. Например, бережное и трепетное отношение к земле выражалось в ношении обуви с загнутыми вверх носками.

Считая Землю благодетельным божеством, кормилицей всех живущих на земле существ, буряты дают ей эпитет «золотой» и «желтый».

Одним из древнейших культов, следы которого сохранились в традиционных представлениях, запретах, приметах, обрядах монгольских народов является культ небесных светил Солнца и Луны.

Почитание солнца и луны было известно еще хуннам. У бурят непосредственных данных о солярно-лунарном культе сохранилось немного, но осталась вера в священность и магическую значимость белого цвета как отзвук поклонения солнцу, свету. Прежде всего, небесные светила

являются источником света на земле, а солнце одаривает землю теплом. Солнце могло дарить как легкое нежное тепло, так и насыпать на землю палящий зной. В отличие от солнца, луна, напротив, насыпает на землю холод.

В бурятских эпических произведениях, в шаманских призываниях встречаются выражения: «восьминожное Солнце-мать, девятиножное Луна-отец», «у отца Юурэн веселятся девять сильных юношей, у матери Налхан резвятся восемь красивых девушек». Часто солнце называется Налхан Юурэн эхэ – «ласковая мать Юурэн», что фонетически и семантически близко якутскому Юрюнг айыы. Под названием Юурэн у бурят выступает то солнце, то луна, но чаще солнце.

По сведениям относительно культа Солнца-Луны у бурят, в случае бездетности семьи или при болезни детей Солнцу-Луне, именуя их общим названием «ялайгат» – «светлые», «сияющие», приносили в жертву белую овцу. Верили, что Солнце и Луна насыпают болезни маленьким детям. Так или иначе они, якобы, оказывали огромное влияние на судьбу и жизнь детей.

О развитом культе солнца у предков бурят свидетельствует не только сакральность белого цвета в их мировоззренческих представлениях, это проявляется и в особом отношении бурят к югу, южной стороне. Вход в жилище всегда сооружали с южной стороны, которая у монгольских народов почитается как самая лучшая из сторон. Архаичное представление о Солнце или Солнце-Луне содержало в себе идею творческого начала. Кроме того, Луна считалась также покровительницей времени. Все важные события в жизни человека начинались обычно в новолуние или полнолуние. Кроме преданий, обычаев, поверий, раскрывающих отдельные стороны солярно-лунарного культа, сохранились и символические изображения солнца и луны в виде кругов различной вариации, в частности на шаманских атрибутах: шэрээ – жертвенниках, онгонах – вещественных изображениях духов. Солнце изображается в виде восьми кругов, с отходящими от внешнего круга лучами – восьмилучевое солнце; луна – в виде девяти кругов, без лучей. Луна получает свет от солнца, поэтому солнце иногда называют матерью луны. Металлические кружки – «солнечные диски» – во множестве располагаются на шаманском костюме. Мотив кругов – солнца и луны – является преобладающим среди других в бытовом орнаменте бурят.

Из небесных светил, кроме Солнца и Луны, религиозным почитанием пользовалось созвездие

УДК 391/393 (571.5)

© А.С. Суворова

ФОРМЫ ПОГРЕБЕНИЯ БУРЯТ

На основе комплекса различных источников, в статье рассматриваются трансформации в формах погребения бурят, обусловленные распространением у них христианства и буддизма. Статья рассчитана на этнографов, историков, краеведов.

Ключевые слова: буряты, формы погребения, шаманизм, буддийские традиции, христианизация.

A.S. Suvorova

THE BURYATS' FORMS OF BURIAL

Based on the complex of various sources the article considers the transformations of burial forms of the Buryats which were caused by the distribution of Christianity and Buddhism. This article is of interest for experts in the field of ethnography, history and local core.

Key words: the Buryats, the forms of burial, shamanism, traditions of Buddhism, Christianization.

В данной статье рассматриваются формы погребения бурят. Материалом для нее послужили литературные источники, архивные документы и полевые материалы, собранные в Кижингинском, Джидинском районах РБ в 2011 г.

В этнографической литературе выявлено существование у бурят в прошлом одновременно нескольких форм погребения: 1) наземное; 2) кремация; 3) погребение в земле; 4) воздушное (на арангасе) [13; 10, с. 48]. Каждая форма погребения имела свои варианты. Сначала рассмотрим наземное погребение.

Одним из способов погребения в XVIII – начале XIX вв. было оставление покойного на поверхности земли [13, с. 91]. И.И. Георги, непосредственно наблюдавший быт бурят в XVIII в. писал: «В прежние времена клали они их на землю с оружием, верховую сбрую и домашнюю рухлядь и зарывали, покрывали сверху камнем или хворостом» [7, с. 36]. Наземная форма погребения наблюдалась и в первой половине XX в.: «До последних лет у кударинских бурят покойника не зарывали в землю, а обкладывали досками и над ним сооружали большую кучу из деревьев (...), не так давно на могиле клали кучу камней называемую «даран» или делали земляной бугорок называемый «булаша»» [ОФ ЦВРК ИМБТ СО РАН ф. 11, оп. 1, д. 13, л. 39].

Обряд дарсалдаг (дарсалдаха – «скучиваться, нагромождаться»), то есть обычай погребения на земле умершего в коробке или гробу, обложенный камнями и жердями, сохранился в современном погребальном обряде ольхонских бурят, преимущественно для новорожденных детей [11, с. 295].

С XVIII в. в Забайкалье начал распространяться буддизм. У бурят-буддистов погребаль-

ные обряды стали совершаться при обязательном участии монахов-лам, которые по предписаниям священных буддийских книг определяли все детали обряда [13, с. 96]. С этого времени усопших стали оставлять на земле в специально отведенных местах для «растаскивания» тел хищниками и птицами. Тело покойного без одежды помещали в мешок, а края наглухо завязывали веревкой. Этот способ захоронения назывался «хуудээлхэ» [15, с. 115].

Полевые материалы показывают, что еще в середине XX в. в районах Забайкалья практиковался обычай «оставления» умерших в степи. Так, информант Ц.Ж. Жамьянова рассказала, что в 1954 г. ее муж увез гроб с телом усопшей матери на запряженной телеге и оставил на земле [полевые материалы автора (далее ПМА), Ц.Ж. Жамьянова].

По данным наших полевых исследований, наземное погребение детей просуществовало дольше, чем аналогичное погребение взрослых. Так, по рассказам информантов следует, что «оставление» на земле усопших взрослых людей продолжалось примерно до 1940-х гг. и редко в 1950-х гг. [ПМА, Г.Д. Галсанов, С.О. Доржитаров]. Они также утверждают, что старинный обычай «теряния» умерших до двух лет детей в степи широко распространялся вплоть до 1960-х гг. [ПМА, Н.Б. Тугултурова, С.О. Доржитаров]. Умерших детей заворачивали в мешочек и, привязав к телеге, везли их в какое-нибудь место, где оставляли их, развязав веревку от мешочка с телом ребенка [ПМА, Г.Д. Галсанов]. Приведенные материалы согласуются с тем, о чем писала в 1969 г. К.М. Герасимова относительно практики оставления умерших детей в степи в Кижингинском районе [8, с. 113].

более всего в фольклорно-эпических жанрах народного творчества, исторический – в создании собственного календаря и в восприятии нескольких календарных систем от своих соседей и использовании их всех одновременно для официального отсчета времени, наконец, бытовой аспект отражал повседневную ориентацию монголов во времени с помощью реалий кочевого мира [11, с. 32].

Существовало несколько систем измерения времени: собственные и заимствованные. К заимствованным системам относятся 12-летний животный цикл и 60-летний календарь. С календарями этого типа связаны появление хронологии как таковой, фиксация исторических событий, осознание ритма истории. К собственно монгольским относится годовой двухсезонный календарь. Год включал в себя 12 лунных месяцев по 30 дней в каждом, древние названия которых восходят к наблюдениям за характерными природными явлениями. Существовали системы отсчета на основании наблюдений за движением солнца на небосводе. При этом необходимо отметить еще и проявление уже отмеченной связи между измерениями времени и пространства, выражающееся в способах ориентации в степи в дневное (по солнцу и ландшафту) и ночное (по звездам, луне и ландшафту) время.

Числовая символика. У монголоязычных народов числовые понятия применялись первоначально охотничьими, а впоследствии пастушескими и скотоводческими племенами, поскольку в каждом хозяйстве была потребность в измерениях веса, объема продуктов питания, длины и ширины предметов (для шитья одежды, обуви, предметов домашнего обихода и т.д.) [5, с. 77-105].

Символика чисел выявляется в ходе анализа духовной и материальной культуры, верований, обычаев и обрядов, мифов, фольклора. Как пишет В.А. Михайлов, буряты верили в магическое значение чисел, в их классифицирующую, организующую, целобразующую роль в природе и обществе. В их представлениях числа отнюдь не были только эквивалентами величины единичности или множественности объектов окружающей действительности, а отражали, прежде всего, внутреннюю, глубинную суть элементов мироздания в его связях и целостности. Они поэтому выражали не только количественные, сколько качественные показатели всего того, что присуще природе, обществу и сознанию [8, с. 104-107.].

Числа первого десятка делились на мужские и женские, благоприятные и неблагоприятные,

чистые и нечистые, свои и чужие и т.д. Все четные числа считались женскими, а нечетные мужскими.

Рассмотрим основные сакральные числа в традиционной культуре бурят.

Число «1» олицетворяет целостность, единство.

Число «2» проявляется в основном в бинарных оппозициях: жизнь-смерть, добро-зло, хорошо-плохо, верх-низ, мужской-женский, белый-черный и т.д.

Число «3» выражает идеальную модель любого динамического процесса, предполагающую возникновение, развитие и упадок; вертикальную модель мира: верх, середина, низ – Небо, Земля, преисподняя – Рай, земной мир, ад – прошлое, настоящее, будущее [3, с. 12]. С.Ж. Цыбикова полагает, что число «три» – символ счастья, радости, ибо оно – основа всего развития [16, с. 17] Триада – характерный признак шаманских структур, в том числе шаманской мифологии. Число три связано с буддизмом, например «три сокровища» (гурбан эрдэни) – Будда, дхарма, сангха.

Число «4» в культуре бурят является не менее важным, чем «3». В работе А.Л. Ангархаева, число «4» означает продолжение, рождение потомства, рода, как у человека, так и у животных [2, с. 54-68]. Горизонтальное освоение окружающего мира, упомянутое в работе В.Д. Бабуровой предполагает четыре стороны света – север, юг, восток, запад; четыре времени года – зима, весна, лето, осень [3, с. 13]. Число «4» также связано с буддизмом. Прежде всего, это «четыре благородные истины»: первая истина: жизнь-это страдание; вторая истина: причина страданий – жажда наслаждений, богатства, власти; третья истина: прекращение желаний – это способ прекращения страданий; четвертая истина: существует «восьмеричный путь спасения», пройдя по которому человек прервет цепь перерождений и избавится от страданий.

Число «5» символизирует 5 цветов пищи: белая, желтая, красная, зеленая и черная; 5 видов скота: коровы, лошади, козы, овцы, верблюды; 5 органов чувств: зрение, обоняние, осязание, слух и вкус; 5 первоэлементов: дерево, железо, огонь, земля и вода; 5 вкусовых ощущений: горький, сладкий, кислый, острый, соленый. Пятичленные структуры характерны и для буддизма. Например, пять Будд созерцания: Амогасиддхи, Ратнасамбхава, Акшобхья, Амитабха, Вайрочана.

Число «6». В работе Э.У. Омакаевой, число «6» является законом единства и борьбы проти-

воположностей [9, с. 150-153]. Е.О. Хундаева рассматривает данное число как абсолютный центр, высшую функцию [18, с. 300-305].

Число «7» является самым популярным числом во многих культурах.

Число «8» связывают с буддийской традицией: «восьмеричный путь спасения» (правильное воззрение, правильное намерение, правильная речь, правильное поведение, правильный образ жизни, правильное усилие, правильное направление мысли, правильное сосредоточение); колесо учения Будды имеет 8 спиц; субурганы делятся на 8 видов; существует 8 видов жертвоприношений божествам.

Число «9» у бурят связано с понятием «родимое пятно» (9 мэнгэ), 9 драгоценностей (эрдэни) и т.д. Также число «9» проявляется в шаманской традиции. Например, божества в шаманском пантеоне выступают группами по девять.

Число «12» играет важную роль в культуре бурят. Оно связано с 12-летним животным циклом; юрта имеет 12 хозяйственных частей и т.д.

Число «13» в буддийской традиции выражается во взаимосвязи со священной горой: 13 элементов структуры содержит в себе гора Сумбэр – центр буддийского мироздания, 13 частей имеет ступа – вертикальная модель вселенной в буддийской космологии.

Число «108» – сакральное число в буддизме: 108 томов содержит «Ганжур» – свод священных текстов; 108 масок действующих персонажей используется в мистерии цам; 108 зерен содержится в буддийских четках; 108 свечей зажигают во время праздника Сагаалган [12, с. 187].

Цветовая символика. Восприятие цвета является одной из составляющих традиционной культуры этносов, а «цветообозначения рассматриваются как фрагмент мировидения, способствующий формированию национальных языковых картин мира» [8, с. 19].

Самыми популярными цветами в традиционной культуре бурят являются белый и черный цвета. Эти цвета составляют бинарную позицию: белое – черное, хорошее – плохое и т.д. Считается, что черный, белый, красный – цвета первого класса, а зеленый, желтый, голубой, серый – цвета второго класса. По мнению Н.Л. Жуковской, наибольшей емкостью и богатством специфических оттенков, которые охватывают самые многообразные сферы жизни, обладает белый цвет. Вероятно, это объясняется физической природой белого цвета, его способностью поглощать все остальные цвета и оттенки. Прежде всего, это относится к молоку и молочным продуктам [15, с. 200].

В сказке, эпосе, мифологии бурят значительная роль принадлежит цветовой символике. В сказках наиболее употребительным является белый цвет «сагаан». У бурят он всегда был связан с понятием добра, счастья, благополучия, правдивости, чистоты и благородства. Мудрые советчики и дарители, чудесные животные и птицы, волшебные предметы, наделенные эпитетом «сагаан», непременно выступают в самой положительной роли [4, с. 210].

Большое значение придается животным и птицам, окрашенным в белый цвет. В генеалогических преданиях хоринских бурят белая лебедь становится женой Хоридоя, ставшего праотцом 11 хоринских родов [15, с. 146-149].

В свете рассматриваемой проблемы следует упомянуть божество шаманского пантеона не только бурят, но и монголов и калмыков, Сагаан Убгэн (Белый старец). Он считался покровителем богатства, благосостояния, плодородия. Изображается лысым стариком с удлиненным черепом и длинной белой бородой. В пантеоне западных бурят божество под именем Белый старец отсутствует, но отмечается сходный архетипический образ: Эсэгэ Малан тэнгэри (Божество Лысый отец). Есть и другие божества шаманского пантеона, в чьи имена или мифологические характеристики входит слово «сагаан».

Культе Белого старца довольно широко распространены в традиционной культуре бурят. Несмотря на отсутствие его имени в буддийском каноне, скульптурное изображение Белого старца, установлено в Иволгинском, Кижингинском, Агинском и Цугольском дацанах. Во многих дацанах Бурятии присутствуют его разнообразные иконографические изображения. Белый старец является в настоящее время одним из самых популярных фольклорных образов, выступая в новогодних торжествах покровителем всего бурятского народа [13, с. 99].

В буддийской традиции известен образ Саган Дари Эхэ (Белой Тары). Белая Тара — Богиня, продлевающая жизнь. Отличительным знаком Белой Тары является лотос в полном цвету. Белая Тара сидит в падмасане (поза лотоса) на лотосовом троне, одета в украшения Самбхогакаи, на голове – корона. Правая рука сложена у колена в варада-мудре (жест дарения блага). В левой руке, сложенной в джняна-мудре она держит цветок лотоса. У Белой Тары семь глаз: во лбу – третий глаз (глаз мудрости), по центру ступней и ладоней также по глазу. Эти признаки означают, что Белая Тара видит всех живых существ в каждой Локе (измерении бытия) с провидительной мудростью и состраданием.

В противовес белому цвету черный цвет символизирует несчастье, горе, зло и т.д. Например, хара сай (черный чай) – символ нищеты, бедности, хара архи (водка, полученная путем перегонки зерновой барды), хара шулэ (мясной, но без заправки бульон) и т.д.

Красный цвет обозначает все красивое, прекрасное. По представлениям бурят, красный цвет олицетворяет красоту, очищение, власть, величие.

Желтый цвет относится к солярному символическому цвету и ассоциируется с золотом. Это цвет солнца, жизни, тепла, власти, веры – недаром производит на человека теплое и приятное впечатление, желтая поверхность как бы испускает из себя солнечный свет [3, с. 21-26].

Синий, голубой цвет ассоциируется с небом и водной синью. Будучи цветом неба и воды, он символизирует вечность, бесконечность.

Зеленый цвет – цвет травы и листьев, цветущей земли, символ Земли. Символизирует рост, размножение, неувядание, плодородие, материнскую щедрость, счастье. В буддийской традиции известна Ногоон Дари Эхэ (Зеленая Тара). Зеленая Тара – Мать-освободительница, которая отвечает на каждую молитву. Изображают Зелёную Тару на лотосовом троне: правая нога опущена на малый лотос, и символизирует то, что обращение к богине приводит к необыкновенно быстрому результату. Её правая рука у колена сложена в жесте даяния блага (варада-мудра). Левая рука сложена у груди в жесте защиты (абхая-мудра). Тара держит либо лотос, распустившийся наполовину, либо лилию с длинными голубыми лепестками. К Зелёной Таре обращаются как к воплощению всех просветлённых, как к защитнице, быстро отзывающейся на просьбу о помощи, как к покровительствующему божеству, проявляющему ко всем существам сострадание и любовь, сравнимые с заботой матери о своих детях. Тара оказывает поддержку тем, кто стремится к Просветлению, и тем, кто ищет в ней защиту. Зелёная Тара – хранительница семьи, домашнего очага, помогает обрести семью, а особо помогает женщинам желающим иметь детей, беременным, удлиняет жизнь, убирает все препятствия.

Литература

1. Абаева Л.Л. Культ гор и буддизм в Бурятии. – М.: Наука, 1992.
2. Ангархаев А.Л. Десятичная система счисления и родовые и племенные объединения с числовым названием // Этимологическое исследование древнемонгольских ономов. – Новосибирск, 2003. – С. 54-68.
3. Бабуева В.Д. Материальная и духовная культура бурят. – Улан-Удэ, 2004. – С.12.
4. Баранникова Е.В. Бурятские волшебнo-фантастические сказки. – Новосибирск: Наука, 1978. – С.210.
5. Батуев Б.Б. Буряты в 17-18 вв. – Улан-Удэ, 2006. – С. 77-105.
6. Башарина А.К. Семантика цветообозначения в фольклорных текстах (опыт сопоставительного анализа на материале якутских олонхо и русских былин: автореф. дис...канд.филол.наук. – М, 2000. – С.19.
7. Галданова Г.Р. Доламаистские верования бурят. – Новосибирск: Наука, 1987. – С.15-29.
8. Михайлов В.А. Числовая символика бурят и монголов // Центральнo-азиатский шаманизм: философские, исторические, религиозные, экологические аспекты (материалы международного научного симпозиума, 20-26 июня 1996 г.) – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН. – С. 104-107.
9. Омакаева Э.У. Культ небесных светил у калмыков // Традиционные культуры и среда обитания. – М., 1993. – С.150-153.
10. Жуковская Н.Л. Бурятская мифология и её монгольские параллели // Символика культов и ритуалов народов зарубежной Азии. – М., 1980. – С.98.
11. Жуковская Н.Л. Категория и символика традиционной культуры монголов. – М., 1988. – С.32.
12. Жуковская Н.Л. Кочевники Монголии: Культура. Традиции. Символика. – М., 2002.
13. Нацов Г.-Д. Материалы по истории и культуре бурят. – Улан-Удэ, 1995. – С.99.
14. Ринчино Л.Л. Архаические истоки культа священных гор у монгольских народов // VI Международный конгресс монголоведов (Улан-Батор, август 1992). – М., 1992. – С.168.
15. Румянцев Г.Н. Происхождение хоринских бурят. – Улан-Удэ, 1962. – С.146-149.
16. Цыбикова С.Ж. Система символов в бурятском фольклоре: автореф. ...канд. филол. наук. – Улан-Удэ, 2005. – С.17.
17. Философско-энциклопедический словарь. – С.59.
18. Хундаева Е.О. Символика монгольских чисел. – Улан-Удэ, 2000. – Т. 3. – С. 300-305.
19. Юнг К.Г. Структура психики и процесс индивидуализации. – М., 1996. – С.71.
20. Юнг К.Г. Аналитическая психология. – М., 1997. – С.27.

Галсанова Ольга Эдуардовна, аспирант кафедры философии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: galse09230@mail.ru.
Galsanova Olga Eduardovna, postgraduate student, department of philosophy, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: galse09230@mail.ru.

18. Хандагурова М.В. Похоронно-поминальная обрядность верхоленских бурят во второй половине XX в. // Культурное наследие народов Центральной Азии. Полевые исследования – 2008: сб. ст. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. – С. 81–111.

19. Хандагурова М.В. Погребальная обрядность усть-ордынских бурят // Исследования молодых ученых в области археологии и этнографии. – Новосибирск: Ин-т археологии и этнологии СО РАН, 2001. – С. 218–230.

Суворова Арюна Станиславовна, аспирант Института монголоведения, буддологии, тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, e-mail: aryunasuvorova@mail.ru.

Suvorova Aryuna Stanislavovna, postgraduate student, Institute of Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, e-mail: aryunasuvorova@mail.ru.

УДК 008 (510) (540)

© **Б.Н. Пансалова**

ТИБЕТСКИЙ ВОПРОС В КУЛЬТУРЕ КИТАЙСКО-ИНДИЙСКИХ ОТНОШЕНИЙ. МЕТОД «ОТЛОЖЕННОГО СПОРА»

В последнее десятилетие XX века международные культурологические отношения пережили большие изменения. В эти годы «окончилось военно-политическое противостояние двух систем – капиталистической и социалистической; США и СССР; Запада и Востока». На этом фоне в 90-х годах XX века происходило заметное повышение роли двух великих держав Азии – Китая и Индии, укрепление в мире их политических и экономических позиций [3, с. 323]. Вступая в отношения между собой, Китай и Индия, обладающие громадным людским, природным, экономическим, военно-стратегическим потенциалом, представляют одну треть всего человечества на нашей Земле. Этот факт подчеркивает важность изучения данной темы.

Ключевые слова: китайско-индийские отношения, тибетский вопрос, суверенитет, «отложенный спор», национальные интересы.

B.N. Pansalova

THE TIBETAN ISSUE IN CULTURAL OF THE CHINESE-INDIAN RELATIONS. THE METHOD OF «THE POSTPONED DISPUTE»

In the last decade of the XX century the international cultural relations endured big changes. These years «military-political opposition of two systems – capitalist and socialist – terminated; USA and USSR; West and East». On this background in the nineties of the XX century there was an appreciable increase of a role of two great powers of Asia – China and India, strengthening in the world of their political and economic positions. Entering the relations among themselves, China and India possessing enormous human, natural, economic, strategic potential, represent one third of all mankind on our Earth. This fact emphasizes the importance of studying of this subject.

Key words: the Chinese-Indian relations, the Tibetan question, the sovereignty, «the postponed dispute», national interests.

Отношения с крупнейшим соседом Китаем – одно из стратегических направлений российской внешней политики [2, с. 56]. Россия также придает важное значение традиционному партнерству с Индией. В такой ситуации, очевидно, что для российской стороны важно знать южноазиатскую политику Китая, страны имеющей влияние в этом регионе, а также проблемы, которые существуют между Китаем и Индией.

Исследование китайско-индийских отношений в рамках их культурологического и политического аспектов имеет большое значение. Глубокие изменения в мире, внутривосточные конфликты жизни обеих стран заставили их после десятилетий конфронтации искать пути к поиску нормализации и развития отношений, к решению накопившихся вопросов. Иными словами, отношения между двумя государствами поднимаются на новый уровень, что не происходило с кон-

ца 50-х годов XX века [4, с. 37]. Обострение ситуации в Тибете в 2008 году подтвердило правоту тех, кто предупреждал об опасности «прецедента Косова». Мирные демонстрации за независимость Тибета, организованные в столице Тибетской автономии Лхасе сторонниками находящегося в изгнании Далай-ламы, переросли в погромы [10].

Индийские журналисты не скрывают того, что проблема обустройства тибетских беженцев, проживающих во временных поселениях, решается в непосредственном контакте с представителями провозглашенного Тибетского правительства в изгнании [7, с. 74].

На протяжении послевоенных десятилетий китайская сторона была твердо убеждена в том, что, помимо гуманитарной помощи вынужденным переселенцам и организации широких кампаний в мировой прессе в защиту демократии в

По некоторым данным, тела умерших оставляли на земле в гробу. В работе С.Г. Жамбаловой имеется рассказ информанта: «Я в детстве в Ашанге играла с детьми в скалах, в горах, а там люди лежали в длинных досках, гробах. Мы ткань палками вытягивали. «Хаптага», они в них лежали, это набитые доски, обернутые в шелка. Мне десять лет было, это происходило до 1938 г. Это были захоронения детей» [12, с. 134].

Одним из вариантов наземного погребения бурят являлся мунхан – особый памятник, который сооружался над гробом из бревен. Имеется архивный материал 1864 г. Баргузинской степной думы об ограблении мертвых тел инородцем Бурского рода Максимовым. Из архивного дела видно, что Максимов ограбил два мунхана, один в Тархайском урочище, другой в Куйтунской степи [ГАРБ, ф.7, оп. 1, д. 1208, л. 1-3].

Обычай монголов оставлять тела умерших в специально построенном срубе приводит Г-Д.Ц. Нацов. Он пишет, что тела знатных людей оставляли в специально построенном небольшом домике (бумхан), куда их помещали в сидячем положении [14, с. 131]. Созвучность названия погребения – монгольского бумхана с бурятским мунханом свидетельствует, возможно, что здесь аналогичные формы погребения.

До XIX в. буряты имели обычай кремировать покойных без различия пола и возраста [16, с. 223]. С принятием буддизма, забайкальские буряты стали кремировать буддийских священнослужителей. Кремиции подвергались также люди, пользующиеся особым уважением среди соотечественников [15, с. 117]. В конце XIX в. у большинства забайкальских бурят сожжение мертвых сохранялось в основном при похоронах шаманов [12, с. 92].

Обряд кремиции, насколько известно, в настоящее время распространен в Эхирит-Булагатском и Ольхонском районах. Кремируют обычно шаманов, людей старше семидесяти – восьмидесяти лет [17, с. 82].

У ольхонских бурят считается, что обряд кремиции элмэдэг предоставляет душе тысячу лет жизни (селмэдэг мянган наһатай). Слово элмэдэг образовано от слова элмэг – «ясный, чистый» и является однокоренным со словом элмэхэ – «очищать» [11, с. 29]. Описывая погребальные обряды ольхонских бурят, С.Г. Жамбалова зафиксировала информацию о сооружении сруба, который предназначался для кремиции. Она пишет: «В лесу на земле устанавливают своеобразный сруб для кремиции (мянган наһанай гэр). Для чего рубят чистое дерево из лиственницы или сосны. Выбирают та-

кое дерево, чтобы хорошо горело, очищают его от коры. В срубе раскладывают слой сухого хвороста, на который укладывают усопшего. Сруб поджигают пожилые мужчины, которые остаются здесь, пока не загорится хворост» [10, с. 49].

Некоторые сведения о проведении данного обряда в Эхирит-Булагатском районе имеются в рукописи Б.Бамбаева, из которой следует, что по прибытии на место кремиции старики занимались брызганием вина, а молодые люди собирали дрова и, складывая их в четырехугольной форме, внутри оставляли пустое место. В нем стелили потник, на котором клали усопшего головой на северо-восток. Под голову покойного клали седло, по бокам одежду, украшения, вооружения, полозья разобранных саней или части также разобранный телеги. Сверху клали еще сухие дрова. После этого подводили огонь со стороны головы покойника. Пока огонь не дошел до головы покойного, все спешно уезжают» [ОФ ЦВРК ИМБТ СО РАН ф.11, оп. 1, д. 13, л. 35].

В настоящее время все большее число бурят, в том числе проживающие в г.Улан-Удэ, желают хоронить родных путем кремиции. С.Г. Жамбалова в рамках V съезда межрегионального общественного движения «Всебурятской ассоциации развития культуры (ВАРК) внесла предложение открыть в Улан-Удэ крематорий, так как это наиболее соответствует традициям шаманизма и буддизма [5, с. 11].

В газетной статье С.Басаева приводится ряд аргументов в пользу кремиции, среди которых улучшение общей экологической обстановки в городе, освобождение земельных площадей для общественной пользы [5]. Он отметил проблему нехватки участков земель под кладбище. В Улан-Удэ, в котором насчитывается 404 тысячи человек, существует 8 официальных кладбищ (из которых 5 считаются недействующими) и несколько несанкционированных мест захоронения [5, с. 23]. Конечно, возможны другие пути решения данной проблемы. К.М. Герасимова не исключала возможность, что в будущем вместо «городов и деревень мертвых» возникнут некрополи – коллективные памятники, как, например, Братское кладбище в Риге и не только по поводу войны, а в качестве замены обычных кладбищ [8, с. 122].

У бурят был распространен воздушный способ погребения. На то, что хоронили на арангасах, в частности, указывают Н.Н. Агапитов и М.Н.Хангалов. Они писали: «...сам умирающий, будь он шаман, или простой бурят – назначает

место, где его похоронить. Если же он сделать этого не успеет, то погребение производится по указанию шамана. Кладбищем шаманов служат заповедные рощи. Посреди совершенно безлесного пространства возвышаются отдельные группы деревьев, заметные издали; рощи эти бывают или на ровных местах или чаще на горах: каждый род или улус имеет свою рощу» [2, с. 56-57].

Скорее всего, воздушный способ погребения практиковался в отношении простых бурят, которые были поражены молнией. Такие люди считались избранниками неба – тэнгери, поэтому им воздаются шаманские почести при похоронах, их причисляют к шаманам, при призывании богов они получают жертву наравне с шаманами [ЦВРК ИМБТ СО РАН, ф. 36, оп. 1 д. 1022]. Потомки и сородичи человека, умершего от молнии получали шаманский корень (удха) и могли стать шаманами или шаманками, которым покровительствовал их родич [3, с. 73]. При похоронах людей, умерших от молнии, устраивали обряд нэрэер хурай, который отличался соблюдением сложных правил шаманского ритуала [11, с. 294].

Особый способ захоронения людей, умерших от молнии, сохранялся в середине XX в. Так, имеется документ о юноше, убитом молнией в 1969 г. в Эхирит-Булагатском районе. Здесь говорится о том, что по наказу гадателя, скорее всего шамана, останки положили в гроб, повесили на особое дерево, отмеченное молнией, которое находилось на развилке дорог. Через 9 дней гроб сняли, останки усопшего сожгли, а пепел, завернув в платок, вложили в дупло того самого дерева. На месте где юношу убило молнией, был поставлен столб – бариса [ОФ ЦВРК, д. 2112/в, л. 11-13 – Г.С. Хомосоева].

О специальном способе захоронения убитых молнией свидетельствуют также косвенные данные. В документе, зафиксированного в 1883 г. в Балаганской степной думе, который направлен на борьбу с традиционным воздушным захоронением. Это сведение об убитом грозою инородце Булутского рода Отохине Онгошкине. Члены думы в целях борьбы с традиционными обычаями погребения сделали специальное распоряжение Нукутскому родовому управлению о зарытии тела инородца в землю на установленную глубину [ГАРБ, ф. 3, оп. 1, д. 1829, л. 44].

У современных бурят в погребальной обрядности, независимо от социального статуса, причин смерти преобладает захоронение в земле в пределах кладбища. Эта форма погребения стала широко применяться у предбайкальских бурят в

связи с распространением христианства [16, с. 393].

Судя по архивным и литературным материалам, трансформация погребальной практики бурят проходила под влиянием христианизации, особенно в XIX в. Православные священники пытались через административные органы убедить бурят совершать погребальный обряд по христианским обычаям на специально огороженных кладбищах. Для распространения христианского учения среди бурят особое внимание уделялось захоронению умерших в земле. Однако данная инновация с трудом внедрялась в среде бурят. Так, священник Д.Серебрянников, недовольный проведением погребения не по христианскому обычаю, просит расследовать Верхленскую степную думу следующее дело: «...инородец второго Абызаевского рода Ангарашка Дальханов, а по крещении Петр Васильевич Кокорин, известился я, будто б сей просвещенный инородец еще в том году помер, и останки эти, по бурятскому обряду преданы огню. Потому покорнейше прошу Вас исследовать сие происшествие и не оставить меня своим уведомлением» [ГАРБ, ф.4, оп.1, д. 887, л. 2].

Инновации в погребальной обрядности у бурят насильно навязывалась посредством давления со стороны административных и конфессиональных органов. На это, в частности, указывает А.А. Бадмаев. Он пишет, что негативную реакцию у представителей христианской церкви вызывали факты погребения тел православных бурят с жертвоприношениями кобыл и овец, а также оставление тел умерших не захороненными для растаскивания их хищниками и птицами. Местные законы строго регламентировали похоронную обрядность бурят, включая даже глубину могильной ямы [4, с. 475].

Несмотря на то, что предбайкальские буряты стали погребать усопших в земле по христианскому обычаю, в их погребении прослеживаются присутствие традиционных элементов. Так, в Эхирит-Булагатском районе при захоронении в земле прокладывают дно могилы досками, гроб заколачивают гвоздями по четырем углам. М.В. Хандагурова объясняет этот обычай тем, что еще в конце XIX в. дно могилы устилали «потником» с той лошади, которая везла покойного [18, с. 226].

С начала 1950-х гг. погребение усопших в земле стало применяться в Бурятии и Агинском округе с целью соблюдения санитарно-экологических норм. Местная власть строго следила за соблюдением вышеуказанных норм [14, с. 332; ПМА, Д.Д. Бадмаева].

Буряты-буддисты для могилы роют неглубокую яму, около 20-50 см над крышкой гроба до поверхности земли. Возможно, это можно объяснить тем, что буряты считают, что захороненный в земле человек «страдает от тяжести земли и отсутствия солнца и света» [10, с. 289].

По мнению информанта П.Н. Содномова, буряты хоронят усопших в неглубоких ямах, чтобы процесс разложения тела не затягивался. Он считает, что чем быстрее тело исчезнет, тем быстрее душа обретет перерождение [ПМА, П.Н. Содномов].

Мы предполагаем также, что практика использования неглубокой ямы для могилы обуславливается культовым отношением к земле. По мнению Л.Л. Абаевой, запреты копать землю, у бурят были определены поверьями о том, что Земля – живое существо, а ее тело – это земная поверхность, «все, что на ней живет и растет, воспринимается как ее живые дети» [1, с. 483]. По рассказу информанта Н.Р. Баранникова, будучи детьми, играя, они рыли землю и при этом хорошо осознавали, что этого делать нельзя и старшие могут наказать за это, так как рыть землю считалось большим грехом [ПМА, Н.Р. Баранников].

Формы погребения у бурят различаются в зависимости от возраста умершего. По данным С.Г. Жамбаловой, у современных бурят, проживающих на Ольхоне и в Приольхонье, способ захоронения зависит от возраста усопшего: «Молодых людей до 40-50 лет хоронят в земле, это современная форма погребения. Новорожденных оставляют на земле. Людей старше 50 лет подвергают кремации (сэлмэдэг, сэлмэг хэ-хэ)» [11, с. 289]. Различие способов погребения даже в рамках отдельной локальной группы бурят можно объяснить не только возрастным статусом умершего, но и климатическими условиями. Так, имеется документ, где зафиксировано сведение об этом: «Информант Бадаев Бартас, 1883 г.р. уроженец с. Анга Ольхонского р-на, рассказывает, что летом закапывали в гробу, а зимой сжигали. Сжигали в том случае, если не было возможности закопать» [ОФ ЦВРК ИМБТ СО РАН д. 1995/6].

Таким образом, собранные материалы позволяют говорить о том, что у бурят параллельно бытовало несколько форм погребения, которые отражали территориальную особенность, социальный, возрастной статус усопшего, его профессиональную принадлежность и т.д. В основе наблюдаемого в настоящее время разнообразия форм погребений обнаруживается сочетание традиционного ядра и инноваций, вызванных

распространением у бурят христианства и буддизма. Практически все формы погребения, бытовавшие у бурят в прошлом, сохранились у разных локальных групп в той или иной степени. В практике наиболее типичной формой стало погребение в земле.

Литература

1. Абаева Л.Л. Экологическая культура в контексте архаичных верований и шаманских традиций // Буряты. – М.: Наука, 2004. – 633 с.
2. Агапитов Н.Н., Хангалов М.Н. Шаманство у бурят Иркутской губернии // ИВСОРГО. – 1883. – 169 с.
3. Алексеев Н.А. Традиционные религиозные верования тюркоязычных народов Сибири. – Новосибирск: Наука, 1992. – 242 с.
4. Бадмаев А.А. Некоторые новые данные о христианизации предбайкальских бурят // Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий. – Новосибирск: Изд-во Института археологии и этнографии СО РАН, 2000. – Т. 4. – С. 474-478.
5. Басаев С. Улан-Удэ нужен крематорий // Новая Бурятия. – 2011. – № 26.
6. Ванчикова Ц.П. История буддизма в Забайкалье до 1945 г. // Земля Ваджрапани. Буддизм в Забайкалье. – М.: ИПЦ «Дизайн. Информация. Картография», 2008. – С. 28-50.
7. Георги И.И. Описание всех обитающих в Российском государстве народов, также их житейских обрядов, вер, обыкновений, жилищ, одежд и прочих достопамятностей. – СПб., 1799. – Ч. 3. – 385 с.
8. Герасимова К.М. Ламаистский похоронный обряд в Бурятии // Вопросы преодоления пережитков прошлого в быту и сознании людей становления новых обычаев, обрядов и традиций у народов Сибири. – Улан-Удэ, 1969. – Вып. 2. – С. 112-121.
9. Гомбожапов А.Г. Традиционные семейно-родовые обряды агинских бурят в конце XIX-XX в.: истоки и инновации. – Новосибирск: Наука, 2006. – 184 с.
10. Жамбалова С.Г. Элементы архаичных форм в современном погребальном обряде ольхонских бурят // Музей и краеведение: проблемы истории и культуры народов Бурятии. – Улан-Удэ, 1993. – С. 48-50.
11. Жамбалова С.Г. Профанный и сакральный миры у ольхонских бурят (XIX-XX вв.). – Новосибирск: Наука, 2000. – 400 с.
12. Жамбалова С.Г. Калейдоскоп: этнографические картинки XX-начала XXI в. в устных рассказах народов Бурятии. – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2010. – 412 с.
13. Мастюгина Т.М. Буряты. Похоронная обрядность // Семейная обрядность народов Сибири (опыт сравнительного изучения) под ред. И.С. Гурвича. – М.: Наука, 1980. – С. 91-97.
14. Нацов Г.-Д.Ц. Материалы по истории и культуре бурят (введ., пер. и примеч. Г.Р. Галдановой). – Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. – 137 с.
15. Тангад Д. Заметки о похоронных обычаях в западных районах МНР // Традиционная обрядность монгольских народов. – Новосибирск: Сиб. отд-е, 1992. – С. 127-133.
16. Цыденова Д.Ц. Представления агинских бурят о жизни и смерти (конец XIX – начало XXI в.). – Новосибирск: Изд-во НГУ, 2009. – 194 с.
17. Хангалов М.Н. Собрание сочинений. – Улан-Удэ: Бурят. кн. изд-во, 1958. – Т. 1 – 550 с.

коммерческого, проникнутого эгоистическими стремлениями к обогащению за счет доверчивых монголов... Общим вопросом, объединяющим до некоторой степени прихожан Ургинской церкви, является вопрос о постройке нового храма. В последнее время этот вопрос был предметом усиленных суждений и разговоров. Сделана закладка храма с водружением креста. Собирались кой-какие средства. На этом дело постройки храма и остановилось. Наступившие грозные политические события отвлекли внимание (русских) ургинцев в другую сторону...».

Отцу Феодору так и не удалось осуществить свою мечту – революция 1917 года, внесшая неопределенность и сумятицу во внутреннюю жизнь России, способствовала росту нестабильности в жизни русской колонии в Монголии. Сам священник Феодор Парняков 28 января 1921 года после трех дней зверских пыток был убит белым бароном Унгерном фон Штенбергом, захватившим тогда Монголию.

Со смертью настоятеля жизнь на Троицком приходе постепенно затухает. Если до 1927 года в храм еще периодически приезжают православные священники, служат службы, совершают требы, то в 1927 храм закрывается для религиозного пользования и используется для иных назначений. Однако по воспоминаниям старожилов до 1970-х годов здание сохраняло вид православного храма, хотя и без креста. В эти годы сносится колокольня, зияющую дыру от которой мы и сейчас можем видеть на постройке, прилегающей слева к нынешнему магазину «24 часа» на ул. Жукова, и уже ничем не напоминающей былой Троицкий Сум.

25 декабря 1997 года Московская Патриархия назначила первым постоянно действующим настоятелем Свято-Троицкого прихода в Монголии протоиерея А.А. Фесечко (отца Анатолия), который уполномочен представлять Патриарха перед всеми государственными, религиозными и общественными организациями.

Учитывая традиционно дружественные добрососедские отношения между нашими странами, гуманный просветительский характер Русской Православной Церкви, монгольские власти, руководство буддийских организаций, общественность, средства массовой информации страны с пониманием восприняли просьбу о возобновлении здесь деятельности православного христианского прихода. Он прошел перерегистрацию в Минюсте, правительственном агентстве по делам иностранцев, президиуме Хурала представителей граждан Улан-Батора. Образован попечительский совет, который возглавил

Чрезвычайный и Полномочный Посол Российской Федерации в Монголии.

Воссоздание Свято-Троицкого православного прихода приветствовал глава буддистов Монголии Хамбо-Лама Чойжамц, выразивший удовлетворение тем, что «многочисленная местная русская община обрела своих духовных пастырей» [4].

Возобновление деятельности в Монголии Свято-Троицкого прихода с огромным удовлетворением восприняли не только православные христиане, но все представители российских организаций и учреждений, а также находящиеся здесь граждане других славянских государств.

В ходе пребывания в Монголии Митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, в Улан-Баторе 8 июля 2001 года был заложен первый камень в основание православного храма.

С июня 2005 года настоятелем прихода является священник Алексей Трубач. «Настоятель собора отец Алексей Трубач ведет миссию среди монголов, к чему власти относятся благосклонно, – создается еще несколько приходов. Для властей лучше православная миссия, олицетворяющая главного инвестора этой власти – Россию, чем активная протестантская миссия, ведущаяся США» [3]. В Улан-Баторе достраивается «огромный собор», действует сайт «Православие в Монголии».

На данное время в течение года на приходе окормляются более 100 православных, проживающих или работающих в Монголии. А в целом, православный приход, единственный в стране, предоставляет возможность духовной поддержки в тех или иных трудных обстоятельствах более чем для 5 тыс. россиян, а также православных граждан иных государств, что, безусловно, служит укреплению стабильности во взаимоотношениях между различными народами в стране.

Сейчас, по информации министерства юстиции и внутренних дел Монголии, официально в стране зарегистрированы 186 религиозных организаций. Насчитывается 112 буддийских монастырей, 66 христианских церквей, 2 исламские мечети, 1 языческий и 5 бахайских храмов. Подавляющее их большинство расположено в Улан-Баторе.

Литература

1. Православие в Монголии. – http://www.legendtour.ru/rus/mongolia/history/pravoslavie_in_mongolia.shtml.

Тибете, Индия негласно поощряла подрывную деятельность на территории КНР, тайно снабжая всем необходимым тибетских повстанцев. В ответ Китай считал себя вправе спонсировать экстремистские и этносепаратистские движения на территории Индии, организовывать военную подготовку боевиков в специально созданных лагерях на территории сопредельных государств [2, с. 56].

В то же время, Индия, идя на определенные уступки КНР, никогда не настаивала на предоставлении Тибету суверенитета. Проблема внутреннего сепаратизма всегда была для Индии слишком острой, чтобы ее правительство решило открыто поощрять подобные процессы в соседних государствах. Индийским властям не хотелось бы ухудшить и без того достаточно напряженные отношения с Китаем из-за вопроса о Тибетском Автономном Районе. Тем не менее, не препятствуя международной деятельности Далай-ламы, в частности, позволив ему 1997 г. нанести визит на Тайвань, руководство Индии вновь продемонстрировало, что оно продолжает неуклонно выступать за расширение демократических прав и свобод населения Тибета и не изменило своей позиции по этой проблеме [4, с. 21].

Индийские военные аналитики публично заявляют, что неуклонно увеличивающийся военный и экономический потенциал КНР представляет серьезную угрозу не только Индии, но и странам Восточной Азии, и призывают их сплотиться вокруг Индии и Японии, двух «альтернативных» региональных центров силы, чтобы не допустить абсолютного преобладания Китая в Азиатско-Тихоокеанском регионе [9, с. 19].

Тем не менее, опыт последних десятилетий показал, что Китай и Индия, несмотря на все существующие между ними разногласия, нуждаются друг в друге.

В случаях, когда попытки достичь согласия по урегулированию пограничных проблем не приносили быстрого результата на приемлемых для Китая, а лучше – прямо на китайских условиях, дипломатия КНР использовала метод «отложенного спора», разработанный еще в 70-х годах. Этот метод сводится к тому, чтобы вывести так или иначе погранично-территориальные споры за рамки двусторонних межгосударственных отношений с сопредельными странами и отложить их обсуждение до тех пор, пока для этого «созреют условия».

В книге «Стратегия международной безопасности» говорится: «Относительно межгосударственных споров, особенно территориальных,

Китай обязан отстаивать свой суверенитет. В конкретной работе имеются три варианта. Лучший вариант – когда вопрос решается на условиях Китая; посредственный вариант – отложить спор и развивать сотрудничество; самый неудачный вариант – сохраняя дипломатическое и другое давление, в меру поддерживать конфликт, ни в коем случае не позволять конфликту затихнуть на условиях противоположной стороны».

Китайская сторона еще в 70-х годах начала предпринимать попытки перевести китайско-индийский пограничный вопрос в положение «отложенного спора» [7, с. 80]. Китай не был заинтересован в сохранении конфликтной ситуации на границе для продолжения существования самой проблемы, но в то же время он не мог разрешить эту проблему на своих условиях. В результате, китайское руководство выбрало посредственный вариант – отложить спор и развивать сотрудничество с Индией.

По мнению Е.Д. Степанова, «использование метода «отложенного спора» предоставляло Китаю широкие возможности политического маневрирования в условиях, когда погранично-территориальный спор продолжает существовать, оказывая сам фактом своего существования определенное психологическое воздействие на партнера. Существование такой проблемы понуждает партнеров Китая действовать во взаимоотношениях с ним, да и в своих международных делах, особенно по вопросам, могущим затронуть интересы КНР, достаточно осторожно, и с постоянной оглядкой на ее реакцию и на ситуацию вокруг нерешенных пограничных вопросов» [6, с. 74-75]. Однако использование такого метода «не может полностью отвечать национальным интересам страны» [8, с. 94].

В 80-х годах на китайско-индийских пограничных переговорах Китай предложил «комплексную сделку», которая предусматривала рассмотрение всех трех участков границы в целом на основе единого принципа водораздела. Однако Индия не согласилась с предложенной «комплексной сделкой» и предложила «посекторный подход», т.е. рассмотрение ситуации в каждом секторе отдельно.

Это было сделано для того, чтобы закрепить уступки Китая в восточном и западном секторах. Индия считала, что с такой позиции вопросы по каждому сектору нужно рассматривать независимо друг от друга, и ей не придется отказываться от своих требований в одном секторе в обмен на признание Китаем индийских требо-

ваний в другом. Пекин согласился обсуждать проблему по секторам [5, с. 21].

Такая точка зрения, как один из реальных способов урегулирования пограничного вопроса, имеет право на жизнь. Согласно ей, Китай должен пойти на уступки в восточном, а Индия – в западном секторе, что по существу означает принятие одного из планов Пекина. По некоторым утверждениям в 1984 г. премьер-министр Индии Индира Ганди была готова принять такие условия «комплексной сделки» на основе единого принципа водораздела [1, с. 333].

Как отмечал Е.Д. Степанов, рассматривая метод «отложенного спора»: «Ныне проводимый китайскими властями курс пограничной политики не может полностью отвечать национальным интересам страны, оставляя место сомнениям и подозрениям. Возможно, при более строгом и детальном анализе его, окажется даже, что, отвечая сиюминутным потребностям нормализовать обстановку на границах Китая и в регионе, создать на данном этапе условия для нормального развития его отношений с сопредельными и близлежащими странами, этот курс впадёт в противоречие с долгосрочной заинтересованностью страны в укреплении стабильности в регионе путем ликвидации тех спорных проблем, которые чреваты возникновением условий для новых конфронтаций и вооружённых столкновений. А через это и в укреплении безопасности самого китайского государства» [8, с. 165].

УДК 281.93 (517.3)

© Б.П.-Д. Ринчинова

РУССКАЯ ПРАВОСЛАВНАЯ ЦЕРКОВЬ В МОНГОЛИИ: ОСНОВНЫЕ ВЕХИ

Испокон века сложилось, что русских людей всегда мог собрать только храм. И куда бы ни приезжали русские купцы и ремесленники, где бы ни обосновывались, всегда приглашали православного священника и строили храм, который и становился центром их жизни, объединял русское общество за границей, давал духовные силы, сохранял связь с Родиной, не позволял опуститься [5].

Ключевые слова: православие, церковь, приход.

B.P.-D. Rinchinova

THE RUSSIAN ORTHODOX CHURCH IN MONGOLIA: MAIN MARKS

From time immemorial it was developed, that only the temple could gather together the Russians. Where there came the Russian merchants and handicraftsmen wherever they were located, as the tradition they always invited the orthodox priest and built the temples which was considered as the center of their life. The temple, as a rule, united the Russian society and gave them spiritual strength, keeping communication with the Homeland.

Key words: orthodoxy, church, parish.

История проникновения православия в Монголию берет свое начало в XIII в. В 1330 году из русских пленников был образован особый отряд

Пекинской гвардии. Есть сведения о том, что в 1685 году маньчжуры пленили в районе Амура и передали на службу Богдыхану несколько сотен

Литература

1. Бажанов Е.П. Китай и внешний мир. – М.: Международные отношения, 1990.
2. Ефремова К. Китай и Индия в XXI веке: прогнозы индийских политологов // ПДВ. – 2001. – №4.
3. Иванов И.С. Новая российская дипломатия. Десять лет внешней политики страны. – М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2002. Мельянцева В. Экономический рост Китая и Индии: динамика, пропорции и последствия // Мировая экономика международные отношения. – 2007. – №9.
4. Педин А.В. Индия и Китай ищут пути к сотрудничеству. // Информационный бюллетень ИДВ РАН. – 1995. – №3.
5. Свешников А.А. Внешнеполитические концепции КНР и концептуальные представления китайских специалистов-международников // Информационный бюллетень ИДВ РАН. – 1999. – №1.
6. Сингх Гопал. География Индии / пер. с англ. М.Е. Бугровой. – М.: Прогресс, 1980.
7. Степанов Е.Д. Пограничная политика в системе внешнеполитических приоритетов КНР (1949-1994) // Информационные материалы ИДВ РАН. – 1995. – №3.
8. Юрлов Ф. Индия: опыт реформы модернизации // Азия и Африка сегодня. – 2006. – №5.
9. Захват Тибета. Электронный ресурс. – <http://sunhome.ru/journal/14348.html>.

Пансалова Баярма Намсараевна, аспирант кафедры философии Бурятского государственного университета, г. Улан-Удэ, e-mail: khbn@mail.ru.

Pansalova Bayarma Namsaraevna, postgraduate student, department of philosophy, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: khbn@mail.ru.

русских землепроходцев. Вместе с ними был насильно препровожден в чужие края иерей Максим, с которого, как считается, начинается история православной миссии в Монголии.

История нового времени Русской Православной Церкви в Монголии начинается с 1860 года, когда в структуре МИД была образована консульская служба, ставшая своего рода каналом проникновения христианства за рубеж. Первыми в Ургу прибыли в 1861 г. члены российского консульства, состав которого был небольшим: консул, секретарь, переводчик, фельдшер. Плохое знание страны и условий, в которых придется работать, привели к тому, что членов консульства сопровождали 20 казаков под командованием конвойного казачьего офицера, вооруженных хорошими ружьями. Однако, увидев доброе расположение со стороны простых монголов, они поняли, что защита оказалась не нужна, и казаки, превратившись в строителей, стали возводить консульский дом.

Казаки, как народ набожный, не могли обойти вопрос о построении пусть и небольшой православной церкви в честь Святой Троицы, непосредственно примыкавшей к зданию российского консульства. Уже на следующий год консул Шишмарев направил просьбу прислать в тогдашнюю монгольскую столицу Ургу православного священника. Первый священник иеромонах отец Сергей был прислан не из России, а из Пекина. Спустя 30 лет здесь был построен христианский храм, впоследствии переподчиненный Свято-Троицкому монастырю, находившемуся вблизи Улан-Удэ. Миссия также занималась проповедованием среди тувинцев, бурятов, монголов, маньчжуров. В Казанской Духовной Академии на монгольский язык было переведено Евангелие.

И уже 22 марта 1864 года здесь была отслужена первая божественная литургия священником из Забайкалья Иоанном Никольским. Этот день, по новому стилю 4 апреля, можно считать днем рождения Троицкого прихода в Урге. Долгое время в храме не было своего постоянного священника, и богослужения совершали приезжие священники из Забайкальской и Китайской Духовных Миссий, Иркутской епархии.

1893 год ознаменовался началом постоянных богослужений в Урге: 4 сентября решением Священного Синода в консульскую церковь Живоначальной Троицы был назначен настоятелем священник Николай Шастин, бывший миссионер Цакирского стана Забайкальской Духовной Миссии. Он служил настоятелем прихода до 1914 года.

После восстановления суверенитета и независимости Монголии в 1911 году с правительством Богдо-Гэгэна был заключен договор о деятельности христианских православных миссий на Хубсугуле, в Алтап-Булаке и Кобдо. При каждом приходе были открыты светские школы, в которых кроме Закона Божьего изучались основные учебные дисциплины, в том числе математика и языки, а преподавание вели выпускники Петербургского и Казанского университетов [2].

После более чем полувекового перерыва в ответ на настоятельные просьбы представителей российской диаспоры в Монголии, прежде всего, постоянно проживающих здесь россиян, в Улан-Батор в 1996 году прибыли представители Отдела внешних сношений Священного синода и Читинско-Забайкальской епархии, с участием которых состоялось учредительное собрание русской православной общины, а 27 ноября 1996 года Министерство юстиции Монголии официально зарегистрировало здесь православный Свято-Троицкий приход Московской патриархии. Так началась современная история Русской Православной Церкви в стране, где большинство исповедуют буддизм. Были избраны органы самоуправления прихода, утвержден Устав, получено регистрационное свидетельство, общее руководство возлагалось на настоятеля храма Успения Божьей Матери г. Кяхта иерея Олега Матвеева.

Вторым настоятелем Ургинского прихода был назначен иркутский священник отец Федор Парняков. Сохранился его рапорт иркутскому епископу в газете «Забайкальские Ведомости» за август 1914 года, то есть сразу же по его прибытии на Троицкий приход. Прослеживается удивительная схожесть положения русской колонии и ее проблем сейчас и почти столет назад. Вот, что, в частности, пишет отец Федор: «Худшая часть (русского) населения, находясь в близком соприкосновении с приезжими, шатка в нравственном отношении. Пьянство, картежная игра, половая распущенность, сквернословие, сплетни – все это сделалось обычным явлением жизни среди этой части ургинского населения. В Урге нет общественной библиотеки, читальни, чтений, собраний, которые бы объединяли русское население на почве религиозно-нравственной и культурной. Единственным развлечением является грязный иллюзион и кафештатный ресторан, которые оказывают вредное влияние на нравы жителей. Вообще русская колония в Урге есть случайное собрание разного рода люда, преимущественно

новейшим авангардизмом, суть которого состоит в отрывании наклеенной бумаги противоположно коллажу, обнажая подложку. Впервые деколлаж был применен сюрреалистом Луи Малле, и стал особо популярен у художников авангарда 1960-х гг., которые создавали свои произведения, отрывая клочки от наклеенной печатной продукции (Реймон Эн, Жак Виллег ле, Франсуа Дюфрен, Миммо Ротелла, Остин Купер). Иногда это понятие употребляется в более широком смысле деструкции, постепенного уничтожения (хэппенинги – деколлажи Вольфа Фостеля).

Разорванный постер (torn poster) – один из жанров деколлажа. Его техника проста: несколько постеров наклеиваются друг на друга, а затем вырывают куски с разных слоев. Жанр связан с именем Миммо Ротелла, именно он в 1953 г. изобрел технику, утверждая, что элемент отсутствия есть оригинальное в искусстве.

Цитатность в художественном произведении, то есть заимствование или присвоение уже существующих образов или фрагментов, связано с постмодернистским понятием смерти автора. Французский писатель М.Бютор так объясняет эту стилистическую особенность: «Не существует индивидуального произведения. Произведение индивида представляет собой своего рода узелок, который образуется внутри культурной ткани, и в лоно которой он чувствует себя не просто погруженным, но именно появившимся в нем. Индивид по своему происхождению – всего лишь элемент этой культурной ткани. Точно так же его произведение – это всегда коллективное произведение» [8, с. 336]. Пользуясь архивом найденных образов, стереотипов и схем как словарем, художник-постмодернист проводит очень тонкую и ответственную работу по трансформации смыслов, он ищет новый и неожиданный взгляд на образы искусства прошлого.

Фотоколлаж – еще одно проявление коллажного мышления в плоскости картины. Первые фотоколлажи модернизма или так называемая комбинированная съемка использовалась исключительно в технических целях (создание групповых портретов, где возможно избавиться от «неудачных» выражений лиц или «грустного» пейзажа на заднем плане, совместить результаты съемки разных временных периодов). В первых фотоколлажах нет ничего, что противоречило бы реальной действительности. Прорыв совершают дадаисты, делая экспериментальные фотоколлажи, микшируя разнородные фрагменты и фактуры. Самые смелые идеи сюрреалистов, не имеющие никаких аналогов в ре-

альности, позволяют воплотить цифровые технологии постмодерна. Компьютерный коллаж освобождает произведение от эффекта наклеенности, минимизирует рукотворность, позволяет создавать гиперреальные иллюзорные композиции.

Принцип коллажности в объектном искусстве. Термин «бриколаж» (от фр. «bricolage» – играть отскоком или мастерить что-либо из подручных материалов) впервые в научный оборот был введен Клодом Леей-Строссом в книге «Дикое мнение» и применяется в качестве специального при игре на бильярде, в мяч или в верховой езде и выражает представление о неожиданном движении (неожиданно отскочил мяч, лошадь сошла с прямой линии, чтобы обойти припятствие и др.). Интерпретация термина, как метода, имеет два значения: как метод создания новых смыслов путем наслоения и комбинирования известных старых (подобно коллажу и палимпсесту) или метод создания новой вещи из подручных материалов. Бриколер, по мысли К.Леви-Строса, – «это тот, кто творит сам, самостоятельно, используя подручные средства», и что при создании нового он «должен вновь обратиться к уже образованной совокупности инструментов и материалов, провести или переделать ее инвентаризацию» [9, с. 128]. Метод бриколажа – подобие калейдоскопа: из осколков прошлого опыта формируется единый и цельный образ.

С.П. Батракова определяет метод бриколажа как «выстраивание образной логики окольными путями, когда смысл постигается как бы ненароком» [10, с. 158]. Задействуя ассоциации «второго порядка», не лежащие на поверхности, бриколаж позволяет косвенно передать смысловую нагрузку произведения, создать акцент на скрытом, подтексте. Бриколаж допускает абсолютно любое сочетание фрагментов (как выразился П.Фейерабенд «Anything goes» («Допустимо все») [11, с. 142]) и тем самым делает смысловым акцент не на центральный образ, а на взаимосвязи, отношения элементов в целом. Узловая идея бриколажа в том, что структура и результат важнее, чем составляющие части, изменяющиеся в процессе созидания. Метод бриколажа позволяет отождествлять часть и целое, использовать любую форму, не связанную с образом причинно-следственными связями, выделить такие свойства художественного произведения, как полисемантизм и ассоциативность, парадоксальность.

Метод бриколажа находит свое воплощение и в плоскостных техниках и в объектных, про-

2. Первый департамент Азии МИД Российской Федерации. 16.01.2002 «Русская православная церковь в Монголии».

3. Пресс-секретарь Союза православных граждан К.Фролов – <http://www.km.ru>.

4. Священник Алексей Трубач, настоятель Свято-Троицкого прихода, г. Улан-Батор // Православие в Монголии на современном этапе, Монголия 15.09.2006 г. // <http://predistoria.org/index.php?name=News&file=print&op=PrintPage&sid=447/>.

5. Священник Алексей Трубач – Свято-Троицкий приход в Улан-Баторе // <http://www.predistoria.org>, <http://www.pravoslavie.mn/istorprav.html?did=80>.

Ринчинова Белигма Пурбо-Доржиевна, аспирант кафедры философии Бурятского государственного университета, Улан-Удэ, e-mail: rbp-d@mail.ru.

Rinchinova Beligma Purbo-Dorzhiyevna, postgraduate student, department of philosophy, Buryat State University, Ulan-Ude, e-mail: rbp-d@mail.ru.

УДК 7.038.6

© А.В. Ануфриева

ПРОЯВЛЕНИЕ КОЛЛАЖНОГО МЫШЛЕНИЯ В ИЗОБРАЗИТЕЛЬНОМ ИСКУССТВЕ: ОТ МОДЕРНИЗМА К ПОСТМОДЕРНИЗМУ

Выявляются социо-культурные истоки и роль коллажного мышления в системе изобразительного искусства и художественной культуры развитых стран XX века. На примере модернистского и постмодернистского искусства анализируется эволюция проявлений коллажного мышления. Рассмотрены принципы коллажности в плоскости картины и объектном искусстве.

Ключевые слова: коллажное мышление, современное изобразительное искусство, модернизм, постмодернизм.

A.V. Anufrieva

THE MANIFESTATION OF COLLAGE THINKING IN THE FINE ARTS: FROM THE MODERNISM TO THE POSTMODERNISM

Sociocultural sources and the role of collage thinking in the system of the fine arts and art culture of the developed countries of the XX century are studied in the present research. On the example of modernist and post-modernist art evolution of manifestations of collage thinking is analyzed. Collage principles in the plane of a picture and objective art are considered.

Key words: collage thinking, contemporary art, modernism, postmodernism.

К середине XX века изобразительное искусство развитых стран претерпевает трансформацию, суть которой до сих пор составляет актуальный предмет научных дискуссий. Речь идет о феноменах модернизма и постмодернизма. До сих пор не решен вопрос является ли постмодернизм уникальным самостоятельным феноменом, строящим свое содержание во многом на отрицании модернизма (Г.Хоффман, Р.Кунов, А.Хорнунг), или же он представляет собой этап зрелости модернизма, предельно усиливающий модернистские позиции (Ж.-Ф. Лиотар), возможно ли говорить о стилевых характеристиках постмодернизма (Г.Хоффман, Р.Кунов, А.Хорнунг), спорным является и вопрос определения терминов и многие другие. На наш взгляд коллажное мышление¹ является связующим зве-

ном в системе модернизм-постмодернизм. Анализ эволюции проявлений коллажного мышления в контексте модернистского и постмодернистского искусства² позволяет обнаружить логику развития современного изобразительного искусства и художественной культуры.

разряд объектов. А диапазон проявлений коллажного мышления гораздо шире. Он включает модернистскую технику механического плоскостного коллажа и расширяется до постмодернистских медийных инсталляций.

²Под модернизмом полагается совокупность художественных направлений в искусстве развитых стран периода с 1900 по 1950 гг., в которых «возобладало уже не столь следование духу природы и (классической, академической) традиции, сколько свободный взгляд мастера-творца» [1, с. 100]. Под классическим постмодернизмом принято считать совокупность художественных течений в искусстве развитых стран периода с 1970-х годов по наши дни, для которых характерно во многом отрицание концепций модернизма и возврат к предмодернистским формам и стилям на новом уровне [1, с. 138]. Период с 1950-х по 1970-е является переходным и включает обе художественные традиции.

¹Сразу оговоримся, что понятия коллаж и коллажное мышление не одно и то же. Коллаж в изобразительном искусстве – это пластический прием, техника, которая имеет четко определенные границы: коллаж заканчивается там, где произведение отходит от плоскостного начала, становится полностью объемным, то есть переходит в

Модернизм стал кульминацией индустриального общества и производства, порожденного научно-техническим прогрессом: появляются первые школы дизайна, утверждается интернациональный стиль, базирующийся на идеях функциональности. Мир модернистского искусства формируется в пространстве новых возможностей фототехники, массового промышленного дизайна, находится под влиянием теории относительности, фрейдизма, теории потока сознания и др. В фокусе интереса модернизма – индустриальное производство и машинерия, авангардизм, экспериментаторство и технические новации.

Постмодернизм начинается тогда, когда научно-технический прогресс переходит в информационную стадию, когда компьютерные технологии попадают в массы, когда начинают говорить о становлении пост-индустриального общества и производства, объявляя высшей ценностью информацию. На мир искусства существенное влияние оказывает цифровая техника, нано и био-технологии, теория самоорганизующихся систем и теория хаоса, теория деконструкции, теория языковых игр, дизайн проникает во все сферы человеческого бытия. В центре внимания постмодернизма – информационные технологии, дигитальная культура, виртуальные миры, телевидение и видео-арт.

В связи со стремительным обновлением облика городов в XX веке, где отдельные элементы городской среды подаются с особым напором (реклама, неоновые вывески, небоскребы), зрительные образы обновляются с невероятной скоростью, а сообщения средств массовой информации представляют смесь независимых друг от друга разнородных фактов, мироощущение современного урбанизированного человека становится все более фрагментарным. Для «работы» с фрагментами формируется информационно-коммуникационное зрение (стратегия прагматического поиска информации переходит в привычку и норму) и возникает способность усваивать информацию, поступающую из нескольких источников одновременно [2]. Сознание не успевает ухватить всё и создает многослойное и многоуровневое калейдоскопическое пространство с наслоениями, вариациями, неожиданными смещениями и сочетаниями, подобно коллажу. Коллажное мышление находит свое отражение в современном искусстве. Рассмотрим как трансформируется коллажное мышление при переходе от модернизма к постмодернизму в плоскости картины и объектном искусстве.

Коллаж в плоскости картины. Принято считать, что прием механического коллажа¹ (техника вырезки готовых изображений и вставки/вклейки их в полотно) – изобретение кубистов, но принципы создания коллажа были известны еще в народных промыслах (лоскутное шитье, гербарий) и применялись в произведениях классики (образы реальных персонажей и событий ссылаются на античные и библейские сюжеты, исторические события и персонажи). После того, как модернизм отверг традиционную школу, характер коллажных произведений значительно изменился.

В 1910 году Ж.Брак впервые использует новую для своего времени технику *papier colle* (бумажный коллаж). Он берет обрезки газет и журналов, располагает их на холсте, а затем покрывает сверху краской, добиваясь эффекта живописи. В то же время П.Пикассо создает подобные полотна – аппликации. Опыт использования изображений-обманок позже заменяется монтажом – приемом вклеивания в поверхность картины реальных фактур и предметов. К первым работам в этой технике относят «Натюр-морт со сломанным стулом» Пикассо, где художник соединяет кусок промасленной ткани и сиденье стула в картину овальной формы. Итальянские футуристы (К.Кара, Д.Северини и др.) усложнили кубистический коллаж, включив в живописную композицию слова, математические знаки и фрагменты предложений для создания эффекта движения. Кубисты и футуристы используют коллаж как дополнительный элемент живописного или графического произведения и открывают существование двух зон реальности на одном холсте: «Одна состоит из двухмерных обрывков реальности (газета, обои), произвольный характер подбора которых мгновенно бросается в глаза; другая – из геометрических «пращин», которые проведены карандашом и лишь частично могут быть восприняты как предметные» [2, с. 54].

Самостоятельные, несвязанные с живописью или графикой коллажи появляются только к концу 1910-х годов. Технику развивают дадаисты и русские конструктивисты.

В сюрреализме техника коллажа развивается в контексте принципа «чисто психологического автоматизма», коллаж становится поэтическим

¹«Коллаж» – от французского «coller» – «клеить». Родоначальниками техники механического плоскостного коллажа принято считать Ж.Брака и П.Пикассо, хотя российские специалисты отмечают, что еще задолго до первых коллажей заграничных художников-кубистов Михаил Врубель клеил бумажки на свои картины, чтобы добиться желанной объемности.

средством. Сюрреалисты отмечают парадоксальный визуальный эффект, который возникает при пересечении реальностей самого разного порядка.

Первые коллажи в плоскости картины, подобные постмодернистским, представлены работами поп-артистов. Например, работа Р.Раушенберга «Исследователь», получившая Гран-при Венецианской биеннале 1964 года. Художник объединяет в одном полотне репродукции Рубенса, технические документы, газетные фотографии похорон Кеннеди и т.д. Постмодернистский коллаж перенял такие черты модернистского авангардного искусства как отход от классических норм и канонов, отказ от сюжета, тяготение к отвлеченному мышлению и ассоциативным структурам, присутствие мировоззренческо-философской позиции. И.Ильин, приводя точку зрения Т.Д'ана отмечает: «Модернистский коллаж передает зрителю ощущение симультанности: он как бы видит одну и ту же вещь одновременно с разных точек зрения» [3, с. 107]. А «в постмодернистском коллаже, напротив, различные фрагменты предметов, собранные на полотне, остаются неизменными, нетрансформированными в единое целое», каждый из них сохраняет свою обособленность и отдельность [3]. Отметим, что постмодернистский коллаж живет только тогда, когда устанавливает диалог со зрителем, а модернистский коллаж не ставит подобных целей, его пространство замкнуто в себе.

Пространство постмодернистского коллажа словно самоорганизуется, его структура подвижна и постоянно регенерируется. Пуссер называл такое пространство «полем возможностей». Значения и смыслы в таком произведении постоянно варьируются, благодаря открытости авторской идеи для «новых информационных приращений» [4, с. 185]. Искусствовед Ги Дебор, характеризуя постмодернистский коллаж, использует понятие *Detournement* («незаконное присвоение»), указывая на повторное использование уже существующих художественных элементов в новой сконструированной среде.

Еще одним проявлением коллажного мышления в современном искусстве является техника пастиш¹. В XX веке пастиш – это сознательно

деформированная копия, акцентирующая те или иные черты оригинала. Объекты постмодернистского пастиша – сюжеты, авторский стиль, художественные течения и школы [5]. И.А. Добрицына отмечает, что пастиш обладает менее агрессивными свойствами, чем коллаж, и построен на мягком смешении стилизованных фрагментов [6, с. 85].

Если модернист, используя пародию, стремится доказать, что на фоне новых течений классика выглядит устаревшей, то постмодернист, используя пастиш, неуверен в правильности ориентиров, он высмеивает саму попытку «установить правильность», постмодернисту нечего пародировать, так как нет серьезного объекта, который можно подвергнуть высмеиванию. Отличительной чертой постмодернистского пастиша является его эмоциональная нейтральность: в нем нет энергии отрицания (тогда как пародия отрицает пародируемое) и нет пафоса утверждения (пародия всегда имеет в виду предпочтительную альтернативу пародируемому). «В отличие от модернизма, постмодернизм не борется с канонами, ... он его игнорирует» [15].

Продолжает ряд коллажных техник – палимпсест. Палимпсест подразумевает специфичное взаимодействие фрагментов, когда на ранее интерпретированный объект накладывается новая интерпретация, прописывается новый текст поверх старого. В результате повышается внимание и увеличивается ценность, как старого произведения, так и нового². Принцип палимпсеста позволяет создавать насыщенные и предельно острые столкновения, контрасты тем, смыслов, визуальных рядов, переводит зрителя на ассоциативное и интеллектуальное восприятие. Принцип палимпсеста использовали еще модернисты в первой трети XX века, но в современных арт-практиках он принял качество сознательного художественного приема.

Деколлаж (фр. *decollage* – отклейка, отрывать) – один из технических приемов, введенных

²В художественной практике можно выделить две версии палимпсеста. Первая проявилась в коллажах кубистов, дадаистов и сюрреалистов, где на холст или другую основу художники наклеивали вырезки из газет или афиш, а затем наносили на них новый слой изображения так, что фрагменты нижнего слоя оставались видимыми и органично вписывались в композицию. Вторая «более постмодернистская» версия палимпсеста заключается в рисовании или писании нового произведения на репродукции работы другого художника. Одним из первых произведений, где этот был употреблен второй прием, стал скандально известный объект М.Дюшана «L.H.O.O.Q» (1919 г.), в котором автор подрисовал усики и бородку знаменитой «Джоконде».

ходы). Здесь важно сочетать возможность комфортного быстрого транзита и медленного, размеренного перемещения людей. На такую «линию променада», помимо необходимых полос для автомобилей, вело- и пешеходных дорожек, может быть «нанизано» множество безопасных (ввиду близкого расположения транспортных потоков) развлечений, магазинов, мест пассивного и активного отдыха.

Например, в Портленде (США), проведена реконструкция центральной улицы города (Portland Mall), проект которой (Portland Mall Revitalization) получил премию Американского общества ландшафтных архитекторов (ASLA) в 2012 году. Сегодня эта улица связывает шесть районов города и многие важные городские объекты. Проект ее реконструкции – самый крупный подобный проект в стране. Зонирование улицы отличается вниманием к деталям, например, здесь даже предусмотрены отдельные места для разгрузки товаров в магазины. Разные виды деятельности сосуществуют в одном пространстве улицы, пешеходные и транспортные потоки разделены, предусмотрено движение пешеходов, велосипедистов, автомобилей, нового скоростного трамвая и городских автобусов. В пространство улицы «вплетены» места для отдыха людей; здесь можно удобно посидеть, спокойно постоять (подождать кого-то), быстро или медленно пройти, пообедать/поужинать, пообщаться, никому при этом не мешая. Пространство улицы разграничивается природными элементами и малыми формами. Таким образом, решается несколько задач одновременно: зонирование пространства, озеленение и размещение малых форм (скамеек, урн, вазонов и т.д.). «Постоянное обращение к элементам природы как своего рода структурным экранам позволяет разграничить территорию, следуя логике ее оптимизации с увеличением экологической устойчивости» [1, с. 200].

Несмотря на все разнообразие таких микропространств центральной улицы Портленда, все они стилистически объединены освещением, использованными природными и искусственными материалами и т.д. При этом многие существующие элементы (часть кирпичного мощения, гранитных ограждений) были сохранены и отремонтированы. Четыреста из шестисот существующих деревьев были также сохранены, а еще 115 новых посажено для создания «живого навеса» над центральной аллеей. Новые материалы, использованные в

проекте, отвечают самым высоким требованиям: энергосберегающие фонари и вторично использованные металл, стекло и древесина. В результате главная улица Портленда привлекает все больше людей, крупный и мелкий бизнес и обеспечивает удобство пребывания и передвижения для всех участников процесса.

При использовании природных элементов для зонирования пространства необходимо учитывать вопрос уборки снега зимой, ведь уборочная техника и использование химических составов повреждает растительность. В этом случае необходимо предусмотреть высокие ограждения для деревьев, служащие одновременно защитой тротуара от брызг с проезжей части.

Улица Рамбла (Rambla de Prim) в Барселоне – еще один хороший пример эффектного зонирования с помощью природных элементов. Уличное пространство максимально обитаемо. Здесь расположены и небольшие детские площадки, и стоянки на несколько автомашин, и площадки для велосипедистов, и для пассивного отдыха рядом с фонтанами. На протяжении бульвара предусмотрена беговая дистанция, велодорожки, скамейки. А проезжие части, расположенные по обеим сторонам центрального бульвара, отделены тремя ярусами озеленения (используются разной высоты кустарники и деревья).

Если есть возможность, то пешеходные пространства создаются таким образом, чтобы они не пересекались с транспортными потоками. Так, Олимпийский скульптурный парк (Olympic Sculpture Park) в Сиэтле (США), представляет собой Z-образную аллею, проходящую над автомобильными и железнодорожными путями и плавно спускающуюся к морю и соединяющую, таким образом, жилые районы города с набережной. Этот парк можно рассматривать и в качестве транзита, позволяющего миновать транспортную зону, и как украшенную современными скульптурами (абстрактными средовыми объектами) аллею для прогулок, с которой открываются прекрасные виды на залив Пьюджет-Саунд. Создание подобных бестранспортных зеленых пространств обеспечивает пешеходную и вело доступность среды, а также позволяет органично вплести природные элементы в город.

Ландшафтная архитектура также играет важную роль при создании выделенных транспортных путей. Например, в Бордо (Франция) создана сеть выделенных трамвайных

странственных художественных практиках, таких как ассамбляж, реди-мэйд, инсталляция, инвайронмент.

С появлением объектов Дюшана оформляется новый жанр современного изобразительного искусства – объектное искусство. Рассматривая модернистское искусство объекта можно выделить две противоборствующие стратегии. Первая связана с дадаистской практикой ready-made, вторая – с практикой сюрреалистического предмета.

Ready-made – художественная традиция, связанная с использованием в процессе творчества готовых предметов и их прямое помещение в художественное произведение. Реди-мэйд (англ. готовое изделие) – термин, обозначающий предметы обихода, изделия массового производства или комбинации из этих предметов волей художника вырванные из привычной среды и помещенные в выставочные залы как произведения искусства. По мнению Дюшана, «готовые объекты» должны были разрушить устои классического буржуазного искусства и культуры, которые привели к мировой войне, сблизить искусство с реальной жизнью. Теория Дюшана так же давала понять, что искусство – это идея, которая может быть заключена и в готовом предмете, а не только создана художником или скульптором.

Художественная практика ready-made трансформируется в постмодернизме: ready-made – это не искусство «готового объекта», а искусство «готового текста», модернистская технология ready-made остается, но приобретает программный статус.

Если объекты реди-мэйда риторичны и «говорят» о тщательном отборе деталей для произведения, то сюрреалистические объекты стремятся к литературному прочтению, погружены в молчание и созданы словно по воле случая. Так называемый, сюрреалистический предмет – это предмет, потерявший свою традиционную функцию, но приобретший уникальную поэтичность, мистические качества, загадочную сюрреальность благодаря действиям художника. С. Дали и А. Джакометти были первыми, кто создал то, что Дали называл «предметами с символической функцией». Типичный сюрреалистические предметы – знаменитая скульптура Дали «Венера Милосская с ящиками» (1936) и «Меховой прибор» (1936) М.Оппенгейм, представляющий бытовой набор (кружка, блюдце и ложка), оклеенный мехом.

Ассамбляж (франц. assemblage, от assembler – собирать) – техника объекта, подобная коллажу,

или результат техники – двухмерный или трехмерный художественный объект, включающий в себя реальные предметы или их фрагменты, и расположенный на плоскости или в пространстве как картина. Ассамбляж подразумевает понимание пространства как средовой целостности фрагментов, в противоположность ансамблю. Техника допускает живописные дополнения красками, а также металлом, деревом, тканью и др. Термин «ассамбляж» является собирательным понятием, охватывающим различные варианты вещественных комбинаций, среди которых можно выделить основные:

1. введение реальных объектов в живописные произведения (Роберт Раушенберг, Ребус, 1958 г.);
2. создание композиции исключительно из готовых форм (например, промышленных изделий компрессии Сезара) или их обломков (объекты Чемберлена));
3. монтаж предметов на вертикальной плоскости или «Падающие картины» (Тони Крэг, Британия, увиденная с севера, 1982 г.);
4. монтаж предметов на горизонтальной плоскости (Ричард Лонг, Red Slate Circle, 1980 г.);
5. заключение предметных композиций в пространство какого-либо ящика или коробки (ассамбляжи Джозефа Корнела);
6. включение в композицию продуктов питания и пищевых отходов (работы Клаус Эрик Гердес, Ю. Дуоки).

Не смотря на мозаичность ассамбляжа и кажущийся сумбур, произведения целостны, сложно структурированы. Художник использует не случайный ряд иллюстраций и форм, а органичную выборку художественных образов. Эклектичность произведения оправдана и носит здравый характер. Связывая разнородные на первый взгляд элементы и структуры, художник провоцирует зрителя на поиск порядка, раскрывающего смысл и идею произведения. Авангардно-модернистская установка Пикассо «уважать предмет» остается базовой и в постмодернистской версии ассамбляжа.

Подведем итоги. Модернистский подход к коллажированию следует принципу машинерии, где цель – сборка целого из разнородных деталей. Постмодернистский подход делает акцент на отношениях и связях фрагментов, цель постмодернистского коллажа – создать свободное самодвижущееся и самоорганизующееся пространство смыслов и интерпретаций. Коллаж в постмодернизме «становится случаем игры, когда предмет берется живьем, без изменений»

[12]. Но оба подхода (модернизм и постмодернизм) путем каламбура и игры противостоят логическому и рациональному с целью утвердить метафоричную жизненность вещи, возможность вещи иметь множество значений.

Метод коллажа в модернизме есть способ организации внутреннего пространства произведения. В постмодернизме коллаж – метод организации еще и пространства внешнего, способ диалога со зрителем.

Цель модернистского коллажирования – разрушить цельную картину традиционного зрительного восприятия, расщепить ее на отдельные фрагменты. Постмодернистский коллаж действует противоположным способом – он нацелен из фрагментов собрать пусть мозаичное, но единое целое.

Если модернисты призывают к действиям, «разрушающим устоявшиеся границы существующей реальности, открывающим новые возможности для мысли вне пределов рациональности и здравого смысла» [13, с. 15], то постмодернисты парадоксальным образом, но возвращают былую ценность здравого смысла, так как постмодернистское произведение просто не в состоянии существовать без понимающего зрителя.

Как отмечает Л.Г. Бергер, методы коллажа в современном искусстве «выявляют связи различных феноменов бытия, или, напротив, контрастно-парадоксальным образом сопоставляют их, побуждая к новому осмыслению. Нередко их художественный парадокс алогичного соединения элементов приводит к новому осмыслению, знаменуя качественный переход восприятия» [14, с. 362]. В результате «вырезки и вставки» старых и новых смыслов сама постиндустриальная культура превращается в коллаж, непрерывный микст всего со всем. Проявление коллажного мышления словно зеркало современного лоскутного мира, сотканного из различных представлений, ценностей и взглядов, культурных кодов и следов. Коллажное мышление – это своеобразная стратегия адаптации к быстроизменяющемуся миру, это попытка преодолеть скрытый страх перед заново открытой хаотичностью и сложностью мира.

Коллажное мышление уникально тем, что способно в кратчайшее время создать целостный образ и расщепить целое на крупички, соединить несоединимое, видеть смысл и глубину в простом. Метод коллажа предоставляет уникальную возможность среди мозаичного мира ощутить себя творцом-властителем, повелителем информации, смыслов, материалов, что очень важно для личности художника.

Литература

1. Савельева А. Мировое искусство. Иллюстрированная энциклопедия: Направления и течения от импрессионизма до наших дней. – СПб.: Кристалл, 2006. – 192 с.
2. Бойко А.Г. Современное искусство – это интересно! Опыт интерпретации художественных образов XX века. – СПб.: Государственный русский музей, 2010. – 114 с.
3. Хофман В. Основы современного искусства. – СПб.: Академический проект, 2004. – 560 с.
4. Ильин И.П. Постструктурализм. Деконструктивизм. Постмодернизм. – М.: Интрада, 1996.
5. Усовская Э.А. Постмодернизм: учеб. пособие. – М.: ТетраСистемс, 2006. – 256 с.
6. Бычков В.В. Лексикон неонклассики. Художественно-эстетическая культура XX века. – М.: Российская политическая энциклопедия, 2003. – 607 с.
7. Добрицына И.А. От постмодернизма к нелинейной архитектуре: архитектура в контексте современной философии и науки. – М.: Прогресс-Традиция, 2004. – 412 с.
8. Ильин И.П. Постмодернизм. Словарь терминов. – М.: Интрада, 1996. – 384 с.
9. Леви-Строс К. Первобытное мышление. – М.: Республика, 1994. – 384 с.
10. Батракова С.П. Искусство и миф: из истории живописи XX века. – М.: Наука, 2002. – 215 с.
11. Фейерабенд П. Избранные труды по методологии науки. – М.: Прогресс, 1986. – 542 с.
12. Дмитриева Н.А. Пикассо. Биография. – М.: Наука, 1971.
13. Клингсёр-Лерой К. Сюрреализм. – М.: Арт-РОДНИК, 2005. – 95 с.
14. Бергер Л.Г. Эпистемология искусства. – М.: Русский мир, 1997. – 432 с.

Ануфриева Анастасия Владимировна, аспирант кафедры искусствоведения Института изобразительных искусств и социально-гуманитарных наук Иркутского государственного технологического университета, г. Ангарск, e-mail: anastasia2503@rambler.ru.

Anufrieva Anastasia Vladimirovna, postgraduate student, department of art criticism, Institute of the fine arts and social-humanities science, Irkutsk State Technology University, Angarsk, e-mail: anastasia2503@rambler.ru.

УДК 712

© А.В. Михайленко

ЛАНДШАФТНАЯ АРХИТЕКТУРА В ОРГАНИЗАЦИИ ТРАНСПОРТНЫХ ПОТОКОВ ГОРОДА

В данной статье рассматривается проблема формирования удобных и комфортных для человека транзитных транспортных и пешеходных пространств, которые являются неотъемлемой частью современного города.

Описываются удачные примеры дизайна такой среды в разных странах, приводятся ссылки на литературные источники. На основе подробного анализа примеров различных уличных пространств автор делает выводы о роли ландшафтной архитектуры в решении рассматриваемой проблемы.

Ключевые слова: ландшафтная архитектура, современная городская среда, зонирование пространства, транзитное пространство, пешеходная улица, бульвар, набережная.

A.V. Mikhaylenko

LANDSCAPE ARCHITECTURE IN TRAFFIC STREAM ARRANGEMENT

In this article the problem of forming comfortable transit spaces (integral part of modern city) is considered. There are good examples and quotations to literary sources. On basis of detailed analysis of different examples of street design the author concludes about the role of landscape architecture in solving this problem.

Key words: landscape architecture, modern urban environment, space zoning, transit space, pedestrian street, boulevard, embankment.

Узкие и запутанные улицы средневековых городов создавались для пешеходного движения. Встретиться лицом к лицу здесь было неизбежно. В противоположность этому, в XVIII веке улицы стали широкими, чтобы по ним на больших скоростях могли двигаться экипажи. Такие пространства стали отдалять людей друг от друга, однако тогда же начали создавать специальные места для пешеходов – тротуары. Сегодня каждый «элемент» движения (пешеходы, автомобили, трамваи и т.д.) перемещаются с разными скоростями и каждый по своей выделенной территории. С одной стороны, это делает движение в городе более эффективным, но с другой, – приводит к «смерти» уличного пространства» [5, с. 57].

Сегодня улица уже не рассматривается как совокупность путей для различных видов движения; это единое городское общественное пространство, включающее в себя различные виды транспорта и пешеходов. Причем пешеходы могут попадать сюда по разным причинам. «Улицы, пешеходные и туристические маршруты составляют большую часть городских общественных пространств. Но им зачастую уделяется мало внимания в отличие от парков и скверов. Однако, например, для тех людей, чей обеденный перерыв заключается в том, чтобы дойти до ближайшего кафе и обратно, этот маршрут должен предложить нечто большее» [3, с. 50].

Таким образом, транзитные пространства играют в жизни города важную роль. Это не

отдельные объекты, как, например, парки, куда посетители приходят целенаправленно. Это «проходная» территория, куда люди попадают по разным причинам, например, транзитом проходят по этой улице, набережной и т.д., или гуляют по городу, заходят в магазины, останавливаются отдохнуть. Если пространство привлекательное, это способствует более размеренному движению, если же наоборот, то может возникнуть желание поскорее уйти. Сегодня безопасные для пешеходов улицы (особенно без автомобильного движения), уютные и озелененные, с возможностью по-разному проводить время, становятся все более популярными.

Кроме того, помимо отдельных зеленых территорий современной городской среде необходимы соединяющие их в единую «зеленую сеть» транзитные пространства. Это пешеходные улицы, бульвары, набережные и т.д.

Возможности ландшафтной архитектуры при создании транзитных пространств те же, что и в жилых и деловых районах:

- зонирование;
- формирование привлекательности пространства;
- создание образа места.

Особенностью транзитных пространств является наличие на одной территории большого количества разных групп потребителей (автомобилисты, велосипедисты, городской транспорт, спешащие и медленно прогуливающиеся пеше-

ми, эффективными и аполитичными социальными институтами современного общества. В их глазах, врачебная профессия воплощала на практике наиболее значимые общественные этические ценности. Критики функционалистского подхода подвергли сомнению идею альтруистического служения врачебной профессии обществу. Они обратили внимание на случаи коррупции отдельных представителей профессиональной группы врачей, на примеры несоответствия деятельности полученному сертификату и на профессиональные практики, направленные на извлечение выгоды. В.А. Мансуров и О.В. Юрченко, по их мнению, придерживаются сбалансированного взгляда на мотивы профессионалов, признавая двойственную природу профессиональной идеологии. С одной стороны, представители врачебного сообщества стремятся к созданию позитивного имиджа группы для улучшения собственного статуса в системе разделения труда. С другой стороны, многие врачи искренне стремятся к повышению качества оказываемых услуг и соблюдают профессиональный этический кодекс.

Профессор **И.И. Осинский** остановился на некоторых проблемах идентификации российской интеллигенции. Под идентификацией он понимает некоторый процесс соотнесения одного субъекта с другим, выявления общих или, наоборот, специфических признаков. В структуре социальной идентификации выделяются основные компоненты: когнитивная – знания, представления об особенностях собственной группы и осознание себя ее членом, и аффективную – оценка качеств собственной группы, значимости членства в ней. Однако изучение идентификации интеллигенции затрудняется тем, что в современной литературе отсутствует однозначность в определении идентификационных признаков интеллигенции.

Получившая широкое распространение теоретическая модель, связывающая интеллигенцию исключительно с умственной деятельностью, не является жизнеспособной. Она игнорирует традиционную духовно-нравственную характеристику интеллигенции и не позволяет разграничить интеллигенцию и интеллектуалов. Дело в том, что понятия интеллигенции и интеллектуалов различаются не по месту в системе общественного разделения труда, а, прежде всего, по своим атрибутивным характеристикам нравственного порядка.

При идентификационном анализе интеллигенции автор предлагает исходить из: 1) ее функциональной занятости сложным умствен-

ным трудом; 2) высокого образовательного уровня; 3) наличия общепризнанных духовно-нравственных качеств.

Произошедшие в 1990-е и последующие годы изменения в обществе обусловили кардинальные сдвиги в процессе идентификации, в формировании новых символов, механизмов социальной идентификации интеллигенции. Произошло резкое расслоение интеллигенции на богатых и бедных. Снизилось непосредственное участие ее в системе политических отношений. По сравнению с советским периодом произошло еще большее отторжение ее от институтов власти, что привело к росту бюрократизации, криминализации политических структур. Интеллигенция (имеется в виду, прежде всего, периферийная) ныне находится на обочине политической жизни России, многим ее представителям присуща сервильность политического мышления.

Профессор Житомирского государственного университета **Н.А. Козловец** в докладе «Модернизация versus национальная идентичность» отметил, что бывшие советские республики в большинстве своем переживают кризис поиска новых оснований для своей общности. Автор считает, что изменения идентичности обусловлены социальными изменениями, направление которых определяется противоречиями между потребностями в универсальных глобальных ценностях и требованием сохранить самобытность, что можно квалифицировать как столкновение идентичностей. Изменения традиционного уклада, потеря и приобретение новых идентичностей становятся причиной кризисных явлений для национальной и культурной идентичности, границы которых также претерпевают изменения вследствие модернизационных процессов. Н.А. Козловец посетовал на то, что за двадцать лет независимости украинцы так и не решили проблемы собственной идентичности.

Профессор Университета Катаньи **Г.Качиньский** в докладе «Интеллигенция и формирование современной национальной идентичности. Актуальное прочтение социологии народа Флориана Знанецкого» обратил внимание на то, что Ф.Знанецкий трактовал интеллигенцию не как социальный слой, а как собрание представителей разных профессий, связанных со сферой культуры, отличающихся такими качествами как креативность (творчество) и альтруизм. Во всех областях культурной жизни формируются лидерские классы, объединенные общими объективными интересами. Их задачей является сохранение накопленного богатства

линий общей длиной 43 км. Покрытые газоном и окруженные деревьями трамвайные пути зрительно стилистически объединены металлическими вставками вдоль путей, обеспечивающих плавность хода трамвая [2, с. 166]. Этот проект сочетает в себе идею развития общественного транспорта и внедрения зеленой составляющей в городскую среду.

Пешеходное пространство может создаваться с использованием небольшого количества природных и искусственных элементов. Так, в Олимпийском парке Сиэтла это лишь газон, абстрактные малые формы и ограждения. А крупные центральные улицы городов (например, Portland Mall) предполагают наличие кафе, магазинов, мест отдыха. «Средства ландшафтного обустройства мест отдыха и обслуживания пешеходов относятся к тем компонентам среды, которые создают привлекательную атмосферу для человека, предлагая ему попутное обслуживание и предоставляя возможность для общения в изолированных от транзита участках уличного пространства» [1, с. 213].

Придание пространству привлекательности – важная задача ландшафтной архитектуры. Так, незапоминающаяся дорожка местного (микрорайонного) значения может превратиться в приятное место для прогулок. Примером может служить набережная реки в жилом районе Hammarby в Стокгольме (Швеция). Она представляет собой неширокую (около 2 м) дорожку с деревянным настилом, окруженную тростником и деревьями плакучих форм. Это место для неторопливых прогулок, пробежек или пешеходного транзита. Природные и искусственные материалы гармонично подобраны, например, светлое дерево прекрасно сочетается с серебристыми кронами ив. А густые заросли тростника и гнездящиеся на берегу водоплавающие птицы создают эффект полной естественности этого фрагмента природы.

Пешеходные набережные – важная часть города. «Обращение к ландшафтному дизайну составляет жизненно важный для человека подход к преобразованию береговых территорий, обеспечивая превращение их в полноценное городское пространство» [1, с. 237]. На набережной Юнгфернштиг (Jungfernstieg) в Гамбурге (Германия) за счет пологих ступеней, спускающихся к водоему и одновременно являющихся скамьями, обеспечивается доступ к воде. От проезжей части пешеходное пространство отделено несколькими рядами деревьев.

А в Лондоне на небольшом участке пешеходной набережной Темзы насыпали песок. Чтобы он не разносился по всей округе, участок отделили дощатым настилом. Это не является пляжем, здесь можно отдохнуть, посидеть и посмотреть на реку, походить по песку. Очень простое, но привлекательное решение пространства.

Привлекательность пространства может достичь такой выразительности, что становится еще и запоминающейся, таким образом, создается образ места. Примером может служить проект «Мосты Гленербик» (Brigdes Glanerbeek) в Эншеде (Голландия). Он уникален тем, что в одном пространстве удалось решить сразу две задачи: сохранить экологический заповедник и провести через него пешеходно-транспортный маршрут. Простым, но очень выразительным решением стало разделение моста на три потока: автобусный, пешеходный и велосипедный, различные по высоте и углам наклона. Через прорези, образующиеся при «разрезании» моста на три части, под мост проникает дневной свет, обеспечивающий жизнь местной флоре, а также формирующий необычную, запоминающуюся эстетику пространства. Опоры мостов выполнены в виде габионов, заполненных натуральным камнем, что позволяет органично вписать искусственные объекты в природную среду заповедника. В таком пространстве не только комфортно находиться – его сложно перепутать с каким-либо другим.

Ландшафтные объекты также помогают сформировать образ пространства, которое воспринимается как пешеходами, так и пассажирами из окон быстро проходящего транспорта. Так, на площади перед вокзалом в Майнце (Германия), проходят пешеходные и транспортные пути. Они располагаются на разных уровнях, и пересекаются лишь в одном месте. Появляющаяся за счет разных уровней пластика поверхности земли решена линейными посадками лаванды, фиолетовые полосы которой создают яркий, выразительный акцент. Тем самым подчеркивается значимость данного городского объекта (вокзала).

Таким образом, роль ландшафтной архитектуры при формировании транзитных транспортных и пешеходных пространств города сводится к следующему: 1) разграничение пешеходных и различных транспортных потоков (вело-, авто-, городской общественный транспорт) за счет использования растительности и малых форм; 2) разнообразие

пространства, создание мест для различного времяпрепровождения (быстрый и удобный транзит, отдых, посещение кафе, магазинов и т.д.); 3) формирование привлекательного пространства; 4) создание образа места за счет использования характерных природных и искусственных материалов и форм и их сочетаний.

Литература

1. Нефедов В.А. Городской ландшафтный дизайн. – СПб.: Любавич, 2012. – 320 с.
2. Уффелен, Крис Ван. Коллекция. Ландшафтная архитектура. – М.: Мagma, 2010. – 456 с.
3. Gaventa S. New Public Places. – London: Octopus Publishing Group Ltd, 2006. – 208 с.

4. The landscape urbanism leader / Charles Waldheim, editor. – New York: Princeton Architectural Press, 2006. – 296 с.

5. Wall E., Waterman T. Urban Design / Basics. Landscape Architecture 01. – London: Thames&Hudson, 2010. – 184 с.

Михайленко Алина Валерьевна, аспирант кафедры искусствovedения и культурологии Санкт-Петербургской государственной художественно-промышленной академии им. А.Л. Штиглица, г. Санкт-Петербург, e-mail: alinamv@yandex.ru.

Mikhaylenko Alina Valerievna, postgraduate student, department of history of art and culturology, Saint-Petersburg State Academy of Art and Design named after A.L. Shtiglits, Saint-Petersburg, e-mail: alinamv@yandex.ru.

ИНФОРМАЦИЯ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

ИДЕНТИФИКАЦИЯ ИНТЕЛЛИГЕНЦИИ

Тема «Современная интеллигенция: проблемы социальной идентификации» была предметом обсуждения на состоявшейся в июне 2012 г. в Улан-Удэ IX Международной научной конференции («Байкальская встреча»), которая была организована Бурятским государственным университетом совместно с Институтом философии РАН, Институтом социологии РАН, Международной академией наук высшей школы, Российским обществом социологов, журналом «Социс», Житомирским (Украина), Монгольским и Щецинским (Польша) государственными университетами.

На ней было заслушано и обсуждено более 150 докладов и сообщений ученых России, Украины, Монголии, Узбекистана, Польши, Италии, США.

На пленарное заседание были вынесены доклады профессоров Б.Кромалицкой, О.Н. Козловой (Щецин, Польша), В.А. Мансурова (Москва), И.И. Осинского (Улан-Удэ), Н.А. Козловца (Житомир, Украина), Г.Качинского (Катанья, Италия), Н.Р. Маликовой (Москва), Ю.И. Скуратова (Москва), Е. Никиторовича (Белосток, Польша), Л.А. Беляевой (Москва), К.Коселы (Варшава, Польша), В.В. Мантатова (Улан-Удэ), Л.Л. Абаевой (Улан-Удэ), Т.И. Грабельных (Иркутск), Н.М. Струк (Иркутск), Улзийсайхана (Улан-Батор, Монголия).

Декан гуманитарного комплекса Щецинского университета профессор **Б.Крамалицка** и директор Института социологии и психологии Щецинского университета профессор **О.Н. Козлова** (Польша) в докладе «Реконструкция идентичности в XXI веке» констатировали, что социокультурный процесс начала XX века, находящийся в состоянии глобализации, характеризуется расширением двух альтернативных тенденций – стандартизации и роста разнообразия в нем. Распространение стандартизации приводит к тому, что социальный субъект унифицируется, утрачивает специфику, отрешается от идентичности. Разрастание же социокультурного разнообразия, разнородности, напротив, ведет с неизбежностью к актуализации проблем, связанных с идентичностью, к интенсификации интеллектуальной работы в области идентифи-

кации. Современная интеллигенция является именно той социальной группой, которая превращает конфликт бытия в этом противоречивом пространстве в объект анализа, помогая существовать в нем себе самой и обществу в целом. Потребность же в такой помощи растет буквально на глазах, расширяется по мере того, как выясняется, что современная легкость перемещения, пересечения границ вовсе не приводит к тому, что личности легко найти свое место; что даже остающаяся на месте личность не застрахована от того, что это место перестанет быть своим. Авторы обращают внимание на то, что в конце XX в. и в настоящее время отчетливо проявляют себя действия двух тенденций: 1) дальнейшего расширения процесса деконструкции идентичности; 2) интенсивного разворачивания процесса реконструкции идентичности. Обе тенденции имеют спонтанный характер, являются следствием социокультурной самоорганизации. Процесс реконструкции идентичности формулирует новый вызов интеллигенции, новую функцию, которая способна «выстроить» ее в новых социокультурных условиях, а именно функцию оптимизации процесса реконструкции идентичности. Работа интеллигенции заключается в обеспечении системных связей конструируемого пространства устойчивости, с которым индивиды себя идентифицируют, с общим социокультурным контекстом, что позволяет не допустить «выстраивания в умах стен, ведущих к социокультурному аутизму». Это и есть, как подчеркивают авторы, современная идентификация, понимание себя, основанное на тщательной разработке своего как надлежащего, правильного в сочетании с открытостью по отношению к другим, вписывание в действительность глобализованного мира.

В докладе заместителя директора Института социологии РАН, профессора **В.А. Мансурова** и научного сотрудника О.В. Юрченко «Альтруизм: принцип деятельности или профессиональная идеология» дан анализ различных социологических концепций альтруизма (функционалистов, нововеберянцев, неомарксистов и др.). Так, функционалисты полагали, что профессии интеллектуального труда являются стабильны-

тор Гуманитарного института Томского государственного нефтегазового университета, профессор **В.В. Гаврилюк**, заведующий кафедрой философии Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств, доктор философских наук **А.В. Чебунин**, ректор Харьковского гуманитарного университета, профессор **Е.В. Астахова**, доцент Хэлудзянского университета **Дяо Лимин** (Китай), декан социально-психологического факультета Бурятского государственного университета, доктор педагогических наук **Т.С. Базарова**, заведующий кафедрой общей и социальной психологии Бурятского государственного университета, профессор **Т.Л. Миронова**, заведующий кафедрой политологии и социологии Бурятского государственного университета профессор **Э.Д. Дагбаев**, доценты Забайкальского государственного университета **А.А. Русанова**, **М.В. Номоконов**, **А.А. Гераськова**, доценты Бурятского государственного университета **З.А. Бутуева**, **Э.Д. Чагдунова**, **А.Ю. Мацкевич**, **А.Л. Цыденова**, **П.Г. Бороньев**, **И.Ц. Доржиева**, **Т.Б. Бадмацыренов**, преподаватель Бурятской сельхозакадемии, кандидат социологических наук **И.З. Чимитова** посвятили свои доклады анализу студенчества как социальному источнику пополнения интеллигенции. Они рассмотрели социальный облик студенчества, его духовно-нравственные и социальные ценности, жизненные и профессиональные ориентации, вопросы адаптации, свободного времени студенческой молодежи.

Декан социологического факультета Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета **М.Б. Лига**, доцент этого же университета **Н.С. Павлова**, профессор Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления **П.А. Чукреев**, доктор социологических наук **С.Д.-Н. Дагбаева**, профессор Бурятской государственной сельхозакадемии **Ю.А. Серебрякова**, заместитель начальника отдела социальных программ и взаимодействия с общественными организациями Комитета по социальной политике Администрации г. Улан-Удэ, кандидат социологических наук **Э.В. Гылыкова**, доценты Забайкальского государственного гуманитарно-педагогического университета **М.В. Привалова**, **Т.В. Колпакова**, доцент, докторант Бурятского государственного университета **Т.Б. Цыренова**, кандидат философских наук **Т.Л. Трифонова** и другие рассмотрели социальные проблемы развития современного социума, его структуру, семейные отношения, качество жизни различных социальных групп, формы использования свободного времени.

К началу научной конференции были изданы материалы «Современная интеллигенция: проблемы социальной идентификации» в трех томах (Улан-Удэ: издательство Бурятского государственного университета, 2012).

И.И. Осинский,
доктор философских наук
М.И. Добрынина,
доктор социологических наук

культурных ценностей, развитие новых идеалов с помощью планируемого или подготовленного сотрудничества, а также вербовка пассивного большинства общества для служения этим идеалам.

В своей работе «Uradku cywilizacji zachodniej» Ф.Знанецкий ввел для определения группы культурных лидеров понятие «умственной аристократии», в отличие от «аристократии паразитирующей». Он перечисляет категории и общественные профессии культурных лидеров, которые включают в себя социальное разнообразие интеллигентской среды. Среди них встречаются артисты, писатели, экономисты, ученые, организованные ими сообщества и учреждения, такие как товарищества писателей и артистов, университеты, научные центры и пр. Именно из таких сообществ выходят народные идеологи, играющие главную роль в формировании, распространении и введении четырех идеалов: идеала народного воссоединения, народного продвижения, народной миссии и народной независимости. Их понимание своей роли как общественной и моральной миссии, их высокий интеллектуальный уровень – то есть качества, определяющие и создающие интеллигентский этос – являются гарантией при реализации формируемых идеалов.

Г.Качинский отмечает, что если использовать терминологию П.Бурдые, то идеальный тип габитус современной польской интеллигенции (по Ф.Знанецкому) выглядит следующим образом: желание учиться и совершенствоваться всю жизнь; принятие автотелических ценностей как главных; развитая потребность реализации культурных ценностей и нонконформизм в отношении к низкой художественной культуре; владение культурными компетенциями, позволяющими реализовать миссии как результат принадлежности к сфере интеллигенции, проявляющееся в желании быть авторитетом для молодого поколения; поддержка и акцентирование идеи социального прогресса; забота о свободе и независимости Родины; гуманитарное отношение к человеку; эмпатия. Все это, как считает Г.Качинский, можно сформулировать как конструирование национальной идентичности, как на общественном, так и на личностном уровне.

Профессор Российского государственного гуманитарного университета **Н.Р. Маликова** в докладе «Идентификация интеллигенции» обратила внимание на недостаточность при идентификации современной интеллигенции признака интеллектуальной трудовой занятости, наличие дипломов об образовании «Homo intelligent», это

такой объект гуманитарного познания, подчеркивает автор, к которому нельзя и невозможно подходить, отбросив этические ценности, не сводимый абсолютно к научной рациональности. Профессор указала на все еще сохраняющуюся актуальность конфликта ценностных ориентаций, противостояние в среде российской интеллигенции о социальном идеале. Она отметила, что современная интеллигенция по-прежнему сохранила три вектора формирования социально-культурных идеалов: 1) неоконсерватизм, обращенный к традиционалистским ценностям; 2) западнический, с ценностными ориентациями на евро-атлантический неолиберализм; 3) идеал социализма, социальной демократии. Идеологическое противоборство этих трех векторов формирования социального идеала интеллигенции обрело характер противостояния традиционалистских и инновационных ценностей модернизма, культуры и власти. Автор считает, что нужно преодолевать совместными усилиями фрагментацию российской интеллигенции, дух фракционности в интеллектуальных профессиональных сообществах, оппозиционность и полярность социальных идеалов отечественной интеллигенции разновекторной направленности.

Ведущий научный сотрудник Института философии РАН, профессор **Л.А. Беляева** остановилась на роли интеллигенции в модернизации российских регионов. Автор считает, что роль интеллигенции, как она осуществлялась в советский период в научно-техническом и интеллектуальном развитии страны сейчас трудно сопоставить с современными процессами. Двадцать лет общественных перемен изменили общество: сложилась новая социальная структура, возникли альянсы власти с олигархическими слоями, отстранения из этих альянсов интеллигенции, непрерывно растет чиновничество, расцветает его мздоимство, формируется средний класс, не слишком желающий остаться в стране, стабилизировалась масса плохо адаптированных слоев с низкой и средней квалификацией, находятся на грани выживания пенсионеры, в обществе растет бытовая агрессия, нарушились функции семьи и системы образования в социализации молодежи.

В этих условиях пришло откровенное пренебрежение духовными и интеллектуальными функциями интеллигенции и победило рациональное, практическое отношение к знаниям и квалификации, которые рассматриваются как источник развития экономики, получения прибыли и т.д. Многие представители интеллиген-

ции, адаптировавшиеся к современному этапу развития, практически стали частью среднего класса России. Автор подчеркивает, что интеллигенция как часть любого регионального социума является наиболее последовательным защитником культуры, и было бы опрометчиво утрачивать эту функцию интеллигенции даже в угоду задачам модернизации.

Декан комплекса социологии и философии Варшавского университета, профессор **К.Косела** в докладе «Патриотизм учеников – неудача польской школы» отметил, что школа играет важную роль в формировании патриотизма у учащихся. Эта роль зависит от степени участия школьников в делах школы, учета их мнения, от развития школьного самоуправления. Ученики говорят воспитателям: когда вы уважаете и слушаете наш голос, тогда мы в свою очередь слушаем то, что школа говорит нам о делах общества. Если институт взрослого мира вызывает доверие, то его важные дела, такие как отчизна и нация кажутся важными для воспитанников. Если представитель взрослого мира антипатичен и не вызывает доверия, то его дела, ценности и символы непривлекательны и незначительны для учеников. В какой-то мере патриотизм таков, каково отношение к институтам, для которых патриотизм важен.

Директор Института устойчивого развития Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, профессор **В.В. Мантатов** в докладе «Научная интеллигенция: ноосферная стратегия устойчивого развития Сибири» обратил внимание научной интеллигенции на обеспечение творческой эволюции мира на принципах ноосферы. Автор считает, что создание новой экономической инфраструктуры в Сибири вдоль высокотехнологичных транспортных магистралей обеспечит России «прорыв» не только в техноэкономическом, но и в культурно-цивилизационном развитии. Создание экотехнополисов и безотходных производств, искусственных биосферных оазисов, малых агрогородов и других биосферосовместных форм расселения людей создаст материальные условия для формирования духовно-творческого стиля жизни, разумного потребления и экологического поведения людей.

Главный научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, профессор **Л.Л. Абаева** посвятила свой доклад анализу культурной идентичности и ценностных ориентиров элиты современных монгольских сообществ Китая, Монголии и России, профессор Иркутского государственного университета **Т.И. Грабель-**

ных – раскрытию места и роли вузовской интеллигенции России на рубеже веков, профессор Иркутского государственного технического университета **Н.М. Струк** и доцент **О.А. Свирибутович** – социальной идентификации научно-технической интеллигенции в условиях маргинализации общества.

Положения, выдвинутые на пленарном заседании, нашли отклик, развитие в докладах и тезисах, представленных на заседаниях секций.

На конференции работали шесть секций: «Методологические проблемы исследования идентификации современной интеллигенции», «Интеллигенция в экономической, социальной и политической сферах: проблемы идентификации», «Социальная идентификация в духовной сфере», «Интеллигенция и проблемы этнической идентификации», «Студенчество как социальный источник пополнения интеллигенции», «Интеллигенция и социум».

Профессор Сибирского федерального университета **В.Х. Беленький**, доктор философских наук, заведующий кафедрой философии и психологии Восточно-сибирского института МВД России **А.Е. Смирнов**, доктор философских наук **А.М. Кузнецова**, доктор философских наук **Р.К. Омельчук**, профессор Российской академии правосудия **Л.Л. Антонова**, научный сотрудник института социологии НАН Республики Беларусь **И.Н. Харитонов**, доцент Житомирского университета **Н.Ю. Бутковская**, **В.Н. Слюсарь**, **Б.А. Канивец**, профессор Томского политехнического университета **Л.И. Иванкина**, доцент Забайкальского государственного университета **А.А. Гераськова**, **А.Г. Сапожникова**, старший научный сотрудник Института философии РАН **Т.В. Наумова**, доцент Бурятской государственной сельхозакадемии **О.Д. Барлукова**, ассистенты Житомирского университета **Л.В. Горохова**, **А.В. Русевич**, доцент Восточно-Сибирского института МВД России **М.Ю. Аграфонов**, доцент Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления **С.М. Соколов**, доцент Бурятского государственного университета **Д.Ц. Будаева** и другие рассмотрели методологические проблемы исследования идентификации современной интеллигенции. Акцентировалось внимание на анализе понятий «социальная идентификация», «социальная идентичность», «интеллигенция», выяснялись сущность, черты этих терминов. Выяснялись изменения в идентификационных процессах интеллигенции в условиях трансформации российского общества.

В текстах докладов профессора Института государства и права Академии наук Узбекистана

К.Х. Ханазарова, ведущего научного сотрудника Института философии РАН профессора **В.С. Семенова**, в докладах ведущего научного сотрудника Института монголоведения, буддологии, тибетологии СО РАН профессора **Ю.Б. Рандалова** и доцента Бурятского государственного университета **О.Ю. Рандаловой**, профессора, ведущего научного сотрудника Байкальского института природопользования СО РАН **З.А. Даниловой**, доцента Восточноукраинского национального университета **В.А. Сабадуха**, проректора Московского государственного индустриального университета, доцента **А.Л. Сафонова** и доцента этого же университета **А.Д. Орлова**, доцента Северо-Восточного федерального университета **О.Д. Романовой**, доцента Института монголоведения, буддологии, тибетологии СО РАН **В.Г. Жалсановой**, научного сотрудника Бурятского государственного университета, кандидата социологических наук **О.Ж. Гончикдоржиевой**, доцента Бурятской сельскохозяйственной академии **Л.И. Ивановой** и кандидата социологических наук, старшего преподавателя этой же академии **Е.А. Раднаевой**, доцента Житомирского государственного университета **С.А. Сухачева**, доцента Иркутского государственного технологического университета **О.В. Тарасенко**, доцента Забайкальского государственного университета **Л.В. Гернего** и других были подвергнуты анализу вопросы идентификации интеллигенции в экономической, социальной и политической сферах. Освещались также проблемы социальной природы идентичности в условиях глобализации, самоидентификации управленческой интеллигенции, рисков развития интеллектуального потенциала, формирования социально-профессиональных групп в условиях новых экономических отношений, проблемы роли интеллигенции в интеграционных процессах гражданского общества.

Профессор Бурятского государственного университета **Л.Г. Сандакова**, заведующая кафедрой гуманитарных наук Иркутского государственного университета путей сообщения, доктор философских наук **Е.И. Касьянова**, доцент Томского университета систем управления и радиозлектрики **Т.Б. Рябова**, старший научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, доктор философских наук **С.П. Нестеркин**, аспирант Католического Люблинского университета **А.Фялковская**, заведующая кафедрой философии Восточно-Сибирского государственного университета технологий и управления, профессор **Л.В. Мантатова**, профессор Восточно-Сибирского института МВД

России **М.К. Гайдай**, старший преподаватель Бурятского государственного университета, кандидат философских наук **К.А. Багаева**, старший преподаватель Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств, кандидат социологических наук **Ю.С. Ринчинова**, заведующая кафедрой философии Бурятского государственного университета, профессор **Д.Ш. Цырендоржиева**, аспирант **А.Ц. Батуева**, доцент Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств, доктор философских наук **З.А. Серебрякова**, ведущий научный сотрудник Института монголоведения, буддологии и тибетологии, доктор исторических наук **Д.Д. Амоголонова** осветили в своих докладах проблемы идентификации интеллигенции в сфере духовной жизни социума.

В докладах проректора по науке Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств, профессора **Д.Л. Хилханова**, профессора Бурятского государственного университета **Л.Е. Янгутова**, профессора из Монголии **Д.Улзийсайхана**, главного научного сотрудника Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, профессора **Л.В. Кураса**, профессоров Бурятского государственного университета **В.В. Башкеевой**, **А.Л. Ангархаева**, **Ц.Б. Будаевой**, доцентов Житомирского государственного университета **Н.М. Ковтун**, **О.В. Чаплинской**, директора Института международной коммерции **Хао Цзюя** (Китай), профессора Северо-Восточного федерального университета **И.Е. Алексева**, доцента Высшей школы музыки (Якутск) **Л.Д. Унаровой**, доцента Ангарской государственной технической академии **О.Б. Истоминой**, доцента Бурятского государственного университета, доктора социологических наук **М.И. Добрыниной**, доцента Дальневосточного государственного университета путей и сообщения **С.Е. Туркулец**, старшего научного сотрудника Тувинского института гуманитарных исследований кандидата социологических наук **Ч.М.-Х. Тензин** и других участников конференции рассматривались проблемы этнической идентификации интеллигенции, особенности данного процесса у бурятской, русской, тувинской, украинской, хакасской, якутской национальной интеллигенции. Анализились структура этнической самоидентификации, роль буддийской интеллигенции в этом процессе, языковое поведение. Показана роль национально-культурной автономии как формы национальной идентификации.

Директор Института социально-культурной деятельности и туризма Восточно-Сибирской государственной академии культуры и искусств доктор социологических наук **Т.Н. Бояк**, дирек-

Требования к оформлению статей, представляемых в «Вестник БГУ»

Отбор и редактирование публикуемых статей производятся редакционной коллегией из ведущих ученых и приглашенных специалистов.

В «Вестник БГУ» следует направлять статьи, отличающиеся высокой степенью научной новизны и значимостью. Каждая статья имеет УДК, а также письменный развернутый отзыв (рецензию) научного руководителя или научного консультанта, заверенный печатью.

Общие требования	Тексты представляются в электронном и печатном виде. Файл со статьей может быть на дискете или отправлен электронным письмом. На последней странице – подпись автора(ов) статьи. Название статьи и аннотация даются и на английском языке. После аннотации дать ключевые слова на русском и английском языках.
Электронная копия	Текстовый редактор Microsoft Word (версии 6.0, 7.0, 97). В имени файла указывается фамилия автора.
Параметры страницы	Формат А4. Поля: правое - 15 мм, левое - 25 мм, верхнее, нижнее - 20 мм.
Форматирование основного текста	С нумерацией страниц. Абзацный отступ - 5 мм. Интервал - полуторный.
Гарнитура шрифта	Times New Roman. Обычный размер кегля - 14 пт. Список литературы и аннотация - 12 пт.
Объем статьи (ориентировочно)	Кратких сообщений – до 3 с., статей на соискание ученой степени кандидата наук – 7-12 с., на соискание ученой степени доктора наук – 8-16 с.
Сведения об авторах	Указываются фамилия, имя, отчество (полностью), ученая степень, звание, должность и место работы, адрес с почтовым индексом, телефоны/факсы, e-mail (на русском и английском языках)

- Список литературы – все работы необходимо пронумеровать, в тексте ссылки на литературу оформлять в квадратных скобках.
 - Материалы, не соответствующие предъявленным требованиям, к рассмотрению не принимаются.
 - Решение о публикации статьи принимается редакцией «Вестника БГУ». Корректур авторам не высылаются, присланные материалы не возвращаются.
 - Статьи принимаются в течение учебного года.
 - Допустима публикация статей на английском языке, сведения об авторах, название и аннотацию которых необходимо перевести на русский язык.
 - Формат журнала 60x84 1/8.
- Стоимость обработки 1 с. (формата А4) для преподавателей БГУ составляет 200 р., для остальных – 400 р. Для аспирантов – бесплатно.
- Адрес: 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24 а, Издательство БГУ.
Тел. (301-2)-21-95-57. Факс (301-2)-21-05-88

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

<i>Урбанаева И.С.</i> Что такое философия в контексте проблемы реальности и сознания: введение в сравнительный анализ буддизма и философской традиции Запада.....	3
<i>Янгутов Л.Е.</i> Письменные тексты буддизма в религиозно-философской традиции Китая и Тибета.....	12
<i>Банкерова Е.И.</i> Сфера экономических отношений как возможное проявление исторической памяти.....	15
<i>Просветов С.Ю.</i> Методологические аспекты метатеоретической интерпретации истории философии.....	19
<i>Просветов С.Ю.</i> Эмпирические методы историко-философской программы.....	24
<i>Туркулец И.А.</i> О философских аспектах фразеологизмов в русских сказках.....	29
<i>Сафонов А.Л.</i> Осевое время-2: возвращение к истокам или погружение во тьму?.....	34
<i>Туркулец С.Е., Анিকেева Н.С.</i> Гражданское общество и право как условия и цель социальной оптимизации.....	42
<i>Токтоматов О.К.</i> Рациональность как основание фанатизма.....	48
<i>Хао Цзюй.</i> Социальные и политические аспекты тотемных верований древних китайцев.....	52
<i>Бардуева Т.Ц.</i> Значение феномена бодхичитты в буддийской практике.....	55
<i>Бурханов А.Р.</i> Габриэль Марсель об экзистенциалах человеческого бытия.....	57
<i>Шоломова Т.В.</i> Социалистическая идея, мелкобуржуазная идеология и народный идеал в романе Н.Г. Чернышевского «Что делать?».....	61

СОЦИОЛОГИЯ

<i>Дагбаева С.Д.-Н.</i> Социальные сети поддержки в адаптационных стратегиях населения Бурятии.....	65
<i>Чукреев П.А., Дэбэева Т.Б.</i> Эффективность мер государственной политики в сфере социальной защиты молодой семьи (на материалах социологического исследования в Республике Бурятия).....	68
<i>Уханаева Л.И.</i> Система социально-экономической поддержки семей с детьми в современных условиях (на примере Республики Бурятия).....	73
<i>Гунтыпова Э.С.</i> Социальная инфраструктура села Республики Бурятия в оценках сельских жителей (по материалам социологического исследования).....	77
<i>Иванова Л.И., Раднаева Е.А.</i> Динамика профессионально-квалификационной структуры сельской интеллигенции Республики Бурятия.....	80
<i>Шедоев А.И.</i> Аксиологические основания коррупции в модернизирующемся обществе.....	84
<i>Махиянова А.В.</i> Интернациональный кризис в процессе социализации: понятие и эмпирическое обоснование.....	88
<i>Ильиных С.А.</i> Феномен «нового мужчины» или снова о гендере.....	93
<i>Баирова Т.Б.</i> Изменение личностных особенностей сотрудников на разных этапах профессиональной деятельности.....	97
<i>Цэдэн Иишийн Батбаяр.</i> Информационное общество и его реальное состояние в современной Монголии... ..	102
<i>Баев П.А.</i> Дискурсивная трансформация религиозных отношений российского социума (1984-2008).....	106

ПОЛИТОЛОГИЯ

<i>Очирова В.М.</i> Динамика развития экономики России в оценках региональных политических элит.....	114
<i>Будаев Б.С.</i> Трансграничный кризис идентичности: о перспективах «возвращения» России в Монголию... ..	120
<i>Осинский П.И., Элоранта Я.</i> Социально-политическая динамика революционных процессов в России и Финляндии.....	127
<i>Бадмацзыренов Т.Б.</i> Сангха и политика: политические аспекты функционирования буддийского духовенства Монголии и Бурятии.....	137
<i>Зандеева С.К.</i> Роль средств массовой информации в процессе этнополитических конфликтов.....	143

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

<i>Цыбиков Т.Г.</i> Методологические подходы к исследованию культурной политики на современном этапе.....	146
<i>Балданмаксарова Е.Е.</i> Бурятская литература рубежа веков в контексте культурного пространства Востока и Запада.....	150
<i>Галсанова О.Э.</i> Некоторые архетипические образы в традиционной культуре бурят.....	154
<i>Суворова А.С.</i> Формы погребения бурят.....	160
<i>Пансалова Б.Н.</i> Тибетский вопрос в культуре китайско-индийских отношений. Метод «отложенного спора».....	164
<i>Ринчинова Б.П.-Д.</i> Русская православная церковь в Монголии: основные вехи.....	166
<i>Ануфриева А.В.</i> Проявление коллажного мышления в изобразительном искусстве: от модернизма к постмодернизму... ..	169
<i>Михайленко А.В.</i> Ландшафтная архитектура в организации транспортных потоков города.....	175

ИНФОРМАЦИЯ, СОБЫТИЯ, ЛЮДИ

<i>Осинский И.И.</i> Идентификация интеллигенции.....	179
---	-----

CONTENTS

PHILOSOPHY

<i>Urbanaeva I.S.</i> What is philosophy in the context of the problem of reality and mind: introduction into the comparative analyses of Buddhism and Western philosophy.....	3
<i>Yangutov L.E.</i> The written Buddhist texts in religious philosophical tradition of China and Tibet.....	12
<i>Bankerova E.I.</i> The economic relations sphere as a possible demonstration of the historical memory.....	15
<i>Prosvetov S.Yu.</i> The metatheoretical interpretation methodology of history of philosophy.....	19
<i>Prosvetov S.Yu.</i> The empirical methods of the historical and philosophical programme.....	24
<i>Turkulets I.A.</i> On the philosophical issues of the phraseologisms in Russian tales.....	29
<i>Safonov A.L.</i> Axial age-2: return to origins or dive to the darkness?.....	34
<i>Turkulets S.E., Anikeeva N.S.</i> Civil society and law as the conditions and the goal of social optimization.....	42
<i>Toktomatov O.K.</i> Rationality as the base of fanaticism.....	48
<i>Hao Tszuyu.</i> The social and political aspects of totemic beliefs of the ancient Chinese.....	52
<i>Bardueva T.Ts.</i> Bodhichitta's phenomenon significance in the Buddhist practice.....	55
<i>Burkhanov A.R.</i> Gabriel Marcel's ideas on existentials of human being.....	57
<i>Sholomova T.V.</i> The socialistic idea, petit-bourgeoisie ideology and popular ideal in N.G. Chernyshevsky's novel «What is to be Done?».....	61

SOCIOLOGY

<i>Dagbaeva S. D-N.</i> Social networks in the adaptation strategies of the Buryat population.....	65
<i>Chykreev P.A., Debeeva T.B.</i> The efficiency of the public policy measures in young family's social protection (on the materials of sociological research in the Buryat Republic).....	68
<i>Ukhanaeva L.I.</i> The system of social and economic support for families with children in modern conditions (on example of the Republic of Buryatia).....	73
<i>Guntypova E.S.</i> Social infrastructure of the village of the Republic of Buryatia in the evaluation of the rural population (on the materials of a sociological research).....	77
<i>Ivanova L.I., Radnaeva E.A.</i> The dynamics of the professionally qualified structure of the rural intelligentsia.....	80
<i>Shedoev A.I.</i> Axiological foundation of corruption in a modernizing society.....	84
<i>Makhiyanova A.V.</i> Internalization crisis in the socialization process: conception and empirical explanation.....	88
<i>Il'inyh S.A.</i> The phenomenon of the «new man» or again about gender.....	93
<i>Bairova T.B.</i> The changes of the employees' personal characteristics at different stages of their professional activity.....	97
<i>Tseden-Ishiin Batbayar.</i> Information society and its current position in the modern Mongolia.....	102
<i>Bayev P.A.</i> The discursive transformation of the religious relations in the Russian society (1984-2008).....	106

POLITICAL SCIENCE

<i>Ochirova V.M.</i> The dynamics of the Russian economic development in the regional political elite evaluations.....	114
<i>Budaev B.S.</i> Transborder identity crisis: the prospects of a «return» of Russia to Mongolia.....	120
<i>Osinskiy P.I., Eloranta J.</i> The sociopolitical dynamics of the revolutionary processes in Russia and Finland.....	127
<i>Badmatsyrenov T.B.</i> The Sangha and the politics: political aspects of the functioning of the Buddhist clergy in Buryatia and Mongolia.....	137
<i>Zandeeva S.K.</i> The role of mass media in the process of ethno-political conflicts.....	143

CULTURAL STUDIES

<i>Tsybikov T.G.</i> Methodological approaches to the study of the cultural policy in the modern period.....	146
<i>Baldanmaksarova E.E.</i> Buryat literature at the turn of the century in the context of cultural space of the East and West....	150
<i>Galsanova O.E.</i> Some archetypical images in the traditional culture of the Buryat people.....	154
<i>Suvorova A.S.</i> The Buryats' forms of burial.....	160
<i>Pansalova B.N.</i> The Tibetan issue in cultural of the Chinese-Indian relations. The method of «the postponed dispute».....	164
<i>Rinchinova B.P.-D.</i> The Russian orthodox church in Mongolia: main marks.....	166
<i>Anufrieva A.V.</i> The manifestation of collage thinking in the fine arts: from the modernism to the postmodernism....	169
<i>Mikhaylenko A.V.</i> Landscape architecture in traffic stream arrangement.....	175

INFORMATION, EVENTS, PEOPLE

<i>Osynskiy I.I., Dobrynina M.I.</i> Identification of intelligentsia.....	179
--	-----

ВЕСТНИК БУРЯТСКОГО ГОСУНИВЕРСИТЕТА

Вестник БГУ включен в подписной каталог Роспечати за № 18534 и Перечень изданий Российской Федерации, где должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученых степеней доктора и кандидата наук.

На основании постановления заседания Ученого совета БГУ за № 10 от 28 мая 2009 г. в «Вестнике БГУ» в 2012 г. публикуются статьи по следующим направлениям:

1. Педагогика (январь)

гл. ред. Дагбаева Нина Жамсуевна – тел. 21-04-11; 44-23-95

эл. адрес: vestnik_pedagog@bsu.ru

2. Экономика. Право (февраль)

гл. ред. Бадмаева Мария Валентиновна – тел. 21-37-44

эл. адрес: vestnik_econom@bsu.ru

3. Химия, физика (март)

гл. ред. Хахинов Вячеслав Викторович – тел. 43-42-58

эл. адрес: khakhinov@mail.ru

4. Биология, география (март)

гл. ред. Доржиев Цыдып Заятуевич – тел. 21-03-48

эл. адрес: vestnik_biology@bsu.ru

5. Психология, социальная работа (апрель)

гл. ред. Базарова Татьяна Содномовна – тел. 21-26-49

эл. адрес: decspf@mail.ru

6. Философия, социология, политология, культурология (апрель)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62

эл. адрес: intellige2007@rambler.ru

7. История (май)

гл. ред. Митупов Константин Батомункич – тел. 21-64-47

эл. адрес: vestnik_history@bsu.ru

8. Востоковедение (май)

гл. ред. Бураев Дмитрий Игнатьевич – тел. 44-25-22

эл. адрес: gailia@mail.ru

9. Математика, информатика (июнь)

гл. ред. Булдаев Александр Сергеевич – тел. 21-97-57

эл. адрес: vestnik_matem@bsu.ru

10. Филология (сентябрь)

гл. ред. Имixelова Светлана Степановна – тел. 21-05-91

эл. адрес: vestnik_phylolog@bsu.ru

11. Романо-германская филология (сентябрь)

гл. ред. Ковалева Лариса Петровна – тел. 21-17-98

эл. адрес: klp@bsu.ru, khida@mail.ru

12. Медицина, фармация (октябрь)

гл. ред. Хитрихеев Владимир Евгеньевич – тел. 44-82-55

эл. адрес: vestnik_medicine@bsu.ru

13. Физкультура и спорт (октябрь)

гл. ред. Гаськов Алексей Владимирович – тел. 21-69-89

эл. адрес: gaskov@bsu.ru

14. Философия, социология, политология, культурология (ноябрь)

гл. ред. Осинский Иван Иосифович – тел. 21-05-62

эл. адрес: intellige2007@rambler.ru

15. Теория и методика обучения (декабрь)

гл. ред. Очиров Михаил Надмитович – тел. 21-97-57

эл. адрес: vestnik_method@bsu.ru